МОСКОВСКАЯ РЕЧЬ

С.И.КОТКОВ

С. И. КОТКОВ

МОСКОВСКАЯ РЕЧЬ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

С. И. КОТКОВ

МОСКОВСКАЯ РЕЧЬ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1974

Книга содержит описание фонетики и морфологии московской речи XVII столетия. Выясняется взаимодействие московского говора с наречиями южновеликорусским и северновеликорусским.

К $\frac{70102\text{-}0467}{042\text{-}(02)\text{-}74}$ 321-74

Светлой памяти моих родных,
оставивших безымянный след
в великом трудовом и ратном
подвиге России.

ВВЕДЕНИЕ

ОСВЕЩЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ВОПРОСОВ ИСТОРИИ ГОВОРА МОСКВЫ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Формирование говора Москвы — одна из актуальных проблем истории русского языка. Большое внимание этой проблеме уделил А. А. Шахматов. Сложившийся в средневеликорусской полосе московский говор, по мнению Шахматова, отличает северновеликорусский консонантизм и южновеликорусский вокализм. Однако последний, в его представлении, выступает в московском говоре, не обнаруживая достаточно определенно своих южновеликорусских качеств: «. . . вокализм московский существеннейшею своею особенностью (весьма умеренным аканьем) не так резко отделяется от говоров северно-русских. . .» [1] К такому суждению о московском говоре, вернее, о его фонетике, автор цитируемого высказывания пришел не сразу, а после известных колебаний. В. В. Виноградов пишет по этому поводу следующее:

«Первоначально А. А. Шахматов считал народную основу московского говора южновеликорусской, или юго-восточной [2].

Переоценка роли северновеликорусских и южновеликорусских элементов в процессе образования средневеликорусских говоров и языка города Москвы произошла у Шахматова позднее, отчасти под влиянием диалектологических исследований проф. Е. Ф. Будде. . .

---

[1] А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, ч. I. Пг., 1916, стр. 121.
[2] А. А. Шахматов. К вопросу об образовании русских наречий. «Русский филологический вестник», 1894, № 3, стр. 6, 9—11.

Под влиянием новых диалектных данных взгляды А. А. Шахматова на роль и соотношение северновеликорусского и южновеликорусского наречия в процессе формирования средневеликорусских говоров изменялись.

Первоначальные границы северновеликорусского наречия все более отодвигались к югу. . .»[3]

Между прочим, отнесение указанных границ к югу А. А. Шахматов связывал и с тем, что в результате татаро-монгольского нашествия старое русское степное население переместилось к северу и северо-востоку. Основанием для «подключения» носителей этих говоров к северновеликорусскому этническому массиву служило предполагаемое перемещение в оставленную ими степную область восточнославянского населения, вытесненного с юга и с юго-запада. Поскольку именно с ним связывалось формирование южновеликорусских говоров, предшественники этого населения в русской степной области естественным образом выпадали из южновеликорусского массива. Все это усиливало представление о преимущественной роли в судьбах средневеликорусских говоров, тем самым и говора Москвы, северновеликорусского начала, хотя передвижения восточных славян, и племенные и более поздние — в феодальную эпоху, А. А. Шахматов не разграничивал и далеко не все они имели то или иное отношение к формированию говора Москвы.

Выделение последнего из общей массы средневеликорусских говоров производилось на том основании, что «московское наречие. . . принадлежит к числу смешанных говоров, так как соединило и вместе с тем сгладило ряд звуковых особенностей среднерусских и севернорусских говоров»[4]. В этой характеристике московского говора его отношение к южновеликорусской стихии рисуется как весьма отдаленное и крайне опосредствованное.

Признавая в качестве генетической основы московского говора северновеликорусскую, А. А. Шахматов исходит из того, что московская культурная жизнь была преемственно связана с северновеликорусскими цент-

---

[3] В. В. Виноградов. История русского литературного языка в изображении акад. А. А. Шахматова. «Filološki pregled», 1964, 3—4, стр. 82.

[4] А. А. Шахматов. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. СПб., 1899, стр. 43.

рами — Владимиром, Ростовом, Суздалем, Переяславлем. А так как в Москву из этих центров переместилось прежде всего боярство, духовенство, дьяки и другие власти, явилось предположение, что в Москве XIV—XV вв. «высшие классы употребляли, как кажется, северно-русское наречие. . . Между тем чернь в значительнейшей части была восточнорусская» [5]. Присутствие в Москве упомянутой черни, по мнению А. А. Шахматова, объясняется меньшей устойчивостью, меньшей оседлостью восточнорусов в сравнении с севернорусами [6]. Как видим, и здесь сказалось влияние теории запустения области южновеликорусского населения в результате татаро-монгольского нашествия.

Отмечая, что в XIV в. в Москве еще не сложилось κοινή (одни окали, другие акали), А. А. Шахматов указывает: большинство московских памятников того времени не обнаруживает восточнорусских (южновеликорусских. — *С. К.*) черт [7]. Не пытаясь в данном случае доказывать наличие в говоре Москвы XIV в. восточнорусского, иначе южновеликорусского, элемента, мы все же не можем не заметить: самый характер памятников, на которые ссылается А. А. Шахматов, в значительной мере предопределяет слабое отражение в них не только южновеликорусских, но и некоторых черт северновеликорусского наречия. К тому же идентификация живого говора московского люда и языка, который реализовался в письменности княжеской канцелярии или, скажем, в самом раннем из известных нам московских евангелий, не может быть ни полной, ни достаточно убедительной. В соответствии с точкой зрения А. А. Шахматова на значение «живых» и письменных источников для исследования истории языка, обращение к показаниям вторых лишь дополняет ту картину предполагаемого формирования московской речи, которая ретроспективно была создана научным прозрением исследователя по данным современных говоров с учетом некоторых распространенных тогда общеисторических концепций. При всех колебаниях, через которые прошло развитие взглядов А. А. Шахматова на истори-

---

[5] А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941, стр. 65.
[6] См. там же.
[7] Там же.

ческую природу московского говора, его отношение к «живым» источникам как главным, первостепенным оставалось неизменным и, мы бы сказали, оправданным современным А. А. Шахматову состоянием исследования источников: изучение русских народных говоров далеко опережало в то время изучение близких к народной речи памятников письменности.

Влияние на образование московской речи домосковской письменности, по мнению А. А. Шахматова, осуществлялось через северновеликорусское посредство. «Письменность, возникшая в южнорусской среде, — пишет он, — была в средней и северной России воспринята сначала севернорусами, и только позже — приобщившимися к культуре южновеликорусами» [8].

Южновеликорусское преобразующее воздействие на северновеликорусский говор Москвы А. А. Шахматов и его последователи, например Д. К. Зеленин, связывали с более поздними событиями — с участившимися набегами татар в XV—XVI вв. и перемещением вследствие этого южновеликорусов к северу.

Характеризуя развитие взглядов А. А. Шахматова на становление и распространение средневеликорусских говоров, а вместе с тем и его концепцию образования говора Москвы, В. В. Виноградов пишет: «Вопрос о формировании общего языка города Москвы то ставился в непосредственную и прямую связь с вопросом о начале великорусской народности и об образовании средне-русских говоров, то хронологически и историко-социологически обособлялся от него. Корни и источники этих колебаний А. А. Шахматова очень глубоки. Главной причиной их является стремление установить целостность, органичность и последовательную закономерность великорусского национального объединения (на основе преодоления старинной племенной раздробленности и культурно-исторически обоснованного смешения севернорусских элементов с восточнорусскими)» [9].

---

[8] Рецензия А. А. Шахматова на кн.: Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных. СПб., 1913. «Известия ОРЯС», т. XX, кн. 3, 1915, стр. 338.

[9] В. В. Виноградов. История русского литературного языка в изображении акад. А. А. Шахматова. «Filološki pregled», 1964, 3—4, стр. 84.

В такой широкой постановке, какая свойственна А. А. Шахматову, проблема образования говора Москвы впоследствии не рассматривалась, и это было до некоторой степени правомерно: смелые гипотетические построения необходимо было подкрепить критическим изучением источников. К сожалению, в последующие десятилетия развитие русистики не привело к заметным результатам в этом направлении. Обращаясь к истории говора Москвы, исследователи по-прежнему ограничивались традиционным кругом источников. В условиях отсутствия новых данных, в свете которых она могла бы либо стать вполне достоверной, либо подвергнуться пересмотру, концепция Шахматова продолжала жить и, более того, у отдельных исследователей в известной мере предопределять решение некоторых иных вопросов истории русского языка. Концепция постепенно обрастала уточнениями, но они были скорее терминологическими, нежели уточнениями по существу.

Н. Н. Дурново, вслед за А. А. Шахматовым, видел в основе московского говора северновеликорусское начало. Аканье, писал он, внесено в этот говор южновеликорусским влиянием, московский говор выделился из массы средневеликорусских «благодаря своему господствующему положению, как говор всероссийского политического и культурного центра, он утратил характер переходного говора, т. е. находящегося в стадии перехода от одного наречия к другому, и получил значение κοινή» [10].

Выясняя, на базе какого говора сложился письменный язык Москвы, Б. О. Унбегаун указывает, что Москва находилась в области северных говоров, относящихся к Владимиро-Поволжской группе, и далее отмечает: области, где говорили по-южновеликорусски, в XVI в. играли в русской культуре незначительную роль [11].

При господстве в исторической науке представления о южновеликорусской области XIV—XVI вв. как едва ли не совершенно пустынной в результате набегов степняков, подобное мнение не удивительно. Заметим, однако: имеются основания считать традиционное представление о за-

---

[10] Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. М., 1969, стр. 125.

[11] B. Unbegaun. La langue russe au XVIe- siècle (1500—1550) [I La flexion des noms]. Paris, 1935, стр. 18.

пустении этого степного края в XIV—XVI вв. если не вовсе несостоятельным, то по меньшей мере преувеличенным [12].

Признавая исконный говор Москвы севернорусским окающим, В. Н. Сидоров полагает: «По всей вероятности, на всем протяжении XIV—XVI вв. московский язык, как и в своем начале, продолжал оставаться однодиалектным, севернорусским. Окающие жители Москвы исконно составляли основное население города, которое к тому же, несомненно, постоянно пополнялось окающими поселенцами с севера. Наряду с этим в Москве селились и акающие выходцы из области южнорусского наречия» [13].

Поскольку «нет данных предполагать, что приток в Москву акающего населения с юга был большим, чем окающего с севера», по словам В. Н. Сидорова, происходило следующее: «Численный перевес (и, надо думать, весьма большой) окающего московского населения над жителями-акальщиками приводил к тому, что акающие новоселы, поселяясь в Москве, довольно быстро утрачивали свой говор и растворялись в общей массе окающего населения города. Ассимилироваться по языку могло уже первое поколение новоселов. Но если они даже и сохраняли свою родную речь, то следующее поколение — их дети — обязательно переходили на окающий язык своих сверстников природных москвичей. Таким образом, хотя московское население в течение XIV—XVI вв. все время пополнялось выходцами с юга из акающих земель, число акальщиков в Москве в общем мало менялось» [14].

Как можно видеть, и поныне история говора Москвы не только раннего периода, но и более поздней эпохи не выходит из области предположений. Хотя сохранившаяся московская письменность и ведет начало с XIV в., история этого говора и в наше время представляется в значительной мере гадательной. Отставание в исследовании данной проблемы объясняется разными причинами. Одна из них, довольно существенная — ограничение исследуемого круга источников относительно немногими общеиз-

[12] С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). М., 1963, стр. 6—14.
[13] В. Н. Сидоров. Из русской исторической фонетики. М., 1969, стр. 65—66.
[14] В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 66.

вестными текстами и, вместе с тем, в отдельных случаях некритическое использование их показаний, в свою очередь обусловленное формальным подходом к источникам, недостаточностью их анализа.

Обратимся к таким ранним источникам, как евангелия 1339, 1358 и 1393 гг. Являя собой канонические тексты, переписывавшиеся обыкновенно тщательно, евангелия, естественно, не могут дать более или менее обширных сведений о московском говоре той поры. Но если тексты подобного рода воспроизводились тщательно, то тем значительнее их показания в тех немногих случаях, когда несмотря на все внимание и сосредоточенность писца, воздействие родной, московской речи сбивало его со стези освященной традицией орфографии, например, в сторону аканья. Одинокие проявления аканья в названных евангелиях еще не свидетельствуют о столь же редких проявлениях его в московском говоре соответствующего времени. В нем их было гораздо больше. К сожалению, и крайне редкие в древних евангельских текстах отражения локальной фонетики иногда недостаточно обоснованно относят к разряду фактов, лишенных лингвистического значения, обусловленных так называемой графической ассимиляцией. Например, в написании *прадающимъ* (ев. 1393 г.) появление *а* в первом слоге объясняют именно таким образом — ассимиляцией с *а* последующего слога [15]. Подобную ассимиляцию допускают и в *ака* вместо *ако*: ака на нбси (ев. 1358 г.), хотя одновременно говорится, что *ака* с *а* вместо *о* можно признать фонетическим написанием «с наибольшей вероятностью» [16]. В описании того же евангелия встречаем и такое суждение: «Написания с *а* в книжных глагольных основах многократного вида объясняются морфологически и н и в к о е й м е р е (разрядка наша. — *С. К.*) не указывают на наличие аканья» — речь идет о написаниях *оукарѧти*, *съвпрашати*, *напакше*, *ражаѥтсѧ*, *оутапаху в мори* и др.[17] Фонетическое значение этих случаев категорически исклю-

[15] См., например: А. М. С е л и щ е в. Избранные труды. М., 1968, стр. 203.

[16] О. А. К н я з е в с к а я. К истории русского языка в Северо-Восточной Руси в середине XIV в. (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Московского евангелия 1358 г.). «Труды Ин-та языкознания», т. VIII. М., 1957, стр. 162.

[17] О. А. К н я з е в с к а я. Указ. соч., стр. 162.

чается даже при наличии в той же рукописи и соответственных вариантов с *о* вроде *оукорѧти*. Заметим, кстати: в определенной части русских народных говоров можно найти и фонетическое обоснование вариантов с буквой *а*. В этих говорах *а* вместо *о* в предударном положении возможно только при гласном *а* в слоге под ударением. В современной науке такое состояние считают ранним этапом перехода от системы оканья к системе аканья. Аналогичное состояние, можно думать, имело место и в прошлом в истории ряда говоров.

Касаясь фонетической достоверности тех или иных написаний, следовало бы принимать во внимание не только самый характер текста (в данном случае канонический), чем в значительной степени определялось особое отношение к нему писцов, но, кроме того, и специфику его рукописного воспроизведения. При списывании с оригинала, исполненного уставом, происходило побуквенное воспроизведение текста. Во всяком случае уставное, несвязное письмо оригинала, к тому же несколько «рисованное» и без деления на слова, ориентировало именно на это. Графическая ассимиляция возможна скорее при копировании связного письма — текста, исполненного скорописью, в условиях несколько большего, в сравнении с уставным письмом, графического автоматизма.

Лингвистическое исследование древнего текста имеет непременной предпосылкой и знание характера его орфографии. Поскольку в обычном русском письме редукция безударных гласных выявляется лишь вопреки орфографии, тогда как существование оканья за орфографическим «фасадом» признается априори, противопоставление а к а н ь е — о к а н ь е при исследовании памятников русской письменности считаем несостоятельным и находим реальным иное: с одной стороны, а к а н ь е, с другой — о т с у т с т в и е а к а н ь я. В самом деле: старинное аканье документируют отклонения от орфографии, а оканье просто предполагается вследствие вольного отождествления фактов безударного вокализма с определенными правописными.

Связанные в общем с той же эпохой, что и упомянутые канонические тексты, грамоты великих московских князей представляют московский говор не только редкими «обмолвками» фонетического характера, как источники канонические, но дают известное представление, впрочем

не бесспорное, о ряде его фонетических особенностей, а также лексическом составе, морфологии и синтаксисе. Однако думать, что московский говор получает отражение в данных текстах во всем своем составе, было бы опрометчиво; несомненно присутствие в этих грамотах заметной доли таких элементов, которые вряд ли были свойственны живой московской речи. Например, в духовных сказывается налет церковно-книжной фразеологии [18], а в договорных явственно отложилась специальная, дипломатическая фразеология и терминология. К тому же обыкновенно не указывается, кем грамота написана, что всегда вызывает сомнение в ее безусловно московском «качестве», а наиболее ранняя грамота (1339 г.) — духовная Ивана Калиты — писалась дьяком Костромой, возможно, если судить по прозвищу, и не москвичом. Принимая во внимание, что великокняжеские писцы были в достаточной степени опытными (и самый слог и правописание грамот не оставляют в этом сомнения), едва ли возможно ожидать в писанных ими грамотах более или менее значительных не согласных с орфографией проявлений местного говора.

Не случайно, скажем, недоверие к фактам, в которых можно усматривать аканье, распространяется и на грамоты. Например, колебание в огласовке упоминаемой в грамотах деревни *Брошевая* — *Брашевая* считают, возможно и справедливо, ненадежным свидетельством аканья (слово относят к числу «неясных по своему звуковому виду» [19]), но в то же время, видимо, не придают значения тому, что самое раннее название деревни написано с буквой *о*, а в более поздних написаниях вместо *о* выступает *а*. Не служит ли это все-таки, хотя и довольно слабою, приметой распространения тогда в московской округе аканья? Вместе с тем, напротив, в топониме *Растовець* не обязательно видеть проявление аканья: в древнерусском языке имеем *ростъ* и *растъ* с одной и той же семантикой (Срезн. Матер. IV, 92, 172).

При оценке заключенных в грамотах фактов с точки зрения отнесенности их к говору Москвы, понятно, при-

---

[18] О. В. Горшкова. Язык московских грамот XIV—XV веков (Лексика и фразеология). Автореф. канд. дисс. М., 1951, стр. 5.

[19] А. М. Селищев. Избранные труды, стр. 203.

ходится учитывать, в подлиннике или в списке представлена та или иная грамота.

Возьмем список докончания великого князя Василия Дмитриевича с рязанским князем (1402 г.). В первой половине грамоты сочетания *кы* не встречаем, наблюдаем только *ки*: *рѧзанским*, *киевьског(о)*, *великии*, *московских и коломенских*, *торусские*, *рѧзанские;* во второй половине преобладает *кы*: наряду с написаниями *с новосилским*, *татарьскиѩ*, *моръдовскиѩ*, *великим*, *кр(е)стьѩнские*, *великих* находим и *с торȣскыми*, *великы* (6 раз), *великых* [20]. Отмеченное в подлиннике подобное явление могло бы получить такое истолкование: в говоре писца противоборствовали *кы* и *ки*, при этом первое было связано с не вполне утраченным старым произношением, а второе — с необходимостью равнения на новое, получившее признание и в письменной речи; сначала, пока не рассеивалось внимание, писец сосредоточенно следовал этой новой норме, а затем, при ослаблении внимания, стал, естественно, сбиваться на еще непреодоленную и для него привычную. Отмеченное в списке аналогичное явление допускает и иное истолкование: в составлении оригинала грамоты принимали участие два писца, либо не одинаково внимательные, либо носители разных говоров, если видеть в написании *кы* отражение произношения, а не лишенную устного основания письменную традицию.

Расхождения в интерпретации некоторых данных, заключенных в оригиналах или списках, возможны и в области морфологии. В области лексики показания списков, в сравнении с данными оригиналов, можно, по-видимому, считать не менее надежными, если, впрочем, исключить невольные искажения текста со стороны переписчика. Надежность в этих случаях объясняется не только тем, что замена слов оригинала в составе списка иными по условиям копирования маловероятна, но и самым характером грамот — строго юридическим. Понятно, речь идет о списках, в которых содержание подлинника не подверглось фальсификации.

Если сравнение списанных в разных зонах русского языка церковно-канонических текстов не дает достаточно

---

[20] «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950, стр. 52—55.

заметных сведений о региональной дифференциации словаря, сравнение в аналогичном плане грамот дает известное представление о характерных для московского говора отдельных лексических элементах. Однако обоснованное выявление последних возможно только при том условии, если сравниваются грамоты или их отдельные части, сходные по содержанию. Несоблюдение этого условия приводит к ошибочным заключениям. Вот один из примеров. К словам, появившимся первоначально именно в языке московских грамот и позднее (с конца XV—начала XVI в). употреблявшимся в памятниках немосковского происхождения, О. В. Горшкова причисляет слово *деревня*. Делается это в результате сравнения московских и не сходных с ними по содержанию новгородских грамот [21]. Между тем в берестяной грамоте № 311, датируемой рубежом XIV—XV вв., называют *деревенеку* Климецу Опарину [22].

Истории формирования говора Москвы уделил известное внимание П. С. Кузнецов. Поскольку этот говор, в представлении исследователя, принадлежал к группе таких переходных, которые выделились из говоров Ростово-Суздальской земли, отдельных моментов его истории он попутно касается в статье, посвященной некоторым фонетическим явлениям, получившим отражение на страницах так называемого Переяславского евангелия 1354 г.[23] Последнее, по мнению А. И. Соболевского, было написано в Переяславле-Залесском с новгородского оригинала.

Оставляя в стороне особенности памятника, которые, с его точки зрения, нельзя интерпретировать фонетически, П. С. Кузнецов рассматривает отложившиеся в нем явления фонетики, сопоставляя свидетельства евангелия с показаниями современных говоров и других памятников письменности, иногда распространяя результаты исследования и на московский говор. Возражая А. И. Соболевскому и А. А. Шахматову, которые считали говор писца данного евангелия акающим, П. С. Кузнецов отводит

---

[21] О. В. Горшкова. Указ. соч., стр. 14.

[22] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, стр. 144.

[23] П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров. «Доклады и сообщения Ин-та русского языка», вып. 2. М., 1948.

из категории достоверных буквально все проявления аканья, отмеченные в этой рукописи. Вызывает критические замечания следующее: привлекая показания памятника, списанного с новгородского оригинала, для характеристики переяславского и, в какой-то мере, московского говора, Кузнецов, однако, подвергает сомнению показания для московского говора тех московских евангелий, которые «могли быть списаны с оригиналов, писанных в другой языковой области». На этом основании он решительно отклоняет какое бы то ни было значение для характеристики говора Москвы проявлений аканья в подобных текстах, хотя и заявляет вместе с тем, что «из московских памятников XIV в. несомненные признаки аканья представляют лишь евангелия» [24].

Что касается Переяславской рукописи, то в ней безусловных признаков аканья исследователь не обнаруживает.

Формально графической ассимиляцией объясняется, например, написание *весꙗлꙗсꙗ* (вм. *веселꙗсꙗ*). Заметим: предположение о графической ассимиляции явилось бы сколько-нибудь основательным по меньшей мере при наличии проявлений этой последней и вне сферы безударного вокализма. Между тем фактов подобного рода вне сферы безударного вокализма исследователь не указывает. В написании *всажанъ* (вм. *всаженъ*) подозревается описка (замена гласной под влиянием гласной предшествующего слога, или, иными словами, та же графическая ассимиляция), либо влияние причастных образований на *-анъ*. Но описка, которая помимо графического допускает и фонетическое, и морфологическое объяснение, это, собственно говоря, уже не описка. Кстати, здесь и морфологическая аналогия могла быть провоцирована фонетической предпосылкой — известной близостью огласовок аффиксов, передаваемых на письме в виде *-енъ* и *-анъ*. Написание *жалаше*, по Кузнецову, недоказательно вследствие того, что *жалать* (вм. *желать*) не чуждо и некоторым окающим говорам и, кроме того, *жалати* встречается в древнерусских памятниках, не знающих проявлений аканья. Ссылку на современные диалектные факты трудно признать убедительной, пока не установлено, что огласовка слов в подобных случаях генетически

[24] П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 147.

северновеликорусская. А *жалати* в древнерусских текстах могло оказаться и уединенным проявлением аканья [25].

Отвергаются, далее, как свидетельства аканья и написания *и* на месте *е* в безударных положениях. При этом вновь приводятся примеры произношения *и* вм. *е* в безударных положениях в области северновеликорусского наречия и аналогичные явления в древнерусских памятниках, относительно которых утвердилось мнение, что им незнакомо аканье. И в этих случаях сопоставление с современными и историческими фактами, заведомо не характерными для Севера, не может быть убедительным, потому что нет прямых указаний на органическую принадлежность их носителям северновеликорусских говоров. Во всех подобных ситуациях привлекаемые для сравнения факты приобретают значение аргументов только при одном условии — при бесспорной отнесенности их к коренным носителям данных говоров. Вызывает некоторые сомнения и толкование отдельных фактов появления *и* на месте *е*. Так, *дондеже* у русского писца нередко превращается в *дондиже*. «. . . это слово, — полагает П. С. Кузнецов, — вряд ли было употребительно в разговорном языке, а потому колебание в нем непоказательно» [26]; наоборот, как несвойственное разговорной речи и лишенное для русских внутренней формы, это слово особенно легко при ослаблении внимания при списывании передавалось с колебанием в заударной огласовке. Никак не объясняемое *принесити* (2 л. мн. ч. пов. накл.) сопровождается оговоркой «если это не описка» [27]. Появление *и* вместо *е* в безударной приставке *пре-* (*прикратѧтсѧ*) и, напротив, *е* вместо *и* в приставке *при-* (*преведоша*) объясняется «морфологически», тогда как не менее вероятно и объяснение фонетическое. Не высказывается суждения о написании *свѣдительствуіть* при обычном *свѣдетельствуѥть* [28].

Отвергая без достаточных оснований возможность проявления аканья в переяславском говоре XIV в. и полагая, что северные районы старой вятичской земли (к которым

---

[25] П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 143—145.
[26] Там же, стр. 145.
[27] Там же, стр. 146.
[28] См. там же.

относилось и Московское княжество) в XIII в. «несомненно теснее были связаны с Ростово-Суздальской зем лей», П. С. Кузнецов приходит к выводу: «И в языковом отношении Москва в XIII—XIV вв. вряд ли отличалась заметно от Ростова и Суздаля» [29]. Отождествление судьбы московского говора с судьбою ростово-суздальских говоров определялось известным положением: Москва — культурно-историческая преемница Ростово-Суздальской Руси. Однако и в ту эпоху лингвистическое развитие Москвы не ограничивалось только продолжением ростово-суздальской традиции. Политическое и экономическое главенство Москвы, ее централизующее воздействие уже и в XIV столетии обусловливали приток в нее извне носителей и северно- и южновеликорусских говоров.

В заключение П. С. Кузнецов, вопреки собственному мнению об известной близости судьбы московского и ростово-суздальских говоров, решительно утверждает, что ни о каком московском влиянии в Переяславском евангелии, которое признается им ростово-суздальским памятником, но списанным с новгородского оригинала, говорить не приходится [30].

Иногда характерными для говора Москвы признают некоторые лингвистические факты, отложившиеся в списках Домостроя, хотя принадлежность этих списков к московской речевой культуре далеко не установлена. Следствием этого и слабой изученности средневековой русской письменности является невольное «прикрепление» прежде всего именно в Москве ряда таких лингвистических фактов, которые исторически свойственны и многим немосковским говорам.

С. Д. Никифоров, исходя из фонетических наблюдений над Коншинским списком Домостроя, писал, например, следующее: «Изложенные выше факты дают основание думать, что писец Коншинской рукописи принадлежал к представителям среднерусского говора, складывавшегося в результате влияния на Владимирско-Поволжский говор акающего, по-видимому, Рязанского говора. Сходную фонетическую систему можно найти в говорах подмосковных районов, описанных в начале

---

[29] П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 148—149.
[30] Там же, стр. 158.

XX в. В. И. Чернышевым»[31]. Далее указывается аканье, яканье перед твердым ударным слогом и иногда в конечном заударном слоге, чаще же в безударных слогах еканье или иканье; указывается произношение *чн* как *шн*, диссимиляция вроде *хто*, *што*, твердость конечных губных согласных (*кров*, *сем*) при наличии и мягкости (*кровь*, *семь*), твердое произношение суффиксального *н* в именах прилагательных (*малолетнай*, *позная* и др.), произношение мягкого *р* в случаях *черьви*, *перьвая* и под., протетическое *в* (*вострая*, *воспа*), утрата безударного *и* в повелительном наклонении (*паложь*, *прагонь*)[32]. Совокупность явлений подобного рода, и по современным данным и по данным, скажем, XVII в., известна не только подмосковным, но и многим прочим русским говорам. По этим признакам Коншинский список может быть и не московского, а иного происхождения.

Характеризуемые как типично северновеликорусские, отдельные данные Домостроя в свете некоторых новых сведений из других письменных источников оказываются и южновеликорусскими. Таковы, например, названия *тын*, *горница*, *подклет* и *сенница*, на основании которых, в числе иных, Никифоров относит прототип Домостроя к северновеликорусской области[33] и, поскольку он связывает Домострой с Москвой, в какой-то степени признает основание говора Москвы в XVI столетии северновеликорусским. Ср., однако, аналогичные факты в заведомо южновеликорусских памятниках XVII и начала XVIII в.: двор огорожен *тыном*; *горница* с комнатаю; клеть с *подклетом* сасновая; у меня ж згорѣло клѣть с хлѣбомъ да *сенница*[34].

Определенно написанные в Москве Судебники XV и XVI вв., Стоглав, Тысячная книга 1550 г., Дворовая тетрадь пятидесятых годов XVI в. и некоторые иные московские тексты того же времени сохранились только

---

[31] С. Д. Никифоров. Из наблюдений над языком Домостроя по Коншинскому списку. «Ученые записки Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. XLII, 1947, стр. 29.

[32] С. Д. Никифоров. Указ. соч., стр. 29.

[33] См. там же, стр. 26. — Название *сенница* при этом попадает в северновеликорусские по ассоциации со словом *сенник* в выражении *сенник на хлевах* (Купчая Кирилловского монастыря 1578 г.).

[34] С. И. Котков. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, стр. 74, 140, 144 и др.

в списках, да и с точки зрения содержания они далеко не таковы, чтобы давали явственное отражение обыденной речи москвичей XVI столетия. Понятно поэтому стремление исследователей привлечь к изучению подмосковные тексты, которые, в их представлении, применительно к данному времени могли бы в какой-то степени знаменовать московскую речь или по меньшей мере дать о ней хотя бы косвенные сведения. При этом особое внимание проявляется к обширному фонду деловой письменности (в значительной части XVI в.) Иосифо-Волоколамского монастыря. Критическое сопоставление этих материалов и собственно московских помогает воссоздать общую картину состояния средневеликорусских говоров в упомянутую эпоху и высказать некоторые соображения об их взаимодействии и хронологии отдельных, свойственных им явлений. Например, исследовав волоколамскую письменность соответственного периода, В. В. Иванов высказывает предположение: «Возможно, что XVI в. в истории волоколамских говоров и явился тем периодом, когда акающее произношение укрепилось как черта, общая для всех носителей диалекта» и далее: «. . . можно думать, что акающее произношение, развившееся в волоколамских говорах ранее, чем в Москве, было поддержано московским произношением» [35]. Не касаясь того, насколько основательны или спорны эти предположения, отметим одно существенное обстоятельство: говор Москвы и волоколамский у Иванова разграничиваются. Данных для их отождествления он не обнаруживает.

Другой точки зрения придерживается В. М. Марков. Обращаясь к материалам Расходной книги Волоколамского монастыря (1547—1561), В. М. Марков усматривает в них данные по истории московского говора, причем отправным для него является следующее замечание М. Н. Тихомирова: «Язык рукописи обличает московского человека с его акающим говором. Казначей или писец, вносивший записи в книгу, не отличался особой грамотностью и писал без определенных грамматических правил.

---

[35] В. В. Иванов. Из истории безударного вокализма русского языка (Аканье и сопутствующие ему явления в волоколамских говорах XV—XVIII вв.). «Вопросы истории русского языка». Под ред. П. С. Кузнецова. М., 1959, стр. 40.

Едва ли мы ошибемся, если скажем, что этот памятник поэтому особенно интересен для изучения живого русского языка XVI века»[36]. «Считая это замечание, — пишет В. М. Марков, — вполне справедливым, следует уточнить его лишь в одном отношении, остановившись на вопросе: действительно ли составитель документа может считаться «человеком московским». Способствовать решению этого вопроса можно, как кажется, поставив в один ряд показания нашего источника и показания других московских документов XVI—XVII веков»[37].

Наличие аканья, с одной стороны, в волоколамской Расходной книге и, с другой, в московских памятниках того же времени склоняет В. М. Маркова к мысли: нет оснований возражать М. Н. Тихомирову, который считает казначея или писца москвичом[38]. Близость аканья, представленного в книге, и аканья московского исследователь видит в том, что в положении после мягких согласных его отражения в этой книге подобны отмеченным П. Я. Черных в московском просторечии XVII в.: еканье в предударном и вообще начальных безударных слогах при яканье в заударных[39]. Заметим: сближение по этому признаку волоколамских и московских текстов едва ли убедительно. Аканье в широком смысле слова знакомо многим памятникам XVI—XVII вв., относимым к весьма обширной и немосковской территории, а что касается отражений аканья в положении после мягких, то соответствующая тенденция в общем прослеживается и в южновеликорусской письменности XVI—XVII вв.[40] Словом, аканье, представленное в волоколамской Расходной книге, можно ассоциировать не только с тем, которое наличествует в московских текстах.

То же следует сказать и по поводу отражения в данной книге гласного звука, передаваемого буквой ѣ: преимущественное написание ѣ в соответствии с ударяемым по-

---

[36] В. М. Марков. Язык «Расходной книги» Волоколамского монастыря (Материалы к истории московского говора в XVI веке). Сб. «Памяти В. А. Богородицкого». Казань, 1961, стр. 165.

[37] В. М. Марков. Указ. соч., стр. 165—166.

[38] Там же, стр. 166.

[39] Там же, стр. 170.

[40] С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 63—82.

ложением отличает, помимо московских, и многие другие тексты, в частности южновеликорусские [41].

Особенно спорно признание московскими отдельных представленных в волоколамской книге явлений консонантизма. Имеем в виду прежде всего непереходное смягчение *к* в положении после мягких: *Иванкя*, *Сенкя*, *Панкя*, *Феткю* [42]. Как известно, Д. К. Зеленин полагал: «Москва довольно рано усвоила указанную диалектическую черту» [43]. А. А. Шахматов, напротив, возражая Д. К. Зеленину, писал: «Представляется весьма маловероятным, чтобы Москва имела когда-нибудь в своем говоре мягкое *к*» [44]. В. М. Марков, по его собственным словам, избирает компромиссное решение вопроса: «. . . допущение раннего существования в московском говоре мягкого *к*, поскольку оно, несомненно, было представлено в говорах тех южнорусских областей, которые ранее других объединились с Москвой, в частности в говоре Коломны. Позднее мягкое *к* могло быть устранено точно так же, как были устранены в московском говоре мягкие шипящие, фрикативное *г* и, по-видимому, некоторые другие южнорусские особенности консонантизма» [45]. Нарастание южновеликорусского влияния в московском говоре с XVI в. — факт, насколько нам известно, едва ли не общепризнанный. Устранение из говора Москвы упомянутых южновеликорусских особенностей (разумеется, мягкие шипящие как явление общерусское в их число не входят) при нарастании в московском говоре южновеликорусского влияния кажется гадательным. Правдоподобнее полагать: в эпоху средневековья в Москве таких особенностей не было. Так, материалы XVII в. определенно московского происхождения, в которых ясно проступает стихия народно-разговорной речи, об указанном смягчении *к* не дают ни-

---

[41] С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 36—44.

[42] В. М. Марков. Указ. соч., стр. 181.

[43] Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913, стр. 533.

[44] А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении Д. К. Зеленина «Великорусские говоры. . .» — «Известия ОРЯС», т. XX, кн. 3, 1915, стр. 341.

[45] В. М. Марков. Указ. соч., стр. 180—181.

каких сведений [46]. Написания *Володке* (им. пад.), *Степанкя* в документе 1517 г. и *Наскя* (от *Анастасий*) в отрывке из розыскного дела 1521 г.[47], на которые иногда ссылаются как на московские свидетельства, могли принадлежать писцам родом из южного Подмосковья и к собственно московскому говору едва ли имеют отношение. В самом деле: эти случаи выглядят слишком одинокими на фоне многочисленных написаний в аналогичных положениях твердого *к*, рассеянных в текстах московского происхождения XVI в. Не случайно даже Д. К. Зеленин, допускавший наличие названного *к'* в Москве того времени, о принадлежности московским писцам документов 1517 и 1521 г. говорил лишь предположительно.

Отнесение волоколамской Расходной книги к тому кругу источников, в которых отразился московский говор, пожалуй, не менее сомнительно и в свете других ее показаний. «Наш памятник, — указывает В. М. Марков, — позволяет судить о наличии в отраженном в нем говоре фрикативного *г*, поскольку целый ряд засвидетельствованных в нем написаний может рассматриваться как свидетельство близости артикуляций нужного нам палатального фрикативного звука и *йота*, представленного в различных положениях в слове. С одной стороны, буква *г* опускается, с другой — она пишется там, где присутствует *йот*» [48]. Далее следуют примеры: *Ерман*, *Ерасимовим*, *Ерасимов*, *Ерасимову*, *от Ильгина дни*, *в великой месагѣдъ* [49]. Обращаемся вновь к московской письменности XVII в.: написаний *г* в соответствии с *j* в ней не обнаруживаем, а без *г* имеется только слово *кнеиня* [50]. Между прочим, и следы произношения *j* на месте фонемы γ перед гласным переднего ряда и малограмотные написания вроде *воробги*, *гих*, *гим* (вместо *их*, *им*) отмечались в рязанских местах [51].

---

[46] См.: «Московская деловая и бытовая письменность XVII века». Издание подготовили С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.

[47] Д. К. Зеленин. Указ. соч., стр. 24—26.

[48] В. М. Марков. Указ. соч., стр. 181.

[49] См. там же.

[50] «Московская деловая и бытовая письменность XVII века», стр. 42, 178, 235 и др.

[51] Р. И. Аванесов. О качестве задненебной фрикативной согласной перед гласными переднего ряда в русском языке. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания». II. М., 1952, стр. 38—39.

Заметим: отражения в книге близости *j* и γ В. М. Марков приводит в доказательство существования в волоколамском говоре XVI в. *г* фрикативного образования. Вместе с тем высказывается мнение: «. . . по-видимому, и в XVII веке, и раньше в Москве было немало носителей говоров с интересующим нас звуком (имеется в виду фрикативное *г*. — *С. К.*)» [52]. О том, насколько это верно, мы скажем несколько позднее, а теперь обратимся к моменту палеографического характера. Приведение данных волоколамской книги как примет московского говора вряд ли является оправданным и по той простой причине, что вопреки сообщению М. Н. Тихомирова об одном, московском, составителе книги (казначее или писце), по сведениям также самого М. Н. Тихомирова, можно говорить о ряде писцов: «Вся рукопись, размером в обычную четвертку, написана на 183 листах разными полууставными и скорописными почерками (разрядка наша. — *С. К.*)» [53]. А там, где несколько писцов, да еще, возможно, из монастырской братии, нередко пестрой по происхождению из разных русских областей и, значит, разнодиалектной, трудно быть уверенным в том, что все они были москвичами.

Возвращаясь к вопросу о вероятном наличии фрикативного *г* в московском говоре XVII в., необходимо заметить: опираясь на данные, извлеченные из писем и бумаг Петра Первого, вполне определенно по этому поводу писал В. А. Богородицкий. «Согласный *г*, — утверждал В. А. Богородицкий, — имел спирантное (придувное) произношение и в конце слов сменялся на *х*: *бох. . . денех*» [54]. В применении не к индивидуальной речи (произношению Петра Первого), а к московскому говору в целом заключение это, можно думать, является ошибочным: в московской письменности XVII в. отражения спирантного качества *г* представляются в общем редкими, случайными, заносными [55]. Напомним к тому же: произношение *бох*

---

[52] В. М. Марков. Указ. соч., стр. 181.

[53] Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века. Под ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина. М.—Л., 1948, стр. 11.

[54] В. А. Богородицкий. Диалектологические заметки. IV. Московское наречие двести лет назад. «Уч. зап. Казанского ун-та», год LXIX, кн. 2, февраль. Казань, 1902, стр. 5.

[55] «Московская деловая и бытовая письменность XVII века».

обычно и в северновеликорусской области, где глухим соответствием взрывному *г* выступает согласный *к*.

Значительная группа московских грамот послужила материалом для исследования Л. Л. Васильева «К истории звука *ѣ* в московском говоре в XVI—XVII веках» [56]. Не ограничиваясь обращением к известной публикации «Собрание государственных грамот и договоров», Л. Л. Васильев ознакомился с московскими грамотами непосредственно по рукописям в Публичной библиотеке Петербурга. Грамот XVI—XVII вв., в которых исследователь наблюдал интересующее его явление — сохранение буквы *ѣ* исключительно в слоге под ударением, привлечено было 142. Л. Л. Васильев — едва ли не единственный исследователь, изучавший непосредственно рукописи, а не только печатные воспроизведения этой группы московских текстов [57]. Являясь официальными документами, последние несли на себе печать приказной регламентации и в той или иной степени орфографической традиции, почему и отражали московский говор с известным ограничением. Приказная фразеология этих источников и некоторая часть словарного состава представляются явно не характерными для устной народной речи. И все же для данного фонетического исследования они оказались достаточно надежными, о чем свидетельствуют интересные наблюдения и выводы Л. Л. Васильева. Исследуя замены буквы *ѣ* посредством буквы *е* в положении после *ц* в слоге под ударением, ученый воспользовался и списком Космографии второй половины XVII в., который был, по его словам, «переписан безусловно лицом, говорившим московским говором и вполне владевшим московской орфографией» [58].

---

[56] «Известия ОРЯС», т. X, кн. 2, 1905.

[57] Работа П. Г. Стрелкова «О языке семи древнейших завещаний московских великих князей XIV века» (Сборник общества исторических, философских и социальных наук при Пермском ун-те, вып. II. Пермь, 1927) в этом случае не в счет: изучено только семь текстов и притом лишь по фотографическим и рукописным копиям, с учетом дополнительных примечаний к первым, сделанным руководителем фотосъемки. Не случайно поэтому Стрелков осторожно замечает: «Наличие указанных дополнений к снимкам приближало мою работу, по уверенности того или иного чтения текста, к работе по оригиналу» (стр. 107).

[58] Л. Л. Васильев. Несколько данных для определения звукового качества буквы *ѣ*. «Известия ОРЯС», т. XV, кн. 3, 1910, стр. 191.

Отметим, далее, попытку представить говор московского населения по грамотам князя Никиты Одоевского. Исследуя эти грамоты, П. Я. Черных не располагал их оригиналами, пользовался только изданием [59]. Хотя, по сообщению П. Я. Черных, и неизвестно, написаны ли грамоты Одоевским и, кроме того, «насколько точно воспроизведены особенности орфографии и языка грамот», они трактуются как памятники старомосковского просторечия. При этом предполагается, что «в Москве в середине XVII в. просторечие верхушечных слоев имущих классов ни в чем существенно не отличалось от разговорной (диалогической) речи простого народа» [60]. Возможно, было и так, однако предположение это нуждается в доказательстве. Заметим: общее количество грамот (всего 17) для наблюдений в указанном аспекте представляется нам недостаточным. Недостаток материала в известной мере восполняется примерами из писем царя Алексея Михайловича, боярина Морозова, княгини Урусовой и князей Хованских — представителей тех же верхушечных слоев. Насколько в данной группе текстов отразился говор московских низов, остается только догадываться.

С точки зрения изучения московского говора в свое время, как было уже отмечено, внимание В. А. Богородицкого привлекло издание писем и бумаг Петра Первого. Воспроизведение писем Петра в издании — достаточно близкое к подлинникам, поэтому их свидетельства о живой московской речи надежнее показаний, заключенных в грамотах Одоевского. В заметке «Московское наречие двести лет назад» В. А. Богородицкий указывал на особую ценность собственноручных писем Петра для изучения в этом плане. Стиль писем, по его определению, деловой, краткий и сильный, является «в двух различиях: стиль обыкновенный или повседневный — в письмах приятельских и хозяйственно-распорядительных, и возвышенный — в письмах дипломатических. . . в последней категории писем встречаются в изобилии церковнославянизмы» [61]. В заключение В. А. Богородицкий устанавливает: данные писем Петра сходны с данными, отмеченными

---

[59] Ю. Арсеньев. Ближний боярин князь Н. И. Одоевский и его переписка с Галицкою вотчиною (1650—1684). М., 1903.

[60] П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 80—81.

[61] В. А. Богородицкий. Указ. соч., стр. 8.

в письмах царя Алексея Михайловича [62]. Стилистическая неоднородность петровских писем, вполне понятно, исключает использование некоторых из них для познания говора Москвы не только в лексикологическом отношении, но частью и в грамматическом.

Правомерно К. В. Горшкова, обращаясь к истории московского говора, исследует эти источники, не выходя за грани фонетики и морфологии. Вслед за В. А. Богородицким К. В. Горшкова пользуется их изданием [63]. Исходя из того, что особенности произношения Петра сложились в Москве, в письмах его усматривается отражение московской фонетики. «Живой язык, отразившийся в «Письмах и бумагах Петра Великого», — полагает автор исследования, — является проявлением разговорной речи, характерной для коренного населения города Москвы второй половины XVII в.» [64] Однако в этом случае мы знакомимся с речью, воплощенной в письме представителя верхов, едва ли вполне тождественной говору основного московского населения. Даже если принимать во внимание предполагаемое отсутствие существенных различий между говором основного состава и верхов московского населения, петровские письма все равно не дают некоторых важных сведений о московском говоре той поры и прежде всего о регулярности и широте распространения в нем, а не в индивидуальной речи, определенного круга присущих ему элементов и явлений. Для сопоставления с петровскими материалами К. В. Горшкова привлекает письма царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, сочинения Котошихина о России, отписки боярина Морозова и принадлежащие XVIII в. записки княгини Долгорукой [65].

Московский говор в исследовании К. В. Горшковой характеризуется как смешанный, сочетающий северно ве-

---

62 В. А. Богородицкий. Указ. соч., стр. 8.

63 К. В. Горшкова. Из истории московского говора в конце XVII—начале XVIII века. Язык писем и бумаг Петра Великого. Автореф. канд. дисс. «Вестник МГУ». 1947, № 10. Она же. История безударного вокализма в старомосковском просторечии. «Вопросы истории русского языка». Под ред. П. С. Кузнецова. М., 1959.

64 К. В. Горшкова. История безударного вокализма в старомосковском просторечии, стр. 83.

65 «Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой». СПб., 1913.

ликорусские и южновеликорусские черты. Но если участие в московском говоре этих лингвистических начал характеризуется как смешение, тем самым снимается вопрос о существовании московского койне и проблема его влиятельного воздействия в качестве определенного лингвистического единства на историю русского литературного языка.

Записки княгини Долгорукой явились предметом специального исследования в работе Р. И. Лихтман, посвященной московскому просторечию XVIII в.[66] О речевом складе Долгорукой в работе читаем следующее: «Особенности языка автора, москвички, складывались в Москве (вслед за мужем она едет в Сибирь, в ссылку, где живет десять лет; конец жизни она проводит в Киеве, в монастыре, где и пишет свои «Записки»), мы предполагаем отсутствие влияния на ее язык говоров Сибири или украинского языка. Речь Н. Долгорукой, представительницы московского общества, следует считать образцом московского просторечия первой половины — середины XVIII в.»[67] Нам представляется неправомерным лишь на основании предположения об отсутствии в говоре Долгорукой влияний иноречевых культур считать последний образцом московского просторечия. Вряд ли можно отвлекаться от такого существенного факта, как довольно значительные проявления в записках княгини Долгорукой украинского влияния в области орфографии, о которой упоминается мимоходом в подстрочном примечании: «Особенностью орфографии памятника является употребление во многих словах *и* вместо *ы*, черта, очевидно, чисто графическая, не отражающая каких-либо особенностей произношения» [68]. Признание подобной черты правописной и вместе с тем чисто графической явно противоречиво. При отрицании влияния украинского языка появление в «Записках» Долгорукой многочисленных написаний буквы *и* в соответствии

---

[66] Р. И. Лихтман. Из истории московского просторечия в середине XVIII в. (На материале «Записок Натальи Долгорукой»). Автореф. канд. дисс. Омутнинск, 1953; Она же. К вопросу о вокализме московского просторечия в XVIII веке. «Уч. зап. Дагестанского гос. ун-та». Махачкала, 1960.

[67] Р. И. Лихтман. Из истории московского просторечия в середине XVIII в., стр. 3.

[68] Р. И. Лихтман. К вопросу о вокализме московского просторечия в XVIII веке, стр. 287.

с русским *ы* представляется нам немотивированным: княгиня, по ее словам, писала воспоминания для родственников, а они были русскими; с какой же стати, обращаясь к ним, чисто формально заменять правописную русскую манеру манерой украинской?

Заслуживает внимания и другая орфографическая особенность «Записок» — «почти полный отказ автора от буквы ѣ» [69]. Характерно, что некоторые тексты XVII в. с запада южновеликорусской территории, из мест, сопредельных с украинскими, отличает та же особенность [70].

Не считаем специфически московской или, напротив, украинской особенность, о которой говорится следующее: «. . . ряд сочетаний двух гласных на конце слова в заударном положении не сохраняется. Это — сочетания гласных с интервокальным *j*. Часто вместо них пишется одна буква: сочетание *ии* находим только раз — *церемонии. . .* все остальные многочисленные примеры написаны с одним *и* — *стихи. . .* («стихии»), *о рождени. . . в гварди. . . из галантери. . . всякие приключени*» [71]. Подобные написания в ту эпоху в широкой русской письменности были сравнительно обычны. «Записки» выделяет лишь регулярность этих написаний.

Написания *на*[*у*]*чил* (в ркп. *начил*) или *не*[*у*]*мела* (в ркп. *не мела*) могут свидетельствовать о *в* билабиальном или *у* неслоговом. Не случайными в свете последних фактов представляются пропуски предлога *в* в сходных фонетических условиях: привести на память все то, что случилось мне жизни (вм. *в жизни*) моеи; девеносто верстъ отъ города какъ отъехали, первои (вм. *в первои*) правинциалнои городъ приехали.

Не согласуются с представлением о московской фонетике случаи вроде *цара* Давида, как громъ *гранетъ*, а также: *дла* таво; луга *потоплаитъ* вода, *каласки* были малинки (ср. предшествующее написание: вышли изъ *калясокъ*), с *апрела* по сентябрь.

Любопытен один лексический факт: онъ *ѳундаторъ* всему моему благополучию таперешнему. В украинском—

---

[69] Там же, стр. 290.

[70] С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 47.

[71] Р. И. Лихтман. К вопросу о вокализме московского просторечия в XVIII веке, стр. 302.

фундатор «основатель», усвоенное из латинского (fundator), возможно, через польское посредство.

Напрашивается вывод: записки Долгорукой едва ли могут быть причислены к разряду надежных источников по истории московского говора.

Для В. И. Чернышева источником сведений о московском говоре второй половины XVIII в. послужили «Краткие правила российской грамматики, собранные из разных российских грамматик» А. А. Барсова, напечатанные третьим изданием в 1780 г.

«Положивши в основание своего учебника, — пишет В. И. Чернышев, — грамматику Ломоносова, проф. Барсов не следует рабски своему учителю. Он допускает разные отступления и, что особенно для нас ценно, дает иногда свои примеры. Естественно, что эти примеры он брал из живого московского языка, тем более, что он сам был москвич. При этом в учебнике, назначенном для московских гимназий, примеры, взятые из диалектов, отдаленных от Москвы, были бы совсем не уместны.

Поэтому особенности русского языка, которые мы узнаем из грамматики Барсова, мы считаем особенностями московского наречия того времени» [72].

В представлении автора этого высказывания говор Москвы XVIII в. «не был еще таким очищенным и определенным, как теперь; в него свободнее примешивались отличительные черты северных и южных наречий» [73]. По его словам, грамматика Барсова дает любопытные иллюстрации к мнению ученых, доказавших смешанный характер московского наречия [74]. Относительно этих суждений можно сказать следующее: говор и не полностью «очищенный» мог, однако, все же быть вполне определенным — существование известной вариантности, фономорфологической и иной, имеет различную природу и далеко не всегда указывает на смешанный характер говора, свидетельствует об отсутствии в нем органического единства. Очевидно, так обстояло дело в то время в московском говоре. Иначе трудно объяснить его влиятельное воздействие

---

[72] В. Чернышев. Несколько указаний на московское наречие в конце XVIII века. «Русский филологический вестник». т. LI, 1904, стр. 146.

[73] В. Чернышев. Указ. соч., стр. 151.

[74] См. там же.

уже в ту историческую эпоху на судьбы русского языка, особенно литературного, что, кажется, общепризнанно. По фактам вариантности, привносимым тогда в Москву извне, с юга или с севера, и связанным с речевым обиходом отдельных московских семей, нельзя судить о характере говора коренных московских жителей.

Подведем некоторые итоги. На протяжении семи десятилетий московский говор в его истории неоднократно привлекал внимание исследователей, но и поныне ясных представлений о его конкретном облике в те или иные времена в науке не сложилось. Объяснение этому следует искать не только в общей незавершенности синтетической истории русского языка, но и в недостаточном исследовании соответствующих источников. Последнее обусловлено и незнанием значительного круга подобных источников, принадлежащих XVII—XVIII вв., и односторонним характером изучения уже известных русистам источников — едва ли не исключительно фонетико-морфологическим. Неосведомленность в старой русской письменности нередко заставляет исследователей ограничиваться материалами публикаций. Воспринимаемые без глубокого археографического анализа, материалы эти иногда неверно интерпретируются. Следствием являются ошибочные заключения. Да и состав привлекаемых публикаций ограничивает возможности исследования старинного говора Москвы в его широком функционировании, в среде основного московского населения, поскольку рисует его состояние обыкновенно в столичных верхах.

Становление и развитие московского говора в течение целого ряда столетий протекало в условиях постепенного и в то же время непрерывного обновления состава его носителей, обновления, определяемого прежде всего объединяющей ролью Москвы. Обычно это обстоятельство либо не принимают во внимание, либо принимают в общем плане, не пытаясь конкретизировать. Между тем без его конкретизации историческое изучение говора Москвы не может быть плодотворным. Необходимо изучение его на таком широком круге источников, чтобы можно было вычленить, с одной стороны, то общее, что составляло столичный говор, с другой — элементы, не сродные ему, привнесенные в него извне, периферийного характера. Оптимально такое исследование говора обеспечивают только памятники сравнительно позднего времени, на-

чиная с XVII столетия. Заметим: в свете их показаний представятся более надежными и данные более ранних памятников по тем явлениям говора, которые в текстах прослеживаются в течение ряда веков. Материалы эти довольно обширны и частью опубликованы. В старых изданиях они рассеяны в массе актовой письменности и к тому же воспроизведение их не отвечает лингвистическим требованиям. Возможно, вследствие этого они и оказались вне поля зрения историков русского языка. Лишь недавно было опубликовано первое собрание подобных источников, издание лингвистическое [75].

ИССЛЕДУЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ

Принимая во внимание показания и рассмотренных выше московских текстов (разумеется критически), мы все же в качестве основных источников исследуем другие и прежде всего собранные в книге «Московская деловая и бытовая письменность XVII века»[1]. Самый состав упоминаемых в этом издании писцов говорит, во-первых, о том, что они в подавляющем большинстве являлись безусловно москвичами, во-вторых, о том, что они представляли, за малым изъятием, не верхи, а широкие слои московского населения. По самым бесспорным прямым указаниям в этой книге зарегистрировано свыше 250 москвичей, из-под пера которых выходили те или иные произведения письменности, или к которым они «прикладывали руки», подтверждая правильность изложенного, ручаясь за кого-нибудь, свидетельствуя что-либо или за когонибудь и т. д.

Вот некоторые примеры: к се*и* грамо*т*ке садо*в*ни*к* Триѳо*н*ка. . . руку приложилъ (16)[2]; к се*и* мирово*и* челоби*т*но*и* кодашеве*ц* Афо*н*ка Митроѳано*в* вьместо ѡ*т*ца

---

[75] «Московская деловая и бытовая письменность XVII века». Издание подготовили С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова, М., 1968.

[1] Тексты, образующие приложение к исследованию, в круг источников не включаем, предлагаем их вниманию читателя в качестве, так сказать, контрольных. Тексты подготовила к изданию Н. С. Коткова.

[2] Приводя примеры из указанной книги, здесь и далее в скобках отмечаем только страницы, в отличие от иных источников, название ее не повторяя.

своего Митроѳана по ево *велен*ю р8к8 приложи*л* (78); к се*му* извѣт8 А*н*дрюшка Никиѳоро*в* с8са*л*никъ вмѣсто сторожа Ор8же*и*но*и* па*ла*ты Микиты Ака*т*ева да сторожа Па*т*риа*р*ша ро*з*ря*ду* Ивана Васильева по и*х* челоби*т*ю р8к8 приложилъ (83); к се*и* челобитъно*и* карау*л*но*и* са*л*да*т* Ѳедосе*и*ка Стахоновъ вмѣста Огородно*и* слободы теглеца Ѳедара Лориова (так в ркп. — *С. К.*)... руку приложилъ (124); сказа*л*... иконникъ Сенька Степановъ... а скаск8 писа*л* я Сенька своею р8кою (127); к сеі ска*с*ке Го*н*ча*р*ноі слободы тегле*ц* А*н*дрюшка Луки*н*... р8ку приложи*л* (134); к се*и* ска*с*ке Кузнецъкие слободы старо*с*та Ѳедо*т*ка Ко*з*минъ... рук8 приложилъ (139); ска*с*ку писа*л* пушка*р* Тере*ш*ка Ивановъ (143); к сеи скаскѣ зелѣинои по*д*масте*р*я Ма*ѯ*и*м*ко Агеевъ... р8к8 приложилъ (143); к сеи ска*с*ке вмѣ*ст*ѡ зелеинаго дѣла мастера Якова Микулина племе*н*никъ ево Ивашкѡ Л8кьяно*в* по ево вѣле*н*ю руку приложилъ (146); ценовную памя*т* писа*л* по*д*яче*и* Куѕе*м*ко Чюпышо*в* (160); Новоники*т*цъко*и* слободы староста Па*т*рекѣ*и* Ма*р*тьяно*в* взя*л* с тягълого дворового мѣста у дворенина Якова К8зьмина сна Спечева ѡбърошъны*х* денегъ на РЧѲ го*д* КЕ а*л*ты*н* а ѡ*т*пись писа*л* я Па*т*рекѣ*и* своею р8кою (162); запи*с* писа*л* Ивано*в*ские площеди по*д*яче*и* сто*л*ника и по*л*ковника Дмитрѣева по*л*ку Романовича Ж8кова пятидеся*т*никъ Ивашко Петро*в* (164); сию пор8чн8ю ѕапи*с* писа*л* тое *ж* Гол8*т*вины слободы дьяко*н* Козма Еме*ля*[нов] (168); Захаре*и* Степано*в* (Казенной слободы тяглец рукавичного ряда торговый человек. — *С. К.*) руча*л* и вмѣста Ивана Сп[и]ридонова... р8к8 приложилъ (169); Ма*т*ѳѣи Ко*р*нило*в* (кадашевец мужского шапочного ряда торговый человек. — *С. К.*) руча*л* и *в*мѣсто пору*т*чико*в* ѡ*т*ца св[о]ево Добрыни Ие*в*лева да Степана Яко*в*лева... руку приложилъ (169); к сеі поручно*и* записи вмѣсто поручика*в* кадаше*в*цавъ Конана Васи*л* (так в ркп. — *С. К.*) да Лаврентья Аѳонасье*ва* снъ ево Козе*л* по и*х* веле*н*ю руку приложи*л* (171); к се*и* записи Огоро*д*но*и* слободы (тяглец. — *С. К.*) Пиминъ Миха*и*ло*в*... руку приложилъ (174); р8чалъ (солодовник. — *С. К.*) Фока Микитинъ сы*н* и вьмѣсто Офонасьѧ Фокина... р8к8 приложи*л* (175); к сеи пор8чнои записи Таганъныи слободы теглецъ Емельѧнъ Ивановъ... р8к8 приложилъ (175); запи*с* писа*л* Ивано*в*ско*и* площади по*д*яче*и* сто*л*ника и по*л*ко*в*ника стремя*н*ного Иванова по*л*ку Мерку*л*евича Конищева стрелецъ

Гришка Михаилов (175); к сем8 выбор8 (хамовник Тверской Константиновской слободы. — *С. К.*) Гришка Тимоѳеев р8к8 приложил (176); выборъ писал Кадашевские слободы диячок Митка Аѳонас[е]в (177); даную писал Івановския площеди подячеи Ганка Петров (179); заемную кабалу писалъ Ивано[вс]кои площеди подьчеі Осипко Елисѣев (179); купчюю дворов8ю писал Ивановские площади подьячеи Ивашко Дмитреевъ (183); д8ховную писалъ Кадашевские слободы гсдрвых хамовных дѣл дьячекъ Ивашко Матѳѣев (191); С8конной сотни Самоило Иванов р8чал в стаѣ (в статье. — *С. К.*) і вмѣсто отца своего Ивана Гаврилова сна Колмакова. . . р8к8 приложилъ (204); к сем8 извет8 ѡбезжеи Тимоѳѣи Ретькин р8к8 приложил (208); допросные рѣчи писал гсдрвых хамовных кодашевских дѣл диячекъ Богдашко Петровъ (234); к сеи скаске Кадашевские слободы стараста Ларишн Ѡѳонасев. . . р8к[у] приложил (234); к сеи скаске (хамовник кадашевский старожилец. — *С. К.*) Андреи Нагавишников. . . р8к8 приложил (234); к сеи скаски (хамовник кадашевский старожилец. — *С. К.*) Игнатеи Иванов. . . р8к8 приложил (234); писец гсдрскии Тимофеи Стефанов р8к8 приложилъ (290).

Даже при отсутствии сведений о том, как давно эти писцы-москвичи или их предки стали обитателями Москвы, можно с достаточным основанием думать, что в написанных ими деловых текстах получил отражение московский говор, если не во всей полноте, то в основных чертах — безусловно: несмотря на непрерывное пополнение извне, главная масса московского населения оставалась старожилой. Постоянное наличие в Москве внушительного состава старожилов органически было связано с ее исключительною ролью как центра Русского государства. И обслуживание царского двора и высшей церковной иерархии, и содержание московского гарнизона, и производство военного снаряжения, и вседневная деятельность приказов, и многообразные ремесла и торговля, и сфера московской культурной жизни не могли обойтись без постоянного контингента военнослужилых и торговых людей, многочисленных мастеров-умельцев, а также приказных дельцов и другого необходимого люда, тяглого и нетяглого.

Наряду с военнослужилыми людьми из старых московских семей в столице обитали заметные группы так называемых жильцов — военнослужилых иного рода. Это

были дворяне из уездов, жившие временно в Москве, так сказать, при государе, для несения военной службы. Со временем часть подобных служилых, и в особенности та, которая не имела в уездах прочных хозяйственных интересов, основательно оседала в Москве, обзаводилась в ней собственными дворами и пополняла постоянный состав столичного населения.

Жилецкие сказки свидетельствуют об этом довольно определенно: сказа*л*. . . жиле*ц* Ива*н* Борисо*в* снъ Шапило*в* гсдрва жалованья за мною помѣстья в Пересла*в*ско*м* уѣзде Залескова десе*т* дворо*в* крстья*н*ски*х* и бобы*л*ски*х* да в Дми*т*ро*в*ско*м* уѣзде помѣстья пусто а *д*во*р* у меня моско*в*ско*и* у Троицы на Хохло*в*ке (128); скаѕа*л*. . . жилецъ Алеѯѣи Сави*н* снъ Горюино*в* гсдрва жалова*н*я помѣстеица и во*т*чи*н*ки за мною нѣтъ ни единые че*ти* а на*с* два брата ни ѕа брато*м* нѣтъ же ни единые че*ти* а дво*р* у на*с* моско*в*ско*и* промеж Арбато*м* и Знаме*н*ко*и* (128); сконза*л* жилец Илья Богдано*в* снъ Ле*в*ши*н*. . . згорѣлъ 8 меня дво*р* за Че*р*то*л*скими вороты. . . въсе погорѣла без а*с*та*т*ка (129); сказали жи*л*цы Петръ да Яко*в* Григо*р*евы дѣти Соѳоновы дв[ор] *ѿ*ца нашего за Че*р*льскими (так в ркп. — *С. К.*) вороты (130); скоѕа*л* жиле*ц* Ан*д*рѣи Григо*р*евъ снъ Чичѣри*н*. . . ѕгоре*л* у меня дво*р* ѕа Че*р*то*л*скими вороты 8 Льи (так в ркп. — *С. К.*) пророка Обыденаго (130).

С учетом данного обстоятельства записи, сделанные некоторыми жильцами, могут также служить материалом для изучения московского говора. Разумеется, свидетельства этих записей можно считать надежными лишь при условии совпадения их с показаниями тех источников, которые заведомо принадлежат к коренной московской письменности.

Кроме таких писцов, московское происхождение которых прямым или косвенным образом в текстах зафиксировано, в книге «Московская деловая и бытовая письменность XVII в.» встречаем безусловно не менее, если не более писцов, о чьем постоянном отношении к Москве, к ее старожилому населению можно с уверенностью заключать, исходя из некоторых данных об устройстве государственного аппарата и составе его кадров, об организации делопроизводства, о нотариальных процедурах того времени и условиях, в которых они совершались, а также исходя из общих сведений о московской жизни XVII в.

Следствия по самым различным делам производились в Москве в приказах. Следственные материалы — расспросные речи, понятно, записывали не случайные люди, люди «со стороны», а близкие к правительственным верхам и хорошо ориентированные в следственном процессе опытные подьячие. Такими, с наибольшей вероятностью, могли быть москвичи. Поэтому даже при отсутствии данных о писцах, фиксировавших расспросные речи, признание этих писцов москвичами не будет опрометчивым.

Можно, далее, быть уверенным: при вершении в столице разных дел главным образом москвичи выступали в роли лиц, поручавшихся за кого-либо, а также в роли свидетелей, как тогда говорили, послухов, хотя их принадлежность к москвичам обыкновенно не указывалась. Действительно: и обстоятельства дела, и подробности, связанные с ним, а нередко и события, его оформлению предшествующие, знали прежде всего люди, близкие обитателям Москвы, между которыми вершилось дело и которых в случае недоразумений, возникновения новой тяжбы по делу, новой спорной ситуации можно было легко найти и привлечь для подтверждения свидетельств, — словом, жившие «под рукой», т. е. москвичи.

Помещенные в упомянутой книге частные письма, грамотки, исходят от родовитой знати, всем своим бытовым укладом, а также и государственной службой, органически связанной с Москвой, — от известных князей Голицыных и дворян Михалковых и Стрешневых. Сомневаться в том, что представители знати были в общем грамотными и могли сами писать письма, по меньшей мере трудно, хотя указаний на этот счет в грамотках и нет. А если они и диктовали письма, то людям особенно доверенным, грамотеям из ближайшего окружения, неотлучно бывшим при них, и, выходит, тоже заведомо постоянным москвичам.

В дополнение к названной книге как основному источнику для исследования привлекаем и другие тексты, понятно, того же времени, происхождения и характера. Рассмотрим все эти материалы и в иных аспектах лингвистического источниковедения.

Начнем с официально-деловой письменности, которую в противоположность неофициальной (частные письма и личные записи делового содержания) отличает и назначе-

ние (не просто коммуникативное или мемориальное — для памяти, но и документальное, юридическое), и обращение в особой, общественной сфере разного рода экономических, правовых и прочих отношений.

Многочисленные челобитные — заявления, прошения того времени — писались по самым различным поводам. Не удивительно, что в той части, где излагается обоснование и сущность просьбы, они в тематическом отношении необыкновенно разнообразны. Вот в самом кратком изложении содержание некоторых из них: о суде и управе на беглого человека и о сносных животишках (47); об измерении дворового места (48); жалоба на стрелецкого голову, который клепал жалобщика пожогом и оглашал напрасно (48—49); об обороне от воровского умыслу (50—51); о пожаловании теплых кафтанов (54); о постройке новой хамовной избы (55—56); о суде и управе на хамовника, обзывавшего другого хамовника огуречным и морковным татем (58—59); о пожаловании поденного корму и денег на пестрядинную доску и чернила (59); о назначении на место сторожа Мастерской палаты его сынишки (59—60); о пожаловании в дети боярские к государыне (62); о выдаче беспенно дочеришки замуж (67—68); о смирении кадашевца, который в церковь не ходил (72); о сыске по иску иноземца (74—75); об освобождении от нарядов на уличные караулы (77); жалоба на объездного голову, чинившего хлебникам и калачникам большую поноровку (82—83); по поводу безвестных плутов, которые связали воротишки и подложили голики веничные (87—88); об освобождении от службы (98); о выплате долговых денег погодно (99—100); о продлении срока явки в суд (110); о перенесении судебного дела из одного приказа в другой (111—112); о пожаловании за всякую работишку и для скудости на приданое дочеришкам (113); о сыске ученика, бежавшего от мастера резного деревянного дела (115—116); о допросе присвоившего кузнечную снасть (122—123).

С тематическим разнообразием челобитных, естественно, было связано и разнообразие их лексического наполнения, а разнообразие лексического наполнения обеспечивало оптимальные условия для проявления грамматических возможностей различных частей речи, явлений склонения, спряжения и т. д., тем более, что многие челобитные были довольно пространными. Тематическому разнообразию

челобитных, а следовательно, отражению в них, наряду со всякими иными, и бытовых, вседневных ситуаций неизбежно сопутствовало употребление в составе этих источников элементов лексики, характерной для народно-разговорного языка. А именно этим прежде всего обусловливалась возможность отражения в указанных источниках явлений местной фонетики.

Довольно разнообразным было и содержание расспросных речей. Обозначения следственных дел, откуда они заимствованы, в этом смысле любопытны. Вот несколько примеров: дело о заговорных воровских письмах, вынутых по досмотру у подьячих (213—223); дело по челобитью на стольника в ране и увечье (224—230); дело по извету мастерицы и арапки на другую мастерицу, сыпавшую пепел жженой рубашки на след царицы (235—249); дело по извету стрельца на постельницу, ее дочь, сына и зятя, говоривших посмешные слова про государыню (250—254); дело по обвинению солдата, по прозвищу Шило, в блудном воровстве и побоях, нанесенных стрелецкой женке (277—285); дело о комнатной бабке, которая хотела украсть гриб с серебряного блюда, принесенного в стряпню про государыню царицу (286); дело по челобитью комнатной бабки на писца, который бил и увечил отданного ему в наученье нотному пенью сына ее и присвоил его борошень (287—290). Не удивительно, что в подобных делах словесное оформление речей, в соответствии с излагаемыми в них бытовыми, обыденными, вообще «невысокими» сюжетами, во многих случаях оказывалось в значительной степени народно-разговорным.

Сохранению в ответах привлекаемых к следствию носителей народно-разговорной речи (а таких среди подследственных было большинство) колорита этой последней содействовало стремление приказных писцов к точной записи показаний, соответственно определенным требованиям судебного делопроизводства. И тем не менее, вполне сохраняя словесную фактуру показаний, да в общем виде и синтаксис, писцы, конечно, не сохраняли те речевые особенности — фонетические и грамматические, — с которыми не связывалось искажение смысла показаний. Заметим: указанный момент мог играть известную роль и при написании челобитных, но только в тех случаях, когда их писали не сами челобитчики или случайные грамотеи, а наторевшие в письме и приказных делах подьячие.

Нередкое в расспросных речах освещение одних и тех же событий или одних и тех же фактов в ответах нескольких лиц позволяет порой наблюдать проявления вариативности в употреблении отдельных слов и выражений под пером одного писца. Таких условий для наблюдения в этом направлении в челобитных обыкновенно не находим, если только не иметь в виду составления челобитных под диктовку группы лиц.

Устные и письменные свидетельства носили название сказок. «Подавались» они по разным поводам: сказки подьячих и московских жильцов о пожарах (125—127, 129—130); сказки старост, целовальников и хамовников о кадашевце, называвшем лучших людей бездушниками (130—131); сказки хамовников о получении в государево дело бели и скани (131); сказки старост и тяглецов московских слобод и сотен об оскудении от медных денег, дорогови хлебной и соленой и о том, чтобы серебряным деньгам быть по-прежнему (132—140); сказки подьячих Разрядного приказа о поместьях и вотчинах (141—142); сказки зелейных мастеров, плотильщиков и др. о надобных к зелейному делу горячей сере, селитре, порохе, решетах, ситах, корытах и т. д. (142—149), и т. п. По возможностям проявления в них народно-разговорной стихии сказки стоят в одном ряду с челобитными и расспросными речами. Сказки, писанные разными людьми по одному и тому же поводу, представляются особенно интересными с точки зрения изучения явлений вариативности, причем вариативности не только в лексике, фразеологии и синтаксисе, проступающей, как было сказано, и под пером одного писца, но также и в области фонетики и морфологии. Эта вариативность, в сравнении с той, что наблюдается в расспросных речах, как видим, — более свободная, более широкая, менее стесняемая традицией приказного делопроизводства (говорим о сказках, не входивших в состав расспросных речей).

Обратимся к так называемым памятям — документам, удостоверявшим тот или иной факт, вроде приемки материалов (151), досмотра дворовых меж (151—152), отпуска на волю или в замужество (154, 156), а также оформлявшим заемные обязательства (153, 155—156), раздел дворов и владений (152—153, 155) и т. д. Несмотря на тематическую разнородность, их отличает несколько меньшее, в сравнении хотя бы с челобитными, не говоря уже о рас-

спросных речах, проявление событийности, а значит, и связанных с ее выражением лексических и грамматических средств. К памятям в этом отношении примыкают и документы, именуемые расписками. Традиционные зачин и концовка, сравнительно с главной, средней частью, занимают в памятях и расписках несколько большее место, нежели в предшествующей группе текстов. Язык и памятей и расписок, вне зачинов и концовок, не выпадает из общего русла народно-разговорного. За малыми изъятиями, включается в русло последнего и обширный круг предметных обозначений, который находим в росписях *рухледи* — домашнего имущества, материалов и товаров (158, 213—216). Как тексты реестрового характера, они мало что дают для исследования склонения. Глагольных образований в подобных текстах почти совершенно нет.

Отметим далее поручные записи с характерным для них употреблением некоторых групп лексики, связанной с областью социальных, сословных, административных, торгово-денежных отношений. Например: жители Голутвинской слободы ручались за А. Васильева в том, что быть ему за их порукою в государском чину в сенных сторожах (168); торговые люди выступали с порукой по кадашевце Б. Леонтьеве, откупившем таможенную пошлину, кабак и речной перевоз в Севске (168—169); кадашевцы брали на себя ответственность за новопришлых людей в том, что делать им государево дело и над белой казною хитрости и дурна не учинить (171—172); тяглецы Панкратьевской слободы писали в поруке по Л. Лукине: платить ему за наемную землю и никаким воровством не воровать (175) и т. д. Заметим: эти лексические группы далеко не во всем своем составе лежат вне народно-разговорного обихода. Отражение в поручных записях возможных фактов произношения, вопреки правописанию, если не брать приложений рук, было менее свободным, нежели, скажем, в челобитных или, к примеру, в сказках. По общему характеру к поручным записям примыкают записи выборные, оформляющие выборы старост и целовальников (176—177).

Содержанием купчих (подробное описание предметов купли и продажи) обусловлено наличие в этих источниках значительного слоя лексики, который если и нельзя признать более или менее специфическим для народно-разговорного употребления, то вместе с тем невозможно и

считать хотя бы сколько-нибудь инородным в подобном употреблении. Даже в кратких обозначениях купчих обнаруживается это свойство их лексического наполнения: купчая на двор с хоромами, конюшней, мыльней, житенкой и погребом (180); купчая на двор с хоромами, погребом и напогребицей, конюшней и мыльней (180—182); купчая на двор с горницей и комнатою на жилых подклетах, повалушей о трех житьях, мыльней поземной и амбаром (182—183); купчая на двор с горницей и комнатой на подклетах, с повалышей, мыльней, ледником, поварней и садом (183); купчая на двор с хоромным строением, мыльней, избой поваренной, колодезем, конюшнею и погребом с сушилом (185—186). Обыкновенным в народно-разговорном обиходе, хотя и не специфическим для него, представляется и основное лексическое наполнение сговорных записей и духовных завещаний. В его составе заметно выделяются предметные и качественные обозначения, связанные с областью материальной, особенно бытовой, культуры (188—191, 192—197).

Все сказанное здесь об источниках, представляющих деловую письменность в указанном выше издании, касается в общем и других источников того же самого рода, которые мы привлекаем. Выяснение некоторых общих условий, благоприятствовавших отражению в подобных текстах народно-разговорной стихии и, в частности, употреблению в них определенных групп лексики, приводит нас к убеждению, что свидетельства данных текстов о московском говоре XVII в., при достаточно критическом рассмотрении, могут быть надежными.

Сведения, извлекаемые из писем-грамоток (15—43), хотя и писанных в московских верхах, а не в среде простого люда, являются не менее надежными. Сравнение представленных в книге грамоток с деловой письменностью москвичей не оставляет в этом сомнения. Общая характеристика материалов русской частной переписки XVII в., изложенная нами [3], применима и в данном случае. Нет необходимости ее повторять. Отметим только одно: в грамот-

---

[3] См.: С. И. Котков. Материалы частной переписки как лингвистический источник. — В кн.: С. И. Котков, Н. П. Панкратова. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—начала XVIII века. М., 1964, стр. 3—13; Он же. О памятниках народно-разговорного языка. — ВЯ, 1972, № 1.

ках находит отражение лексика интимно-бытового круга, которая в памятниках письменности, не относимых к художественной литературе или к произведениям фольклора, почти не встречается. Как писанные опытной рукой, эти грамотки слабо раскрывают те явления московской фонетики, которые были не в ладу с приемлемым тогда правописанием, впрочем, несколько зыбким.

Особую группу источников делового содержания образуют тексты, вошедшие в книгу «Вести-Куранты. 1600—1639 гг.». (М., 1972). Это переводы — сводки разными путями поступавшей в Москву зарубежной информации, которые составляли для царя и его ближайшего окружения служившие в Посольском приказе так называемые «курантельщики». Переводя на русский язык иностранные новости, они, безусловно, следовали нормам московской речи и прежде всего, как наиболее общим для всех обитателей Москвы, фонетико-морфологическим. К тому же изложение новостей с учетом тех же самых норм подвергалось редакторской правке.

Принимая во внимание особенности разных групп источников, мы и приступаем к выявлению облика московской речи XVII столетия, имея в виду живую обиходную речь москвичей. Поскольку еще предстоит выяснить, в какой степени к тому времени сложилось московское койне, употребление термина р е ч ь, а не г о в о р или к о й н е, считаем вполне оправданным.

Для сравнения берем источники, хронологически с московскими сопоставимые, но иной территориальной принадлежности — южно- и северновеликорусские. Этот аспект сравнения, лингвогеографический, дополняем сравнением исследуемых текстов, вышедших главным образом из недр московских приказов, с материалами книжно-церковной письменности.

Не исключаем, далее, и сравнение данных XVII в., извлеченных из московских памятников, с более ранними и более поздними, точно так же московскими и приблизительно однотипными.

Остается сделать несколько замечаний по поводу некоторых суждений относительно возможности изучения народно-разговорного языка по материалам русской деловой письменности исследуемого периода.

Начав с далеко не бесспорного положения, что единого и общенародного разговорного языка в Киевской Руси

X—XII вв. не было, Б. А. Ларин констатирует: «Неоспоримо было лишь единство церковнокнижного старославянского языка на Руси. Единство языка деловой литературы лишь постепенно создавалось усилиями княжеских дьяков, стремившихся освободиться от заметных диалектизмов и выработать формуляр актов, наиболее понятный для народов Киевской Руси»[4]. Переходя к более позднему времени, исследователь пишет: «В московских приказах тоже постепенно, лишь с XV—XVI вв., по мере усиления централизации административной системы создается единство административной терминологии и фразеологии, единство основных норм языка деловой письменности. Но и здесь единообразие языковой формы деловой письменности соответствует только единому языку приказного сословия, а не единству общенародного языка, хотя в нем и наличествуют отобранные общенародные элементы языка. То, что исследователи называют теперь областными элементами в деловом языке, как нельзя яснее показывает различие между нормализованным языком московских приказов и р е ч ь ю дьяков и подьячих из местных жителей в «земских избах» на периферии государства. Вопреки централизации здесь ненароком прорывались диалектизмы в делопроизводство. Разработка Воронежских и Холмогорских актов или Донских дел широко иллюстрирует противоборство централизующих и центробежных тенденций в языке деловой письменности, которое очень ограничивает возможность прямого отражения в ней местной речи» [5].

Прежде всего заметим: административная терминология и фразеология функционировали не только в приказной среде. Элементы той и другой в своем значительном большинстве не являлись настолько специализированными, чтобы оставаться изолированными в ее ограниченных пределах. Возникновение их обыкновенно диктовалось необходимостью вполне единообразного обозначения предметов, явлений и понятий, актуальных для массы русских людей, а не только для приказных. Указанная терминология и фразеология (помимо собственно администра-

---

[4] Б. А. Л а р и н. Разговорный язык Московской Руси. — Сб. «Начальный этап формирования русского национального языка». Л., 1961, стр. 29.

[5] Там же.

тивной, в ее состав входили и социальная и юридическая) употреблялась и в приказной среде и в широких массах населения. При помощи ее выражались и оформлялись и социально-экономические и иные актуальные отношения. Мыслить ее не адресованной людям, участвовавшим в этих отношениях, мыслить ее чуждой для них и, значит, не употребляемой ими просто невероятно. Невероятно это и потому, что названная терминология и фразеология развивалась почти как правило на русской лексической основе. Ср. замечание А. М. Сабениной о русской дипломатической терминологии XVII в., в значительной степени основанной на терминологии приказной: «Основу лексики, обслуживавшей дипломатическую сферу, в XVII в. составляли широко употребительные русские слова. Наделенные специальными значениями в дипломатическом обиходе, они употреблялись в иных сферах в своих общих значениях — нередко в рамках более или менее одинаковых контекстов. Общее и специальное в их семантике переплеталось» [6].

В самом деле: невозможно думать, что такие слова и выражения, как, например, *бобыль*, *казак*, *холоп*, *пристав*, *послух*, *дѣти боярские*, *дѣловые люди*, *служилые люди*, *стрѣлецкий голова*, *указ*, *кабала*, *явка*, *сказка*, *челобитная*, *грамота*, *оброк*, *правеж*, *писцовая книга*, *десятня*, *допросные рѣчи*, *съѣзжая изба*, *ставить с очей на очи*, *приложить руку* и многие другие употреблялись в основном в приказах и были малоупотребительны или вовсе неупотребительны в широких кругах населения. Ведь XVII в. — не наше время с его огромным развитием детально специализированных сфер человеческой деятельности. Если в области лексики и фразеологии, наиболее существенно определявших специфику приказного языка, последний все же не обнаруживал коренного, глубокого разрыва с народно-разговорною стихией, то тем минимальнее было расхождение в области грамматического строя и особенно фонетики. Исходя из этого, едва ли возможно вслед за Б. А. Лариным полагать, что единообразие языковой формы деловой письменности соответствует только единому языку приказного сословия, а не единству обще-

---

[6] А. М. Сабенина. Лексика сферы дипломатических отношений в русском языке XVII века. Автореф. канд. дисс. М., 1971, стр. 20.

народного языка. Полного соответствия приказного изложения ни говору приказного сословия, ни устной общенародной речи и, в частности, говору Москвы не было и быть не могло уже вследствие общеизвестных различий между письменной и устной разновидностями языка.

Это, однако, не означает, что памятники деловой письменности для изучения народно-разговорной стихии заведомо непригодны. Если «зеркального» отражения последней в них искать не приходится (как не приходится искать его и в записях русской речи, произведенной иностранцами, хотя Б. А. Ларин и характеризует их как более точные и разнообразные по содержанию источники по разговорной речи [7]), все же в известной степени она в них отражается, а в материалах частной переписки, так называемых грамотках, степень ее «отраженности» еще более значительна. Б. А. Ларин прав, утверждая, что разговорная речь в Московской Руси во всех сословиях и слоях общества не могла быть именно такой нормализованной, какой передают ее челобитные, явки и иные юридические документы [8]. Но, повторяем, отсюда вовсе не следует, что источники данной категории не могут быть и ограниченно годными для изучения народно-разговорной речи. Известно: определенная общность, нормализация письменного языка имеет своим основанием определенную общность, определенные нормы его разговорной, устной базы. Разумеется, та и другая общность не являются полностью тождественными, но проследить разговорную через письменную, полагаем, все же можно.

Исследовав расспросные речи (Слово и дело государевы, изд. Н. Н. Новомбергский. т. I, М., 1911), Б. А. Ларин приходит к заключению: «. . . деловая письменность изредка дает ценные факты для изучения местных диалектов и разговорной речи горожан, посадских и крестьян, но их историко-диалектологическое приурочивание крайне затруднительно прежде всего из-за фонетической и грамматической нормализации языка, а иногда и вследствие недостатка прямых и подробных указаний о месте, лице, аудитории или собеседнике допрашиваемого» [9].

---

[7] Б. А. Ларин. Указ. соч., стр. 33.
[8] Там же, стр. 32.
[9] Там же.

Заключение, основанное главным образом на исследовании расспросных речей, причем по упрощенной публикации, а не рукописным оригиналам. Б. А. Ларин распространяет на всю деловую письменность, что явно неправомерно. Напомним: историко-диалектологическое приурочивание таких, например, деловых текстов, как сказки, духовные завещания, сговорные записи, расписки, поручные, раздельные и выборные записи, ценовные и некоторые другие памяти, данные и купчие, а также заемные кабалы, отказные [10] и некоторые иные книги, наконец, бесчисленные приложения рук, не представляет затруднений — они датированы, локализованы и содержат сведения о писцах. Да и обширная группа текстов, в которых нет сведений о писцах, но имеются точные указания, где и когда они написаны, тоже допускает приурочивание к определенной лингвистической зоне. Таковы, к примеру, многочисленные челобитные, таможенные книги, десятни и явки. Ср. мнение о явках Б. О. Унбегауна: «. . . существует группа документов, включающих в себя элементы, иногда значительные, разговорной речи. Это так называемые явки» [11]. Заметим: они писались повсюду, но автор цитируемого мнения почему-то характеризует их как «происходящие почти исключительно из северных, бывших новгородских, земель». Не будет ошибкой полагать, что критически исследуемые и расспросные речи (о них мы говорили выше) открывают определенные перспективы для изучения народно-разговорной стихии.

Сомнение в возможности познания последней по данным «нормализованной» деловой письменности Б. А. Ларин дополняет следующим высказыванием: «. . .исследования актов и других памятников письма — псковских, новгородских, двинских, холмогорских, пермских и вятских, донских и воронежских, курских и орловских и т. д. — обнаружили в ряде случаев куда более верное и полное отражение местных и социальных диалектов, чем приведенные выше данные, например, из «Слова и дела государевых». И уже это опровергает допущение о достоверности обобщенных и нормализованных записей;

---

[10] С. И. Котков. Отказные книги. — ВЯ, 1969, № 1, стр. 130—135.

[11] Б. О. Унбегаун. Редкое выражение русской разговорной речи XVII века. «Проблемы истории и диалектологии славянских языков». М., 1971, стр. 273.

эти же исследования и материалы опровергают и предположение о едином и общенародном разговорном языке Московской Руси»[12].

В полном соответствии с подобным опровержением находится уже упомянутое нами утверждение Б. А. Ларина, что неоспоримым было на Руси лишь единство церковно-книжного старославянского языка (т. е. церковнославянского. — *С. К.*). Признание его единственной объединявшей русских лингвистической реальностью вызывает недоумение. Выходит, язык в XVII в. для русских в известной мере условный выражал их лингвистическое единство, а реальный язык народа даже не предполагается. Между тем функционирование на Руси церковнославянского языка, его доступность пониманию многих, особенно в древнерусский период, оказались возможными лишь потому, что определенной близостью к нему обладали не столько разнородные диалекты, сколько объединявший их общерусский язык. Именно его единство, хотя и не абсолютное, но все же весьма основательное — единство древнерусское, затем — языка великорусской народности, позднее и национального — определило функционирование у русских церковнославянского языка. Словом, для церковнославянского общерусский живой язык и в эпоху древнерусской народности, а также в несколько меньшей степени и в более позднюю эпоху являлся благоприятствующей средой. Это и обеспечило их активное взаимодействие.

Для языка деловой письменности живой общерусский язык был органической основой. И то, что имеются некоторые различия в лингвистических показаниях памятников, относимых, с одной стороны, к Москве, с другой, — к диалектным областям, еще не говорит об отсутствии этой основы. Сравнение тех и других памятников показывает не только различное, но главным образом и общее в их лингвистическом наполнении.

Б. О. Унбегаун пишет: «Уже само изучение разговорного языка по письменным памятникам, — а иными источниками мы, увы, не располагаем, — является парадоксом» и далее подчеркивает: «. . . даже тексты, казалось бы, наиболее близкие к строю разговорной речи, написанные на так называемом деловом языке, все же зна-

---

[12] Б. А. Ларин. Указ. соч., стр. 32.

чительно отклоняются от этого строя, следуя правилам выработанной письменной традиции, особенно в XVII в.»[13] Указывая, что тексты делового содержания «являются сугубо утилитарными, далекими от разговорной стихии языка», исследователь вместе с тем напоминает: «даже частная переписка, и та подчиняется условностям традиции, отклоняясь от непосредственности устного разговора, каким она в сущности могла бы быть»[14].

Хотя уже сам условный характер письма того времени, как и любого обыкновенного, общепринятого письма, предопределяет некоторые отклонения от звуковой, а в известной мере и грамматической непосредственности, однако это не означает, что в основной своей конкретной данности фонетика и грамматика разговорной стихии в нем не реализуются. Основное затруднение заключается не в том, что разговорную стихию прошлого приходится изучать по письменным памятникам (это историческая неизбежность), а в том, что современный уровень разработки истории русского языка, и в частности письменных источников, далеко не всегда обеспечивает уверенное различение отложившихся в памятниках литературно-книжной и разговорной стихий. Вызывает сомнение и утверждение, что материалы деловой письменности, именно как «сугубо утилитарные», далеки от разговорной стихии. Напротив, их практическая направленность может как раз благоприятствовать проявлению в них разговорной струи. Все дело в том, каков характер их утилитарности, какая сфера человеческого бытия и в каком именно виде получает в них отражение. Скажем, и царская грамота, и грамотка, адресованная родственнику, по-своему утилитарны, но первая, естественно, облечена в особую, официальную форму, далекую от разговорной, а грамотка, помимо зачина и концовки, порою не свободных от фразеологии, навеянной церковной книжностью, в значительной степени разговорна, поскольку обслуживает сферу неофициального, интимного общения. Заметим, кстати: иногда эта утилитарность как раз и обусловливает употребление в текстах наиболее актуальной разговорной лексики[15].

---

13 Б. О. Унбегаун. Указ. соч., стр. 273.
14 Там же.
15 Подробнее об этом см.: С. И. Котков. О памятниках народно-разговорного языка.

Сомнение в том, что деловая письменность может дать достоверные сведения о живой народной речи, выражается, между прочим, и в отрицании какого-либо значения для исторической диалектологии формально не локализованных текстов. Имея в виду опубликованные материалы частной переписки XVII—XVIII вв.[16], Г. А. Хабургаев в рецензии на издание «Московская деловая и бытовая письменность XVII века». (М., 1968) пишет: «. . . обращение к самим материалам частной переписки сразу же разочаровывает, ибо обнаруживается, что диалектная принадлежность авторов, а точнее — писцов «грамоток», как правило, остается неизвестной. Даже те случаи, когда о личности корреспондента имеются данные, не спасают положения» [17]. «Какова же, — вопрошает рецензент, — лингвистическая ценность таких изданий, если иметь в виду задачи конкретных исследований по истории русского языка, а не общую констатацию возможности нарушения формирующихся орфографических норм под влиянием особенностей живой речи?» [18].

По поводу этого сомнения необходимо сказать следующее: историки языка далеко не всегда руководствуются только формальным указанием на отнесенность того или иного текста к определенной диалектной территории; в их распоряжении имеются современные диалектные свидетельства, которые во многих случаях позволяют соотносить указанные грамотки с определенной диалектной зоной. Став на позиции рецензента, пришлось бы, по-видимому, отказаться от изучения древнерусских диалектов по памятникам письменности, поскольку эти последние, за самыми редкими исключениями, формально не локализованы.

Г. А. Хабургаев заявляет, что в историческую диалектологию «постепенно перерастает абстрактная „историческая грамматика“ русского языка» [19]. Мы держимся иного мнения: историческая грамматика русского языка —

---

[16] С. И. Котков, Н. П. Панкратова. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—начала XVIII века. М., 1964; «Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (Из фонда А. И. Безобразова)». Изд. подготовили С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М., 1965.
[17] См.: ВЯ, 1969, № 3, стр. 142.
[18] Там же, стр. 143.
[19] Там же.

не более абстрактна и не менее конкретна, нежели историческая диалектология. Сведéние первой ко второй неизбежно связано с отрицанием единства русского языка в его народно-разговорном варианте в исследуемую эпоху. Не случайно, когда мы ставим вопрос о воссоздании облика этого варианта, Г. А. Хабургаев критически замечает: «Последний тезис сразу же настораживает: что это за „народно-разговорный вариант русского национального языка?"»[20]. Видимо, подобный вариант Г. А. Хабургаев считает невозможным.

[20] См. ВЯ, 1969, № 3, стр. 142.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

СОСТОЯНИЕ БЕЗУДАРНОГО ВОКАЛИЗМА

Безударный вокализм московской речи эпохи средневековья привлекал особое внимание исследователей. Выяснение его характера представляется существенным, поскольку именно в этом вокализме особенно наглядно выявляется системное различие между двумя основными наречиями русского языка, и, таким образом, прежде всего по характеру безударного вокализма можно судить о степени участия в формировании говора Москвы северно- и южновеликорусского начал. Речь идет об отсутствии в первом случае или о наличии во втором в старой московской письменности проявлений аканья. Так как русская орфография не передает редукции гласных и «фонетическое» проявление в данном случае оканья исключается, при исследовании русского вокализма по памятникам письменности возможно лишь противопоставление «аканье—неаканье», а не «аканье—оканье».

Вопрос об аканье в московском говоре и сложный и не новый. «Ни в XIV, ни в XV в., — полагал А. А. Шахматов, — Москва не могла еще выработать своего языка, создать κοινή; в Москве . . . одни окали, другие акали»; при этом, по мнению А. А. Шахматова, высшие классы являлись носителями севернорусского наречия; в большинстве своем московские памятники XIV столетия «не обнаруживают восточнорусских (южновеликорусских. — *С. К.*) черт» [1]. Однако, если говорить о проявлениях

[1] А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4. М., 1941, стр. 65.

аканья, то они, хотя и свойственные лишь части этих памятников, представляются, тем не менее, достаточно заметными. Еще А. И. Соболевский отмечал, например, такие факты: кака ты глаголеши (Ев. 1339, л. 16 об.); отъ господа бысть се и ѥсть дивна въ очью нашею (там же, л. 73); аще ожениться, любодѣянья творить (там же, л. 125); в апустѣвшии земли (там же, запись); прадающимъ (Ев. 1393, л. 156); вертаградъ (там же, л. 171); нарицаямая (там же, л. 186) и др. Отмечены были и косвенные отражения аканья: пологаѥть (Ев. 1393, л. 6 об.); влогаюць (там же, л. 26); влогалища (там же, л. 82); запода (там же, л. 101); неновидяхуть (там же, л. 107 об.); привязоно (там же, л. 109); помазовшия (там же, л. 146) и др.[2] О. А. Князевская приводит случаи: взрадавашасѧ (Ев. 1358, л. 120); изъдалеча (там же, л. 121); ака (вм. *ако*) (там же, л. 212); кроме того: ту пребудите (там же, л. 37); тогда гла иму Пилатъ (там же, л. 190 об.) и др.[3] Сведения с московской периферии — из Переяславля-Залесского: всажанъ (Ев. 1354, л. 5 об.); на вечарехъ (там же, л. 71 об.); вечаряю (там же, л. 123); жалаше (там же, л. 130 об.) и др.[4]

Имея в виду московское просторечие, Р. И. Аванесов замечает, что в XIII—XV вв. оно еще не сложилось и, вслед за А. А. Шахматовым, полагает: «в Москве, вероятно, говорили и на северном, и на южном диалекте, причем в более древние эпохи безусловно доминировал северный диалект (окающий), а южный (акающий) постепенно расширялся в своем употреблении» [5]. Далее читаем следующее: «. . . даже в московских грамотах, с их высоким уровнем культуры письменного языка и нормированным правописанием рано проступают сначала в отдельных написаниях, а затем и более широко отражения аканья. Отметим соответствующие написания в топонимических названиях, в особенности таких, которые не освящены письменной традицией (названия мелких населенных

---

[2] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4. М., 1907, стр. 76—77.

[3] О. А. Князевская. К истории русского языка в Северо-Восточной Руси в середине XIV в. (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Московского евангелия 1358 г.). «Труды Ин-та языкознания», т. VIII, М., 1957, стр. 162—163.

[4] А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 76.

[5] Р. И. Аванесов. К вопросам образования русского национального языка. — ВЯ, 1953, № 2, стр. 59—60.

пунктов, озер, речек и др.): Растовец — деревня Переславского уезда (ок. 1339, 1374—1375, 1390, ок. 1401—1402 и др.). . . В ряде названий находим колебания в написании **о** и **а** для гласных безударных слогов: Нагатинское и Ногатинское (1401—1402); Брошевая и Брашевая (с **о** только в грамоте ок. 1339); Молаховское и Малаховское (с **а** только в грамоте 1461) . . . Домонтовское (ок. 1339) и Домантовское (1389, 1433); Радонеж и Раданеж (1401—1402) и др. . . . интересно наличие среди приведенных примеров случаев „акающих" написаний названий, которые относятся к окающей территории: в этих написаниях можно видеть указания на более или менее широкое бытование акающего произношения данных названий в Москве»[6]. Особенно доказательны написания в грамоте 1402 г.: отаимал, изнава (видимо, *изнова́*), натцѣхъ (вм. *на отцѣхъ*); убедительное свидетельство аканья встречаем далее в надписи: печать Ивана Карови — на печати московского боярина XV в., найденной в Зарядье[7].

Не приводим случаи перебоя букв *о* и *а* (преимущественно в заимствованиях), отнесение которых к отражениям аканья представляется небесспорным.

Считанное количество отражений аканья в ранней московской письменности иногда, как мы уже говорили, неоправданно сокращают, причисляя некоторые из них к фактам чисто графическим.

В нарастании проявлений аканья в московских текстах XVI и особенно XVII в., в сравнении с более ранними, обыкновенно видят прямое отражение интенсивности его развития в московском говоре за это время, совершенно не учитывая того, что степень его отраженности в тех и других текстах, обусловленная природой последних, была неодинаковой. Прямая оценка динамики аканья по письменным данным, с одной стороны, XIV—XV вв., с другой, XVI—XVII вв. явилась бы оправданной лишь при условии количественной соразмерности источников, дошедших до нашего времени из той и другой эпохи, и при известной их однородности. Данное условие отсутствует. Имеем основание полагать: ограниченность проявлений аканья в ранних московских памятниках

---

[6] Р. И. Аванесов. Указ. соч., стр. 69—70.
[7] Там же, стр. 70.

(малочисленных, строго юридических и частью церковно-канонических) еще не может свидетельствовать о такой же ограниченности его проявлений в устной речи того времени. Тщательное «списывание» церковных книг, как было сказано, не благоприятствовало проявлению в них фактов аканья. Грамоты московских князей как документы строго юридические, большого государственного значения, безусловно выходили из-под пера людей, искушенных в правописании. Не удивительно, что в этих источниках проявление фактов аканья было затруднено. Иное дело — нецерковные тексты и особенно деловая письменность обычного характера, корни которой уходили в живую народную речь: в ней условия для проявления аканья были оптимальными. Словом, есть основание думать, что в XIV—XV вв. аканье в московском говоре имело гораздо большее распространение, нежели то, какое рисуют московские евангелия, да в известной степени и грамоты московских князей.

Утверждение аканья в Москве как явления более или менее всеобщего обыкновенно датируют XVII столетием. Относительно возможности его утверждения в XVI столетии и даже в более раннее время высказывается Ф. П. Филин. Имея в виду XV—XVII вв., он пишет: «. . .недиссимилятивное (полное) аканье. . . в Москве. . . было явлением обычным» [8]. П. С. Кузнецов констатирует: «К концу XVI в. аканье уже несомненно стало нормой московского говора» [9]. Р. И. Аванесов считает, что акающий диалект в Москве «расширился в своем употреблении, уже в XVI в. заметно укрепив свои позиции и лишь к началу XVII в. завоевав господствующее положение» [10]. В. В. Иванов полагает: «. . .в XV—XVI вв. язык Москвы имел еще ярко выраженный северновеликорусский характер» и, в противоречии со сказанным, продолжает: «к XVII в. (заметьте: к XVII, иными словами, в XVI. — *С. К.*) вырабатывается единое московское просторечие, средневеликорусское по своему характеру, т. е. с аканьем

---

[8] Ф. П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, стр. 128.

[9] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2. М., 1965, стр. 154.

[10] Р. И. Аванесов. К вопросам образования русского национального языка, стр. 60.

ем. . .»[11]. Датировка московского аканья более поздним временем обусловлена, с одной стороны, недостатком сведений о нем, с другой, — известным преувеличением значения в истории московского говора северновеликорусского начала. Сыграло некоторую роль и невнимание к южновеликорусским данным того же самого времени.

Привлечение южновеликорусских материалов для сравнения с московскими диктуется определенными задачами исследования. Применительно к ранней эпохе существования московского говора историков языка интересовал прежде всего самый факт наличия в нем элементов аканья, а применительно к более поздней поре — характер этого аканья, точнее, главным образом, редукция гласных неверхнего подъема в положении после мягких. Если в первом случае в общем не было принципиальной необходимости в сравнении московских вокальных данных с синхронными южновеликорусскими, да к тому же сравнение в подобном плане оказывалось и невозможным (южновеликорусские памятники той эпохи до нашего времени не дошли), то выявление характера московского аканья XVI—XVII вв. без привлечения синхронных южновеликорусских данных не может быть достаточно обоснованным. Рассмотрение московского аканья XVI—XVII вв. лишь на фоне состояния аканья в современных русских говорах не может удовлетворить историка языка по следующим причинам: во-первых, сравнивается не вполне сравнимое — с одной стороны, далеко не полное и приблизительное отражение аканья в старинном обычном письме, с другой стороны, его полное и довольно точное воспроизведение в современной научной транскрипции или инструментальной записи; во-вторых, не зная отражений аканья в старой южновеликорусской письменности, затруднительно судить о том, в каком соотношении находились в ту пору аканье московское и южновеликорусское, а без выяснения этого соотношения установление характера московского аканья указанного периода не может быть бесспорным.

Между прочим, отсутствие этого аспекта в исследованиях, посвященных данной теме, приводит к несколько

---

[11] В. В. Иванов. Историческая грамматика русского языка. М., 1964, стр. 73—74.

формальной, мы бы сказали, буквальной интерпретации отражений безударного вокализма в старой московской письменности. Например, написания *е* вместо *я* позволяют авторам упомянутых исследований говорить непременно о наличии еканья. Однако не менее интенсивные проявления подобной буквенной замены находим и в текстах того же времени южновеликорусского происхождения, предполагать в которых отражение еканья, в свете известных науке данных о южновеликорусском безударном вокализме, едва ли есть основания.

Впрочем, В. Н. Сидоров в тех же самых южновеликорусских фактах усматривает также отражение еканья. Специальный раздел его книги «Из русской исторической фонетики» (М., 1969) так и озаглавлен: «Еканье в южнорусском наречии XVII в.» Опираясь на показания исследованных нами источников с южновеликорусской территории, В. Н. Сидоров пишет следующее: «. . . о существовании здесь еще в XVII в. предударного *е* на месте старых *е*, *ѣ*, *'а* говорит орфография памятников деловой письменности, исследованных С. И. Котковым. Хотя извлеченный из них языковый материал позволяет охарактеризовать предударный вокализм южнорусских говоров лишь в самом общем виде, но вместе с тем вряд ли можно сомневаться, что во всяком случае в значительной части этих говоров на месте предударных этимологических *е*, *ѣ*, *'а* произносилась гласная типа *е*. На это определенно указывает буква *е*, которая пишется в соответствии не только со старой безударной гласной *е*, но и *ѣ*» [12]. Далее признается: «Вместе с тем орфография памятников отражает на письме все же не просто еканье или точнее не тот предударный вокализм, который сейчас принято называть еканьем. С. И. Котков отметил в ней хотя и слабые, но все же достаточно явственные следы диссимилятивности. Они выражаются прежде всего в том, что «гласные неверхнего подъема перед слогом с гласным нижнего подъема» иногда передаются на письме буквой *и*: *двинацати*, *Савка Стипанов*, *пичалица*, *с тримя дочери*. Этому противостоят отдельные написания с буквой *я* вместо *е* перед ударяемыми гласными верхнего подъема: *лебядиног(о)*, *невялик*, *грячихи*, *сянныя покосы*, *завсягды*. Послед-

---

[12] В. Н. Сидоров. Из русской исторической фонетики. М., 1969, стр. 71.

ний пример и *завсегда* у одного и того же писца, по справедливому замечанию С. И. Коткова, особенно убедительны»[13]. Кроме того, отмечаются приводимые мною случаи написания *я* вместо *е* и *ѣ* перед слогом с ударяемым *о*, соответствующим древнему *о* с восходящим ударением[14].

В итоге сопоставления наших данных В. Н. Сидоров обнаруживает противоречие, формулируемое следующим образом: орфография южновеликорусских текстов XVII в. «свидетельствует о еканье» соответствующих говоров, а написания букв *я* и *и* вместо буквы *е* как будто показывают, что «этим говорам свойственно диссимилятивное яканье»[15]. Не думаю, чтобы это противоречие можно было трактовать как только фонетическое. Здесь сказалось и естественное противоречие между звуковым строем языка и определенными средствами его фиксации, точнее, их возможностями в основанной на морфологическом принципе обычной русской письменности. Действительно, написание буквы *е* в соответствии с гласными неверхнего подъема в первом предударном слоге является весьма распространенным. Но означает ли подобное написание непременно гласную *э*? Нет, не означает. Об этом говорит уже самая возможность написания в соответствии с теми же гласными в том же предударном слоге (при известных фонетических условиях в слоге под ударением) не только *е*, но и *я* (явление особенно распространенное), а также буквы *и*, что вполне правомерно объясняется «мобильностью» качества данных гласных в безударном положении; об этом косвенно свидетельствуют и написания *е* вместо *и* в первом предударном слоге. При такой «мобильности» рассматриваемых гласных в непосредственно предударном слоге допускать существование на Юге е к а н ь я (разрядка наша. — *С. К.*) можно только с большой натяжкой. Не случайно далее и В. Н. Сидоров предполагает в данном еканье элемент диссимилятивности, которая, по его словам, могла выражаться в том, что «предударная гласная *е*, варьируя по подъему, в одних фонетических позициях выступала в виде широкой открытой гласной $е^а$, а в других — в виде узкой закрытой $е^и$»[16]. В заключение

---

13 В. Н. С и д о р о в. Указ. соч., стр. 72.
14 Там же, стр. 73.
15 Там же.
16 Там же, стр. 79.

возможность изменения предударной гласной *е* в *и* автор излагаемой концепции предполагает и в сфере умеренного яканья, в том числе и в московском безударном вокализме, разумеется, свободном от диссимилятивности, причем для московского литературного произношения этот процесс датируется концом XIX в.[17]

К сожалению, В. Н. Сидоров не воспользовался южновеликорусскими материалами несколько иного характера, а именно — грамотками. Имеем в виду грамотки, написанные в южновеликорусской среде, в кругу помещиков Масловых, их друзей и родственников, опубликованные в книге: С. И. Котков, Н. П. Панкратова. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—начала XVIII века (М., 1964). Вот примеры из этого издания, которые никак не согласуются с предположением о существовании на Юге в XVII в. еканья: чило*м* (90); примъного (92); примънога (92), тилагрею (99); види*т* (видеть) (105), любищими (106), построина (118), не пишимъ (118), поедишъ (121), не *с* чи*м* (125), ѕахочишъ (137), напишимъ (138); косвенные свидетельства иканья: пеща*л* ве*н*това*лн*ꙋю (81), ср.: пища*ли* ѕ двѣ (81), преве*з* (89), ср.: приве*з* (89), песаниемъ (127), ср.: писание*м* (127); далее: ѡбрятаюся (106), с нявѣстꙋшкаю (127), мояму (133), мояво (133), мояво (134), всяго (135), от мяня (140—141), ср.: о*т* меня (141), мояму (142), пеpя*д*воі (143), моямꙋ (143—145), мояво (144).

В общем концепция В. Н. Сидорова представляется нам не доказанной, поскольку в ее основании лежит не столько опосредствованное, сколько прямое восприятие касающихся безударного вокализма данных старой письменности, при этом данных недостаточных.

Выявление характера безударного вокализма в московском ли говоре XVII в., в современных ли последнему говорах прочих русских областей невозможно без общего определения состояния письменной культуры в указанную историческую эпоху и выяснения, хотя бы приблизительного, правописной выучки и начитанности тех носителей этой культуры, которые оптимально отражали в обычном письменном изложении произношение того времени. Наиболее отвечают этой цели материалы делового и бытового содержания и сравнительно широкого распространения.

---

[17] В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 84—85.

Для Москвы такими материалами могут прежде всего служить вошедшие в книгу «Московская деловая и бытовая письменность XVII века». Они, за немногими исключениями (материалы частной переписки), принадлежат к кругу произведений приказной обыденной письменности. В составе этих источников — разного рода челобитные, сказки, памяти, расписки, купчие и духовные, и другой актовый материал, а также следственные, расспросные речи. Обратимся к некоторым особенностям, а равно и условиям возникновения и функционирования данных текстов. Многие из них адресованы властям, а часть имеет юридическое значение. Вследствие этого, можно думать, писались они достаточно осмотрительно (с оглядкой на приказный письменный этикет, в чем бы он ни выражался), с необходимой точностью изложения. Все это не могло не способствовать соблюдению в данных произведениях письменности практически принятых в ту эпоху определенных правописных норм, хотя обусловленные главным образом влиянием произношения отклонения от них и допускались, причем не только негласно, но и официально.

Так, согласно указу царя Алексея Михайловича, в письме допускались «наречия, подобные тем, по природе тех городов, где кто родился и по обыкностям своим говорить и писать извык» [18].

Как видим, внелингвистические обстоятельства побуждали пишущих к соблюдению определенных правописных норм, а лингвистический фактор — произношение — диктовал послабления в орфографии. Впрочем, негативную роль в правописании безударных гласных играло не всякое произношение, а едва ли не исключительно несеверновеликорусское. В то время как под влиянием аканья в правописании безударных гласных рождались колебания, влияние прибывавших в столицу окальцев в известной степени могло смягчать, умерять подобные колебания.

Кстати, следует иметь в виду: обусловленная влиянием Юга или Севера неполная приверженность к московскому говору могла проявляться не только у новоселов, еще не вполне его усвоивших, но и у отдельных давних московских жителей, длительное время проводивших в отдален-

---

[18] Цит. по кн.: И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии, ч. I. Изд. 4. М., 1918, стр. 323.

ных от Москвы поместьях и вотчинах. Словом, устное влияние извне на московскую речевую культуру, на ее безударный вокализм, осуществляли и временные пришельцы и еще не ассимилированные Москвой новоселы, а также, хотя и в малой степени, и подолгу жившие в уездах ее коренные обитатели. Особо отметим такой источник внешних влияний на московский говор, как среда многочисленных дворовых — людей, постоянно приводимых в Москву из разных уездов России.

Касаясь письменного влияния, обратим внимание на следующее: колебания в правописании безударных гласных умеряла значительная начитанность определенного круга москвичей в рукописных и печатных церковных книгах с их традиционно воспроизводимою «окающей» орфографией.

Все изложенное приводит к заключению: ожидать в московской деловой письменности XVII в. прямого, зеркального отражения системы местного аканья явно не приходится.

Не меняет положения в этом отношении и привлечение вошедших в то же издание материалов частной переписки. Безусловно более «свободные», вне стандартных зачинов и концовок, с точки зрения словообразования и в какой-то мере синтаксиса, они в остальном, в частности и в передаче безударных гласных, в общем более или менее однородны с текстами делового содержания и вместе с тем обнаруживают довольно порядочное правописание, поскольку исходят из кругов, соответственно владевших орфографией привилегированных москвичей.

Результат постоянного противоборства, с одной стороны, московской речи, а с другой — внешних речевых стихий в заметной степени определялся тем историческим фактом, что в говоре московских старожилов, как говоре столичном и, следовательно, авторитетном, несомненно видели образец устной культурной речи. Вместе с тем необходимо признать: внешние воздействия на этот говор не были совсем безрезультатными, хотя в сравнении с противостоящими им столичными явлениями оказывались менее влиятельными, почему и обнаруживали себя, вследствие медленности нарастания, лишь в течение длительного времени и оставались малоприметными.

Вследствие главенствующего положения в России, вследствие высокого политико-экономического, а также

культурного значения Москва постоянно притягивала к себе различные силы со всей страны — военнослужилых и торговых людей, духовенство, ремесленников и крестьян, дворовых и т. д. — и потому никогда не была свободна от значительного временного контингента людей, прибывавших в нее отовсюду, с разных концов Русской земли, из разных диалектных областей. С учетом этого обстоятельства исследование живой московской речи интересующей нас эпохи, в том числе, разумеется, и ее безударного вокализма, нельзя проводить в отвлечении от ее конкретных носителей.

Представим отражения аканья под пером заведомых москвичей [19] в текстах, опубликованных в книге «Московская деловая и бытовая письменность XVII века», распределив все случаи отражения отдельно у каждого писавшего по следующим рубрикам: А — в положении после твердых согласных и в абсолютном начале слова, Б — в положении после мягких согласных, В — в положении после шипящих и аффрикат; рубрику Г образуют примеры, в которых можно усматривать косвенные отражения аканья (перестраховочные написания). Внутри каждой рубрики сначала приводятся случаи в первом предударном слоге, затем — в прочих предударных и, далее — в заударных. В составе рубрики Г сначала приводим отражения аканья в положении после твердых, а затем после мягких, шипящих и аффрикат. Случаи, которые могли быть обусловлены правописным обыкновением той эпохи, или, иначе говоря, ее правописным узусом, во внимание не принимаем. Имеем в виду написания вроде таких, как *новои* (им.-вин. ед.), *кадашевцов*, *Богдан Палцов*, *подьячеи*, *угодеи* (род. мн.), *Василеи* и т. п.; не касаемся здесь и написаний начальных *а* или *о* в личных именах собственных: *Алешка*, *Олешка* и т. д. Написания гласных, в которых можно видеть и отражение локального произношения и правописное обыкновение, в том числе и ориентированное на старославянское, сопровождаем вопросительным знаком в круглых скобках.

После примера указываем количество его употреблений на данной странице книги, если их больше одного. В скобках указываем страницу.

---

[19] Имеем в виду лишь тех москвичей, которые оставили прямые указания, что грамотки, деловые бумаги, либо те или иные строки написаны их рукой.

Называя лицо, перу которого принадлежит текст, отмечаем и дату написания текста.

Стремясь прежде всего установить степень распространения аканья в среде постоянного населения Москвы, приводим примеры в той последовательности, в какой они представлены в книге, иногда допуская группировку однородных в том или ином отношении.

Садовник Трифонка Антипов, 1668

А. вмѣста. . . Ивана (16)

Дунька, жена князя В. В. Голицына, 1677

Б. сен*т*ебря (22); напаметова*т* (22)

Г. въ ее печале (22), ср.: в свое*и* печали (22)

Алешка, сын князя В. В. Голицына, 1677

А. ведамо (26)

Б. напаметова*т* (26)

В. (сабли) хороши*н*ко*и*. . . не*т* (26)

Подьячий Поместного приказа Макарка Богданов, 1663

А. вмѣста садо*в*ника (73)

Кадашевец Афонька Митрофанов, 1668

Г. кодашеве*ц* (78)

Кадашевец Стенька Дементьев, 1674

А. Сенки Сако*л*никова (89)

Г. кодашовецъ (89)

Площадной подьячий Стрелецкого приказа Якушка Аврамов, 1675

А. Стреле*ц*каго прика*зу* (94)

В. площе*д*но*и* (94)

Г. кодоше*в*ца (94)

Кадашевец Ивашка Михайлов, 1694

А. Саламаниды (120), прила*ж*и*л* (120); Саламаниды (120)

Ордынской сотни Андрюшка Григорьев, 1696

А. Ар*д*ынъские со*т*ни (121), Дараѳея (121); Дараѳея (121); вместа Дараѳея (121)

Караульный солдат Федосейка Стахонов, 1698

А. са*л*да*т* (124); вмѣста. . . Ѳедара (124)

Б. теглеца (124)

Подьячий Большого прихода Ромашка Протопопов, 1646

А. Рамашко (125), Рама*ш*ко (125), Рама*н* (125); Алеѯѣя Михаилавича (125)

Жилец Иван Савин, 1646

А. таво (125), избу тапила (125), та*г* не вѣдою (125)

Г. скоза*л* (125); не вѣдою (125)

Подьячий Сибирского приказа Ефимка Панов, 1646
А. члвкъ на лашади (126); выскачил (126)
Подьячий Новгородской чети Петрушка Колударов, 1646
А. ѕагарелася (126)
Г. (дома) осталос сосѣдка (126)
Подьячий Разбойного приказа Ивашка Волков, 1646
Г. Розбоиного приказу (126)
Подьячий Иноземского приказа Смирной Богданов, 1646
А. то мая и скаска (127)
Иконник Сенька Степанов, 1646
В. ȣслышел (127)
Жилец Иван Шапилов, 1651
А. пастельничемȣ (128)
Б. десет (128)
В. Иван. . . Шапилов (128), Иван Шапилов (128)
Жилец Лаврентий Усов, 1651
Б. в Переславле Резанском (128), евангилиста (128)
В. дватцет (128), двенатцет (128)
Жилец Микитка Деев, 1652
В. дватцет (128)
Жилец Илья Левшин, 1652
А. без астатка (129); что была. . . то въсе погорѣла (129)
Б. рȣхледи (129)
Г. скозал (129); въ троетском походе (129)
Подьячий Ивановской площади Микитка Иванов, 1652
Б. рȣхлед (129)
Г. в троецком походе (129)
Жилец Микита Левшин, 1652
Б. к сеи сказки (129)
Князь Федор Гагарин, 1652
А. вместа брата (130)
Жилец Петр Софонов, 1652
Б. рȣхледь (130)
Жилец Андрей Чичерин, 1652
А. ȣ Льи пророка Обыденаго (130)
Б. рухх ълет (130)
Г. скоѕал (130)
Хамовных кадашевских дел дьячок Богдашка Петров, 1653
Г. кодашевцов (130), ко[да]шевец (130), кодашевских (131)
Церковный дьячок Васька Климонтов, 1660
А. Васка Климонтавъ (131)

Торговый человек шубного ряда Артюшка Харитонов, 1660
А. вмѣста Ивана (131)
Староста Садовой слободы Савинка Иванов, 1662
Б. к сеи скаски (133)
Садовник Митька Патрикеев, 1662
Г. Митка Потрекеев (133)
Садовник Ивашка Кирилов, 1662
А. вмѣста Ѳомы (133)
Таганной слободы Куземка Фомин, 1662
А. вместа. . . старосты (134)
Г. Тоганные слободы (134), Тоганные слободы (134)
Басманной слободы Якушка Иванов, 1662
Г. Понкрашки (134)
Таганной слободы Васька Леонтьев, 1662
Б. Тоганныя (?) слободы (Васька Леонтьев) (134)
Г. Тоганныя слободы (134)
Тяглец Гончарной слободы Андрюшка Лукин, 1662
Б. теглец (134); теглеца (134)
Дьячок Кадашевской слободы Митька Афанасьев, 1662
А. дараговль хлѣбнаѧ (135), адоне. . . хлѣба (135), не токмо ннешго гаду (но и прошлых лет) (135); Радиону (134), укозал. . . дапросит (134), ѕалотых 2 (135), дараговль хлѣбнаѧ (135), роспраданы (136) — если ударение наконечное. — *С. К.*; у города Архангилскаго (135), у Архангелскаг города (135), у Архангелскаг города (136), млстиваго (135), впятера и вшестера (136)
Б. (серебряного ряда) редовича (серебряные деньги покупают) (135) — если ударение на *о.* — *С. К.*; серебреного (135), серебреные 4 (135), серебреные (136), серебреных (136), серебреным (135), у города Архангилскаго (135), без оскорбление (134)
В. (вшестеро) и болши (136)
Г. укозал (135)
Староста Кадашевской слободы Кондрашка Добрынин, 1662
А. Кадашевскиѧ слобады (136)
Б. к сеи скаски (136), Кадашевскиѧ (?) слобады (староста) (136)
Староста Кадашевской слободы Герасимка Яковлев, 1662
А. Кадошевския слобады (136)
Б. Кадошевския (?) слобады (староста) (136)

Кадашевец Ивашка Яковлев, 1662
Г. кодашевец (136), кодашевца (136)
Кадашевец Агейка Мартынов, 1662
А. Алѣѯѣѧ Рагоѕина (136); вмѣста Алѣѯѣѧ (136)
Староста Садовой слободы Савинка Иванов, 1662
А. вмѣста. . . старосты (137)
Б. к сеи скаски (137)
Тяглец Огородной слободы Ивашка Кирьяков, 1662
Б. теглец (137)
Подьячий Сотенной палаты Ивашка Артемьев, 1662
Б. (мы. . . стали) ненавидяны (ото всех) (139)
Сотский Устевской сотни Юрка Борисов, 1662
Б. вместо. . . Екима (139)
Староста Екатерининской слободы Бориска, 1662
А. стараста Бориско (139)
Тяглец Ордынской слободы Минька Иванов, 1662
Б. теглецъ (139); теглецов (139); Ѡрдынския (?) слободы (тяглец) (139)
Подьячий Земской площади Микифорка Щаболов, 1662
Б. теглеца (140)
Протопоп Анисим, 1666
Г. про хомовника (140)
Хамовной слободы Микитка Дмитриев, 1673
А. въмѣста дядѣи (141)
Подьячий Разрядного приказа Максимка Алексеев, 1679
А. оброку. . . никакова (141)
Подьячий Разрядного приказа Алешка Яцкой, 1679
А. аброчных (141)
Подьячий Разрядного приказа Юшка Охотницкой, 1679
Б. евангилскои (141)
Подьячий Разрядного приказа Васька Степанов, 1679
Б. евангилскоі (142)
Подьячий Разрядного приказа Агафошка Пименов, 1679
Б. Агаѳошко Пиминов (142)
В. болши того (142)
Пушкарский голова Василий Долматов, 1684
А. прилажил (143)
Зелейный мастер Андрей Сергеев, 1685
А. плотилщикавъ (144)
Б. к сеи скаски (143), к сеи скаски 2 (144)
Зелейный мастер Андрей Сергеев, 1686
Б. к сеи скаски 2 (148)

Зелейный подмастерье Максимка Агеев, 1684
А. зе[л]еинаго (149)
Б. по*д*мастер*я* Ма*ѯ*имко (149)
Зелейный подмастерье Максимка Агеев, 1685
А. сели*т*ре*н*наго (143)
Б. зелѣинои по*д*мастер*я* (143), зелеинои по*д*мастер*я* (145)
Зелейный подмастерье Максимка Агеев, 1686
А. сели*т*реннаго (147), сели*т*ре*н*наго (148)
Б. зелѣинои по*д*мастер*я* (147), зелеино*и* по*д*мастер*я* (148)
Пушкарь Терешка Иванов, 1685
А. два*т*це*т* начово*к* 2 (145); а*р*жено*и* (144), манастыря (144)
Б. десе*т* 3 (144), десе*т* 3 (145), кре*с*яня (144), восмьдесе*т* (144), для полыя (?) воды (144)
В. а*р*жено*и* (144); пя*т*на*т*це*т* (144), осмна*т*цеть (145), два*т*це*т* 3 (144), два*т*цеть (144), два*т*це*т* 5 (145), три*т*це*т* 3 (144), три*т*це*т* 2 (145)
Г. рого*ж* ценово*к* (144), рого*ж* ценово*к* 2 (145)
Пушкарь Терешка Иванов, 1686
Б. десе*т* (145), десеть (146)
В. пя*т*на*т*це*т* (146), два*т*це*т* (146)
Площадной подьячий Иноземского приказа Ивашка Злобин, 1686
А. вмѣста Луки (146)
Московский пушкарь Петрушка Степанов, 1684
Б. се*н*тебря (149)
В. пятна*т*це*т* (149)
Московский пушкарь Петрушка Степанов, 1686
А. платил*щ*ика (147), к плати*л*ном*у* дел*ȣ* (147), ср.: плотин*ȣ* (147); рого*ж* ценова*к* (147), сырова мя*х*кова лѣс*ȣ* (147)
Б. пе*т*на*т*ц[а]*т* (147); десе*т* (147), в литрова*н*я (147), в ли*т*рова*н*я (148), ср.: в ли*т*рова*н*е (148)
В. пя*т*на*т*це*т* (146), три*т*це*т* (147), три*т*цеть (147)
Г. ѳети*л* (147), ѳети*л*ного (147), ѳети*л*ном*ȣ* (147), рого*ж* ценова*к* (147)
Подьячий Пушечного двора Григорий Крюков, 1686
Г. ѳети*л*ного (147)
Зелейного дела подмастерье Куземка Иевлев, 1686
Б. к сеи*и* скаски (147), по*д*мастер*я* Куземко (147)
Пушкарь Ивашка Кондратьев, 1686
А. Ивашка Ка*н*дра*т*евъ (148)

Г. обросцов (148), ср.: обрасцы (148)

Зелейного дела подмастерье Сережка Семенов, 1686

А. таварищи (149); зелеинаго (149)

Б. подмастеря Серещка (149)

Кадашевской слободы хамовных дел дьячок Богдашка Петров, 1637

А. Ераполские волости (151), въ Ера[поль]скои волости (151), ераполского (151)

Б. Ераполские волости (151), въ Ера[поль]скои волости (151), ераполского (151); куплянъ (151), памет (151)

Г. Кодашевские слободы 2 (151), Кодашевские слободы (151), в Кодашевскую слободу (151), кодашевские (151); Леонтью Лазоревскому (151)

Кадашевской слободы хамовных дел дьячок Ивашка Провов, 1649

А. калодязѩ (151), (от. . . бани) да Ѳетькина (колодезя) (151), калодезя (151), в калодезь 2 (151), калодезь 2 (152); а дворовых межах (151), Прокоѳѩ. . . Саковнина (151)

Б. Екимка (151), от Екимъкина двора (151), земленои (152); Васка. . . Серебреник (151), подлѣ. . . калодязѩ (151), ср.: калодезя (151), паметь (152), (по приказу) великия (?) кнгни (151), Кадашевския (?) слободы (дьячок) (152)

В. (под банею место) выша (151), (лет с двадцать) и больши (152), нынѣча (152)

Г. кодашевцы (152), ср.: Кадашевския слободы (152)

Царицын сын боярский Федор Голенищев, 1649

Б. Ѳедор Голянищев (152), ср. в письме дьячка Ивашки Провова: Ѳедоръ Голенищѣвъ (152)

Кадашевец Богдашка Петров, 1649

Б. к сеи. . . памети (152)

Г. кодашевец (152)

Князь Михайла Вяземский, 1660

А. каторые (152)

Б. о тѣх крстьянях (152)

Князь Яков Вяземский большой, 1660

А. каторые (153), ср.: которую (153); гсдрва жалоowане (153)

Б. по жеребе(?)мъ (153), по жеребе(?)м (153)

Антипка Павлов, брат тяглеца Огородной слободы, 1670

А. салдата (153); выборнова полку (153)

Б. десети (153)
Подьячий Поместного приказа Иван Тишевской, 1677
А. *з* дачер*ми* (154), (жене брата моего и детям) да того члвка (дела нет) (154), ср.: до жены ево и до детеі (дела нет) (154)
Иван Владимиров сын Волынский, 1677
А. а*в*са (154), а*р*женои (154)
Б. паме*т* 2 (154), зане*л* (154)
В. а*р*женои (154)
Федор Шакловитый, 1683
А. каво (156); вѣдома ва*м* бȣди (155)
Стряпчий Сытного дворца Тихон Виньков, 1684
А. Тиханъ Ви*н*ко*в* 2 (156), Тиха*н* Ви*н*ковъ (156)
Князь Яков Вяземский меньший, 1698
А. а*т*ца (157)
Кадашевец Ерофей Павлов, 1689
А. пасацкова (158)
Кадашевской слободы хамовных дел дьячок Богдашка Петров, 1634
А. ерапо*л*ского (159), ерапо*л*ского 3 (160)
Б. ерапо*л*ского (159), ерапо*л*ского 3 (160); Кодаше*в*ския (?) слободы (старосты) (159), Кодаше*в*ския (?) слободы (старосты) (160), Кодаше*в*ския (?) слободы (дьячок) 2 (160)
Г. Кодаше*в*ския (159), Кодаше*в*ския 3 (160)
Подьячий Куземка Чупышов, 1656
А. актября (160)
Б. Яроѳеи*к*а (160); ева*н*гилско*и* (160)
Г. с ко*м*нотою (160)
Хамовных дел подьячий Гаврилка Степанов, 1676
А. Ма*тв*ѣ*и* Аси*н*ца*в* (161), ср.: Ма*т*ѳе*и* Оси*н*цо*в* (руку приложил) (161), Евдаки*м* (161), в. . .слобадѣ (161); в Ко*з*ма(?)де*м*янско*и* улицѣ (161)
В. Ма*тв*ѣ*и* Аси*н*ца*в* (161), ср.: Ма*т*ѳе*и* Оси*н*цо*в* (руку приложил) (161)
Г. кодаше*в*ские (161), в Кодаше*в*ско*и* слобадѣ (161), у кодаше*в*ца (161); (два чулана) ѕаброны в кося*к* (161)
Подьячий Ивановской площади Максимка Уланов, 1651
А. Севскаго города (162), с пе*р*ваго числа (162), девятаго (163), которова (162)
Б. по тысече (162), сидечи (162), деня*г* 2 (162), денягъ (162), денягъ (163)

В. *из* Большаго Розряду (162), по не*м* жа (взять. . . запись) (162), мы жа (приняли. . . Перфилья Мокеева) (163)

Кадашевец Борис Леонтьев, 1651

Г. кодашеве*ц* (163)

Подьячий Ивановской площади Федька Федоров, 1660

А. кр*с*тьян*с*кова малова (163)

Г. Лаѕо*р* (164), ср.: Лаза*р*ко (руку приложил) (164)

Подьячий Ивановской площади Дмитриева полку Романовича Жукова пятидесятник Ивашка Петров, 1694

А. (Дмитриева полку) Рамановича (Жукова) (164)

В. площеди (164)

Подьячий Ивановской площади Григорьева полку Ивановича Анненкова десятник Мишка Мельнов, 1694

А. Кандрашка (167); (пустошь) А*р*жениковские мысы 2 (166) — если ударение на *о*. — *С. К.*, дрвню А*р*жениковѡ (166)

Б. имяны 3 (165), имяны 2 (166), имяны (167); ерово*и* (167); кр*с*тьяня (165), кр*с*тьяня (167), ср.: кр*с*тьяне (167)

В. внȣчета*м* (165), ср.: внȣчаты (165)

Дьякон Голутвиной слободы Козьма Емельянов, 1634

Б. *в* тегле (168)

Кадашевец Иван Корнильев, 1651

А. Ива*н* Ка*р*нилье*в* (169)

Кадашевец Илья Федотов, 1651

А. Данилы Канъдратиева (169); вмѣста порȣчика (169)

Подьячий Ивановской площади Максимка Уланов, 1651

А. с пе*р*ваго числа (168), Совскаго (Севского) города (170), с пе*р*ваго числа (170), девятаго (168), девятаго (169), девятаго 2 (170), стараго (168), стараго (169), стараго 2 (170), до о*т*ку*п*нова. . . сроку (169), пятаго (170), рукавишнова ряду (168), рукавишнова ря*ду* (168), мускова шапошнова ря*ду* 5 (168), мускова шапошнова ряду 2 (168), мушнова ря*ду* (168), Сурожскаго ря*ду* (168)

Б. деня*г* 3 (168), денягъ (169), деня*г* (170), денягъ 2 (170), по тысечи (168), по тысече (169), ннешняго (168), ннешняго (170)

В. *д*ва*т*цети (168); Бо*л*шаго Розря*ду* (170), площеди (169), площеди (170), прозвища Самохвато*в* (170)

Г. хомовникъ (168), Розря*ду* (170), ср.: Разряду (170)

Подьячий Ивановской площади Демка Гостьев, 1655
Г. (порутчики) выручели (170)
Тяглец Панкратьевской слободы Филатка Семенов, 1655
А. вместа пор8чиковъ (171), Серъгея Өедорава (171), Перъвова Л8*к*янова (171)
Б. теглецъ (171)
Г. Понъкра*т*евъскоі слободы (171)
Красноселец Власка Оникеев, 1655
А. вместа пор8чик[о]*в* (171)
Дьячок Кадашевской слободы Митька Афанасьев, 1661
А. анѣ (Трифон да Емельян) (171), карчмы (171), карчму (171); Радион8 (171)
Б. бле*д*ни (171), бле*д*ню (171); р8*х*ледью (171), ру*х*ле*д*ю (171)
Г. То*т*дне (171), тобакъ (171); тобак8 (171)
Козел, сын кадашевца Лаврентия Афанасьева, 1661
А. поручика*в* (171), Конана (171)
В. кадашев*в*цавъ (171)
Кадашевец Гаврилка Иванов, 1661
А. Микиты Өедарова (172), вмѣста пор8чика*в* (172),
Площадной подьячий Посольских сеней Коземка Иванов, 1675
В. Бо*л*шаго дво*р*ца (172), ср.: Прика*зу* Болшо*г* дво*р*ца (подьячий. . . руку прило*ж*ил) (172)
Подьячий Троицкой площади Ивашка Федоров, 1675
В. площеди (172)
Пономарь церкви Преображения Григорий Борисов, 1675
А. паномар (172)
Подьячий Дворцовой площади Микитка Петров, 1678
А. начевать (173); шапочнова (173)
Б. Масте*р*ския (?) полаты (кружевник) (173), Масте*р*ския (?) полаты (чоботник) (173), Масте*р*ския (?) полаты (шапочного дела мастер) (173)
В. бра*ж*ничеть (173), бра*ж*ниче*т* (173)
Подьячий Ивановской площади Ивашка Гладков, 1678
А. с пе*р*ваго числа (174), девяностаго (174), девятаго (174), с новаю на*д*дачею (174)
Б. по десети (174), Пими*н* (173)
Тяглец Огородной слободы Пимен Михайлов, 1678
Б. Пиминъ (174)
Артамошка, сын пристава Судного Дворцового приказа Невзорова, 1678
А. Суднова. . . прказу (174)

Г. Говрила (174)

Тяглец Таганной слободы Емельян Иванов, 1678

А. вместа пор8чьковъ (175)

Б. теглецъ (175); теглеца (175)

Тяглец Семеновской Заяузской слободы Петр Агеев, 1678

Б. Семеновъския (?) Заяусъкия (?) слободы (тяглец) (175), Таганыя (?) слободы (тяглеца) (175)

Подьячий Ивановской площади Иванова полку Меркульевича Конищева стрелец Гришка Михайлов, 1696

Б. (под хоромное) строения (175)

Г. да токова *ж* числа (175)

Кадашевец Артамон Васильев сын Шамовцов, 1696

Г. кодашевецъ (175)

Площадной подьячий Аверкийка Сергеев, 1634

Б. Костен*т*иновско*и* (слободы) (176)

Г. Григоре*и* Пон*к*ра*т*евъ (176)

Дьячок Кадашевской слободы Митька Афанасьев, 1667

А. Θама (176), Але*ξ*ѣи Рагози*н* (176), Ка*н*драте*и* (176), ср.: Ко*н*драте*и* (176); Радио*н* (176), Зо*т* Радионо*в* (176); полоте*н*наго (176), (ходить) неопло*ш*на (177)

Б. сентебря (176), Гараси*м* Косте*н*тино*в* (176); (кто из нас)... по и*х* [по]сы*л*ки (не учнет... приходить) (177)

В. (делати государево... дело) и наша ми*р*ское (177)

Г. Тора*с* (176), (нам... им) плоти*т* (177), ср.: не заплоти*м* (177); Алексѣи Вязмети*н* (176)

Кадашевец Агейка Мартинов, 1667

А. вмѣста Григор*ѧ* (177)

Кадашевец Петр Исаев, 1667

Б. Пи*т*рушка (177)

Подьячий Ивановской площади Степанка Иванов, 1644

А. Соломанида 3 (178), Соломаниды (178), Соломаниде (178); двороваго 2 (178), по*лу*двороваго (178), то*р*говаго (178)

В. ство*р*четые (178)

Г. 8 меня кня*и*не (178), ср.: 8 меня княини (178)

Подьячий Ивановской площади Ганька Петров, 1671

Б. Івановския (?) площеди (подьячий) (179)

В. площеди (179)

Подьячий Ивановской площади Осипка Елисеев, 1669

А. са*л*датъ (179); (ворота покрыты) тесамъ (179)

В. площе*ди* (179)

Бывший приказный подьячий Осипка Иванов, 1669

Б. зане*л* (180)

Подьячий Ивановской площади Ивашка Дмитриев, 1650

А. манастырь (182); (убытка) никакова 2 (182), какова (убытка) (182), то. . . места (182)

Подьячий Ивановской площади Левка Семенов, 1657

А. двороваго (183), (убытка) никакова (183), какова (убытка) (183)

Б. девѣ*т*на*т*це*т* (183)

В. осмна*т*це*т* (183), девѣ*т*на*т*це*т* (183)

Подьячий Ивановской площади Ивашка меньшой Грибачов, 1664

А. Траѳимъ 2 (184), Траѳимꙋ (184), Траѳиму (184), на. . . Траѳиме (184); із Бѣлова города (184), (убытка) никакова (184)

Г. По*н*кра*т*евъские слободы (184), в. . . По*н*кра*т*евъско*и* слободе (184), ср.: Па*н*кра*т*евъские слободы (184)

Панкратьевский поп Мирон Никитин, 1664

А. вмѣста сына (184), дхо*в*нова (184)

Г. по*н*кра*т*е*в*ско*и* (184)

Подьячий Ивановскои площади Васька Стефанов, 1664

А. канюшни (184), ср.: конюшня (184); акромѣ (сей купчей) (185); протари (и убытки) (185), (убытка) никакова (185), по*д*ячева (двор) (184), окола двора (184)

Б. серебрены*х* (184)

В. Иванъ. . . Чеплыги*н* (184), ср.: Ива*н* Чаплыги*н* (184), Иванꙋ Че*п*лыгину (185), ср.: Ивану Чаплыгину (185); Бо*л*шаго дво*р*ца (184), площе*ди* (185), створ*ч*етые (184)

Г. Пово*р*ско*и* улицы 2 (184)

Подьячий Ивановской площади Стенька Строгальщиков, 1684

А. дащатые (185); варота (185) — ударение на *а*? — *С. К.*, ср.: вороты (185); (убытка) никакова (186)

Б. (в конюшне) пя*т* стоя*л* (186)

В. площеди (186)

Г. с комнотою (185)

Подьячий Ивановской площади Васька Черевков, 1661

В. площеди (187)

Подьячий Ивановской площади Ивашка Баран, 1679

А. Алеѯѣ*и*. . . Сако*в*нинъ (188), ср.: Ѳедо*р*. . . Соко*в*ни*н* (188)

Б. нншняг. . . го*ду* (188), тысечи (188)

В. площеди (188)

Г. Пораскове 2 (188), Порасковье (188)

Подьячий Троицкой площади Афанасьева полку Алексеевича Чубарова стрелец Федька Березкин, 1698

А. с кар8нами (189), лахан 2 (190), Кандрашкою (190), ср.: Кондрашка (190); Иван Триѳановичь (190), по алам8 (атласу) (189), ср.: по алом8 (атласу) 2 (189), (сорочек) р8пкавых (189), ср.: (сорочек) рупковых (189), вместа треуха (189), ѡдѣяла (золотный загривок) (190), зеркала (бархатное) (189)

Б. малинкия (190), серебреноu (189), серебреная 3 (189), серебреная 2 (189), серебреное (189), серебреные (189), серебреныя 7 (189), серебреными (189), полумесецы (189), тысечи (190), ѡжереля (скатное) (189), (кружево) серебреная 3 (189), ср.: (кружево) серебреное (189), ѕолоченыя (?) (189), золоченыя (?) (189), алыя (190), алыя (?) (190), бархатъныя (190), бархотныя (190), бѣлыя (190), иѕъголовья (изорбатное) (190), малинкия (?) (190), малиновыя (190), ѡтласныя (?) (190), порозжия (?) (земли укреплено) (190), суконныя (190), четверьтныя (?) (пашни тридцать семь четвертей) (190), ср.: четвертные пашни (тридцать одна четверть) (190), помесья (в нем двор боярский) (190)

В. Ѳедоръ. . . Шеховскоu (190), ср.: Ѳедор Шаховскои (руку приложил) (190), Юрья. . . Шеховскоu (190), ср.: Юря Шахавскоu (руку приложил) (190); кр8живо 15 (189), с кр8живомъ (190), с пачирицою (190), (на. . . меху) пластинчетом 2 (189), (на. . . меху) чешуuчетом 2 (189), (на. . . меху) чешуuчетомъ (189), дватцет (190), (крест) ѕолотоu жа (189), в Костромском жа уездѣ (190), в том жа. . . помесье (190)

Г. по. . . ѡтлас8 2 (189), ср.: по. . . атлас8 3 (189), ѡтласная 2 (189), ѡтласъ (190), ѡтласныя (190), Купреяшка (190), Купреяшкою (190); скотертеu (189); бархотныя (190), ср.: бархатъныя (190), Владыченскоu волости (190), Троецкоu площади (190)

Князь Юрья Шаховскои, 1698

А. Юря Шахавскоu (190)

Андрей Самарин-Квашнин, 1692

А. авса (197); (посуда) алавеная (198); недостоiнаго (197), отхожева (197)

Б. семенистее (197), (посуда) алавеная (198), оберинного (198), оберинные (198); памет 2 (197), десет (197), ср.: десят (197), серебреные (198), серебреных (198), памет (198), памети (198), (им. . . брата. . . и сестр)

не изобиди*т* (198), (им. . . ни в чем его) не изобиди*т* (198), ннешняго (197)

Г. в Троецко*м* мнстре (197)

Петр, сын А. Н. Самарина-Квашнина, втор. пол. XVII в.

А. вьЕраполчесскоі волости (199), пустошь Рагоѕина (199), каторые (199); А*н*дрея. . . Зе*м*скаго (199)

Б. (в киоте) слю*д*ено*м* 5 (198—199), дворенина (199); вьЕраполчесскоі волости (199); паметь (198), паме*т* (199), по сеі. . . памети (199), сереб*р*еная (199), сереб*р*еные (199)

Подьячий Ивановской площади Микитка Болховитинов, 1666

А. (Самуйла. . . да. . . Иван). . . Ка*л*маковы (204), ср.: Ивана. . . Ко*л*макова (204); Посо*л*скаг приказ*у* (204), кры*м*скаг посла (204), че*т*вер*т*аг году (204)

Б. Ивано*в*ския (?) площади (подьячий) (204)

В. колужани*н* (204), ср.: калужени*н* (руку приложил) (204)

Г. кодашеве*ц* (204), ср.: по кадоше*в*це (204)

Кадашевец Иван Мартемьянов, 1666

Г. кодашеве*ц* (204)

Подьячий Ивановской площади Васька Ногаев, 1666

В. площеди (205)

Г. то*л*мочю (204)

Тередорщик книг печатного дела Сенька Иванов, 1671

А. печа*т*наго (212)

Лекарь Аптекарского приказа Василий Подуреев, 1677

А. А*п*текарскаг приказ*у* (228)

Площадной подьячий Стрелецкого приказа Антошка Филиппов, 1678

Б. имяны (230)

В. кр8жичного (230)

Г. прикладыво*ли* (230)

Дьячок Хамовного двора Богдашка Петров, 1629

А. о*т* сасе*д* (232)

Воскресенский поп Кирьяк, 1629

А. вмѣста. . . дете*и* (232)

Хамовных кадашевских дел дьячок Богдашка Петров, 1652

Б. Пими*н* (233)

В. (лет) бо*л*шы (двадцати) (233)

Г. кодашевца (233), за кодаше*в*цомъ (233), кодаше*в*ские (233), кодашевски*х* (233), кодаше*в*скимъ (233), в Кодашово (233), в Кодашове 3 (233), Кодаше*в*ские слободы 2 (233)

Староста Кадашевской слободы Ларион Афанасьев, 1652

А. таварища (234); стараста (234)

Кадашевский старожилец Игнатий Иванов, 1652

Б. в место Пимино[в]о (234), к се*и* скаски (234)

Приведенные здесь прямые и косвенные свидетельства аканья учтены в записях 129 москвичей, из которых 46 подьячих и 4 дьячка (среди них один церковный), а также стряпчий. По этому подсчету писцов-профессионалов оказывается 51, но реально их несколько меньше, а именно 47, поскольку функции подьячих, в дополнение к своим основным занятиям, выполняли стрельцы Федька Березкин и Гришка Михайлов, а также десятник Мишка Мельнов и пятидесятник Ивашка Петров. Выходит, почти две трети из указанного круга москвичей не относятся к писцам-профессионалам. Среди них 16 кадашевцев — обитателей Кадашевской слободы, 8 тяглецов разных слобод и еще 4 человека, по-видимому, тоже тяглецов (Басманной слободы Якушка Иванов, Таганной слободы Васька Леонтьев и Куземка Фомин, Хамовной слободы Микитка Дмитриев), 8 жильцов, 7 князей и членов их семейств, 5 представителей духовенства, 5 слободских старост, 3 садовника, 3 пушкаря, 3 зелейного дела подмастерья, 2 стрельца, десятник, пятидесятник, пушкарский голова, караульный солдат, зелейный мастер, иконник, торговый человек, сотский, лекарь, тередорщик (печатник) книг, царицын сын боярский, наконец 7 заведомых москвичей, не имеющих в текстах характеристик по занятиям или общественному положению.

Подавляющее большинство писавших, как свидетельствуют обозначения этих лиц по свойственным им занятиям, ремеслу, сословным, должностным и некоторым иным признакам, представляло не привилегированный, а более или менее обыкновенный, частью рядовой состав московского населения. Наблюдение это подкрепляют такие выразительные факты, как уменьшительно-уничижительное оформление личных собственных имен большого круга писавших и, так сказать, не украшенное

особой приметою почета оформление их отчеств: известно, что в более высоких сферах собственные личные имена в уменьшительно-уничижительном оформлении обычно не употреблялись, а в именитой среде наименования отчеств позволительно было завершать почетным элементом *-вич*: Иванович, Васильевич и т. д.

Материалы показывают: все писавшие, чья принадлежность к московскому населению в текстах прямо, непосредственно выявляется, обнаруживают акающее произношение. А там, где оно не выступает (два-три случая), имеем дело с краткой записью, всего лишь в несколько слов, либо с более высокой, в сравнении с общемосковской средней, правописной выучкой. Представляется очевидным: в ту пору в Москве, в кругу ее постоянного населения, не было того положения, о котором принято говорить, что одни окали, другие акали; картина безударного вокализма знаменует сложившееся койне. Но если московское койне, по данным XVII в., причем не только поздним, но и первой половины века, является столь определенным, его существование в XVI в. также вполне реально.

Материалы не содержат никаких сведений, которые позволяли бы говорить о каких бы то ни было различиях в состоянии безударного вокализма, с одной стороны, у простого люда, с другой, в московских верхах. Предположение П. Я. Черных: «в Москве в середине XVII в. просторечие верхушечных слоев имущих классов ни в чем существенно не отличалось от разговорной (диалогической) речи простого народа, «производителей материальных благ», конечно, если те и другие группы населения говорили на о д н о м диалекте — старомосковском, а н е н а р а з н ы х д и а л е к т а х»[20] — с точки зрения безударного вокализма получает обоснование.

Господство аканья в Москве как одного из ярких проявлений южновеликорусского влияния на ее речевую культуру оказалось к этому времени настолько безраздельным, что последовало его законодательное признание вместе с некоторыми другими отклонениями в правописании, носившими, впрочем, не столько фонетический, сколько графический характер. В указе царя Алексея Михайловича говорилось: «Будет кто в челобитье своем

[20] П. Я. Ч е р н ы х. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 81.

напишет в чьем имени или в прозвище, не зная правописания, вместо *о* — *а*, или вместо *а* — *о*, или вместо *ь* — *ъ*, или вместо *ѣ* — *е*, или вместо *и* — *і*, или вместо *о* — *у*, или вместо *у* — *о*, и иныя в письмах наречия, подобныя тем, по природе тех городов, где кто родился и по обыкностям своим говорить и писать извык; того в бесчестье не ставить»[21]. Несмотря на то, что оригинальный указ продиктован не стремлением к нормализации правописания, а желанием устранить и ограничить иски, связанные с «бесчестьем», которое видели порой и в ошибочном написании фамилии или чина, — факт официального признания аканья в ряду допустимых отклонений в области орфографии достаточно примечателен. Любопытно следующее обстоятельство: в числе допускаемых отклонений не видим ни одного, которое было бы специфичным для северновеликорусских говоров, вроде, скажем, цоканья или *и* на месте *ѣ* в положении под ударением. Это как будто говорит: подобные северные черты для столичной письменной культуры, а может быть и устной, были тогда неприемлемы.

Обобщим проявления аканья по предложенным выше рубрикам и их подразделениям.

В положении после твердых согласных и в абсолютном начале слова в первом предударном слоге фонема *о* представлена вариантом, передаваемым буквой *а*: Сенки Сако*л*никова (89), Саламаниды (120), прилажи*л* (120), А*р*дынъские со*т*ни (121), Дараѳея (121), са*л*да*т* (124), Рамашко (125), Рама*ш*ко (125), Рама*н* (125), таво (125), избу тапила (125), та*г* не вѣдою (125), ѕагарелася (126), то мая и скаска (127), пастельничемȣ (128), без аста*т*ка (129), дараго*в*ль хлѣ*б*наѧ (135), адо*н*е. . . хлѣба (135), не то*к*мо ннe*ш*го гаду (но и прошлых лет) (135), Кадаше*в*скиѧ слобады (136), Кадоше*в*скиия слобады (136), Алѣѯѣѧ Рагоѕина (136), а*б*рочны*х* (141), прилажи*л* (143), два*т*це*т* начово*к* 2 (145), плати*л*щика (147), к плати*л*но*му* делȣ (147), Ивашка Ка*н*дра*т*евъ (148), таварищи (149), Ерапо*л*ские волости (151), въ Ера[поль]ско*и* волости (151), ерапо*л*ского (151), калодязꙗ (151), калодезя (151), в калодезь 2 (151), калодезь 2 (152), каторые (152), каторые (153), са*л*дата (153), а*в*са (154), каво (156), а*т*ца (157),

---

[21] Цит. по кн.: И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии, ч. I, стр. 323.

пасацкова (158), ерапо*л*ского (159), ерапо*л*ского 3 (160), Ма*т*вѣ*и* Аси*н*ца*в* (161), Евдаки*м* (161), в. . . слободѣ (161), (Дмитриева полку) Рамановича (Жукова) (164), Кандрашка (167), Ива*н* Ка*р*нилье*в* (169), Данилы Канъдратиева (169), анѣ (Трифон да Емельян) (171), карчмы (171), карчму (171), Ѳама (176), Алеѯѣи Рагози*н* (176), Ка*н*драте*и* (176), Соломанида 3 (178), Соломаниды (178), Соломаниде (178), са*л*датъ (179), Траѳимъ 2 (184), Траѳимꙋ (184), Траѳиму (184), на. . . Траѳиме (184), каню*ш*ни (184), акромѣ (сей купчей) (185), дащатые (185), Алеѯѣи. . . Сако*в*нинъ (188), с карꙋнами (189), лаха*н* 2 (190), Ка*н*драшкою (190), Ю*р*я Шаха*в*ско*и* (190), а*в*са (197), вь Ераполче*с*скоі воло*с*ти (199), пустошь Рагоѕина (199), каторые (199), о*т* сасе*д* (232), таварища (234).

Бросается в глаза то обстоятельство, что из 89 примеров аканья половина связана с именами собственными или нарицательными, производными от собственных. Это, по всей вероятности, объясняется главным образом тем, что личные имена собственные являются в русском языке в основном иноязычными, усвоенными с христианством, и потому для носителей русского языка лишенными внутренней формы, выпадающими из свойственной ему определенной системы соотношений ударяемых и безударных гласных, опираясь на которую, русские люди во многих случаях и корректировали правописание безударных. То же самое можно сказать и по поводу имен нарицательных иноязычного происхождения (примеры: лаха*н*, са*л*да*т*, с карꙋнами и т. п.). Да порой и там, где нет оснований говорить о нерусской природе слова, тоже не находим условий для указанного корректирования (примеры: а*в*са, адо*н*е, каво, о*т* сасе*д* и т. п.). С учетом фактов подобного рода общее количество написаний *а* в соответствии с *о* этимологическим, не проверяемых ударяемым *о* в аналогичном положении, возрастает до 70, или, иначе говоря, составляет почти 80 процентов всех примеров аканья, приведенных нами выше.

Из этого наблюдения следует вывод: правописная выучка московских грамотеев была в общем относительно твердой, вследствие чего отражения аканья в московской письменности того времени дают сравнительно ограниченное представление о его действительном состоянии, особенно о его регулярности, — представление более узкое, нежели то, которое дают о состоянии аканья на Юге

памятники южновеликорусского происхождения, писанные менее подготовленными писцами. Отсюда отнюдь не вытекает, что исследование старинного московского аканья вообще бесперспективно, но становится очевидным то, что в процессе подобного исследования всегда необходимо принимать во внимание специфические условия преломления аканья в старой московской письменности.

В положении после твердых согласных и в абсолютном начале слова во втором предударном слоге фонема *о* представлена вариантом, передаваемым буквой *а*: Саламаниды (120), Дараѳея (121), чл*в*къ на лашади (126), Радионȣ (134), ȣкоза*л*... дапроси*т* (134), дараго*в*ль хлѣ*б*наѧ (135), ѕалоты*х* 2 (135), роспраданы (136) — если ударение наконечное — *С. К.*, аржено*и* (144), а дворовы*х* межа*х* (151), *з* даче*р*ми (154), да того члвка (дела нет) (154), а*р*женои (154), актя*б*ря (160), в Ко*з*ма (?) де*мян*ско*и* улицѣ (161), Радионȣ (171), паннома*р* (172), начевать (173), Радио*н* (176), Зо*т* Радионо*в* (176), манастырь (182), Алеѯѣ*и*... Сако*в*нинъ (188), (посуда) алавеная (198), (Самуйла... да... Иван) Ка*л*маковы (204).

Аналогично и в третьем предударном слоге: Саламаниды (120), манастыря (144), Прокоѳѥ... Сако*в*нина (151), А*р*жениковские мысы 2 (166) — если ударение на *о* — *С. К.*, дрвню А*р*жениковѡ (166), (посуда) алавеная (198).

С учетом фамильных обозначений и производных от них образований, и в этих двух подрубриках почти половина примеров (14 из 32) приходится на имена собственные, в основном личные, а остальные случаи написания *а* в соответствии с этимологическим *о* в большинстве своем — не проверяемые ударяемым *о* в аналогичном положении.

В положении после твердых согласных в первом заударном слоге, в том числе и в абсолютном конце слова, фонема *о* представлена вариантом, передаваемым буквой *а*: вмѣста... Ивана (16), ведамо (26), вмѣста садо*в*ника (73), Стреле*ц*каго прика*зу* (94), вместа Дараѳея (121), вмѣста... Ѳедара (124), Алеѯѣя Михаилавича (125), выскачи*л* (126), что была... то въсе погорѣла (129), вместа брата (130), ȣ Льи пророка Обыденаго (130), вмѣста Ивана (131), вмѣста Ѳомы (133), вместа... старосты (134), вмѣста Алѣѯѣѧ (136), вмѣста... старосты (137), стара*с*та Бори*с*ко (139), въмѣста дядѣ*и* (141), о*б*року... никакова (141), вмѣста Луки (146), рого*ж* ценова*к* (147), зе[л]еинаго (149), зеле*и*наго (149), Тиханъ Ви*н*ко*в* 2 (156),

Тиха*н* Ви*н*ковъ (156), Севскаго города (162), с пе*р*ваго числа (162), девятаго (163), с пе*р*ваго числа (168), девятаго (168), стараго (168), мускова. . . ря*ду* 5 (168), мускова. . . ряду 2 (168), мушнова ря*ду* (168), вмѣста пор8чика (169), девятаго (169), стараго (169), до о*т*ку*п*нова. . . сроку (169), Совскаго (Севского) города (170), с пе*р*ваго числа (170), девятаго 2 (170), стараго 2 (170), пятаго (170), вместа пор8чиковъ (171), вместа пор8чик[о]*в* (171), Конана (171), Микиты Ѳедарова (172), вмѣста пор8чика*в* (172), с пе*р*ваго числа (174), девяностаго (174), девятаго (174), с новаю на*д*дачею (174), вместа пор8чьковъ (175), (ходить) неопло*ш*на (177), вмѣста Григо*р*ѧ (177), двороваго 2 (178), по*лу*двороваго (178), то*р*говаго (178), (ворота покрыты) тесамъ (179), (убытка) никакова 2 (182), какова (убытка) (182), то. . . места (182), двороваго (183), (убытка) никакова (183), какова (убытка) (183), (убытка) никакова (184), вмѣста сына (184), протари (и убытки) (185), (убытка) никакова (185), (убытка) никакова (186), по алам8 (атласу) (189), (сорочек) р8пкавы*х* (189), вместа треуха (189), Ива*н* Триѳановичь (190), ѡдѣяла (золотный загривок) (190), недостоінаго (197), А*н*дрея. . . Зе*м*скаго (199), Посо*л*скаг прика*зу* (204), кры*м*скаг посла (204), че*твер*та*г* году (204), печа*т*наго (212), вмѣста. . . дете*и* (232), стараста (234).

Едва ли не все приведенные случаи написания *а* вместо *о* в первом заударном слоге, в том числе и в абсолютном конце слова, принадлежат к не проверяемым посредством соотнесения с *о* под ударением в аналогичном положении, если не иметь в виду довольно отдаленной ориентации на *о* в параллельном ударяемом аффиксе (сближения написаний вроде *стараго* с такими, как *седого*, написаний вроде (ходить) *неоплошна* с такими, как *смешно* и т. д.), ориентации возможной, полагаем, у весьма немногих писавших, людей не просто грамотных, а искусных в правописании.

Из 95 примеров аканья в составе последней подрубрики 33, или третья часть, это написания на *-аго* взамен правописного русского *-ого*. Подобные написания с безударным *а* выступают в исследуемых текстах как более или менее обыкновенные. Невольно рождается представление о них, как фактах скорее орфографических, нежели фонетических, — фактах, которые восходят к старославянской традиции, тем более, что в текстах встречаем

случаи написаний и с таким *-аго*, в котором буква *а* означает гласный ударяемый: втораго, седмаго, свтаго. Представление это сменяется сомнением, как только начинаем выяснять соотношения написаний с *-аго* безударным и с *-аго* ударяемым, а также написаний с *-аго* и написаний с *-ого*.

Подьячий Ивашка Гладков пишет: с первого числа, девяностаго, девятаго, а вместе с тем — седмаго. Все эти написания, взятые отдельно от других Ивашкиных написаний, нетрудно было бы отнести к старославянской традиции. Однако грамотей Ивашка выводит и иные: женского, великого, старого, а помимо того, — откупного. В свете этих последних фактов его написания с безударным *-аго* раскрываются как приметы аканья, а на долю старославянской традиции остается лишь одно написание, именно: седмаго.

Подьячий Степанка Иванов пишет: двороваго, полудвороваго, торговаго, а кроме того, — втораго. Признание написаний с безударным *-аго* традиционно-старославянскими в этом случае не в ладу с отмеченными у того же Степанки написаниями с безударным *-ово* (ветошново, сапожново), оформление которого решительно расходится со старославянской нормой.

У Самарина-Квашнина читаем: недостоiнаго, но — двусотого, грешного.

Представленное в церковнославянском контексте (во имя отца и сна и свтаго дха) написание *свтаго* не мешает видеть в написании *Земскаго*, принадлежащем той же руке, указание на аканье.

Для признания *а* в безударном *-аго* приметой произношения имеет существенное значение и то, что написания с подобным *а* у того или иного писца выступают не одинокими, а в одном ряду с явлениями аканья в том же самом заударном слоге в составе других слов и других грамматических категорий.

В положении после твердых согласных во втором заударном слоге, в том числе и в абсолютном конце слова, фонема *о* представлена вариантом, передаваемым буквой *а*: Васка Климонтавъ (131), ȣ города Архангилскаго (135), у Архангелскаг города (135), ȣ Архангелскаг города (136), впятера и вшестера (136), селитреннаго (143), плотилщикавъ (144), селитреннаго (147), мяхкова (147), селитреннаго (148), вѣдома вам бȣди (156), пасацко-

ва (158), крстьянскова малова (163), рукавишнова 2 (168), Сурожскаго ряду (168), Серъгея Өедорава (171), Перъвова Л8кянова (171), поручикав (171), вмѣста пор8чикав (172), Суднова. . . пркжазу (174), полотеннаго (176), із Бѣлова города (184), дховнова (184), подячева (двор) (184), окола двора (184), зеркала (бархатное) (189), отхожева (197), Аптекарскаг приказу (228).

В третьем заударном слоге в абсолютном конце слова наблюдаем то же самое: млстиваго (135), выборнова (153), шапошнова 7 (168), шапочнова (173).

И эти проявления аканья представлены в слогах, исключающих близкие ассоциации с проверочным ударяемым *о*.

Переходим к отражениям аканья в положении после мягких согласных.

В первом предударном слоге фонема *а* представлена вариантом, передаваемым буквой *е* или *ѣ*, а фонема *э* — вариантами, передаваемыми посредством букв *и* или *я*: сентебря (22), в Переславле Резанском (128), евангилиста (128), теглец (134), (серебряного ряда) редовича (серебряные деньги покупают) (135) — если ударение на *о* — *С. К.*, теглец (137), Екима (139), теглецъ (139), петнатц[а]т (147), сентебря (149), Екимка (151), от Екимъкина двора (151), земленои (152), Өедор Голянищев (152), десети (153), имяны 3 (165), имяны 2 (166), имяны (167), в тегле (168), теглецъ (171), бледни (171), бледню (171), по десети (174), теглецъ (175), Костентиновскои (слободы) (176), сентебря (176), Гарасим Костентинов (176), Питрушка (177), девѣтнатцет (183), семенистее (197), обериннного (198), оберинные (198), (в киоте) слюденом 5 (198—199), дворенина (199), имяны (230).

Заметим: написание *имяны* принадлежит площадным подьячим Мишке Мельнову (он в то же время служил в полку десятником) и Антошке Филиппову, а подпись Өедор Голянищев — царицыну сыну боярскому. Как будто нет сомнения в том, что эти люди были связаны с Москвою основательно. Между прочим, слово, послужившее основой для фамилии сына боярского, произносится с предударным *а*, т. е. гъл'ан'и́ш'ш'э, не только в южновеликорусской области, но и в знакомых нам ивановских и владимирских местах.

Обращают на себя внимание и такие написания: евангилиста (жилец Лаврентий Усов), Питрушка (кадашевец

Петрушка Исаев). Усов, владея поместьицем — 22 крестьянских и бобыльских двора — в Переяславле Рязанском и вотчинкой в 12 дворов в Вологодском уезде, имел московский «дворишко» в Белом городе. Появление под его пером *и* на месте *е* (ева*н*гилиста) с Вологдой не может быть связано, вероятна ассоциация этого факта с Москвой или Рязанью. Написание *и* в *Питрушка*, возможно, — и не московская примета, а отголосок внемосковской, более южной русской речи, поскольку Исаев пишет: вибару, с *и* вместо *ы*.

Во втором предударном слоге после мягких согласных фонема *а* представлена вариантом, передаваемым буквой *е*, а фонема *э* — вариантом, передаваемым буквой *я*: теглеца (124), теглеца (134), те*г*леco*в* (139), теглеца (140), Ерапо*л*ские волости (151), въ Ера[поль]ско*и* волости (151), ерапо*л*ского (151), ерапо*л*ского (159), ерапо*л*ского 3 (160), Яроѳеика (160), ерово*и* (167), теглеца (175), вь Ераполчесской волости (199).

Положение в первом заударном слоге, в том числе и в абсолютном конце слова, иллюстрируют следующие примеры: напаметова*т* (22), напаметова*т* (26), десе*т* (128), рȣ*х*леди (129), рȣ*х*ле*д* (129), к се*и* ска*з*ки (129), рȣ*х*ледь (130), ру*х*хъле*т* (130), к се*и* скаски (133), сере*б*реного (135), сере*б*реные 4 (135), сере*б*рены*м* (135), ȣ города А*р*ха*н*ги*л*скаго (135), сере*б*реные (136), сере*б*рены*х* (136), к се*и* ска*с*ки (136), к се*и* скаски (137), (мы. . . стали) ненавидяны (ото всех) (139), ева*н*гилско*и* (141), ева*н*гилскоі (142), Агаѳошко Пимино*в* (142), к се*и* ска*с*ки (143), зелѣинои по*д*масте*р*я (143), к се*и* ска*с*ки 2 (144), десе*т* 3 (144), кре*с*яня (144), зелеинои по*д*масте*р*я (145), десе*т* 4 (145), десеть (146), зелѣинои по*д*масте*р*я (147), десе*т* (147), в литрова*н*я (147), к се*и* ска*с*ки (147), по*д*масте*р*я Кузе*м*ко (147), к се*и* ска*с*ки 2 (148), зелеино*и* по*д*масте*р*я (148), в ли*т*рова*н*я (148), по*д*масте*р*я Маѯимко (149), по*д*масте*р*я Серешка (149), куплянъ (151), паме*т* (151), Ваcка. . . Серебрени*к* (151), подлѣ. . . калодязѩ (151), паметь (152), к се*и*. . . памети (152), о тѣ*х* кр*с*тьня*х* (152), паме*т* 2 (154), зане*л* (154), ева*н*гилско*и* (160), по тысече (162), сидечи (162), деня*г* 2 (162), денягъ (162), денягъ (163), кр*с*тьяня (165), кр*с*тьяня (167), деня*г* 3 (168), по тысечи (168), денягъ (169), по тысече (169), деня*г* (170), денягъ 2 (170), рȣ*х*ледью (171), ру*х*ле*д*ю (171), Масте*р*ския (?) полаты (кружевник) (173), Масте*р*ския (?)

полаты (чоботник) (173), Мастерския (?) полаты (шапочного дела мастер) (173), Пимин (173), Пиминъ (174), (кто из нас)... по их [по]сылки (не учнет... приходить) (177), занел (180), серебреных (184), (в конюшне) пят стоял (186), тысечи (188), серебренои (189), серебреная 3 (189), серебреная 2 (189), (кружево) серебреная 3 (189), серебреное (189), серебреные (189), серебреныя 7 (189), серебреными (189), полумесецы (189), ѡжереля (скатное) (189), малинкия (190), тысечи (190), памет 2 (197), десет (197), ср.: десят (197), серебреные (198), серебреных (198), памет (198), памети (198), (им... брата... и сестр) не изобидит (198), (им... ни в чем его) не изобидит (198), паметь (198), памет (199), по сеі... памети (199), серебреная (199), серебреные (199), Пимин (233), в место Пимино[в]о (234), к сеи скаски (234).

Как видим, в первом заударном слоге в положении после мягких согласных фонема *а* представлена вариантом, передаваемым буквой *е*, а фонема *э* — вариантами, передаваемыми буквами *я* или *и*. Привлекает внимание следующее: при обилии написаний *е* вместо *я* примеров с *и* на месте *я*, наподобие, скажем, *памить* (память), нет ни одного. Не говорит ли это о меньшей амплитуде вариативности фонемы *а* по подъему в сравнении с ее амплитудой в современной московской речи? В то же время *и* как вариант фонемы *э* заявляет о себе у 17 пишущих: 8 города Архангилскаго (дьячок Кадашевской слободы Митька Афанасьев), евангилскои (подьячий Разрядного приказа Юшка Охотницкой), евангилскоі (подьячий Разрядного приказа Васька Степанов), Агаѳѳшко Пиминов (подьячий Разрядного приказа Агафошка Пименов), евангилскои (подьячий Куземка Чупышов), Пимин (подьячий Ивановской площади Ивашка Гладков), Пиминъ (тяглец Огородной слободы Пимен Михайлов), малинкия (подьячий Троицкой площади стрелец Федька Березкин), (им... брата... и сестр) не изобидит, (им... ни в чем его) не изобидит (Андрей Самарин-Квашнин), Пимин (хамовных кадашевских дел дьячок Богдашка Петров), в место Пимино[в]о (кадашевский старожилец Игнатий Иванов). Ср. еще: к сеи сказки (жилец Микита Левшин), к сеи скаски (староста Садовой слободы Савинка Иванов, кадашевский старожилец Игнатий Иванов), к сеи скаски (староста Кадашевской слободы Кондрашка Добрынин,

зелейный мастер Андрей Сергеев, зелейного дела подмастерье Куземка Иевлев).

Во втором заударном слоге в положении после мягких согласных фонема *а* представлена вариантом, передаваемым буквой *е*, а фонема *э* — вариантом, передаваемым буквой *я*: Тога*н*ныя(?) слободы (Васька Леонтьев) (134), без оско*р*бление (134), Ѡрды*н*ския (?) слободы (тяглец) (139), восмьдесе*т* (144), для полыя (?) воды (144), (по приказу) великия (?) кнгни (151), по жере*б*е(?)мъ (153), по жере*б*е(?)*м* (153), ннешняго (168), ннешняго (170), Таганыя (?) слободы (тяглеца) (175), (под хоромное) строения (175), ннншняг . . . го*ду* (188), ѕолоченыя (?) (189), золоченыя (?) (189), алыя (190), алыя (?) (190), бѣлыя (190), ѡтласныя (?) (190), поро*з*жия (?) (земли укреплено) (190), суко*н*ныя (190), ннешняго (197).

В третьем заударном слоге (только в конечном открытом) после мягких согласных фонему *э* представляет вариант, передаваемый буквами *я* или ѧ: Кадаше*в*скиѧ (?) слобады (староста) (136), Кадоше*в*ския (?) слобады (староста) (136), Кадаше*в*ския (?) слободы (дьячок) (152), Кодаше*в*ския (?) слободы (старосты) (159), Кодаше*в*ския (?) слободы (старосты) (160), Кодаше*в*ския (?) слободы (дьячок) 2 (160), Семеновъския (?) Заяусъкия (?) слободы (тяглец) (175), Івано*в*ския (?) площеди (подьячий) (179), ба*р*хатъныя (190), ба*р*хотныя (190), мали*н*кия (?) (190), малиновыя (190), Ивано*в*ския (?) площади (подьячий) (204).

Переходим к состоянию после шипящих и аффрикат.

В первом предударном слоге в положении после шипящих фонема *а* выступает в варианте, передаваемом буквой *е*: площе*д*но*и* (94), а*р*жено*и* (144), а*р*женои (154). Возможно, вариант фонемы *э* представлен буквой *а* в написании: (Иван) Шапило*в* 2 (128), если это фамильное обозначение происходит от прозвища Щепило, образованного от *щепить*, с последующим отвердением *щ*. Впрочем, не исключено: через посредствующее звено (Шепилов), возможно, *а* в подобном случае соотносится и с *и* (Шипилов). Во втором предударном слоге также имеем только примеры с вариантом фонемы *а*, представляемым буквой *е*: Ѳедоръ. . . Шеховско*и* (190), Юрья. . . Шеховско*и* (190).

В заударных слогах после шипящих фонема *а* представлена вариантом, передаваемым буквой *е*, а фонема *э* — вариантами, передаваемыми посредством *а* или *и* (*ы*): (сабли) хороши*н*ко*и*... не*т* (26), ȣслыше*л* (127), (вшестеро) и болши (136), болши того (142), (под банею место) выша (151), (лет с двадцать) и больши (152), и*з* Большаго Ро*з*ряду (162), по не*м* жа (взять... запись) (162), мы жа (приняли... Перфилья Мокеева) (163), площеди (164), площеди (169), площеди (170), Бо*л*шаго Ро*з*ря*ду* (170), Бо*л*шаго дво*р*ца (172), площеди (172), (делати государево... дело) и наша ми*р*ское (177), площеди (179), площе*ди* (179), Бо*л*шаго дво*р*ца (184), площе*ди* (185), площеди (186), площеди (187), площеди (188), крȣживо 15 (189), (крест) ѕолото*и* жа (189), с крȣживомъ (190), в Костро*м*ско*м* жа уездѣ (190), в то*м* жа... помесье (190), колужани*н* (204), площеди (205), крȣжи*ч*ного (230), (лет) бо*л*шы (двадцати) (233); про*з*вища Самохвато*в* (170).

В первом предударном слоге в положении после аффрикат фонема *а* выступает в варианте, передаваемом буквой *е*: *д*ва*т*цети (168), Иванъ... Чеплыги*н* (184), Иванȣ Че*п*лыгину (185).

В заударных слогах после аффрикат фонема *а* выступает в варианте, передаваемом буквой *е*, а фонема *э* — в вариантах, передаваемых буквой *а* (после *ц*) или буквой *а* либо *и* (после *ч*): два*т*це*т* 2 (128), двена*т*це*т* (128), пя*т*на*т*це*т* (144), два*т*це*т* 3 (144), два*т*цеть (144), три*т*це*т* 3 (144), осмна*т*цеть (145), два*т*це*т* 5 (145), три*т*це*т* 2 (145), пя*т*на*т*це*т* 2 (146), два*т*це*т* (146), три*т*це*т* (147), три*т*цеть (147), пятна*т*це*т* (149), Ма*т*вѣ*и* Аси*н*ца*в* (161), внȣчета*м* (165), ство*р*четые (178), осмна*т*це*т* (183), девѣ*т*на*т*це*т* (183), ство*р*четые (184), (на... меху) пласти*н*чето*м* 2 (189), (на... меху) чешу*и*чето*м* 2 (189), (на... меху) чешу*и*четомъ (189), с пачирицою (190), два*т*це*т* (190); нынѣча (152), кадаше*в*цавъ (171), бра*ж*ничеть (173).

Заметим: в положении после шипящих, а в одном случае и после *ч* (с пачирицою) фонему *э* в заударных слогах (в подавляющем большинстве случаев в первом заударном), помимо варианта, передаваемого буквой *а*, представляет и вариант, передаваемый буквой *и*. Иными словами, обрисовывается примерно то же самое состояние, что и в первом заударном слоге в положении после мягких.

Суммируем косвенные отражения аканья в положении после твердых согласных.

В предударных слогах: кодашеве*ц* (78), кодашовецъ (89), кодоше*в*ца (94), скоза*л* (125), Ро*з*бо*и*ного прика*з*у (126), скоза*л* (129), скоꙅа*л* (130), кодашевцо*в* (130), ко[да]шеве*ц* (130), кодашевски*х* (131), Тога*н*ные слободы (134), Тоганные слободы (134), По*н*кра*ш*ки (134), Тога*н*ныя слободы (134), ȣкоза*л* (135), кодашеве*ц* (136), кодаше*в*ца (136), про хомо*в*ника (140), об*р*ос*ц*о*в* (148), Кодаше*в*ские слободы 2 (151), Кодашевские слободы (151), в Кодаше*в*скую слободу (151), кодашевские (151), кодаше*в*цы (152), кодашеве*ц* (152), Кодаше*в*ския слободы (159), Кодаше*в*ския слободы 3 (160), кодаше*в*ские (161), в Кодаше*в*ско*и* слобадѣ (161), у кодаше*в*ца (161), кодашеве*ц* (163), хомовникъ (168), Ро*з*ря*д*у (170), Понъкра*т*евъскоі слободы (171), То*т*ѧне (171), тобакъ (171), Говрила (174), да токова *ж* числа (175), кодашевецъ (175), Григоре*и* По*н*кра*т*евъ (176), Тора*с* (176), (нам. . . им) плоти*т* (177), в. . . По*н*кра*т*евъско*и* слободе (184), по*н*кра*т*е*в*ско*и* (184), Пово*р*ско*и* улицы 2 (184), по. . . ѡтласȣ 2 (189), ѡ*т*ласная 2 (189), ѡ*т*ласъ (190), ѡтласныя (190), кодашеве*ц* 2 (204), колужани*н* (204), кодашевца (233), за кодаше*в*цомъ (233), кодаше*в*ские (233), кодашевски*х* (233), кодаше*в*скимъ (233), в Кодашово (233), в Кодашове 3 (233), Кодаше*в*ские слободы 2 (233); Ми*т*ка Потрекее*в* (133), тобакȣ (171), Пораско*в*е 2 (188), Порасковье (188), скоте*р*те*и* (189), то*л*мочю (204).

В заударных слогах: не вѣдою (125), (дома) о*с*тало*с* сосѣ*д*ка (126), Лео*н*тью Лазоре*в*скому (151), с ко*м*нотою (160), (два чулана) ꙅаброны в кося*к* (161), Лаꙅо*р* (164), с комнотою (185), ба*р*хотныя (190); прикладыво*ли* (230).

Обратимся к косвенным отражениям аканья в положении после мягких согласных.

В предударных слогах: Ми*т*ка Потрекее*в* (133), ѳети*л* (147), ѳети*л*ного 2 (147), ѳети*л*номȣ (147), Алексѣи Вя*з*мети*н* (176), Купреяшка (190), Купреяшкою (190). В заударных слогах: въ трое*т*ско*м* походе (129), в трое*ц*ко*м* походе (129), ȣ меня княи*н*е (178), Троецко*и* площади (190), в Троецко*м* мнстре (197).

Косвенные отражения аканья в положении после аффрикат: рого*ж* ценово*к* (144), рого*ж* ценово*к* 2 (145), рого*ж* ценова*к* (147); Владыче*н*ско*и* волости (190), (порутчики) выручели (170).

Характерным для косвенных отражений аканья является отнесенность их в подавляющем большинстве случаев к тем безударным положениям, написание гласного в которых вследствие тех или иных причин не может быть проверено произношением под ударением. Таким образом, не только прямые, но и косвенные отражения аканья в письме москвичей XVII в. свидетельствуют об относительно твердой правописной выучке писавших. Тем значительнее свидетельства тех и других о проявлениях аканья. И если в результате исследования Уложения 1649 г. П. Я. Черных пришел к осторожному выводу: «. . . в наличии акающего произношения в Москве в середине XVII в. едва ли можно сомневаться» [22], мы, опираясь на конкретные данные, имеем основание утверждать: в Москве того времени аканье было устной нормой ее постоянного населения.

Составим таблицу замен букв, этимологически представлявших гласные фонемы, посредством букв, которыми передавались варианты фонем, т. е. не принимая во внимание косвенных отражений аканья. Направление замен обозначаем стрелками. Поскольку нет оснований полагать, что буква ѧ в отличие от *я* означала особую фонему, в таблице употребляем только *я*. Цифрою при букве от-

Положение	Предударные слоги			Заударные слоги		
	1	2	3	1	2	3
После твердых согласных и в абсолютном начале слова	о → а	о → а	о → а	о → а	о → а	о → а
После мягких согласных	я → е	я → е		я → е	я → е	
	я → ѣ$_1$					
	е → я	е → я		е → я	е → я	е → я
	е → и$_2$			е → и		
	ѣ → я$_1$			ѣ → и		
После шипящих	а → е	а → е		а → е		
				е → а		
				е → и		
После аффрикат	а → е			а → е	а → е	
				е → а	е → а	
				е → и		

[22] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 195.

мечаем количество случаев, если они единичны на фоне более или менее многочисленных фактов иного рода.

Попытаемся дать характеристику выступающих в безударных слогах вариантов гласных фонем.

Хотя реализация фонемы *о* во всех безударных положениях при прямом отражении аканья передавалась одинаково — посредством буквы *а*, поскольку иных возможностей в обычном письме не было, качество ее варианта в том или ином безударном положении могло быть неодинаковым.

Об этом могут, например, свидетельствовать различия в количественных соотношениях прямых и косвенных отражений аканья в разных безударных положениях.

	о → а	а → о
В первом предударном слоге	89	69
Во втором » »	25	7
В третьем » »	7	—
В первом заударном слоге	95	8
Во втором » »	31	1
В третьем » »	10	—
	257	85

Немногочисленность косвенных отражений аканья в заударных положениях нетрудно было бы объяснить вообще небольшой употребительностью в них этимологического *а*, и притом в определенной части в качестве окончания, что, вполне понятно, значительно способствовало его орфографической передаче. Последний момент, естественно, и в языке и в письменности являлся общерусским. И тем не менее сопоставление данных о прямых и косвенных отражениях аканья, с одной стороны, московских, с другой — южновеликорусских того же самого времени открывает существенное различие между Югом и Москвой в этом отношении. Знакомство с рукописями XVII в. из южновеликорусской области показывает, что во многих из этих текстов прямых отражений аканья насчитывается меньше, нежели случаев косвенного [23]. А в московских

[23] См.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). М., 1963, стр. 57. — В письме современных школьников, например, Орловской области, наблюдаем аналогичную тенденцию. Так, в тетрадях третьих—пятых классов 10 сельских школ на 757 замен буквы *о* буквой *а* мы отме-

текстах той поры, как видно из приведенной таблицы, косвенных отражений аканья в три раза меньше, чем прямых.

Различие в количественном отношении прямых и косвенных отражений аканья в Москве и в южновеликорусской области соблазнительно было бы объяснить неодинаковым уровнем правописной выучки московских и южных грамотеев. Вторые, насколько нам известно по старой южновеликорусской письменности, в овладении навыками правописания действительно уступали первым, но уступали, право, не столь существенно, чтобы их письмо в упомянутом плане так отходило от московского. Во всяком случае, указанное различие, пожалуй, не менее основательно, свидетельствует о качественном различии вариантов фонемы *о* в одних и тех же безударных положениях в московском говоре и на Юге. Для конкретной характеристики вариантов фонемы *о*, свойственных старому московскому говору, мы данных не имеем. Ограничиваемся лишь предположением, что ее безударная редукция была слабее южновеликорусской.

К. В. Горшкова пишет: «Анализ орфографии ряда московских памятников XV в. показал, что при отсутствии ударения буквы *а* и *о* в любом безударном слоге, во всех морфологических категориях употребляются безразлично. Подобные написания, еще редкие в начале XVII в. (что объясняется также характером исследуемых памятников — письма царя Михаила Федоровича, сочинения Котошихина), становятся преобладающими в «Письмах и бумагах Петра Великого». Подобная мена букв *а* и *о* в слогах без ударения позволяет считать, что в этом положении эти две различные графемы обозначают один звук. . .»[24] Наши наблюдения согласуются с наблюдениями К. В. Горшковой, вступая в противоречие лишь с ее указанием на то, что подобные написания становятся преобладающими только в конце XVII в.: в равной степени они прослеживаются в течение всего XVII в. «. . . об-

тили 1275 замен, так сказать, «перестраховочных» — буквы *а* буквой *о* (С. И. Котков. О работе над безударными гласными корня в условиях некоторых южнорусских говоров. «Русский язык в школе», 1951, № 3, стр. 50—51).

[24] К. В. Горшкова. История безударного вокализма в старомосковском просторечии. — Сб. «Вопросы истории русского языка». М., 1959, стр. 92.

ращение к фактам современных диалектов, — продолжает К. В. Горшкова, — дает возможность утверждать, что таким звуком в первом предударном слоге был звук [а]»[25]. Известные нам исторические данные не противоречат этому заключению. Качество варианта *о* в прочих безударных слогах — и предударных и заударных, кроме конечного открытого, полагает К. В. Горшкова, было одинаковым: звучал редуцированный гласный. Обоснованием и этого суждения служат лишь диалектные данные: «В значительной части современных акающих говоров, в особенности средневеликорусских, качество звука в заударных слогах, исключая конечный открытый, в большинстве случаев совпадает с качеством звука во втором (и предшествующих ему) предударных слогах; если говорят: *дорого* как [до́ръга], то скажут и *голова* как [гълава́]»[26]. Относительно состояния в XVII в. мы придерживаемся иного мнения: почти исключительное употребление в этих случаях *а* на месте *о*, притом в подавляющем большинстве *о* непроверяемого, и, напротив, едва ли не единичные написания *о* на месте *а* говорят, нам кажется, о том, что в подобных безударных положениях произносился гласный более открытый, нежели редуцированный, промежуточный между *ъ* и *а*. На это, между прочим, указывает и отсутствие в исследованных московских текстах проявлений редукции до нуля звука. Что касается вариантов фонемы *о* в абсолютном начале слова и в конечном открытом слоге, то наши источники XVII в., в согласии с данными К. В. Горшковой[27], позволяют видеть в этих положениях гласный *а*.

Обращаясь к отражениям аканья в положении после мягких согласных, наблюдаем такие количественные соотношения:

	я→е	е→я	я→ѣ	ѣ→я	е→и	ѣ→и
В первом предударном слоге	31	7	1	1	2	—
Во втором » »	14	1	—	—	—	—
В первом заударном слоге	73	32	—	—	10	14
Во втором » »	4	18	—	—	—	—
В третьем » »	—	15	—	—	—	—

[25] Там же.
[26] Там же.
[27] Там же, стр. 94.

Нельзя пройти мимо отразившихся в первом предударном слоге единичных проблесков иканья: ева*н*гилиста (128), Пи*т*рушка (177).

Заслуживает особого внимания *и* на месте *е* в первом заударном слоге, отмеченное в следующих случаях: 8 города Арха*н*ги*л*скаго (135), ева*н*гилско*и* (141), ева*н*гилскоі (142), Агаѳошко Пимино*в* (142), ева*н*гилско*и* (160), Пими*н* (173), Пиминъ (174), мали*н*кия (190), Пими*н* (233), в место Пимино[в]о (234).

Заметим: из 14 примеров написания *и* на месте *ѣ* в первом заударном слоге в 12 *и* представляет собой окончание дательного единственного (к се*и* сказки и под.) и поэтому может быть квалифицировано не только как «заменитель» *ѣ*, но и в качестве *и*, знаменующего влияние мягкой разновидности склонения. Остаются два случая бесспорного иканья: (им. . . брата. . . и сестр) не изобиди*т* (198), (им. . . ни в чем его) не изобиди*т* (198).

Итак, на два проявления иканья в первом предударном слоге имеем в общем 14 проявлений в первом заударном слоге. Хотя все эти проявления иканья находим в московских рукописях лишь второй половины XVII в., нет оснований полагать, что они — наиболее ранние, поскольку в исследуемой публикации источников первой половины века и по количеству и по объему текстов значительно менее, нежели связанных с его второй половиной.

Придавая особое значение выявлению ранних фактов иканья, приведем в виде исключения пример из приложения «Тексты», а кроме того, еще один — из рукописных Вестей-Курантов. В сказке объезжего головы М. Гужиева, написанной в 1676 г. Разрядных сеней подьячим А. Поповым: стриле*т*цки*х*; в Вестях-Курантах сороковых годов XVII в.: (об) инжинере (ЦГАДА, ф. 155, оп. 1, 1642—1644 гг., д. 2, ч. II, л. 348).

В положении после шипящих в составе заударных слогов наряду с *а* на месте *е* у заведомых москвичей представлены и написания *и* на месте *е*: (сабли) хороши*н*ко*и*. . . не*т* (26), (вшестеро) и болши (136), болши того (142), (лет с двадцать) и больши (152), кр8живо 15 (189), с кр8живомъ (190), кр8жи*ч*ного (230); кроме того: (лет) бо*л*шы (двадцати) (233). После *ч*: с пачирицою (190). Эти, впрочем ограниченные, данные подкрепляют сведения о проявлениях иканья в Москве в XVII столетии. Ср. факты, приведенные К. В. Горшковой: орешикъ,

болши, менши; кроме того, предударный случай: инжинеры [28].

Не лишне учесть и отражения иканья в текстах, о писцах которых необходимых сведений не имеется. Приведем сначала прямые отражения, а затем косвенные, в положении после мягких, шипящих и аффрикат.

В челобитной кадашевцев 1649 г.: блиска. . . житинакъ (67); в делопроизводственной помете 1676 г.: Пимину (98); в челобитной кадашевца 1676 г.: нечимъ (99), нечимъ (100); в челобитной кадашевца 1678 г.: кружичн*ои* 2 (101), ср.: кружечному (101); в челобитной резчика 1688 г.: учиникъ (115), что вы. . . укажите (115); в сказке старост и тяглецов дворцовых слобод 1662 г.: ѡбщество *б*. . . види*т* бе*з* ѡскоръбления (132), ср. в сказке старост Кадашевской слободы 1662 г.: о*б*щество *б*. . . виде*т* без оско*р*бление (134); в купчей на московский двор 1619 г.: Пе*р*ѳи*л*ю. . . Сикерину (180), ср. в купчей на московский двор 1657 г.: Пе*р*ѳи*л*я. . . Секѣрина (183); в расспросных речах 1676 г.: человѣчикъ (223), ср.: человѣчекъ (222); в расспросных речах 1639 г.: кѡширинка (250), ср.: коширенка (250), кѡширянку (250).

В челобитной кадашевца 1645 г.: сеж*ꙋ* в цепи (65); в челобитной кадашевца 1649 г.: с. . . бы*в*шеми жи*л*цами (67); в сказке стольников 1688 г.: те*т*ка . . . жеве*т* в доме мтри нше*и* (149), ср.: живе*т* (149); в расспросных речах 1676 г.: подьяче*и*. . . жеветъ у него (222).

Любопытны исправления: росмо*т*рите*л*но*и* (212) — *е* написано по *и* (1671 г.); досматрива*ли* (222) — первое *и* исправлено из *е* (1676 г.); достое*н* (276) — *е* написано по *и* (1642 г.).

Как видим, отдельные примеры свидетельствуют о некоторых проявлениях иканья и в первой половине XVII в., причем не только в заударных, но и в первом предударном слоге.

Важные данные, касающиеся иканья, извлекаем из некоторых поправок в рукописных Вестях-Курантах [29] двадцатых и тридцатых годов XVII в.: к тои пехотѣ (29) — *ѣ* написано по *и*; сево*д*не (29) — *е* написано по *и*; *им*

---

[28] К. В. Горшкова. Указ. соч., стр. 100.

[29] См.: «Вести-Куранты. 1600—1639 гг.» Изд. подготовили Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1972.

дале ити (29) — *е* написано по *и*; севодни (30) — *и* написано по *е*; чаели (31) — *е* написано по *и*, ср.: чаиети (34); на него (40) — *е* написано по *и*; стиже*т* (49) — *е* написано по *и*; люде*м* (68) — *е* написано по *и*; ем*ꙋ* (69) — *е* написано по *и*; не буде*т* вини*т* (94) — первое *и* написано по *е*; люде*м* (140) — *е* написано по *и*; жиле*т*цки*х* (152) — первое *и* написано по *е*; види*т* (179) — второе *и* написано по *е*; зѕади (214) — *и* написано по *е*. И здесь примеры иканья находим не только в заударных слогах, но и в первом предударном.

Хотя в отдельных случаях колебания *и* — *е* и можно толковать как колебания флективные, фонетическое значение этих фактов, представляющих прямое или косвенное отражение определенного типа безударного вокализма, полностью не исключается. Если даже предполагать (основания для этого имеем), что известная часть «курантельщиков», переводивших в Москве на русский язык иностранные вести и газеты, принадлежала к носителям немосковского аканья, т. е. южновеликорусам и овладевшим русским выходцам из Западной Руси, характер вносимых этими лицами фонетических написаний определялся, вне всякого сомнения, ориентацией их на московскую норму. Наиболее вероятными «курантельщиками» являлись носители московской речевой и орфографической культуры.

Ср. более ранние факты, приводимые Е. Ф. Васеко из московских грамот первой половины XVI в. (к сожалению, не уточняется, относятся они к Москве или московской периферии): моею кнгнию, по матири, синиг(о) [30]. Как бы ни объяснять подобные факты нефонетическими причинами (попутно они указываются), возможность их фонетической трактовки, как проявлений иканья, все же остается.

В свете всех приведенных выше примеров иканья в Москве XVII в. приобретают вокальную доказательность и такие факты в Грамматике Г. В. Лудольфа: поѣдишъ, поѣдитъ; пишишъ, пишитъ; похнитъ (пахнетъ) [31].

---

[30] См.: Е. Ф. Васеко. Из истории заударного вокализма в русском языке. «Научные доклады высшей школы. Филол. науки», 1958, № 4, стр. 90.

[31] См.: Г. В. Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696. Переиздание, перевод, вступит. статья и примеч. Б. А. Ларина. Л., 1937, стр. 69, 72, 82, 130, 132.

Обнаружив в «Письмах и бумагах Петра Великого» несколько явных отражений иканья (надлижитъ, нечимъ, маслинице, пиришедъ, нималого, бизделышкахъ)[32], К. В. Горшкова, тем не менее, осторожно замечает: «Иканье отразилось в памятнике очень слабо» и далее полагает: «Более узкое произношение предударного [е], приведшее к иканью, судя по данным «Своеручных записок княгини Н. Долгорукой», развивается в Москве позже, начиная с XVIII в.»[33].

Не считаем правомерным появление иканья связывать только с предударным слогом, да и сомнение в наличии иканья в Москве в конце XVII в., о чем свидетельствуют приводимые К. В. Горшковой материалы, представляется нам неоправданным.

Еще более поздним временем датирует появление московского иканья П. С. Кузнецов: «Бесспорные указания на иканье в московском просторечии относятся лишь к началу XIX в. Показательны в этом отношении подписи под лубочными картинами, производившимися в Москве и под Москвой, очень неустойчивые в орфографическом отношении и отражающие в огромном количестве особенности живого московского произношения. В этих подписях, относящихся к XVIII в., широко представлено смешение *е* и *я* в первом предударном слоге (и здесь принимается во внимание лишь первый предударный слог. — *С. К.*), но отсутствует смешение их с *и* (за исключением особых случаев, где это смешение объясняется не фонетически и отмечено и в других, более ранних памятниках). В подписях же начала XIX в. отмечено смешение этих букв также и с *и*»[34]. (Заметим: смешение *е* с *и*, как было показано выше, наблюдалось в московских текстах еще в XVII в.).

---

[32] К. В. Горшкова. Указ. соч., стр. 99.

К. В. Горшкова приводит еще пример: *очинь*. Однако это написание не принадлежит Петру, а заимствовано из перевода белового шифрованного письма, сделанного у генерала Ренне. В примечании говорится: «На основании чернового собственноручного письма Петра Великого к князю Репнину было написано на французском языке шифрованное письмо. Оно было переведено у генерала Ренне» (Письма и бумаги Петра Великого, т. IV. Примечания. СПб., 1901, стр. 572).

[33] К. В. Горшкова. Указ. соч., стр. 101.

[34] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 156.

Итак, бесспорным указанием на иканье и здесь признается проявление последнего непременно в первом предударном слоге.

Основанием для заключения П. С. Кузнецова послужили наблюдения З. М. Волоцкой. «Отсутствие случаев мены букв *и* и *е* в памятниках XVIII в., — пишет исследовавшая лубочные подписи З. М. Волоцкая, — подтверждает наш вывод о екающем произношении в московских говорах XVIII в. . . . Написание буквы *и* вместо *я* в слове *яйцо* (при отсутствии случаев мены *и* с *а* и *е* в других словах) может свидетельствовать лишь об особом произношении данного конкретного слова, в котором суженное произношение звука [е] вызывается предыдущим и последующим [j] (или [и] неслоговым)». «Наш вывод, — говорится далее, — о екающем характере московского говора XVIII в. подтверждается данными других московских памятников» [35]. Имеются в виду памятники и построенные на них исследования, которые рассмотрены нами в обзоре «Освещение некоторых вопросов истории говора Москвы в научной литературе». «В памятниках XVIII в., — повторяет З. М. Волоцкая, — наблюдается частая замена букв *а*, *я* буквой *е*, которая при отсутствии случаев обратной замены и при последовательном написании буквы *и* на месте этимологического [и] может свидетельствовать только о екающем произношении» [36]. А вот свидетельства иного рода в текстах конца XVIII в., исследованных по нашему совету А. П. Федченко: пирина, аситрины, мищенину, чимоданъ, съ пиреборкою. «Но наиболее ярко, — замечает А. П. Федченко, — эта черта вокализма проявилась в заударной позиции: четвирть, мачиха, ситичко, окошикъ, блюдичко, две кружички, десять дощечикъ» [37].

В свете приведенных нами данных из московских текстов XVII и XVIII в., а также сведений, представленных в цитируемом исследовании К. В. Горшковой, вывод

---

[35] З. М. Волоцкая. Некоторые явления безударного вокализма московского говора XVIII—начала XIX века. — Сб. «Исследования по лексикологии и грамматике русского языка». М., 1961, стр. 269.
[36] Там же, стр. 272.
[37] А. П. Федченко. О некоторых московских материалах деловой письменности XVIII в. «Русский язык. Источники для его изучения». М., 1971, стр. 109—110.

о появлении иканья в Москве только в начале XIX в. не может считаться обоснованным. Во-первых, хотя и единичные, связанные с первым предударным слогом проявления московского иканья находим и в XVII столетии. Во-вторых, в заударных положениях приметы иканья в Москве в XVII в. выступают вполне определенно. В-третьих, московским текстам того же самого времени известны и написания *я* на месте *е*, в предударных слогах единичные, а в заударных более частые. В-четвертых, в указанных текстах встречаем, правда редкие, и написания *е* на месте *и*.

Несколько слов о написании *я* на месте *е* в безударных слогах.

Имяны, возможно, писали с *я*, ориентируясь на соответственный гласный в форме именительного единственного — *имя*. В первой заударной позиции у заведомых москвичей половина написаний *я* на месте *е* приходится на конечный открытый слог, а другая половина падает на соседство с предшествующим или последующим сонорным. Во второй заударной позиции написания *я* на месте *е* преобладают в конечном открытом слоге, а в остальных случаях также выступают в соседстве с сонорным. Написания *я* взамен *е* наблюдаются и в третьей заударной позиции — в открытом конечном слоге.

Определяя характер безударного вокализма в Москве петровского времени, К. В. Горшкова выделяет е к а н ь е как типичную черту предударного вокализма и констатирует заударное я к а н ь е [38]. Поскольку и наши материалы и данные К. В. Горшковой представляют определенные факты иканья, особенно в заударных положениях, не можем согласиться с подобной характеристикой московского безударного вокализма для исследуемого времени. Если и были в Москве в ту пору элементы так называемого еканья, то, по-видимому, с несколько суженным *е*, развивавшимся в сторону иканья. При таком характере безударного вокализма в особенно благоприятных условиях, например, перед мягкими согласными, естественно, суженное *е* доходило и до *и*, что обнаруживалось преимущественно в заударных ситуациях. Не будет ошибкой полагать, что развитие московского иканья связано прежде всего с областью заударной.

---

[38] Там же, стр. 101.

В одной из своих последних работ В. Н. Сидоров обратил внимание на некоторые факты, представленные в исследованиях П. Я. Черных и Хр. Станга. Факты эти таковы: в Уложении 1649 г. вместо букв ѧ и ꙗ в безударном положении в некоторых единичных словах употребляется буква *е*, главным образом во втором предударном и в заударных слогах (но не в слоге непосредственно предударном); в книге 1647 г. «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей» почти полностью отсутствует употребление буквы *е* на месте этимологического *'а* в непосредственно предударном слоге [39].

По мнению В. Н. Сидорова, основанному на этих данных, в истории московского аканья был период, когда «гласная *'а* в непосредственно предударном слоге продолжала произноситься, тогда как в остальных неударяемых слогах, как более редуцированных, она совпала с *е* и *ѣ* в единой *е*-образной редуцированной гласной» [40]. В представлении В. Н. Сидорова, подобный акающий вокализм Москвы образовался на северновеликорусской основе и, по-видимому, до середины XVII в. хранил следы своего северного происхождения в виде указанного предударного *'а* на месте *'а* этимологического [41]. Предполагается: предударный *'а* в Москве в середине XVII в. был уже «факультативным», сохранялся лишь в строгой, тщательной речи, что и нашло свое отражение в орфографии печатных книг. «Естественно, — признает исследователь, — что рукописные памятники, в особенности такие, как письма, в которые гораздо свободнее проникают черты беглого, нестарательного произношения и которые вместе с тем не отличаются особым стремлением к орфографическому единообразию, как это свойственно печатным изданиям, показывают довольно значительное число случаев написания *е* вместо *'а* в непосредственно предударном слоге» [42]. Но если печатные книги отличались орфогра-

---

[39] См.: В. Н. Сидоров. О предударных гласных в говоре Москвы XVI века. «Проблемы современной филологии. Сборник статей к семидесятилетию академика В. В. Виноградова». М., 1965, стр. 245—246; см. также: П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 199; Chr. Stang. La langue du livre «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. 1647». Oslo, 1952, стр. 8—9.
[40] В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 246.
[41] См. там же, стр. 246—247.
[42] Там же, стр. 246.

фическим единообразием, почему сохранение буквы *я* в соответствии с *'а* этимологическим в непосредственно предударном слоге объяснять произношением, а не этим единообразием, что гораздо правдоподобнее? А то, что в других предударных слогах, а также в заударных орфографическая передача *'а* выдерживалась менее, объясняется и большей редукцией в указанных положениях этого гласного и значительно меньшим количеством случаев, проверяемых в них ударением. Не отрицаем и влияния обстоятельства, упомянутого, впрочем по другому поводу, К. В. Горшковой: «Как известно, различные морфемы имеют различную значимость. С наибольшей яркостью осознается значение корневой морфемы, затем префикса, которые и составляют обычно слоги предударные. Наиболее отвлеченно, а потому и наименее осознается непосредственно значение флексии» [43].

Материалы, исследованные нами и К. В. Горшковой [44], говорят о написании *е* взамен орфографического *я* в непосредственно предударном слоге как явлении вполне обычном. Все сказанное приводит к мысли: предположение В. Н. Сидорова о сохранении в XVII в. *'а* в непосредственно предударном слоге не имеет достаточных оснований. Полагаем: изменение гласного *'а* в «е-образный» редуцированный гласный распространялось также и на слог непосредственно предударный. Допуская редукцию этого гласного, В. Н. Сидоров, на наш взгляд, реальнее представляет характер безударного вокализма в московском говоре XVII в., нежели те исследователи, которые просто говорят о еканье [45]. Как можно судить по нашим данным, наибольшая степень подобной редукции наблюдалась в заударных слогах уже в XVII столетии в виде начальных проявлений иканья.

В выяснении истории московского иканья в последние два десятилетия сказалось отрицательное влияние ориентации исследователей на изучение прежде всего вокализма первого предударного слога, в ущерб необ-

---

[43] К. В. Горшкова. Указ. соч., стр. 93.
[44] См. там же, например, стр. 97—98.
[45] Впрочем, признанию данной редукции противоречит более позднее заявление: «Осторожней, как мне кажется, принять, что примерно на рубеже XVI—XVII вв. в Москве протекал самый процесс смены оканья на аканье» (В. Н. Сидоров. Из русской исторической фонетики. М., 1969, стр. 70).

ходимому его исследованию в прочих безударных слогах, особенно в заударных. Ориентация эта явилась следствием некритического, бездумного внедрения в изучение безударного вокализма по памятникам письменности привычной методы определения современных типов яканья по состоянию в первом предударном слоге. В результате зарождение иканья, проявления которого проступают прежде всего в заударных слогах, относилось более чем на век, либо на два века позднее.

Более раннее, чем принято думать, зарождение иканья в Москве подтверждают и приведенные выше написания *е* на месте *и* в безударных положениях. Подобные факты, между прочим, зафиксированы и К. В. Горшковой [46].

Подведем некоторые итоги наблюдениям в области московского безударного вокализма XVI—XVIII вв. Материалы показывают: в XVII в. постоянный состав московского населения обладал вполне однородным безударным вокализмом, знаменующим существование в Москве в то время сложившегося койне, притом настолько стабильного, что предположение о его формировании в XVI столетии, а не гораздо ранее, представляется совершенно несостоятельным. Поток новоселов с периферии в то время уже не превращал говор Москвы в «смешанный» (одни окали, другие акали) [47], а, «растворяясь» в ее постоянном населении, усваивал московское койне, оказывая, понятно, известное влияние на состояние московской речи, но влияние малозаметное, вследствие чего его результаты были несущественными и обнаруживались крайне медленно, лишь по прошествии многих лет.

Московский безударный вокализм той исторической эпохи в положении после мягких согласных нельзя характеризовать как еканье: с этим не согласуются и проявления иканья и то, что не менее распространенное «еканье» наблюдаем и в южновеликорусских памятниках, хотя они и отражают иной безударный вокализм. Подоб-

---

[46] В «Письмах и бумагах Петра Великого»: Вешневецкомъ, істеннее, склапевать, затрублевать (К. В. Горшкова. История безударного вокализма в старомосковском просторечии, стр. 99).

[47] Между прочим, С. П. Обнорский, ссылаясь на Грамматику Лудольфа, находит в московском говоре даже конца XVII в. «оканье и лишь вкрапление элементов аканья» (С. П. Обнорский. Избранные работы по русскому языку. М., 1960, стр. 159).

ное «еканье» обязано не столько реальной фонетике, сколько естественной ориентации писцов на *е* как букву наиболее «нейтральную» при передаче безударных гласных в определенных положениях [48]. Возможно говорить о состоянии, когда гласные неверхнего подъема в московском говоре XVII в. редуцировались, с одной стороны (главным образом в заударных положениях), до *и*, склонного к *э*, а с другой (в предударных положениях) — до *э*, склонного к *и*.

В особенно благоприятных позиционных условиях (скажем, в положениях перед мягкими) тогда уже оказывалось возможным углубление указанной редукции до *и* — нарождались явления иканья, прежде всего заударного. Отсюда, естественно, следует: утверждение в Москве *и*-образной редукции нельзя относить к столь позднему времени, как XIX столетие.

Анализ материалов XVII в. не подтверждает мнение о сохранении в московском говоре той поры произношения гласного *'а* в первом предударном слоге (при явлениях его редукции в остальных безударных слогах).

С московским безударным вокализмом, точнее, с его иканьем было принято связывать появление в некоторых периферийных пунктах так называемых мещанских говоров. Упоминая о южновеликорусских говорах, с иканьем или еканьем, вне зависимости от характера гласного под ударением, Н. Н. Дурново писал: «Эти типы аканья или принадлежат выходцам из области средневеликорусских говоров или занесены из Москвы и свойственны в таком случае главным образом речи торговцев и мещан».[49] Аналогичные суждения по этому поводу высказывались и в наше время. Приведем одно из таких суждений: «Икающие острова встречаются и на территории южновеликорусских говоров. Поскольку здесь издавна иканье свойственно главным образом населению городов и крупных торговых сел, имевших и в прошлом тесные связи с Москвой, можно думать, что на юг иканье проникает из Москвы» [50]. Признание того, что иканье «издавна» было свойственно городскому населению в черте южновелико-

---

[48] См., например: С. И. Котков. Указ. соч., стр. 63.
[49] Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. М., 1969, стр. 159—160.
[50] П. С. Кузнецов. Русская диалектология. Изд. 3. М., 1960, стр. 59.

русской области и проникло в нее из Москвы, не согласуется с другим высказыванием цитируемого автора: «Бесспорные указания на иканье в московском просторечии относятся лишь к началу XIX в.»[51] Признание московского иканья явлением более ранним, зарождение которого, по меньшей мере, восходит к XVII в., позволяет более уверенно связывать «мещанские говоры» южновеликорусской территории с колонизационным и иным влиянием Москвы. И все же мы не решились бы придавать указанному влиянию исключительной роли в данном случае. По-видимому, формирование икающего койне возможно было в городах и южновеликорусской области. Наличие в пределах последней отдельных крестьянских говоров с иканьем объясняется переселением крестьян из средневеликорусской полосы. Факты подобного рода исторически установлены.

ПРОИЗНОШЕНИЕ ФОНЕМЫ, ЭТИМОЛОГИЧЕСКИ ПЕРЕДАВАЕМОЙ БУКВОЙ Ѣ

Фонема, для передачи которой в древнерусской письменности употреблялась буква *ѣ*, в Москве в XVII столетии имела письменное соответствие не только в виде буквы *ѣ*, но и буквы *е*. Обозначая эту фонему как *ě*, П. С. Кузнецов писал: «До сих пор не решен окончательно вопрос, долго ли сохранялось *ě* как особый, отличный от *е* и от *і* гласный, хотя бы под ударением, в московском говоре, легшем затем, как известно, в основу литературного языка» [1]. Относительно качества данного гласного в старом московском говоре высказывались различные суждения.

А. И. Соболевский приходил к такому заключению: «Среднерусские памятники XV—XVII вв. (по преимуществу московские) вообще не делают различия между *ѣ* и *е*, и мы можем говорить о полном отождествлении в это время *ѣ* и *е*. Надо иметь в виду, что многие из средне-

---

[51] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 156.

[1] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2. М., 1965, стр. 140.

русских памятников XV—XVII вв. (книги) удерживают традиционное употребление *ѣ* везде, где оно указывается церковнославянским языком (с незначительными изъятиями вроде брегъ, вредъ, время, членъ, влеку и т. п., при плѣнъ), и допускают употребление *е* вместо *ѣ* лишь в тех словах и формах, которые или совсем неизвестны в церковнославянских текстах, или встречаются в них очень редко»[2]. В свете подобной концепции известное старой московской письменности сохранение *ѣ* во многих случаях в положении под ударением и написание *е* на месте *ѣ* в безударных положениях оказываются лишенными фонетических оснований и рассматриваются как чисто орфографические явления.

За А. И. Соболевским следует П. Я. Черных: «Употребление *е* вместо *ѣ* в неударенном положении при сравнительно выдержанном различении *ѣ* и *е* под ударением в деловой письменности и, следовательно, в Уложенной книге можно толковать как орфографическое явление, как явление не у с т н о й, а п и с ь м е н н о й речи. . . Москвичи произносили *ѣ* как *е*»[3]. Впрочем, исследователь допускает и фонетическое понимание сохранения *ѣ* в положениях под ударением и написания *е* на месте *ѣ* в безударных положениях, но только в том случае, «если бы речь шла о письменных памятниках старомосковского просторечия, памятниках разговорного языка Москвы. Но грамоты и Уложение не подходят под это понятие. Скорее под это понятие подошли бы письма некоторых москвичей, например царя Алексея или князя Н. И. Одоевского, но как раз они-то и характеризуются отсутствием упомянутой особенности и смешением *ѣ* и *е* как в безударном положении, так и под ударением, что свидетельствует о совпадении *ѣ* с *е*. Сюда относятся (по правильному указанию В. В. Виноградова) также письма боярыни Ф. П. Морозовой, письма дворян Леонтьевых и др.»[4]

А. А. Шахматов в сохранении *ѣ* под ударением и замене *ѣ* посредством *е* в безударном положении, напротив, видел отражение фонетического явления. «Сохранение за *ѣ* особого звука в положении под ударением, — чи-

---

[2] А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка. Изд. 4. М., 1907, стр. 71.
[3] П. Я. Ч е р н ы х. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 215.
[4] Там же, стр. 214.

таем в его известном курсе истории русского языка, — признано для Москвы чертой северновеликорусской, ибо в восточнорусских (южновеликорусских) говорах переход *ѣ* в *е* во всяком положении — это черта, исконно свойственная их вокализму. Поэтому московское *ѣ* XVI в. я возвожу к северновеликорусскому i^e и думаю, что это i^e перешло в слогах неударяемых в *е*, а под ударением сохранялось в виде *ê̯e* или *i̯ê*, ср. современное тотемское произношение ударяемого *ѣ*, отмеченное Броком. То же сохранение *ѣ* под ударением при замене его через *е* в неударяемых слогах видим в Судебн. Ив. Вас. по сп. XVI в. Унд. № 824» [5]. Не касаясь здесь того, насколько обоснованно «выведение» московского *ѣ* из северновеликорусского, заметим: новые данные не подтверждают убеждения, согласно которому переход *ѣ* в *е* — черта исконно свойственная южновеликорусским говорам; произношение *ѣ* под ударением как звука отличного от *е* наблюдалось в исследуемую эпоху и в южновеликорусской области [6].

Не исключая возможности «более тонкой фонетической разницы между звуками, изображаемыми при помощи этих букв (*ѣ* и *е*, — *С. К.*)», Л. Л. Васильев вместе с тем приходил к выводу: «разница в произношении звуков *ѣ* и *е* после согласных заключалась в большей степени мягкости предыдущего согласного перед *ѣ*» [7]. На этот вывод натолкнуло исследователя написание в некоторых московских текстах после букв мягких согласных — *ѣ*, а после *ц* — *е*, впрочем, написание *е* довольно непоследовательное. Л. Л. Васильев рассуждал таким образом: «я. . . поставил замену буквы *ѣ* буквой *е* после буквы *ц* в параллель с заменою буквы *и* буквою *ы* и сделал вывод, что если буква *е* подобно букве *ы* оказалась способной указывать на твердость предыдущей буквы *ц*, то представление такой способности у писца не свалилось с неба, а должно было быть отвлечено от чего-нибудь, находив-

---

[5] А. А. Шахматов. Курс истории русского языка, ч. II. Изд. 2. СПб., 1911—1912, стр. 233.

[6] См.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). М., 1963, стр. 35—52.

[7] Л. Л. Васильев. Несколько данных для определения звукового качества буквы *ѣ* сравнительно с буквою *е* в памятниках XVII века, употребляющих эти буквы в слоге под ударением по-древнему при замене в слоге без ударения буквы *ѣ* буквою *е*. «Известия ОРЯС», т. XV, кн. 3, 1910, стр. 195, 216.

шегося в его распоряжении при письме, а это что-нибудь, по моей догадке, было обычное ее употребление после других согласных (другое что-нибудь предположить мудрено)» [8].

Специальную главу рассматриваемому гласному в говоре Москвы XVI—XVIII вв. посвятил в своем известном труде В. В. Виноградов [9]. В большей группе исследованных им московских духовных грамот он проследил такое явление: «случаи замены неударяемого *ѣ* через *е*, единичные в рукописях середины первой половины XV в., учащаются со второй половины XV в. и решительно преобладают над примерами сохранения *ѣ* в этом положении к концу XV—нач. XVI в.» [10] В общем то же устанавливалось и в московских договорных грамотах. Затем и в группе московских памятников XVI—XVII вв. обнаружилось немало таких, в которых вытеснение *ѣ* через *е* в разных условиях оказывалось «довольно последовательно проведенным приемом» [11]. Вырисовывалась картина постепенного вытеснения *ѣ* посредством буквы *е* сначала лишь в безударных положениях, а позднее и в части подударных. Устанавливая в Москве постепенную замену неударяемого *ѣ* посредством *е* начиная с XV в. В. В. Виноградов одновременно указывал на аналогичное явление во многих северновеликорусских памятниках, полагая, что в них это явление — «черта, перенесенная из Москвы и вообще с юга на северные периферии великорусского государства, а отнюдь не свидетельствующая о влиянии северновеликорусской графики на московскую» [12]. Далее утверждалось, что различия рефлексов *ѣ* в ударяемых и безударных слогах недостаточно для объяснения последовательного сохранения *ѣ* в положении под ударением; для оправдания этой особенности необходимо еще предположить различие в произношении *ѣ* и *е* в ударяемом положении. Словом, В. В. Виноградов склонялся к фонетическому истолкованию данных московских памятников

---

[8] Там же, стр. 190.

[9] См.: В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. В. I, Очерки по истории звука ѣ в севернорусском наречии. «Известия ОРЯС», т. XXIV, кн. 2, 1919.

[10] В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 248.

[11] Там же, стр. 256.

[12] Там же, стр. 261.

относительно *ѣ* и *е* и отклонял высказанную по этому поводу орфографическую гипотезу А. И. Соболевского [13]. Ударяемое *ѣ* в московском говоре, по мнению В. В. Виноградова, вплоть до начала XVIII в. звучало как дифтонг *i̯e* (или *i̯ê*) [14].

В последней работе В. Н. Сидорова судьба фонемы *ѣ*, с одной стороны, в московском говоре, с другой — в южновеликорусском наречии применительно к последним трем столетиям рассматривается вместе и выдвигается следующее предположение: «процесс совпадения фонем *ѣ* и *е* начался в конце XVII—начале XVIII в. в самом московском говоре, а затем под его воздействием стало утрачиваться различие у *ѣ* и *е* в говорах южнорусского наречия. Начало распространения в этих говорах московского звукового новообразования может относиться уже к середине XVIII в.» [15]

Посмотрим, в каком направлении ориентируют, какую трактовку названного явления оправдывают наши материалы. Приведем соответствующие данные из книги «Московская деловая и бытовая письменность XVII века», группируя эти данные по каждому писцу отдельно и при этом привлекая записи только заведомых москвичей.

В рубрике А приводим примеры с этимологическими написаниями *ѣ* в ударяемых положениях. Оговоримся: примеры Сергѣи, Алексѣи и т. п., несмотря на то, что в их составе *ѣ*, выступая вместо *и*, является аналогическим (по аналогии с *ѣ* в Матвѣи, Елисѣи и некоторых других именах, где соответствующий гласный был этимологическим), включаем также в рубрику А, поскольку указанное аналогическое выравнивание — явление довольно древнее. Подобным образом поступаем и с именами вроде Пелагѣя, в которых *ѣ* не менее древнее и тоже аналогического происхождения [16].

В рубрике Б располагаем примеры с *е* вместо *ѣ* этимологического в ударяемых положениях.

В рубрику В включаем примеры с написаниями *е* взамен *ѣ* этимологического в безударных положениях.

---

[13] В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 264—265.
[14] Там же, стр. 280.
[15] В. Н. Сидоров. Из русской исторической фонетики. М., 1969, стр. 32.
[16] См.: А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 72.

В рубрике Г представлены случаи с этимологическими *ѣ* в безударных положениях.

Рубрику Д образуют случаи с написаниями *ѣ* вместо *е* этимологического или вместо буквы *е*, выступающей на месте древней *ь*, сначала в ударяемых положениях, а после точки с запятой — в положениях безударных.

Рубрика Е включает примеры с относительно поздним *ѣ* на месте *и* как в ударяемых положениях, так и безударных.

Рубрика Ж представляет примеры с *и* взамен орфографического *ѣ*.

Не принимаем во внимание частицу *де* (более раннее *дѣ*) при постоянном энклитическом положении которой проявление качества исследуемой фонемы могло быть довольно сбивчивым, тем более, что в письменной передаче за этой фонемой в составе частицы давно утвердилась буква *е*.

Написания гласных в положениях, о которых по тем или иным причинам невозможно сказать с полной определенностью, ударяемые они или, напротив, безударные, сопровождаем вопросительным знаком в круглых скобках, а примеры с этими написаниями в некоторых случаях приводим в ряду и ударяемых и безударных.

Обозначения количества примеров и порядок их группировки соблюдаем те же самые, что и в разделе, посвященном проявлениям аканья.

Садовник Трифонка Антипов, 1668

А. вмѣста (16), Ѳедора Се*рг*ѣева (16), велѣ*н*ю 2 (16)

В. к. . . грамо*т*ке (16)

Дунька, жена князя В. В. Голицына, [1677]

А. многие лѣта (22), многолѣ*т*ное (22), многолѣ*т*но*м* (22),

Б. веда*т* (22), ко *м*не (22), дети (22), *в*пре*д* (22), на Москве (?) (22), *без* ве(?)сти (22)

В. о. . . *з*доро*в*е (22), на Москве (?), (22), *без* ве(?)сти (22)

Анютка да Дунька, дочери князя В. В. Голицына, [1677]

А. многие лѣта (24), многолѣ*т*ное (24), Але*ѯ*ѣя (24), на Москвѣ (?) (24)

Б. веда*т* (24), *в*пре*д* (24), де*д*ушка (24), многоле*т*но (24)

Алешка, сын князя В. В. Голицына, [1677]

А. многие лѣта (24), многие лѣта (25), многолѣ*т*ное (25), многолѣтное (25), многолѣ*т*по*м* (25), ко *м*нѣ (24), вѣдать (25), на Москвѣ (?) 2 (25)

Б. веда*т* (25), де*д*ушка 2 (25), дедушка (25), *в*пре*д* 2 (25), *без* ве(?)сти (25)

В. о. . . здорове (25), без ве(?)сти (25)

Алешка, сын князя В. В. Голицына, 1677

А. многие лѣта (25), многие лѣта (26), многолѣтное (25), ко мнѣ (25), ко мнѣ (26), мнѣ 3 (26), тебѣ (26), вѣдать (25), дѣдꙋшка (25), на Москвѣ (?) (25)

Б. впред (25), впред (26), ко мне (26), ведат (26), дедушка (26), (на чем мне) ездит (26), (не на чем) ездит (26), ехат (26), ведамо (26), зделат (26), нет (26)

В. о. . . здорове (26), х Троице (26)

Алешка, сын князя В. В. Голицына, [1677]

А. многие лѣта 2 (27), многолѣтное (27), многолѣтном (27), многолѣтно (27), дѣдꙋшка (27), вѣдат (27), на Москвѣ (?) (27), свѣтлости (27)

Б. ко мне (27), ведат (27), на Москве (?) (27), впред (27), дедушка (27) без ве(?)сти (27)

В. на слꙋжбе (27), о. . . здорове (27) на Москве (?), без ве(?)сти (27)

Подьячий Поместного приказа Макарка Богданов, 1663

А. вмѣста (73)

Б. Поместного приказу (73), веленю (73)

В. к. . . явке (73)

Кадашевец Афонька Митрофанов, 1668

Б. вьместо (78), веленю (78)

Сусальник Андрюшка Никифоров, 1671

А. извѣтꙋ (83), вмѣсто (83)

Тяглец Сретенской сотни Васька Микифоров, 1671

Б. изветꙋ (83), Стретенские сотни (83), вместо (83), веленю (83)

Кадашевец Стенька Дементьев, 1674

Б. вместо (89), веленю (89)

Подьячий Дворцовой площади Артюшка Кузьмин, 1675

А. вмѣсто (91), велѣнию (91)

В. Дворцовые площади (подьячий) (91)

Подьячий Дворцовой площади Мишка Волков, 1675

А. вмѣсто (93), Пашки Евсѣвьева (93), велѣню (93)

Подьячий Дворцовой площади Артюшка Кузьмин, 1675

А. вмѣсто (93), велѣнию (93)

В. Дворцовые площади (подьячий) (93)

Площадной подьячий Стрелецкого приказа Якушка Аврамов, 1675

А. вмѣсто (94)

Б. вѐленю (94)

В. Стрелецкаго приказу (94)

Кадашевец Ивашка Титов, 1676

А. вмѣсто (98), велѣнью (98)

Площадной подьячий Новгородского приказа Якушка Федоров, 1683

А. вмѣсто (110)

Б. веленю (110)

Стряпчий дворцовых крестьянских дел Трифонка Антипьев, 1683

А. дѣл (111), вмѣсто (111), велѣню (111)

Б. по ее велѣню (111)

Стряпчий Крестного монастыря Гаврилка Протопопов, 1691

А. вмѣсто (116), Евсѣвьевы дочери (116), велѣню (116)

Кадашевец Ивашка Михайлов, 1694

Б. вместо (120) по ее веленью (120)

Ордынской сотни Андрюшка Григорьев, 1696

Б. вместа (121), велению (121), Дараѳея (121)

В. к. . . челобитне (121), Ардынъские сотни (121)

Кадашевец Мишка Васильев, 1696

А. вмѣсто (122)

Б. велению (122)

Площадной подьячий Посольского приказа Сенька Игнатьев, 1696

А. вмѣсто (123)

Б. веленю (123)

Караульный солдат Федосейка Стахонов, 1698

А. вмѣста (124), велѣнью (124)

Б. Ѳедосеика Стахоновъ (124)

Подьячий Большого прихода Ромашка Протопопов, 1646

А. Алеѯѣя (125), жены Еремѣева (125), вѣдаю 2 (125), нѣт (125), Тимоѳѣя (125)

В. целованю (125), прибежал (125), (двор) Ивановские жены (125)

Жилец Иван Савин, 1646

А. Алеѯѣя (125), жена Еремѣева (125), на дворѣ (125), нѣт 2 (125), вѣдою (125), изба еѣ (125), загорѣлас (125)

В. целованю (125), видел (125)

Подьячий Сибирского приказа Ефимка Панов, 1646

А. Алеѯѣя (126), въ 31 м числѣ (126), Помѣсног приказу (126), жены Еремѣева (126), вѣдаем (126)

Б. къ ее двору (126)

В. целованю (126), 8 Ивановские жены (126), в цркве (126), бежит (126), из цркве (126), прибежал 2 (126)

Подьячий Новгородской чети Петрушка Колударов, 1646

А. Алеѯѣя (126), к Тимоѳѣю 2 (126), Тимоѳѣя 2 (126), в гостѣх (126), сосѣдка 2 (126), вѣдаю 3 (126), жены Еремѣева (126)

Б. (вскочил) на сени (126), ѕагарелася (126), обедни (126), подклед (126)

В. Новгородцкие чети (подьячий) (126), целованю (126), в нненшнем. . . году (126), в приkaѕe (126), подле. . . двора (126), сенеи (126), после (126)

Подьячий Разбойного приказа Ивашка Волков, 1646

А. Алеѯѣы (126), загорѣлся (126), жены Еремѣева (126), вѣдаю (126)

В. целованю (126)

Подьячий Новой чети Тимошка Кузьмин, 1646

А. Алеѯѣы (126), въ 31 м числѣ (127), жены Еремѣева (127), вѣдаю 2 (127), еѣ. . . не было (127), рѣчи (127)

В. целованю (126)

Подьячий Иноземского приказа Смирной Богданов, 1646

А. жена Еремѣева (127), нѣтъ (127), вѣдаю (127), ѕагорѣлас (127), изба еѣ (127)

В. в городе (127), в приkaѕe (127)

Иконник Сенька Степанов, 1646

А. Алеѯѣя (127), на. . . дворѣ (127), жены Еремѣева (127), сѣни (127), в тѣ (?) поры (127), еѣ. . . не было (127), Тимоѳѣя (127), вѣдаю (127), подклѣт (127), то моѣ и рѣчи (127)

В. целованью (127), в ннешнем. . . году (127), на. . . Семенове дворѣ (127), 8видел (127), прибежали (127), прибежав (127)

Г. сѣнеи 2 (127), в тѣ (?) поры (127)

Жилец Иван Мячков, 1651

В. к. . . скаске (127)

Жилец Иван Шапилов, 1651

А. помѣстья 2 (128), в. . . уѣзде 2 (128)

Б. (в Переславском уезде) Залескова (128)

В. на Хохловке (128)

Жилец Алексей Горяинов, 1651

А. Алеѯѣи (128), помѣстеица (128), нѣтъ 2 (128), у Благовѣщения (128),

В. (у Благовещения) пречистые бцы (128), на... Ваганкове (128), в приходе (128)
Жилец Лаврентий Усов, 1651
А. Алеѯѣя (128)
Б. поместеица (128), *в*... ѹезде (128), в Беломъ городе (128)
В. целованю (128), в Переславле (128), *в*... ѹезде (128), в вотчинке (128), двенатцет (128), в... городе (128), на... ѹлице (128), в приходе (128)
Жилец Петр Суворов, 1651
А. помѣстеица (128)
Б. в... ѹездѣ (128)
Г. в... ѹездѣ (128)
Жилец Микитка Деев, 1651
А. Микитка княж Ондрѣев снъ Дѣевъ (128), въ помѣстье (128), с... помѣстья (129), Микитка Дѣев (129)
В. въ помѣстье и вотчине (128)
Жилец Илюшка Левшин, 1652
А. згорѣлъ (129), погорѣла (129)
Б. въместе (129), некому (129)
В. в ннешнем... году (129), въместе (129), детми (129), въ... походе (129)
Подьячий Ивановской площади Микитка Иванов, 1652
А. згорѣл (129), погорѣло (129), вмѣсте (129)
В. в ннешном... году (129), вмѣсте (129), в... походе (129)
Князь Федор Гагарин, 1652
Б. вместа (130), веленю (130)
В. к... скаске (130)
Жилец Петр Софонов, 1652
А. дѣти (130), згорѣл (130), погорѣла (130)
В. в нынешнем... годѹ (130)
Жилец Андрей Чичерин, 1652
А. Олеѯѣя (130), Андрѣи 2 (130)
Б. ѕгорел (130), погорела (130)
В. целованю (130), в нинешнем... году (130)
Хамовных кадашевских дел дьячок Богдашка Петров, 1653
А. Алеѯѣя 2 (130), на.. дворѣ (130), Перфилеи Мокѣевъ (130), Андрѣи (130), вѣдаемъ (131), дѣл (131)
В. в ннешнем... году (130), на гсдрве (дворе) (130), в допросе (130), в допросе (131), целованю (130), целованю (131), целовалники (131)

Кадашевец Иван Артемьев, 1653
Б. вместо (131)
В. к. . . скаске (131)
Кадашевец Иван Давыдов, 1653
А. вмѣста (131)
В. к. . . скаске (131)
Гришка, сын кадашевца Перфилия Мокеева, 1653
Б. вместо (131)
В. к. . . скаске (131)
Кадашевец Демешка Сергеев, 1653
Б. вместо (131), веленю (131)
В. к. . . сказке (131)
Церковный дьячок Николы чудотворца Васька Климонтов, 1660
А. вмѣсто (131)
Б. велению (131)
В. к. . . скасъке (131)
Торговый человек шубного ряда Артюшка Харитонов, 1660
А. вмѣста (131)
В. к. . . скасъке (131)
Садовник Богдашка Андроников, 1662
Б. вместо (133), веленью (133)
В. к. . . скаске (133)
Садовник Митька Патрикеев, 1662
Б. Ми*т*ка Потрекее*в* (133)
В. к. . . скаске (133)
Садовник Ивашка Кирилов, 1662
А. вмѣста (133), вел*ѣ*нью (133)
В. к. . . скаске (133)
Садовник Ивашка Аксентьев, 1662
А. вмѣсто (133)
Б. веленью (133)
В. к. . . скаске (133)
Бараш Оська Седов, 1662
В. Оска Седо*в* (134)
Староста Барашской слободы Кузька Петров, 1662
В. к. . . скаске (134)
Бараш Мартинка Осипов, 1662
А. вмѣсто (134), велѣнью (134)
Огородной слободы Петрушка Борисов, 1662
В. к. . . скаске (134)
Таганной слободы Куземка Фомин. 1662
Б. вместа (134), веленью (134)

В. к. . . скаске (134), Тоганные слободы (Куземка Фомин) (134), (вместо) Тоганные слободы (134)

Басманной слободы Якушка Иванов, 1662

Б. вместо (134), велению (134)

В. к. . . скаске (134)

Таганной слободы Васька Леонтьев, 1662

В. к. . . скаске (134)

Басманной слободы Кирюшка Осипов, 1662

В. к. . . скасъке (134)

Красноселец Ивашка Микифоров, 1662

Б. въместо (134), веленю (134)

Тяглец Гончарной слободы Андрюшка Лукин, 1662

Б. вместо (134), велению (134)

В. к. . . скаске (134)

Кошельной слободы Якунька Венедиктов, 1662

Б. вместо (134), веленю (134)

В. к. . . скаске (134), Кошелные слободы (Якунька Венедиктов) (134)

Дьячок Кадашевской слободы Митька Афанасьев, 1662

А. Алеѯѣи (134), Бѣлыя Росиі (134), Радионȣ Матвѣевичю (134), (во всяких) чинѣх (134), на. . . дворѣ (134), дѣлат (134), дѣлат (135), велѣл (135), о серебрѣ (135), по. . . ценѣ (135), тѣ (земли) тѣ (товары) (135), тѣ (деньги) (135), тѣ (товары) 2 (136), тѣх (135), тѣх (136), тѣми 2 (135), на Мсквѣ(?) 3 (135), на Москвѣ (?) 2 (135), онѣ (135), кромѣ (?) (государя) (135), мѣдные (135), мѣдные (136), мѣдных 2 (135), мѣдных (135), мѣдными (135), с нѣмцы (135), к себѣ (135), дѣлное (135), скудѣет (135), оскȣдѣли (135), всѣхъ (135), в ȣѣздех (135), безмѣрная (135), хлѣб (135), (скирды) хлѣба (135), (продают) хлѣба (135), хлѣбнаѧ (135), хлѣбного (135), хлѣбные (135), помѣщиков (135), лѣт (135), ежелѣт (136), бѣдные (135), в. . . годѣхъ (136), дѣло (136)

Б. Радионȣ. . . Стрешневȣ (134), расмотренемъ (134), время 2 (135), попрежнему (135), попрежнему (135), по прежнему (135), прежние (135), прежнево (135), прежнихъ (136), прежнею (136), пре(?)ж сево (135), к Москве (?) 2 (135), к Моске (?) (=Москве) (135), в. . . городех (135), [в]пред (136)

В. (допросить) Кадашевские слободы (старост) (134), видет (134), прекратитца (135), по. . . ценѣ (135), по. . . цен[е] (135), немецкие (135), немецких (135),

к Москве (?) 2 (135), к Моске (?) (=Москве) (135), нне (=ныне) (135), нне (=ныне) (136), в тамо*ж*не (135), меняю*т* (135), меняю*т* 2 (136), ценою 3 (135), ценою (136), проти*в*. . . цены (136), в. . . гдр*с*тве (135), в. . . гсдр*с*тве (135), в ȣѣздe*х* (135), ннешне*и* (135), ннеш*и*го (=нынешнего) (135), о*т*. . . всякие дороговли хлѣбные и ха*р*чевые (135), пре(?)*ж* сево (135), в селе*х* (135)

Г. на М*с*квѣ(?) 3 (135), на Москвѣ (?) 2 (135), кромѣ (?) (135), покамѣс*т* (135), приѣзжа*т* (135), приѣзжаю*т* (135)

Староста Кадашевской слободы Герасимка Яковлев, 1662

В. к. . . скаске (136)

Д. Гераси*м*ко Яковлѣвъ (136)

Кадашевец Ивашка Яковлев, 1662

Б. веленью (136)

Кадашевец Агейка Мартынов, 1662

А. Агѣика (136), вмѣста (136), Алеѯѣꙗ (136)

Б. веле*н*ю (136)

Г. к. . . скаскѣ (136)

Староста Садовой слободы Савинка Иванов, 1662

А. вмѣста (137), велѣнью (137)

Тяглец Огородной слободы Ивашка Кирьяков, 1662

А. вмѣсто (137)

Г. к. . . скаскѣ (137)

Староста Барашской слободы Коземка Петров, 1662

А. вьмѣсто (137)

В. к. . . скаске (137)

Гостиной сотни Митька Казаков, 1662

В. к. . . скаске (137)

Подьячий Сотенной палаты Ивашка Артемьев, 1662

А. Алеѯѣя (138), Бѣлыя Росиі (138), всѣ (138), на Москвѣ (?) (138), хлѣ*б* 2 (138), ѡ*т* хлѣба (138), одного хлѣба (138), хлѣбо*м* (138), хлѣбные (138), сѣно 2 (138), мѣдные 2 (138), в. . . лѣте*х* (138), помѣщики (139), мѣдные 3 (139), мѣдны*х* 3 (139), мѣдными (139), (в) хлѣбе (139), себѣ (139), всѣ (139), всѣ*х* (городов) (139), ото всѣ*х* чино*в* (139), во всѣ*х* ряде*х* (139), обогатѣ*ли* (139), на мѣре (139), вѣдае*м* (139), (сказать) не умѣ*т* (139), дѣло (139)

Б. в пре*ж*них лѣте*х* (138), во всѣ*х* ряде*х* (139)

В. ценою 2 (138), в. . . лѣте*х* (138), (от) хлѣбные (дороговли) (138), (в) хлѣбе (139), (на) мѣдные (деньги)

2 (139), (дешовой) цены (139), ценою (139), на мѣре (139), нне (=ныне) (139)

Г. на Москвѣ (?) (138), сьѣстьнои (138), сьѣстьные (138), ннѣ (=ныне) (138), ннѣ (=ныне) (139), извѣстит (139)

Д. о всѣм (известит) (139)

Сотский Дмитровской сотни Андрюшка Семенов, 1662

Б. вместо (139), велению (139)

В. к. . . скаске (139), Дмитровские сотни (сотский) (139)

Сотский Сретенской сотни Пашка Григорьев, 1662

А. вмѣсто (139), велѣню (139)

Б. Стретенские сотни (139)

В. Стретенские сотни (сотский) (139)

Г. к. . . скаскѣ (139)

Сотский Устевской сотни Юрка Борисов, 1662

Б. вместо (139), веленью (139)

В. к. . . скаске (139)

Староста Кузнецкой слободы Федотка Козьмин, 1662

А. вмѣсто (139), Алеѯѣевъские слободы (139)

Б. веленью (139)

В. к. . . скаске (139), Алеѯѣевъские слободы (старосты) (139), Кузнецъкие слободы (староста) (139)

Староста Панкратьевской слободы Якушка Иванов, 1662

А. вмѣст[о] (139), велѣн[ью] (139)

В. к. . . сказке (139), Панкратевъские слободы (староста) (139)

Тяглец Ордынской слободы Минька Иванов, 1662

Б. [вм]есто (139), веленю (139)

Тяглец Голутвинной слободы Федька Леонтьев, 1662

А. вмѣсто (139), велѣнью (139)

В. к. . . скаске (139)

Тяглец Алексеевской слободы Фочка Савинов, 1662

А. Алеѯѣевскои слободы (139), вмѣсто (139)

Б. велению (139)

В. к. . . скаске (139)

Подьячий Земской площади Микифорка Шаболов, 1662

А. вмѣсто (140)

В. к. . . скаске (140)

Покровской сотни Сенька Сергеев, 1662

А. Сенка Сергѣевъ (140), вмѣсто (140), велѣнию (140)

В. к. . . скаске (140)

Протопоп Спасского собора Анисим, 1666

Б. на дворце (140)

Староста Тверской Константиновской слободы Андрюшка Григорьев, 1671

А. Андрѣи (140)

Хамовной слободы Микитка Дмитриев, 1673

А. въмѣста (141)

Б. веленю (141)

Г. к. . . скаскѣ (141), дѣтеи (141)

Д. Семѣна (141)

Е. дядѣи (141)

Подьячий Разрядного приказа Максимка Алексеев, 1679

А. Максимко Алеѯѣев (141), в. . . уѣзде (141), на Москвѣ (?) (141), в городѣхъ (141), нѣтъ (141), нигдѣ (141)

В. в. . . уѣзде (141), в вотчинке (141), нне (=ныне) 2 (141)

Подьячий Разрядного приказа Алешка Яцкой, 1679

А. Өеодора Алеѯѣевича (141), Бѣлыя Росиі (141), в пѡмѣстеице (141), в. . . уѣзде (141), нѣт (141), по свтѣи. . . заповеди (141)

В. по. . . заповеди (141), в пѡмѣстеице и в вотчинке (141), в. . . уѣзде (141)

Подьячий Разрядного приказа Юшка Охотницкой, 1679

А. Өеодора Алеѯѣевича (141), Бѣлыя Росиі (141), помѣстеице 2 (141), в. . . ȣѣздех (141), тѣм (141), владѣю 2 (141), тѣ (141), сѣют хлѣб (141), мнѣ (141), в. . . ȣѣзде (141), тѣми (141), помѣся (141), нѣт (141)

Б. по светеи. . . заповеди (141)

В. в Розряде (141), по. . . хрстве. . . заповеди (141), в. . . ȣѣзде (141), в. . . ȣѣздех (141), в Болхове (141), ннешним (141), нне (=ныне) (141)

Подьячий Разрядного приказа Васька Степанов, 1679

А. помѣся 2 (142), в. . . ȣѣзде (142), тѣми (142), владѣю (142), в. . . городѣх (142), нѣтъ (142)

В. в. . . ȣѣзде (142), сенных (покосов) (142)

Подьячий Разрядного приказа Агафошка Пименов, 1679

А. Өеодора Алеѯѣевича (142), Бѣлыя Росиі (142), помѣсной (142), в. . . уѣзде 2 (142), в. . . ȣѣзде (142), владѣю (142), владѣет (142), нигдѣ (142), нѣт (142)

В. по. . . ѕаповеди (142), внове (142), в. . . уѣзде 2 (142), в. . . ȣѣзде (142), в даче (142), до нне (=доныне) (142), на пашне (142)

Подьячий Разрядного приказа Ивашка Павлов, 1679

А. в. . . уѣзде 2 (142), в помѣсе (142), на Москвѣ (?) (142),

в городѣх (142), мѣстъ (142), нѣт (142)
Б. по свтеи. . . ѕаповеди (142)
В. ѕаповеди (142), в. . . уѣзде 2 (142), в помѣсе (142), лесных (142)
Г. дѣловых (142)

Пушкарский голова Василий Долматов, 1684

В. к. . . скаске (143)

Пушкарь Терешка Иванов, 1685

Б. Еѳ[рема] Сергеиева (143), в дело 3 (143)
В. по скаске 3 (143)

Зелейный мастер Андрей Сергеев, 1685

А. Андреи Сергѣевъ 2 (143), вмѣсто 2 (143), Еѳрема Сергѣева 2 (143)
Б. веленью 2 (143), Андреи 2 (143)

Зелейный подмастерье Максимка Агеев, 1685

А. велѣнию (143)
Б. вместо (143), Маѯимко Агеевъ (143)
Г. к. . . скаскѣ (143)
Д. зелѣинои (143)

Пушкарь Андрюшка Федосеев, 1685

А. Андрюшка Ѳедосѣевъ (144)
Б. вместо (144), ѳеленю (=велению) (144)
Г. к. . . скаскѣ (144)

Зелейный мастер Андрей Сергеев, 1685

А. Андреи Сергѣевъ (144), Андреи Сергѣевъ (144), вмѣсто (144)
Б. Андреи (144), Андреи (144), веленью 2 (144)

Пушкарь Терешка Иванов, 1685

Б. дел[о] (144), серы (горячей) (144), тое (солому) (144), в казне (144), двести (144), реткихъ (144), ведер (144), медно[и] (144), весом (144), (другие) стены (144)
В. по скаске 2 (144), в остатке (144), засевалнои (144)
Г. обѣ (мельницы) (144)

Пушкарь Петрушка Степанов, 1685

Б. вместо (145), веленю (145)
В. к. . . скаске (145)

Пушкарь Терешка Иванов, 1685

Б. Еѳрема Сергеева (145), (шириною) во дне (полтретья аршина) (145), в казне (145), реткихъ (145), ретких (145), к. . . делѹ (145), х. . . делѹ (145), двести (145), ведер (145)
В. по скаске 3 (145), в остатке (145), решот 2 (145)

Пушкарь Карпушка Анкидинов, 1685
А. вмѣсто (145), Еѳрѣма Сергѣева (145), вѣлѣнию (145)
В. к. . . скаске (145)
Д. Еѳрѣма (145)
Зелейный подмастерье Максимка Агеев, 1685
Б. Маѯимко Агеевъ (145), вместо (145), велению (145)
Г. к. . . скаскѣ (145)
Д. Семѣна (145)
Пушкарь Терешка Иванов, 1686
Б. к. . . делꙋ (145), в. . . дело (146), к тем. . . ступам (145), к тем. . . ступам (146), серы (горячей) (146)
В. по скаске (145), по скаске (146), в отрꙋбе 5 (145), в отрꙋбе 3 (146)
Московский пушкарь Петрушка Степанов, 1686
Б. вместо (146), веленю (146), к. . . делꙋ 2 (146), (горючей) серы (146)
В. к. . . скаске (146), по скаске 2 (146)
Подьячий Иноземского приказа Ивашка Злобин, 1686
А. вмѣста (146), велѣнью (146)
В. к. . . скаске (146)
Ивашка Лукьянов, племянник зелейного мастера Якова Микулина, 1686
А. вмѣстѡ (146), (зелейного) дѣла (146)
Б. вѣленю (146)
В. к. . . скаске (146)
Д. вѣленю (146)
Московский пушкарь Петрушка Степанов, 1686
А. лѣсꙋ (147)
Б. к. . . делꙋ 3 (147), меднои (147), медные (147), медных 2 (147), Андрея Сергеева (147), весомъ (147)
В. по скаске 4 (147), (четыре) ведра (147), в воротех (147), песты (147)
Зелейный подмастерье Максимка Агеев, 1686
Б. Маѯимко Агеевъ (147), вместо (147), велению (147)
Г. к. . . скаскѣ (147)
Д. зелѣинои (147)
Подьячий Пушечного двора Григорий Крюков, 1686
Б. веленю (147)
В. к. . . скаске (147)
Зелейного дела подмастерье Куземка Иевлев, 1686
А. вмѣсто (147), велѣню (147)
Зелейный мастер Андрей Сергеев, 1686
А. Андреи Сергѣевъ (148), вмѣсто (148)

Б. веленю (148)
Пушкарь Ивашка Кондратьев, 1686
Б. на. . . дворе (148), в казне (148), нетъ (148), Пантелеи (148), Пантелея (148), Пантелею (148), те (образцы) (148), меди (148)
Пушкарь Елизарка Елизарьев, 1686
А. вмѣсто (148)
Б. Пантелея (148), веленю (148)
В. к. . . скаске (148)
Пушкарь Петрушка Степанов, 1686
Б. Еѳрема Сергеева (148), к. . . делȣ 2 (148)
В. по скаске 2 (148)
Зелейный мастер Андрей Сергеев, 1686
А. Андреи Сергѣевъ (148), вмѣсто (148), Еѳрема Сергѣева (148)
Б. Андреи (148), веленью (148)
Зелейный подмастерье Максимка Агеев, 1686
Б. Маѯимко Агеевъ (148), вместо (148)
Г. к. . . скаскѣ (148)
Д. вѣлению (148)
Пушкарь Петрушка Степанов, 1686
Б. к. . . делȣ (149), медных 4 (149)
В. по скаске (149), песты (149)
Пушкарь Петрушка Степанов, 1684
Б. к. . . делȣ (149), серы (горячей) (149)
В. по скаске (149)
Зелейного дела подмастерье Сережка Семенов, 1686
Б. (зелейного) дела (149), вместо (149), веленю (149)
В. к. . . скаске (149)
Зелейный подмастерье Максимка Агеев, 1684
А. вмѣсто (149), велѣнию (149)
Б. Маѯимко Агеевъ (149)
Г. [к] скаскѣ (149)
Кадашевской слободы хамовных дел дьячок Богдашка Петров, 1637
А. лѣта ҂ЗРМЕ (151), бѣлую (151), Дружины Матвѣева (151), двѣсте (151), дѣл (151)
Б. Ѳедору. . . Стрешневу (151), уезду (151)
В. (по приказу) Кодашевские слободы (приказной Анны Бегичевы) (151), (у крестьян) Ераполские волости (151), (по приказу) Кодашевские слободы приказные Анны Бегичевы (151), Кодашевские слободы (дьячок) (151)

Кадашевской слободы хамовных дел дьячок Ивашка Провов, 1649
А. Алеѯѣя (151), Алеѯѣю (151), мѣсто (151), по*л*дѣла (151), лѣтъ (152), Андрѣ*и* (152), мѣрную (152), дѣ*л* (152)
В. целова*л*ники (152)
Г. подлѣ (житницы) (151), нынѣча (152)
Д. Петръ Клемѣньтие*в* (152), локътѣмъ (151), четырѣ (151), банѣю (151), Ѳедоръ Голенищѣвъ (152)
Кадашевец Богдашка Петров, 1649
А. вмѣсто (152), велѣнию (152)
Г. доссмо*т*рѣно*и* (152)
Князь Михайла Вяземский, 1660
А. мнѣ 3 (152), на мнѣ (152), Елиза*р*ко Тимоѳѣе*в* (152), Васка Еремѣе*в* (152), о тѣ*х* (152), тѣми (152), о передѣле 2 (152), владѣ*т* 2 (152)
В. ннешно*г* (152), розделил*л* (152), в. . . др*в*не в Ло*ш*кине 2 (152), де*т*ми 9 (152), се*н*ные (покосы) (152), о пердѣле 2 (152)
Д. вопчѣ (152)
Князь Яков Вяземский большой, 1660
А. мнѣ 4 (153), дѣтя*м* (153), ро*з*дѣлу (153), ро*з*дѣлȣ (153), владѣ*т* (153), тѣ (деревни) 2 (153), тѣ*х* 2 (153), тѣми (153), обѣимъ (153)
Б. кня*ж*не 2 (153), сестре 2 (153), время (153), обеи*м* (153)
В. А*н*не (153), Ма*р*ѳе (153)
Г. в ннѣшно*м*. . . году (153), подѣ[ли]ли (153), в. . . во*т*ч[и]нѣ (153), ннѣ (=ныне) 2 (153), подѣли*т* (153)
Антипка Павлов, брат тяглеца Огородной слободы, 1670
А. мнѣ (153), Агѣя Алеѯѣевича (153), тѣ (деньги) (153)
Б. тое (Огородной слободы) (153), по. . . кабале (153)
В. на. . . Иване (153)
Подьячий Поместного приказа Иван Тишевской, 1677
А. мнѣ (154), Евсѣ*в*я (154), женѣ (154), дѣтемъ (154), дѣла нѣ*т* (154), Помѣсного прика*з*у (154)
В. Саве (154), детеі (154)
Е. апрѣля (154)
Иван Владимиров сын Волынский, 1677
Б. мне 2 (154), на Мосъкве (?) (154), на Москве (?) (154), человеку (154)
В. три ве*т*ра (=ведра) (154), на Мосъкве (?) (154), на Москве (?) (154)

Федор Шакловитый, 1683
А. всѣмъ (155), вѣдома (155), вѣдали (156), А*н*дрѣю (155), А*н*дрѣи (156)
В. старосте (155), Гришке (155)
Стряпчий Сытного дворца Тихон Виньков, 1684
А. лѣта ҂ЗРЧГ (156), Іоанна Алеѯѣевича Петра Алеѯѣевича (156), Бѣлыя Росиі (156), ѹѣздѹ 2 (156), велѣ*л* (156)
Огородной слободы Григорий Гришенинов, 1690
А. мнѣ (156), тѣ (деньги) (156), въ А *м* числѣ (156)
Князь Яков Вяземский меньший, 1698
А. мнѣ 4 (157), двѣсти (157), по роздѣлѹ (157), в. . . ѹѣзде (157), владѣ*т* (157), женѣ 3 (157), дѣтя*м* 2 (157), дѣла нѣ*т* (157), ничѣмъ (157)
Б. тое (пустошь) 2 (157)
В. в. . . ѹѣзде (157), в Логинове станѹ (157), о спра*в*ке (157)
Г. в ннѣшно*м*. . . годѹ (157)
Подьячий Ивановской площади Стенька Строгальщиков, втор. пол. XVII в.
А. мнѣ 5 (157), помѣсно*и* (157), вь. . . уѣзде (157), братъ. . . А*н*дрѣевъ (157)
Б. А*н*дре*и* (157), вь. . . А*н*дрееве жеребю (157)
В. вь. . . уѣзде (157), в неусто*и*ке (157), променилъ (157), промени*л* (157), вь. . . А*н*дрееве жеребю (157)
Садовник Григорий Васильев, 1681
А. к себѣ (158), мнѣ (158)
Кадашевец Ерофей Павлов, 1689
А. Ероѳѣи 2 (158)
Д. бѣсчестье (158)
Кадашевской слободы хамовных дел дьячок Богдашка Петров, 1634
А. Богда*н* Еремѣевъ 2 (160), дѣ*л* 2 (160), лѣта ҂ЗРМВ *г* год*у* 2 (160)
Б. уезду (159), Алексеи (160), Алексе*и* (160)
В. цена 5 (160), ценовщику (160), ценовъщику (160), цено*в*щики (160), ценовную 2 (160), ценили 2 (160)
Подьячий Куземка Чупышов, 1656
А. лѣта ҂ЗРѮЕ *г* (160), Алеѯѣя 2 (160), Бѣлыя Роси*и* (160), с. . . мѣсто*м* (160)
Б. Яроѳе*и*ка (160), мерили (160), на дворе (160), на. . . по*д*кле*т*чишка*х* (160), (горница) да. . . сени*ш*ки (160)

В. цена 2 (160), ценовную (160), ценили (160), целовалники (160), по христове. . . ꙅаповеди (160), в Кадашове (160), в ꙅамете (160), рекою (160), (цена) лавке (160)

Староста Кузнецкой слободы Григорий Семенчин, 1656

Б. Дороѳея (160), веленю (160)

В. ценовнои (160)

Хамовных дел подьячий Гаврилка Степанов, 1676

А. Андрѣи (161), Матвѣи (161), в. . . слобадѣ (161), бѣлоя (161), на. . . потклѣте (161), по оцѣнке (161), (со) всѣмъ (строением) (161), дѣл (161)

В. по оцѣнке (161), ценовную (161), ценили (161), целовалники (161), на. . . потклѣте (161), на. . . погребе (161)

Г. в. . . улицѣ (161), против стѣны (161), в. . . сѣнех (161), баня с сѣнми (161)

Кадашевский староста Гаврила Власов, 1676

А. вмѣсто (161), Андрѣя (161)

В. ценовнои (161), целовалников (161)

Староста Новоникитской слободы Патрикей Мартьянов, 1691

А. Патрекѣи 2 (162), с. . . мѣста (162)

Подьячий Ивановской площади Максимка Уланов, 1651

А. Юрья Ондрѣев (162), на рекѣ (162), обѣма (162), женѣ (162), к сѣбѣ (163), Пероиля Мокѣева (163), лѣта ҂З сто пятдесят девятаго году (163)

Б. сидет (162), сидет (163), на. . . кабаке 2 (162), на. . . кабаке (163), раденемъ (162), радет (163), в. . . казне (162), детям (162), на детях (162), тех 3 (162), на жене (162), делом (163), дела нет (163)

В. в ннешнем. . . году (162), на рекѣ (162), по тысече (162), в таможне (162), в таможне (163), переменяючи (162), сидечи (162), збежат (162), ꙅаделит (162), в недоборе 2 (162), в гсдрве казне (162), после 2 (162), в краже 2 (162), Ивановские площеди (подьячий) (163)

Д. к сѣбѣ (163)

Е. жеребѣи (162), Кондратѣи (163), подячѣи (163)

Подьячий Ивановской площади Федька Федоров, 1660

А. Матвѣи 5 (163), Матвѣю 3 (163), сестръ. . . Матвѣевых (163), на . . . Матвѣе (164), мнѣ 3 (163), на мнѣ (164), женѣ (163), на женѣ (164), дѣти (163), дѣтям 2 (163), всѣх 2 (163), дѣла нѣт 4 (163), владѣт (163), вмѣсто (163), в. . . дворѣ (163), о. . . дворѣ (163), лѣта ҂З сто шездесят осмаго году (164)

Б. вмѣсто тое. . . во*т*чины (163), с тое. . . вотчины (163), пре(?)*ж* сего (163), че*м* (163)
В. в ннешне*м*. . . году (163), после (163), пре(?)*ж* сего (163)
Г. в бѣга*х* (163), дѣ*т*ми (163), о. . . во*т*чинѣ (163)
Д. возмѣ*т* (163)
Е. жеребѣ*и* (163)

Князь Матвей Вяземский, 1660

А. Матвѣ*и* (164)

Подьячий Ивановской площади Дмитриева полку Романовича Жукова пятидесятник Ивашка Петров, 1694

А. Алеѯѣ*и* 3 (164), Алеѯѣя 2 (164), Алеѯѣю 2 (164), дѣлъ (164), мнѣ 2 (164), на мнѣ (164), дѣти (164), дѣтямъ (164), дѣтя*м* (164), на дѣтя*х* (164), лѣта ҂ЗСВ *г* го*ду* (164)
Б. двести (164), двести (164), на писме (164), Илье 2 (164). на. . . Илье (164), жене 2 (164), на жене (164)
В. в ннешнѣмъ. . . годꙋ (164), в ннешне*м*. . . годꙋ (164), нне (=ныне) (164), по ссоре (164), в то*м*. . . бѣзчестье (164), о. . . бѣзчестье (164), о бѣзчестье (164), Ивановские площеди (подьячий) (164)
Г. дѣте*и* 2 (164)
Д. в ннешнѣмъ. . . годꙋ (164), обѣзчести*л* (164), в то*м*. . . бѣзчестье (164), о. . . бѣзчестье (164), о бѣзчестье (164)
Е. Дми*т*рѣева по*л*ку (164)

Подьячий Ивановской площади Григорьева полку Ивановича Анненкова десятник Мишка Мельнов, 1694

А. дѣти 2 (164), дѣти (167), дѣтямъ 4 (165), дѣтямъ 2 (167), на дѣтя*х* (167), Матвѣ*и* (164), Ма*т*вѣ*и* (165), Матвѣ*и* (165), Матвѣ*и* (166), Матвѣю 4 (165), Ма*т*вѣю (165), двѣсти (164), двѣсти 2 (165), двѣсти (166), двѣсти 2 (167), в Помѣсно*и* приказ (165), в Помѣсно*м* приказѣ (165), в. . . ꙋѣзде (165), *в*. . . ꙋѣзде (165), тѣ пꙋстоши 2 (166), тѣ. . . пꙋстоши (167), тѣ кр*с*тьяне (167), тѣ*х* (165), тѣхъ 3 (165), тѣ*х* 2 (166), тѣ*х* 3 (167), тѣми (167), всѣми (165), в селѣ 2 (165), дѣда (165), по роздѣлꙋ (167), по. . . роздѣлно*и* записи (166), здѣлочнꙋю (165), в. . . дворѣ (165), во *д*ворѣ 2 (167), мѣстѡ (165), того. . . мѣста 2 (165), дѣла нѣтъ (165), дѣла нѣтъ (166), владѣть (165), владѣ*т* 3 (166), владѣть (166), владѣть (167), владѣлъ (167), о*т*мѣнъ (165), мнѣ (165), мнѣ 4 (167), на мнѣ (167), мѣрою (165), женѣ (165), женѣ 2 (167), на женѣ (167), (после) еѣ (владения) (166), Зарѣчье 2 (166), лѣта ҂ЗСВ *г* годꙋ (166), лѣта ҂ЗСВ *г* годꙋ

(167) хлѣ*б* (167), Кандрашка А*н*дрѣевъ (167), ѿ передѣле (167)

Б. ниче*м* (165), владе*н*я (166), розделными (166), тое. . . полосꙋ (167)

В. после 4 (165), после (166), после (167), в. . . ꙋѣ*з*де (165), *в*. . . ꙋѣ*з*де (165), ѡ дервне Завра*ж*е (165), в то*и* дрвне (167), в то*и* *ж*е дрвне (167), дяде (165), ѡ росписке (165), Оксинье 2 (165), Окси*н*е (165), Окси*н*е (166), вь. . . Яковле записи (166), выменная (166), Ивановские плѡщади (подьячий) (166), Ивановские площади (подьячий) (167), ѡ передѣле (167)

Г. в ннѣшнемъ. . . годꙋ (164), в ннѣшне*м*. . . го*д*у 2 (165), в ннѣшне*м*. . . годꙋ 2 (167), в ннѣшне*м*. . . го*д*у (167), с ннѣшнего. . . годꙋ (166), с ннѣшнего. . . го*д*у (167), ннѣ (=ныне) (165), ннѣ (=ныне) (167), в. . . приказѣ (165), о*т*дѣли*т* (165), роздѣли*ли* (165), роздѣлили (167), дѣте*и* (167), дѣтми (165), дѣтми 2 (167), ѡ. . . вотчинѣ (165), никоторыми дѣлы (165), никоторыми дѣлы (167), крѣпка. . . вотчина (165), крѣпки. . . пꙋстоши (166), пꙋстошъ. . . крѣпка (166), кнгинѣ 3 (165), кнгинѣ (166), покамѣсть (166), на. . . Яковѣ (166), сѣнные покосы (167), в. . . дрвне Моло*н*да*и*цовѣ (167), на. . . Ѳедорѣ (167)

Ж. За*ри*чье 2 (166)

Дьякон Голутвиной слободы Козьма Емельянов, 1634

А. лѣта ҂ЗРМГ го го*д*у (168)

Б. А*н*дреи (168), то*р*гово*и* члве*к* (168), Се*р*геева прикаꙅꙋ (168), в. . . сторо*ж*ехъ (168), *в* тегле (168), нигде (168), тое *ж*. . . слободы (168)

В. (царицына чину) се*н*но*и* сторо*ж* (168), в се*н*ны*х* сторо*ж*ехъ (168), стреле*ц* (168), по Ана*н*е Васи*л*еве снѣ (168), е*му* Ана*н*е (168)

Г. по. . . снѣ (=сыне) (168)

Поп церкви Рождества богородицы Иван, 1634

Б. в А*н*дреево. . . место (168), в[е]лению (168)

Подьячий Ивановской площади Максимка Уланов, 1651

А. Матвѣи (168), на рекѣ (168), лѣтъ (168), лѣта ҂З сто пя*т*деся*т* девятаго го*д*у (169)

Б. человекъ (168), о*т*ез*ж*и*м* (168), все мы (168), де*н*ги. . . все (169), последние (169), после*д*нѣи (169), тое та*м*ги (169), тое тамо*ж*ню (169), те. . . де*н*ги 2 (169), те*х* (169), в. . . числе (169)

В. Екатерининские слободы (тяглец) 2 (168), Никицкие слободы (тяглец) (168), Покровские сотни Гавриловкие (так!) слободы (тяглец) (168), по кадашевце по Борисѣ Леонтьеве (168), в Розряде (168), на рекѣ (168), ннешняго (168), откупу. . . да ннешние надачи 2 (168), ѡткупу и ннѣшние надачи (169), против ннешние надачи (169), по тысече (169) те. . . денги (169), Ивановские площеди (подьячий) (169)
Г. по Борисѣ (168), ннѣшние (169)
Е. Ѕахарѣи (168), Василѣи (168), Парѳенѣи (168), последнѣи срокъ (169), Иван Дмитрѣев (169), Кондратѣи (169)

Тяглец Казенной слободы рукавичного ряда торговый человек Захарий Степанов, 1651

А. вмѣста (169)
Б. умеетъ (169)
В. грамоте (169)

Кадашевец мужского шапочного ряда торговый человек Матвей Корнилов, 1651

А. Матѳѣи (169), вмѣсто (169), велѣнью (169)

Кадашевец Иван Корнильев, 1651

Б. вместо (169), веленю (169)

Кадашевец Илья Федотов, 1651

А. вмѣста (169), умѣетъ (169)
Б. велению (169)
В. грамоте (169)

Тяглец Екатерининской слободы мужского шапочного ряда торговый человек Иван Григорьев, 1651

Б. веленю (169)

Подьячий Ивановской площади Максимка Уланов, 1651

А. Ондрѣев снъ (170), лѣт (170), лѣта ҂З сто пятдесят девятаго году (170)
Б. те денги (170), те. . . денги (170), тех (170), в. . . числе (170), все (деньги) (170)
В. по кадашевце по Борисѣ Леонтьеве (170), ннешняго (170), ннѣшние надачи по два рубли (170), ннешнеи (170), двенатцати (170), Ивановские площеди (подьячий) (170)
Г. по Борисѣ (170), ннѣшние (170)
Е. Иван Дмитрѣев (170), подячѣи (170)

Подьячий Ивановской площади Демка Гостьев, 1655

А. Хлѣбник (170), тѣ денги (170), тѣ. . . денги (170),

тѣх 2 (170), всѣ (деньги) (170), съѣдет (170), лѣта ҂З сто шестьдесят четвертого году (171)

Б. все мы (170), Сергеи (170), Сергея (170), Сергею (170)

В. в. . . приказе (170), Ивановские площади (подьячий) (171)

Тяглец Панкратьевской слободы Филатка Семенов, 1655

Б. вместа (171), Серъгея (171), в стате (171), веленью (171)

Красноселец Власка Оникеев, 1655

Б. Власка Оникеев (171), вместа (171), велению (171)

Дьячок Кадашевской слободы Митька Афанасьев, 1661

А. Михаило Андрѣев (171), всѣ мы (171), по. . . дѣтех (171), в . . . слободѣ 2 (171), дѣло 2 (171), гсдрва дѣла 3 (171), дѣлом 4 (171), дѣлати (171), дѣлат (171), бѣлою 2 (171), приѣздъ (171), приѣзду (171), к себѣ 2 (171), анѣ (171), Алеѯѣя (171), Бѣлыя Росиі (171), лѣта ҂ЗРѮѲ г году (171)

В. Тотане Шилове да старосте (171), по. . . людех (171), по Трифоне да по Емелане (171), по. . . дѣтех (171), в лицех (171), збегут (171), Кадашевские слободы (дьячок) (171)

Г. збѣжат (171)

Козел, сын кадашевца Лаврентия Афанасьева, 1661

А. вмѣсто (171)

Б. веленю (171)

Кадашевец Гаврилка Иванов, 1661

А. вмѣста (172), Михаило Анъдрѣева (172)

Б. веленью (172)

Площадной подьячий Посольских сеней Куземка Иванов, 1675

А. Матвѣи (172), всѣ (порутчики) (172), по тяглецѣ (172), по кабалѣ 2 (172), по. . . кабалѣ 3 (172), съѣхат (172), съѣдет (172), лѣта ҂ЗРПГ г гѡду (172)

В. цркви Преѡбражения (172), рекою (172), по Семене Борисове (172), збежать (172), збежитъ (172)

Г. сѣнеи (172)

Подьячий Троицкой площади Ивашка Федоров, 1675

А. вмѣсто (172)

Б. веленю (172)

В. Троитцкие площеди (подьячий) (172)

Пономарь церкви Преображения Григорий Борисов, 1675

В. Преѡбражения (172)

Подьячий приказа Большого дворца Матвей Федоров, 1675

А. Ма*т*вѣ*и* (172), в ста*т*ѣ (172), вмѣсто (172), умѣе*т* (172)

В. грамоте (172)

Подьячий Дворцовой площади Микитка Петров, 1678

А. Никита. . . А*н*дрѣе*в* (173), шапо*ч*нова дѣла (173), всѣ мы (173), Ѳеѡдора Але*ѯ*ѣевича (173), Бѣлыя Росіі (173), мѣсто (173), Миня Але*ѯ*ѣе*в* (173), лѣта ҂ЗРПЅ *г* го*ду* (173)

В. Ѡр*ꙋ*же*и*ные полаты (сторож) (173), по Семене Григо*р*еве (173), великие кгни (Наталии Кириловны) (173), збежать (173), збежи*т* (173)

Г. сѣ*н*нои (истопник) (173), сѣ*н*нои сторо*ж* (173), сѣ*н*ные сторожи (173), в сѣ*н*ны*х* сторожа*х* 2 (173)

Подьячий Судной палаты Сергей Прокофьев, 1678

А. вмѣсто (173)

Б. Сер*г*е*и* (173), веле*н*ю (173)

Подьячий Ивановской площади Ивашка Гладков, 1678

А. хлѣбо*м* (174), тѣ. . . де*н*ги 2 (174), Ѳеодора Але*ѯ*ѣевича (174), Бѣлыя Росиі (174), лѣта ҂ЗРПЗ *г* го*ду* (174)

Б. тое же. . . слободы (173), тое *ж* слободы (173), с тое новые на*д*дачи (174), Пе*т*ръ Агеевъ (174), все мы (174), по тяглеце (174), по. . . де*н*ге (?) 2 (174), двести (174), в. . . чи*с*ле (174), в после*д*не*м* го*ду* 2 (174)

В. Огоро*д*ные слободы (тяглецы) (173), Огоро*д*ные слободы (саешник) (173), (поручилися мы) Огоро*д*ные слободы (по тяглеце) (174), Тага*н*ные слободы. . . лесни*к* (174), Конюше*н*ные о*в*чи*н*ные слободы (Савелий Иванов) (174), Семено*в*ские Ѕаяуские слободы (тяглец) (174), Тага*н*ные слободы (тяглец) (174), Гол*ꙋ*тве*н*ные слободы (порутчики) (174), на Болоте (174), по Миха*и*ле Прокоѳеве (174), ис Прика*зу* Устю*ж*ские че*ти* (174), в Прика*з* Устю*ж*ские че*ти* (174), в Приказе Устю*ж*ские че*ти* 2 (174), в Р*ꙋ*зе (174), велено (174), по. . . де*н*ге (?) 2 (174), по пол*ꙋ*че*т*вер*т*е де*н*ге (?) (174), по пол*ꙋ*трѣ*т*е де*н*ге (?) (174), новые ево. . . на*д*дачи. . . с тое новые на*д*дачи (174), двена*т*цати (174), дво*и*ные на*д*дачи (пошлины) (174), Ивано*в*ские площади (подьячий) (174)

Д. по пол*ꙋ*трѣ*т*е денге (174); б*ꙋ*дѣ*т* (174)

Огородной слободы Пимен Михайлов, 1678

А. вмѣсто (174)

Б. тое же. . . слободы (174), веленью (174)
Артамошка, сын пристава Судного Дворцового приказа Павла Невзорова, 1678
Б. вместо (174), веленью (174)
Тяглец Таганной слободы Емельян Иванов, 1678
Б. вместа (175), веленью (175)
Тяглец Семеновской Заяузской слободы Петр Агеев, 1678
Ж. Петръ Агиев (175), вьмисто (175), велинию (175)
Подьячий Ивановской площади Иванова полку Меркульевича Конищева стрелец Гришка Михайлов, 1696
А. по Луке Лукинѣ (175), лѣтъ (175), лѣта ҂ЗСД г году (175), на. . . землѣ 2 (175), тои землѣ (175), тѣ. . . днги (175)
Б. двести (175), по Луке (175), Луке (175), на. . . Луке (175), тех (175)
В. по. . . скаске (175), стрелецъ (175)
Кадашевец Максим Иванов, 1696
А. вмѣсто (175)
Б. велению (175)
Кадашевец Артамон Шамовцов, 1696
Б. вместо (175), велению (175)
Площадной подьячий Аверкийка Сергеев, 1634
А. лѣта ҂ЗРМГ г (176)
Б. Матвеи (176), Елисеи (176), Ондреи (176), Тимоѳея (176), Григореи Тимоѳеевъ (176), Еремея (176), Ѡверкеико Сергеевъ (176), дело (176), делу (176), в. . . делѣ (176), хамовново дела (176), те. . . люди (176), совет (176)
В. целовалника (176)
Г. в. . . делѣ (176)
Дьячок Кадашевской слободы Митька Афанасьев, 1667
А. лѣта ҂ЗРОЅ г году (176), Алеѯѣи (176), Алексѣи (176), Алеѯѣѧ (176), Семен Тимоѳѣев (176), Агѣи (176), Ѳедор Агѣев (176), Кондратеи Андрѣевъ (176), Иван Андрѣевъ (176), всѣ кадашевцы (176), Ѳадѣѧ (176), Еремѣѧ (176), Бѣлыѧ Росиі (176), ѹ. . . дѣла (176), дѣло (177), для. . . дѣла (177), дѣлом (177), о. . . дѣле (177), дѣлати (176), на. . . дворѣ (176), радѣть (177), к. . . совѣту 2 (177), тѣ харчи (177), тѣ. . . убытки (177), тѣх 3 (177), всѣ (убытки) (177)
В. Кадашевские слободы (кадашевцы) (176), (по приказу) великие кнгни (177), (стольника) Мос[т]ерские полаты (177), Кадашевские слободы (дьячок) (177), целовал-

ники (176), целовалников (177), целовалниковъ (177), целовалникомъ 2 (177), целовалником 2 (177), на гсдрве... дворѣ (176), о гсдрве дѣле (177), по... присылке (177), на... людех (177), по полполтине (177)
Г. на... огурщикѣ (177), на члвкѣ (177), во вся их дѣлах (177)
Д. Ларион Еөрѣмов (176); взят... безчесѣ (177)
Е. Дмитреи Евтиөѣев (176)

Кадашевец Иван Яковлев, 1667

Б. вместо (177), веленью (177)

Кадашевец Исак Семенов, 1667

А. вмѣсто (177), велѣню (177)

Кадашевец Агейка Мартинов, 1667

А. Агѣика (177), вмѣста (177), велѣнью (177)

Подьячий Ивановской площади Степанка Иванов, 1644

А. бѣлые (178), в Бѣлом... городе (178), двора... Глѣбова 2 (178), на... дворѣ (178), двѣ (178), обѣма (178), сѣни (178), двороваго мѣста 2 (178), полудворо-ваго мѣста (178), вмѣсте (178), мнѣ (178), вдовѣ (178), кромѣ (?) (данной) (178), лѣта ҂З сто пятдесят втораго году (178)
Б. Матөеева двора (178), на подклетех (178), в мере (178), тое кабалу (178), прстеи (=пресвятей) бдцы (178)
В. (промеж) Дверские (так!) ꙋлицы и Никицкие (178), с Тверские ꙋлицы (178), Новгородцкие сотни (тяглеца) (178), Новгородцкие сотни (тяглец) (178), Покровъ прстые бдцы (178), в... городе (178), на Хлынове (178), к... ꙋлице (178), направе (178), на подклетех (178), в мере (178), в... прикаѕе 2 (178), ꙋ... княине (178), после 2 (178), княине Соломаниде (178), ꙋкреплен (178), вмѣсте (178)
Г. ннѣ (=ныне) (178), кромѣ (?) (178), (двор) в... крѣпостях (не написан) (178)

Подьячий Ивановской площади Ганька Петров, 1671

А. матери еѣ (179), тѣх (179), Осипъ Елисѣевъ (179), лѣта ҂ЗРОΘ г (179)
Б. Агеика (179)
В. в бегах (179), Уляне (179)
Г. з дѣтми 2 (179)
Е. апрѣля (179)

Подьячий Ивановской площади Осипка Елисеев, 1669

А. Агѣя Алеѯѣевича (179), Андрѣя (179), Осипко Елисѣев (179), на Москвѣ (?) (179), на... дворѣ (179), мнѣ

(179), тѣ. . . днги (179), тѣ*х* 2 (179), пресвятѣї б*д*цы (179), крѣпости (179), лѣта ≠З стω (утрачено 17—18 букв) го*ду* (179)

Б. в. . . слобо*де* (179), сени (179), те*м* (179), в. . . крѣпо*с*те*х* (179), владе*т* (179)

В. на Козье Болоте (179), в прихо*де* (179), пресвятѣі б*д*цы (179), сенеі (179), на огоро*де* (179), Гавриле 3 (179)

Г. нынѣшнего (179), по*д*лѣ двора (179), послѣ (179), в. . . крѣпосте*х* не укрѣплена (179)

Д. Агѣя. . . Шепелѣва (179); в мѣжа*х* (179), колодѣзь (179)

Бывший приказный подьячий Осипка Иванов, 1669

А. вмѣсто (180), велѣ*н*ю (180)

Б. к. . . кабале (180)

Подьячий Ивановской площади Ивашка Дмитриев, 1650

А. мнѣ 3 (182), мѣсто (182), лѣта ≠З сто пя*т*деся*т* осмаго го*ду* (183)

Б. в Беломъ [го]роде (182), Глебова сна (=сына) (182), на. . . дворе (182), в. . . дворе 2 (182), на. . . по*т*клете*х* (182), сени 2 (182), кле*т*ка (182), мера (182), по *ду*ше (?) (182), за кемъ (182), крепостью (182), те. . . убытки (182), мне (182), на мне (182), на бело*и* земле (182), в мере (182), деланъ 2 (182), место (182), дворовое места (182), белыхъ (182), Данила Моисеевъ (182)

В. в. . . [го]роде (182), в. . . улице (182), в. . . приказе (182), по *ду*ше (?) (182), в мере (182), на. . . по*т*клете*х* (182), за се*н*нȣю кро*в*лю (182), въ. . . крепостя*х* (182), крепостямъ (182), крепостя*м* (182), крепостеи (182), укърепленъ (182), на. . . Михаиле (182), решотошные (182), Ивано*в*ские площади (подьячий) (183)

Г. в приходѣ (182)

Подьячий Ивановской площади Левка Семенов, 1657

А. Да*р*и А*н*дрѣевъны (183) Да*р*е А*н*дрѣевне (183), О*н*дрѣ*и* (183), О*н*дрѣе*м* (183), с О*н*дрѣевою женою (183), в Бѣлωмъ . . . городѣ (183), Бѣлыя Росиі (183), свтѣи-шего (183), дѣ*д* (183), на. . . дворѣ (183), в. . . дворѣ 2 (183), мѣрою (183), двороваго мѣста (183), мнѣ (183), на мнѣ (183), Лево*н*те*и* Тимоѳѣевъ (183), лѣта ≠ЗРѮЕ *г* го*ду* (183)

Б. Помесн*ω*го прика*зу* (183), Стеѳану Ѳѣдосеевичю (183), на по*т*клете (183), на по*т*клета*х* (183), сени 2 (183), наве*с* (183), Осипъ Елисеевъ (183)

В. на. . . 8лице (183), Даре Андрѣевне (183), после (183), на по*т*клете (183), на. . . Иване (183), в. . . приказе (183), Пе*р*ѳи*ля*. . . Секѣрина (183) — если фамилия от прозвища Сѣкира.
Г. в. . . городѣ (183), въ. . . крѣпостя*х* (183), крѣпостя*м* (183), крѣпосте*и* (183), 8крѣпле*н* (183)
Д. Иванъ. . . Теле*п*нѣвъ (183), матѣри (183), Стеѳану Ѳѣдосеевичю (183), в мѣжа*х* (183), будѣ*т* (183); предполагая в первом предударном слоге в соответствии с *'а* произношение *е*, сюда относим и пример: девѣ*т*на*т*це*т* (183)
Е. Пе*р*ѳи*ля*. . . Секѣрина (183) — если фамилия от прозвища Сѣкира

Подьячий Ивановской площади Ивашка меньшой Грибачев, 1664

А. в. . . слободѣ (184), із Бѣлова города (184), на. . . сторонѣ (184), А*н*дрѣя (184), на *д*ворѣ (184), в. . . дворѣ (184), мѣстомъ (184), мѣсто*м* (184), нигдѣ (184), мнѣ 2 (184), на мнѣ (184), лѣта ҂ЗРОВ *г* го*ду* (184)
Б. тое *ж*. . . слободы (184), сени (184), мерою (184), по дше (?) (=душе) (184), те. . . 8бы*т*ки (184)
В. По*н*кра*т*евъские слободы (тяглец) (184), Па*н*кра*т*евъские слободы (тяглецу) (184), Ивановъские площа*ди* (подьячий) (184), на. . . улице (184), по*д*ле. . . двора (184), в огоро*де* (184), на. . . Траѳиме (184), въ. . . приказе (184), в мое*м* неочище*н*е (184), по дше (?) (=душе) (184)
Г. крѣпосте*и* (184), по. . . крѣпостямъ (184), *в*. . . крѣпостя*х* (184), укрѣпле*н* (184)
Д. в мѣжа*х* (184), нѣ прода*н* и нѣ заложенъ (184), нѣ укрѣпле*н* (184), учнѣтъ (184), б8дѣтъ (184)

Подьячий Ивановской площади Васька Стефанов, 1664

А. бѣлое мѣсто (184), белого мѣста (184), бѣлы*м* мѣсто*м* (184), Ивана Алеѯѣева (184), мѣрою (184), акромѣ (?) (185), кѣ*м* (185), мнѣ 2 (185), на *м*нѣ (185), в. . . землѣ (185), в. . . мѣсте (185), убы*т*ки. . . всѣ (185), лѣта ҂ЗРОГ *г* (185)
Б. в Хлебе*н*н8ю улицу (184), белого (184), на. . . дворе (184), на дворе (184), в. . . дворе 2 (185), на. . . по*д*клете (184), сени (184), две (184), по дше (?) (=душе) (185), це(?)н8 (185)
В. Масте*р*ские полаты (подьячий) (184), Ивано*в*ские площе*ди* (подьячий) (185), у Прчстые б*д*цы ржe*в*ские (184),

в приходе (184), подле Ивана (184), на... подклете (184), на напогребице (184), в огороде (184), по дше (?) (=душе) (185), крепостеи (185), по... крепостям 2 (185), в... крепостях (185), укреплен (185), в... мѣсте (185), це(?)нѹ (185), в хоромном строене (185), в хоромномъ строене (185), в моем... неочищене (185), на... Иване Чаплыгине (185), по... скаске (185), в... приказе (185), Зот Секачев (185)

Г. акромѣ (?) (185)

Д. будѣт (185) Клим Бѣзсонов (185)

Подьячий Ивановской площади Стенька Строгальщиков, 1684

А. Иванъ Тимоѳѣевич (185), Иванъ Тимоѳѣевичь (186), Иванѹ Тимоѳѣевичю (186), на... Иване Тимоѳѣевиче (186), проѣзжая улица (185), ѣздят 2 (185), сѣни 2 (185), тѣм (186), тѣ... убытки (186), мнѣ (186), на мнѣ (186), лѣта ҂ЗРЧВ г году (186)

Б. на... дворе (185), на дворе (185), в... дворе (186), на... подклетах (185), убытки все (186)

В. в приходе (185), в... приказе (186), в конюшне (186), с сенми (185), возле ворот (186), возле конюшни (186), крепостеи (186), по... крепостям (186), в... крепостях (186), укреплен (186), на... боярине Иване Тимоѳѣевиче (186), Ивановские площеди (подьячий) (186)

Г. в сѣнях (185), на сѣнях (185), у сѣнеи (185)

Подьячий Ивановской площади Васька Черевков, 1661

А. мнѣ (187), на мнѣ (187), еѣ помѣстье (187), еѣ помѣстьем (187), Демид Тимоѳѣев (187), лѣта ҂З сто семдесятого году (187)

Б. на вдове (187), тем (187)

В. на... Оксене 2 (187), Оксене 2 (187), на Кондрате (187)

Г. никоторыми дѣлы (187)

Е. Петръ Оноѳрѣев (187)

Подьячий Ивановской площади Ивашка Баран, 1679

А. на дочери еѣ 3 (188), помѣстья (188), помѣстья (188), помѣстьем 2 (188), помѣстьем (188), в... уѣзде (188), тѣм (188), мнѣ 4 (188), сидѣли (188), Богдан Матвѣевичь (188), Михаило Тимоѳѣевич (188), Алеѯѣи (188), лѣта ҂З сто ѡсмъдесят седмаг году (188)

В. на... двце (=девице) Пораскове Семеновне (188), на... двце (=девице) Пораскове (188), на... двце

(=девице) Порасковье (188), в. . . уѣзде (188), Ивановские площеди (подьячий) (188)

Д. дворѣцкои (188)

Подьячий Троицкой площади Афанасьева полку Алексеевича Чубарова стрелец Федька Березкин, 1698

А. Петра Андрѣевичя (189), Антипка Андрѣевъ (190), Терешка Еремѣевъ (190), (Афанасьева полку) Алеѯѣевичя (Чубарова) (190), бѣлая (189), бѣлои (190), бѣлыя (190), в Бѣлях (190), на бѣлемъ мѣху (189), на бѣлемъ мѣхꙋ 3 (189), в селце Мерлинѣ (?) (190), в. . . уѣздѣ (190), лѣта ҂ЗСЅ г году (190)

Б. двести (188), чепь 2 (189), полумесецы (189), в подвесках (189), ѕавесъ (190), вместа (189), телогрея 9 (189), две 2 (189), две (190), две (190), цве(?)тнои (190), по. . . земле (190), медная 2 (190), меднои (190), медных (190), в. . . уездѣ 4 (190), (в). . . уездѣ (190), в селце Мерлине (?) (190), в селце Мерлинѣ (190), во дворе (190), на дворе (190), помеся (190), помесья (190), в. . . помесье (190), человекъ (190), сидели (190)

В. в ннешне[м]. . . году (188), песошная (189), на. . . мехꙋ 6 (189), светлоѡсиновая (189), телогрея 9 (189), серогорячная (189), цве(?)тнои (190), ѡдеяла (190), в селце Мерлине (?) (190), детми 5 (190), четвертные пашни (тридцать одна четверть с осминою) (190), в поле 6 (190), с лесы 4 (190), в том. . . помесье (190), в деревне ж Шетневе (190), съ сенными покосы 4 (190), укреплено (190), стрелецъ (190)

Г. на. . . мѣху 2 (189), на. . . мѣхꙋ 3 (189), на. . . мѣхꙋ (190), бѣлилница 2 (189), ѡдѣяла (190); в. . . уездѣ 4 (190), (в). . . уездѣ (190), в. . . уѣздѣ (190), дѣтми (190), в селце Мерлинѣ (?) (190), Ѡграѳенѣ Григоревнѣ (190)

Д. Аграѳѣна (188), на нѣи 2 (189); бабѣрековая 3 (189), бобѣрековая (189), поясъ лѣнтовои (190), бѣз кресьян (190), Ѳедка Бѣрезкинъ (190)

Е. жеребѣи (190)

Андрей Самарин-Квашнин, 1692

А. в селе Курбѣ (?) (197), обѣих (197)

Б. Андрею (197), целым (197), мне 2 (197), грешную (197), грешное (197), грешное (198), грешного тела (197), грешно (так!) дши (=души) (197), многогрешен (198), жене 2 (197), жене (198), тетем (=детям) (197), дети (197), дети (198), детем 3 (197), детем 2 (198), все же-

реби (197), все*х* (197), *в*се*х* (198), тело (197), въ. . . мн*с*тре (197), в. . . мн*с*тре (197), в о*т*езде (197), к Мо*с*кве (?) (197), те де*н*ги (197), те сестры (198), те*х* 2 (197), ȣезду (197), в. . . ȣезде (197), в селе (197), в се*л*це (198), Погорелое (197), *д*ва*т*ца*т* ле*т* (197), поместеі (198), в поместья*х* (198), помесную (197), на тое. . . зе*м*лю (197), разде*л*ку (197), в розделе (198), преж розделу (198), и*м* о*д*не*м* (197), за*в*ладе*т* (197), во *в*сяко*м* деле (197), ме*д*ная (198), веления (198), местъ (198), живота ее (198), оне (198), во *д*воре (198), по. . . меху (198), при животе (198), че*м* (198), цве*т* (198)

В. нне (=ныне) (197), ннешняго (197), Ак*с*и*н*е (197), во*з*ле гроба (197), во*з*ле кого (197), на горо*д*е (197), в о*т*езде (197), в. . . ȣе*з*де (197), к Мо*с*кве (?) (197), по*с*ле 2 (197), после (198), по*с*ле (198), *д*вена*т*цатую (197), де*т*ми 2 (197), семе*н*истее (197), по посту*п*ке (197), по. . . спра*в*ке (197), по силе (198), по воле (197), во *в*сяко*м* деле (197), дели*т* (198), надели*т* (198), ра*з*дели*т* (198), дели*т*ца (197), дели*т*ца (198), в ро*з*деле (198), на во*з*росте 2 (198), др*в*ню Пе*с*ки (198), Стеѳаниде и Ма*р*ѳе (198), в во*т*чина*х* и в пла*т*е и в низа*н*е (198)

Г. у бѣлянина (197), в селе Ку*р*бѣ (?) (197)

Д. бѣ*з* матери (198), бѣ*з* веления (198)

Е. жеребѣі 3 (197), жеребѣі (198)

Петр, сын А. Н. Самарина-Квашнина, втор. пол. XVII в.

А. на *д*ругои цкѣ (199), тѣ пустоши (199), в. . . селцѣ (199), дрвни Бѣло*и* (199), Бѣлая дрвня (199), *м*нѣ (199), на бѣ*л*е*м* мехȣ (199), женѣ (199)

Б. Андреи (198), А*н*дрея (199), целы*м* (198), в. . . уе*з*де 4 (199), в. . . уездѣ (199), в. . . ȣездѣ (199), в. . . [у]е*з*де*х* (199), все*м* (199), *в*се*ми* (199), полудрвни Бе*л*оі (199), грешноі (199), детя*м* 2 (199), дете*м* (199), жене 4 (199), о*т*ца ее (199), ее вотчины (199), помесная (199), те до*л*ги (199), те*х* 2 (199), вла*д*еть (199), предела (=передела) (199), пере*д*еливa*т* (199)

В. о*б*ра*з* пр*с*втые б*д*цы (198—199), о*б*ра*з* пр*ч*стые б*д*цы смоленские (199), о*б*ра*з* пр*ч*стые б*д*цы вла*д*име*р*ские (199), знамение пр*с*втые б*д*цы (199), детеи (199), детми (199), в. . . уезде 4 (199), в. . . [у]е*з*де*х* (199), по даче (199), по неволе (199), в др*в*нѣ Песка*х* (199), Стеѳани*д*е

2 (199), Марѳе (199), розделит (199), уделит (199), Аѯине (199)

Г. в киотѣ 4 (198), в киотѣ 2 (199), в дрвнѣ Песках да в дрвнѣ Чегановои (199), в. . . ѹездѣ (199), в. . . уездѣ (199), Марѳѣ (199)

Д. бѣз. . . іска (199)

Подьячий Устюжской чети Ермил Марков, 1651

В. к. . . скаске (201)

Подьячий Ивановской площади Микитка Болховитинов, 1666

А. съѣхат (204), съѣдет (204), лѣта седмь тысящь сто седмъдесят четвертаг году (204)

Б. тое ж. . . сотни (204), все мы (204), Андреи (204), Андрею (204)

В. тое ж Суконные сотни (204), по кадошевце по Стеѳане Гаврилове сне Боженове (204)

Д. Семѣнъ (204), дѣнь (204)

Суконной сотни Самойла Иванов, 1666

А. в стаѣ (=статье) (204), вмѣсто (204)

Б. веленью (204)

Полковой подьячий Семен Ястребский, 1666

В. в приказе (204)

Кадашевец Иван Мартемьянов, 1666

Б. в стате (204)

Подьячий Ивановской площади Васька Ногаев, 1666

А. Петръ Алеѯѣевъ (204)

Б. Ондреи. . . Поленов (204), Ондрею (204), во сте(?) рублех (204), съедѣт (204), лета ҂ЗРОД г году (205)

В. по Григоре сне Ѕуѕинѣ (204), в. . . приказе 2 (204), в исцове иску (204), во сте(?) рублех (204), Ивановские площеди (подьячий) (205)

Г. по Григоре сне Ѕуѕинѣ (204)

Д. бѹдѣтъ (204), съедѣт (204); Петръ. . . Шѣтнев (204), ср. выше: Шетневъ (204)

Е. Василѣи (204)

Григорий Зюзин, 1666

Б. в стате (205), во сте(?) рублех (205)

В. во сте(?) рублех (205)

Андрей Поленов, 1666

А. Андрѣи Полѣнов (205)

Объезжий голова Тимофей Редькин, 1671

А. Тимоѳѣи (208)

Б. к. . . изветѹ (208), ѡбезжеи (208), Тимоѳеи (210)

Подьячий Разрядных сеней Володька Топоров, 1671
Б. вместо (208), велен*ю* (208)
В. к. . . речам (208), сенеи (208)
Подьячий Разрядных сеней Панкратка Игнатьев, 1671
Б. вместо (209), велен*ю* (209)
Г. к. . . рѣче*м* (209), сѣнеи (209)
Тередорщик книг печатного дела Сенька Иванов, 1671
А. печа*т*наго дѣла (212), вмѣсто (212), велѣнiю (212)
Лекарь Аптекарского приказа Василий Подуреев, 1677
Б. лека*р* (228), лекаря (228), въместо (228), веленью (228)
Площадной подьячий Стрелецкого приказа Антошка Филипов, 1678
А. по ѡ*т*к8*п*шикѣ (?) (230), тѣ пор8*т*чики (230), тѣ*х* (230), всѣ*х* (230), на Москвѣ (?) 2 (230)
Б. по тяглеце (230), те*х* (230), о*т*е(?)*з*ны*м* промысло*м* (230)
В. (по тяглеце) Огоро*д*ные слободы (230), по Миха*и*ле Проко*ѳ*еве (230), по . . . Миха*и*ле (230), о*т*е(?)*з*ны*м* промысло*м* (230), Стреле*ц*кого прика*з*у (230)
Г. по ѡ*т*к8*п*шикѣ (?) (230), на Москвѣ (?) (230)
Пристав Приказа Устюжской чети Ивашка Голодняков, 1678
А. вмѣсто (230), вѣлѣ*н*ю (230)
В. к. . . сказке (230)
Д. Григо*р*я Соболѣва (230), вѣлѣ*н*ю (230)
Площадной подьячий Посольских сеней Дениска Иванов, 1679
А. по еѣ велѣнью (231)
Б. вместо (231)
Г. к. . . рѣча*м* (231), сѣне*и* (231)
Дьячок Хамовного двора Богдашка Петров, 1629
А. лѣта ҂ЗРЛИ *г* (231), Тимофѣи (231), Тимоѳѣю (232), в. . . слободѣ (231), Андрюшку Алексѣева (231), О*н*дрюшу Алексѣева 2 (232), жену Алексѣева (232), ис по*д* колѣна (232), бра*т* еѣ (232), вѣдаетъ (232), рѣчи 3 (232), женѣ (232)
Б. Ѳедора. . . Стре*ш*нева (231), тое *ж*. . . улицы (232), тое лаю 2 (232), тое лаи 2 (232), о*т* тое ж Ѡ*в*дотьи (232), о тое пору 2 (232), про тое бра*н* (232), о*т* сасе*д* (232), к себе (232), ис по*т* колена (232), шуме*л* (232), Ов*д*о*т*я Агее*в*ская (232)
В. (сын боярский) великие кнгини (231), в. . . улице (231), на улице 8 (232), целова*н*ю (231)

Воскресенский поп Кирьяк, 1629

А. вмѣста (232)
Б. веле*н*ю (232)
В. к. . . рече*м* (232), дете*и* (232)

Хамовных кадашевских дел дьячок Богдашка Петров, 1652

А. Але ѯѣя 2 (233), А*н*дрѣи (233), за Надѣею Кокоревымъ (233), с Надѣею (233), дѣло. . . дѣлаетъ 2 (233), дѣло. . . дѣла*л* (233), дѣло дѣла*л* (233), дѣла*л* (233), дѣ*л* (234), лѣ*т* (233), вмѣсте (233); бе*з* мѣста (233), на. . . дворѣ (233), нигдѣ (234), рѣчи (234)
Б. недель (233)
В. Кодаше*в*ские слободы (старосты) (233), Кодаше*в*ские слободы (старост) (233), у полотенные ка*з*ны (233), в Кодашове 3 (233), в. . . ȣлице (233), в допросе (233), вмѣсте (233), в. . . люде*х* (233), целова*н*ю (233), нне (=ныне) (233), время (233)
Ж. Михаило Ероѳие*в* (233)

Староста Кадашевской слободы Ларион Афанасьев, 1652

Б. вмест[о] (234)
В. к. . . ска*с*ке (234)

Кадашевский старожилец хамовник Андрей Наговичников, 1652

Б. Андреи (234), в место (234), велению (234)
В. к. . . скаске (234)

Дьяк Иван Патрикеев, 1666

А. Алеѯѣя (234), Бѣлыя Росиі (234), за Бѣлы*м* городо*м* 2 (234), Ива*н* Патрекѣе*в* (234), Ива*н* Патрекѣе*в* (235), о*т* Стрѣтенские ȣлицы (234), за Стрѣте*н*скими вороты (234), Блговѣщения (234), в то*м* мѣсте (234), ѣздя*т* (234), іспов'ѣдникȣ (234), тѣхъ (235), всѣ*х* (235)
В. о*т* Стрѣтенские ȣлицы (234), Огоро*д*ные слободы (тяглецов) (234), Бара*ш*ские слободы (тяглец) (234), на Боро*н*цово*м* поле (234), на. . . ȣлице 2 (234), по. . . ȣлице (234), в то*м* мѣсте (234)

Записи, в которых получила отражение реализация в устной московской речи XVII в. интересующей нас фонемы, принадлежат 188 лицам. Лишь немногим более третьей части их контингента составляют писцы-профессионалы: 59 подьячих, 4 дьячка (из них один церковный) и 3 стряпчих. Пятидесятник Ивашка Петров, десятник

Мишка Мельнов, стрельцы Гришка Михайлов и Федька Березкин выполняли функции подьячих в дополнение к своим основным занятиям. Среди 122 непрофессионалов насчитываем 26 жителей Кадашевской слободы, 29 обитателей, иногда именуемых тяглецами, из других московских слобод, 8 представителей разных сотен — Сретенской, Ордынской и др., 10 жильцов, 6 пушкарей, 6 садовников, встречаем зелейного мастера и подмастерьев, солдата, сусальника, иконника, пристава, объезжего голову и т. д. Как видим, основной состав писавших — из простого московского люда, не столь изощренного в орфографии, чтобы можно было думать об отражении в записях этих лиц названной фонемы в соответствии главным образом с правописным узусом.

Если принимать во внимание ударяемые и безударные положения, то из 188 писавших у 169 встречаем отклонения от употребления *ѣ* в соответствии с этимологическим принципом: в некоторых случаях вместо *ѣ* пишут букву *е*. 17 писавших примеров на безударное положение не оставили, а ударяемое у каждого из них представлено двумя-тремя примерами; у стряпчего Тихона Винькова, при отсутствии безударных случаев, находим 6 написаний *ѣ* в соответствии с этимологией в положении под ударением; тяглец Семеновской слободы Петр Агеев под ударением на месте буквы *ѣ* пишет букву *и*, а примеров на безударное положение в его записи также нет. При достаточном объеме записей и у последней группы лиц (Петра Агеева не считаем: это особый случай) колебания *ѣ*—*е*, полагаем, проявились бы. Приходим к мысли: колебания эти в письме обитателей Москвы в течение XVII столетия были явлением общим. Но если такие колебания, хотя и в разной степени, допускали не только менее опытные, но и относительно опытные писцы, придавать подобным колебаниям орфографическое значение не приходится и, значит, следует видеть в них фонетическое явление.

Не согласуется ли с этим наблюдением едва ли не полное отсутствие в «Московской деловой и бытовой письменности XVII века» поправок, связанных с употреблением буквы *ѣ*? На все обширное собрание текстов указанного издания таких поправок, притом внесенных лишь писцами-профессионалами, приходится только три. Подьячий Микитка Болховитинов по какой-то другой букве вывел *ѣ* в имени *дѣнь* (204); в расспросных речах: ѕовутъ

еѣ (239) — *ѣ* написано по какой-то другой букве; Ондрюшко Стахѣевъ (255) — *ѣ* исправлено из какой-то другой буквы. В первом случае исправление ошибочно: *ѣ* поставлено в соответствии с правильным *е* из *ь*, во втором случае *ѣ* написано правильно, в третьем появление *ѣ*, видимо, вызвано аналогией с написаниями вроде *Алексѣи* и т. п. И единичность исправлений и их случайный характер говорят об отсутствии в подобных случаях относительно твердой ориентации на правописную норму.

Напротив, соблюдению в употреблении *ѣ* определенного правописного узуса сопутствовало заметное количество поправок. Примером в этом отношении могут служить Вести-Куранты, которые составлялись для царя и его ближайшего окружения и потому, понятно, подвергались более или менее существенной правке как с точки зрения содержания, так и орфографической, особенно в тех случаях, когда составителями их оказывались такие переводчики Посольского приказа, язык которых был не свободен, хотя и от минимальных, западнорусских или иных немосковских особенностей.

Приведем список поправок, представленных в издании «Вести-Куранты 1600—1639 гг.», даже несколько меньшем по объему вошедших в него текстов, нежели «Московская деловая и бытовая письменность XVII века»: в вѣстех (23) — *ѣ* написано по *е*; ещо (30) — *е* написано над зачеркнутым *ѣ*; тѣлѣг (31) — второе *ѣ* написано по *ех*; в ыных мѣстах (31) — *ѣ* написано по *е*; есть («имеется») (33) — написано над зачеркнутым *ѣсть*; ѡберегати (33) — первое *е* написано по *ѣ*; извѣщено (34) — *ѣ* написано по какой-то другой букве; въ Угорскои землѣ (35) — *ѣ* написано по какой-то другой букве; нѣдр8гов (36) — *ѣ* написано по *е*; с нѣдр8гами (36) — *ѣ* написано по какой-то другой букве; хотѣню (37) — *ѣ* написано по *е*; о вѣре (40) — *ѣ* написано по *е*; в тѣх паметех (40) — *ѣ* написано по *е*; тѣ (мест.) (40) — *ѣ* написано по *е*; в сѣх же дне[х] (42) — *ѣ* написано по *е*; вѣсти (46) — *ѣ* написано по *е*; в. . . понедѣлникѣ (46) — конечное *ѣ* написано по *е*; повелѣно (48) — *ѣ* написано по *е*; недѣли (48) — *ѣ* написано по *е*; тѣ (мест.) (48) — *ѣ* написано по *е*; из тѣх. . . солдатов (49) — *ѣ* написано по *е*; (те) звѣзды (68) — *ѣ* написано по *е*; вѣсти (везти) (79) — *ѣ* написано по *е*; нѣотколя (119) — *ѣ* написано по какой-то другой букве; нне (=ныне) (134) — *е* написано по *ѣ*; нѣхто. . . 8мер

(138) — ѣ написано по *е*; на. . . морѣ (139) — ѣ написано по *е*; нѣчево *их* и писа*ти* (139) — ѣ написано по *и* другими чернилами; ѣде*т* (142) — ѣ написано по какой-то другой букве; нѣкоторые (148) — ѣ написано по *е* другими чернилами; во Ѳра*н*цу*ж*ско*и* ѕе*м*лѣ (148) — ѣ написано по *е* другими чернилами; семь (148) — *е* написано по затертому ѣ; по Ри*н* рекѣ (151) — ѣ написано по *и*; мирꙋ не чае*ти* (158) — *и* написано по ѣ; люди Восточно*и* И*н*дѣе (160) — ѣ написано по какой-то другой букве; про цѣсаря (160) — ѣ написано по какой-то другой букве; прѣсве*т*леишe*и* (160) — ѣ написано по *е*; вѣдамѡ (160) — ѣ написано по *е*; нѣсколко (170) — ѣ исправлено из *е*; нѣско*л*ко (170) — ѣ исправлено из *е*; крѣпко (170) — ѣ исправлено из *е*; въ КД *м* числѣ (171) — ѣ исправлено из *е*; добрѣ крꙋчинова*т* (172) — ѣ исправлено из *е*; пере*д* тѣмъ (173) — ѣ исправлено из *е*; се*и* ѕимѣ (173) — ѣ исправлено из *е*; не чая*т* (173) — *е* исправлено из ѣ; нѣкоторово (173) — ѣ исправлено из *е*; к тѣмъ (173) — ѣ исправлено из *е*; со всѣ*м* (180) — ѣ написано по *е*; к рекѣ (188) — ѣ исправлено из *е*; нѣчто (193) — ѣ написано по *е*; в городкѣ (194) — ѣ написано по *е*; нѣско*л*ко (194) — ѣ написано по *е*; ѡнѣ (199) — ѣ написано по *е*; зе*м*лю всеѣ раѕоряю*т* (200) — ѣ написано по *е*; дѣе*т*ца (200) — ѣ написано по какой-то другой букве; измѣ*н*нико*в* (200) — ѣ написано по *е*; ѡпрочѣ (200) — ѣ написано по *е*; нѣско*л*ко 2 (201) — ѣ написано по *е*; ѡнѣ (201) — ѣ написано по *е*; нѣско*л*ки*м* (201) — ѣ написано по *е*; вмѣсте (201) — ѣ написано по *е*; болѣзни (202) — ѣ написано по *е*; нѣско*л*кое (203) — ѣ написано по *е*; к. . . рекѣ (203) — ѣ написано по *е*; ездили (213) — *е* написано по ѣ; нѣско*л*ко (214) — ѣ исправлено из *е*; тѣ (мест.) (221) — ѣ написано по какой-то другой букве; имѣ*н*е (222) — ѣ написано по *е*; выѣжаю*т* (222) — ѣ написано по *е*; приѣха*л* (223) — ѣ написано по какой-то другой букве; цѣ*р*ко*в* (227) — ѣ написано по *е*; пѣли (227) — ѣ написано по *е*; пѣ*л* (227) — ѣ написано по *е*; во ꙋчѣ*н*е (227) — ѣ написано по какой-то другой букве; сѣла (три или четыре) (227) — ѣ написано по какой-то другой букве; мꙋчитѣла (227) — ѣ написано по какой-то другой букве; совѣ*т*ники (227) — ѣ написано по какой-то другой букве; денѣ*ж*но*и* (228) — ѣ написано по *е*; о то*м* делѣ (229) — *е* написано по стертому ѣ; иеско*л*ко (229) — *е* написано по стертому ѣ; подлѣ (232) — ѣ написано по *е*.

В этой сводке примеры из черновиков составляют сравнительно небольшую группу.

В одном примере — по Ри*н* рекѣ (*ѣ* написано по *и*) — свидетельство и флективного изменения и склонного к *и* образования *ѣ*. Вероятно указание на второе и в примере: мирѹ не чае*ти* (*и* написано по *ѣ*) и менее доказательное (вследствие возможного смешения образований с *нѣ-* и *ни-*) в примере: нѣчево и*х* и писа*ти* (*ѣ* написано по *и*). Сближение в ударяемом положении с фонемой *и* фонемы, обозначаемой посредством *ѣ*, сказалось в первичной передаче на письме иноязычного слова *лига*: лигѹ (58) — написано над зачеркнутым: лѣга (в общий список примеров этот случай не входит).

Подавляющее большинство поправок выражается в написании *ѣ* в соответствии с этимологией вместо буквы *е* или какой-то другой в положении под ударением. На 53 подобные поправки в тех же самых положениях приводится 3 аналогичные поправки, не обоснованные этимологически. Для безударных положений соотношение соответственных поправок — 9 и 4. Напротив, замена буквой *е* этимологического *ѣ* в положении под ударением представлена в 3 случаях, а в безударном — однажды. Отметим замены буквой *е* ошибочно поставленного *ѣ*: ещо, семь. В предлогах *подлѣ* и *ѡпрочѣ* ударение могло быть связано и не с последней гласной.

Как и исследованные основные материалы, поправки в Вестях-Курантах свидетельствуют о большом различии в употреблении *ѣ* под ударением и в безударном положении и о том, что это различие фонетически обусловлено.

Вернемся к данным публикации «Московская деловая и бытовая письменность XVII века». Примечателен следующий факт: из 188 москвичей, в записях которых отложилась реализация исследуемой фонемы в московском говоре той поры, только трое оставили в письме следы такого характерного для некоторой группы северновеликорусских говоров явления, как произношение гласного *и* в соответствии с указанной фонемой в ударяемом положении. Подьячий Ивановской площади, он же десятник Гришка Мельнов дважды вывел: За*ри*чье (166); тяглец Семеновской Заяузской слободы Петр Агеев написал: Пе*т*ръ Агие*в* (175), вьмисто (175), велинию (175); дьячок Богдашка Петров обозначил кадашевского старожильца: Михаило Ероѳие*в* (233). Следует заметить, что пример

За*ри*чье в раздельной записи, касающейся костромских владений, к московскому говору не имеет отношения, поскольку это название пустоши в Костромском уезде, где оно и бытовало с подобной, местной, огласовкой. Ср. в контексте: а что написано вь и*х* кнзь Яковле записи з бра*тя*ми и с племянники досталос на*м* кнзь Ѳедо*ру* з братьями п8стошъ А*р*жениковские мысы да п8стошъ Зарѣчье а За*ри*чье то *ж* и на*м* кнзь Ѳедо*ру* з братьями тѣ*х* вышеписа*нн*ы*х* п8стоше*и* на немъ кнзь Яковѣ з братьями и с племя*н*ники и очистки на ни*х* не спрашива*т* а крѣпки на*м* тѣ п8стоши А*р*женико*в*ские мысы и п8стошъ Зарѣчье а За*ри*чье то *ж* по дача*м* дяди своего кнзь Семена (166). Фамильное обозначение Ероѳие*в* могло появиться в Москве вместе с его носителем, прибывшим в нее из области, где рассматриваемое фонетическое явление имело распространение. К тому же в записях Богдашки Петрова это *и* на месте ожидаемого *ѣ* — написание единственное, абсолютно изолированное. Выходит, названное фонетическое явление более или менее уверенно можно приписывать устной речи только одного москвича, лишь Петра Агеева, да и в этом случае возможно сомнение: был ли этот человек, обитатель загородной слободы, в собственном смысле москвичом? Так или иначе, ясно одно: в XVII в. произношение *и* в соответствии с исследуемой фонемой в положении под ударением московскому говору не было свойственно.

В современном состоянии это явление охватывает, хотя и не компактно, довольно значительную зону приблизительно севернее линии Новгород—Торжок—Череповец—Ярославль—Кинешма, а в рассеянном виде — и более южные районы [17]. Правомерно полагать, что в XVII в. в пределах северновеликорусского наречия явление это распространялось на более обширную территорию и ближе подходило к Москве [18]. В условиях пре-

[17] См.: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии. М., 1970, стр. 159, карта 46.

[18] Ср. замечание В. В. Виноградова, имеющее отношение к псковским говорам: «Вполне естественным является предположение, что в древности область распространения этих говоров, знавших произношение *ѣ* как e^i или i^e, гораздо дальше заходила на запад и юг, чем теперь» (В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Вып. I. Очерки из истории звука *ѣ* в севернорусском наречии. «Известия ОРЯС», т. XXIV, кн. 2, 1923, стр. 206).

обладания в московской речи, даже в XVI столетии, северновеликорусского начала, преобладания, обыкновенно признаваемого без всякой критической проверки, явление данного порядка оказалось бы в ней заметным. И тем не менее в московском говоре XVII в. оно, как можно было видеть, не получило отражения. С господствующей концепцией, согласно которой московский говор обладал северновеликорусской доминантой не только в более раннее время, но и в XVI столетии, отсутствие в рукописях москвичей написаний *и* на месте *ѣ* в положении под ударением находится в явном противоречии. Не могла за какие-нибудь полвека в столичном городе произойти практически полная утрата означенной северной черты, если бы последняя знаменовала московский говор в XVI в.

Отсутствие указанных написаний говорит и о другом — о характере исследуемой фонемы в московской речи XVI—XVII вв. Становится очевидным, что особенно склонной к *i*, едва ли не подобной *i*, она тогда не была.

Однако, опираясь на это наблюдение, давать определенную характеристику качества описываемой фонемы в оптимальном, ударяемом положении было бы преждевременно. Необходимо еще рассмотреть соотношение написаний с *ѣ* под ударением (рубрика А) и с *е* на месте *ѣ* в безударном положении (рубрика В) и некоторые иные случаи.

Приведем некоторые количественные сопоставления различных случаев отражения исследуемой фонемы в рукописных текстах москвичей XVII в., ограничиваясь, однако, их суммированием только до десятков, поскольку при значительном количестве данных в скрупулезном исчислении последних нет необходимости. В ударяемых положениях этимологических написаний *ѣ* учтено до 940 (единичные случаи, относительно которых нельзя уверенно сказать, с ударяемыми или, напротив, безударными положениями они связаны, и здесь и далее во внимание не принимаем). В тех же самых положениях написаний *е* взамен *ѣ* отмечено около 600. Иная картина в безударных положениях: этимологических написаний *ѣ* находим 140, а замен *ѣ* посредством *е* — 720. Выходит, из общего количества фактов, соотносимых с положениями под ударением, примерно 61% составляют этимологические написания *ѣ*, и примерно 39% — написания *е* на месте *ѣ*.

А в общем количестве фактов, соотносимых с безударными положениями, этимологических написаний ѣ круглым счетом 16%, а случаев с *е* на месте ѣ — 84%. Итак, в обширных рукописных материалах, отражение в которых разговорной и, по меньшей мере, нецерковнославянской стихии представляется несомненным, рельефно обнаруживается преобладание в положениях под ударением этимологических написаний ѣ, а в безударных — бесспорное господство случаев появления *е* на месте ѣ. Ни самый характер этих текстов, ни правописный уровень писцов в подавляющем большинстве случаев не дает оснований предполагать, что явление это — результат воздействия церковнославянской книжности.

Наши данные существенно расходятся с результатами наблюдений Л. Л. Васильева, которые основываются на изучении 142 московских грамот с 1520 по 1625 г. Расхождения касаются положений под ударением. По нашим данным, в этих случаях около 39% написаний представляют *е* на месте ѣ, а по сведениям Васильева подобные замены имеют место лишь в безударных положениях [19]. Установленное различие в показаниях московских текстов, с одной стороны, XVI — нач. XVII в., а с другой — XVII в. предположительно объясняется двояко: различием в характере текстов (формуляров и лексического наполнения) и орфографической выучке писцов; изменением в московском говоре качества исследуемой фонемы в положении под ударением в течение данного времени. Хотя материалы, исследованные Васильевым, в каком-то отношении и разнятся от наших и правописная подготовка писцов могла быть неодинаковой, объяснять упомянутое различие только этими обстоятельствами было бы неправильно: слишком разительно это различие, чтобы могло быть мотивировано расхождением только в характере текстов и в уровне грамотности писцов. По-видимому, все же происходило изменение указанной фонемы в направлении ее сближения с *е*, и если в более раннее время ее отождествление с *е* осуществлялось лишь в безударных условиях, в XVII в. это стало возможным и в положениях под ударением.

---

[19] См.: Л. Л. Васильев. К истории звука ѣ в московском говоре XIV—XVII вв. «Известия ОРЯС», т. X, кн. 2, 1905, стр. 182—219.

Однако, чтобы основательно увериться в безусловно фонетическом значении написаний *е* взамен *ѣ* в тех и других случаях, необходимо еще доказать независимость этого явления в исследуемых московских рукописях от традиций церковнославянской письменности.

А. А. Шахматов писал: «. . . может быть, заслуживает вероятия следующее предположение: *ѣ* некоторых старославянских говоров или *ѣ* специально того говора, который лежит в основании нашего церковнославян. языка XI—XII вв., русскому человеку могло казаться ближе к русскому *е*, нежели к русскому *ѣ*, почему он и стал в своем искусственном произношении церковнославянских слов передавать старослав. *ѣ* не через звук *ѣ*, а через звук *е*. Характер звука *ѣ* некоторых старослав. говоров делает это предположение вероятным; на основании многих явлений графических и фонетических некоторых старослав. текстов можно думать, что *ѣ* было в некоторых старослав. говорах открытым. . . В общеславянском языке, как и в старослав., дифтонгическое сочетание $=$ *ѣ* во второй части имело, вероятно, открытый звук (срав. изменения *ѣ* в польском языке); общерусский язык, представлявший, может быть, закрытый звук во второй части, в таком случае удалился от древнего произношения этого дифтонгического сочетания и этим положил начало тем дальнейшим изменениям, которым он подвергся в разных его наречиях. Если допустить все это, должно допустить и то, что др. русское *ѣ* отличалось по звуку от *ѣ* некоторых старославянских говоров и, может быть, также от *ѣ* того старослав. говора, который лег в основу нашего церковнослав. языка. Русский человек не мог отождествить старослав. *ѣ* со своим *ѣ*, и для его передачи мог обратиться к звуку *е*, который, можно думать, в XI веке был вообще открытым и, следовательно, вероятно, тождественным со второю частью звукового сочетания *ѣ* известных старославянских говоров. . . Поэтому вероятно, что церковнославянским произношением старославянского звука *ѣ* было *е*, и это дало повод к графическому смешению этих букв, смешению в особенности частому в памятниках, на которых сильнее всего сказалось церковнославянское влияние»[20].

---

[20] А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV веков. «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1895, стр. 211—213.

В свете этих суждений А. А. Шахматова естественно поставить вопрос, в какой степени проявляется церковнославянское влияние в текстах московской деловой и бытовой письменности XVII в., в ее лексическом составе, в данном случае в том, в котором находит отражение появление *е* вместо *ѣ* в положениях под ударением? При этом необходимо учитывать следующее: за время с XI по XVII в. включительно значительная группа старославянизмов настолько прочно вошла в обиход носителей русского языка, что уже не осознавалась ими в качестве старославянских слов и, значит, их правописание в соответствии с церковнославянской традицией не имело ее произносительных оснований, и если следовало ей, то исключительно формально, лишь по зрительному восприятию, в среде писцов, весьма начитанных в церковнославянской книжности. Таких писцов, как свидетельствует орфография источников, в составе знакомых нам грамотеев было очень мало. Из того, что ориентация искусных писцов на церковнославянскую традицию в XVII в. осуществлялась только формально — зрительно, неизбежно вытекает заключение: неодинаковая передача на письме в то время исследуемой фонемы, с одной стороны, в ударяемом, с другой — в безударном положении с подобной традицией не могла быть связана и, следовательно, нуждается в иной, фонетической интерпретации.

Применительно к этому позднему времени влияние церковнославянской традиции правомерно принимать во внимание исключительно вне упомянутой акцентологической зависимости. Обыкновенно данное влияние усматривают в написаниях через *е* неполногласных сочетаний плавной с *ѣ* этимологическим: вместо старославянских *прѣдъ*, *врѣдъ*, *срѣда*, *врѣмѧ*, *чрѣзъ* и т. п. выступают написания *предъ*, *вредъ*, *среда*, *время*, *чрезъ* и т. п. Названному влиянию приписывают и появление второго *е* вместо *ѣ* этимологического в местоименных формах дат. и местн. падежей ед. ч. *тебе*, *себе* (в старославянском — *тебѣ*, *себѣ*); к русским формам *тобѣ*, *собѣ*, если они передаются как *тобе*, *собе*, объяснение подобного рода отношения не имеет [21]. С указанным явлением связывают и написания *е* взамен *ѣ* этимологического в таких, напри-

---

[21] См.: А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV веков, стр. 214.

мер, образованиях церковно-книжного характера, как имена на *-ѣние*: смотрѣнию, възгорѣнию, истлѣнию, повелѣнию и т. д.[22]

Обращаясь к нашим материалам, следует заметить, что они, в отличие от исследованных в этом аспекте прежде, являются более поздними и нецерковнославянскими, церковнославянский лексический элемент в них в общем незначителен. Приходится также повторить, что и уровень грамотности писцов, отложившейся в этих старинных текстах, не говорит в подавляющем большинстве случаев об их особой начитанности в церковнославянской книжности. Насколько об этом можно судить по известным в литературе данным, считаемся, далее, с происшедшими за три столетия изменениями в области ударения, вследствие чего в некоторых словах слоги, безударные в XVII в., ныне функционируют как ударяемые и, напротив, в прошлом ударяемые функционируют как безударные.

Рассмотрим случаи появления *е* вместо *ѣ* этимологического в положениях под ударением у отдельных московских писцов, у которых подобные факты, представленные более или менее достаточно, являются отклонениями от не менее достаточно выраженного этимологического употребления *ѣ*. Небесспорно подударные факты во внимание не принимаем.

Дьячок Кадашевской слободы Митька Афанасьев: Радиону... Стрешневу (134), расмо*т*ре*н*емъ (134), время 2 (135), попре*ж*не*му* (135), попрежнему (135), по пре*ж*нему (135), прежние (135), пре*ж*нево (135), прежнихъ (136), пре*ж*нею (136), в... городе*х* (135), [в]пре*д* (136).

Хамовных кадашевских дел дьячок Богдашка Петров: Ѳедору... Стрешневу (151), уезду (151), уезду (159), Алексеи (160), Алексе*и* (160), Ѳедора... Стре*ш*нева (231), тое *ж*... улицы (232), тое лаю 2 (232), тое лаи 2 (232), о҃*т* тое ж Ѡ*в*дотьи (232), о тое пору 2 (232), про тое бра*н* (232), о*т* сасе*д* (232), к себе (232), ис по*т* колена (232), шуме*л* (232), О*в*до*т*я Агее*в*ская (232), недель (233).

Подьячий Ивановской площади Максимка Уланов: сиде*т* (162), сиде*т* (163), на... кабаке (162), на... кабаке (163), раде*н*емъ (162), раде*т* (163), в... ка*з*не (162), детя*м*

[22] См., например: В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Вып. I. Очерки по истории звука *ѣ* в севернорусском наречии. «Известия ОРЯС», т. XXIV, кн. I, 1919, стр. 175, 198 и др.

(162), на детях (162), тех 3 (162), на жене (162), делом (163), дела нет (163), человекъ (168), отезжим (168), все мы (168), денги. . . все (169), последние (169), последнѣи (169), тое тамги (169), тое таможню (169), те. . . денги 2 (169), тех (169), в. . . числе (169), те денги (170), те. . . денги (170), тех (170), в. . . числе (170), все (деньги) (170).

Подьячий Ивановской площади Левка Семенов: Поместнωго приказу (183), Стеѳану Ѳѣдосеевичю (183), на потклете (183), на потклетах (183), сени 2 (183), навес (183), Осипъ Елисеевъ (183).

Подьячий Ивановской площади Васька Стефанов: в Хлебенну́ю улицу (184), белого (184), на. . . дворе (184), на дворе (184), в. . . дворе 2 (185), на. . . подклете (184), сени (184), две (184).

Подьячий Троицкой площади стрелец Федька Березкин: двести (188), чепь 2 (189), полумесецы (189), в подвесках (189), ѕавесъ (190), вместа (189), телогрея 9 (189), две 2 (189), две (190), две (190), по. . . земле (190), медная 2 (190), медном (190), медных (190), в. . . уездѣ 4 (190), (в). . . уездѣ (190), в селце 2 (190), во дворе (190), на дворе (190), помеся (190), помесья (190), в. . . помесье (190), человекъ (190), сидели (190).

Значительная часть приведенных примеров не может быть отнесена к специфически церковнославянским, и тем не менее в них буква ѣ уступает место *е*. Выходит, эта буквенная замена нуждается в иной, нецерковнославянской интерпретации.

В некоторых случаях подобные факты получают фонетическое освещение в результате сопоставления их с отдельными написаниями ѣ в ударяемых положениях у тех же самых писцов. В изложении царского указа дьячок Митька Афанасьев пишет: (во всяких) чинѣх (134), а передавая мнение кадашевцев, — в городех (135). Естественно думать: в первом случае передача окончания с ѣ обусловлена копийным воспроизведением указа, а во втором, с буквой *е*, — известной близостью соответственной фонемы к передаваемой этимологически посредством ѣ. В обыскных речах, писанных дьячком Богдашкой Петровым, вначале читаем: ис под колѣна (232), а потом — ис пот колена (232). Различия в оформлении данного выражения (под—пот, колѣна—колена) объяснимы ослаблением внимания писца, по мере фиксации речей, к орфографическим нормам. Но если вследствие этого он пишет *е*,

а не *ѣ*, вновь напрашивается заключение об известной близости в аналогичных условиях соответственных гласных фонем. В том же тексте Богдашка пишет: Алексѣева (231), Алексѣева 3 (232), а в ценовных его перо выводит: Алексеи (160), Алексе*и* (160). В строках подьячего Стефанова: бѣлое (184), бѣлы*м* (184), но — белого (184). У стрельца Березкина находим записи: в. . . уе*з*дѣ 4 (190), (в). . . уездѣ (190), но — в. . . уѣ*з*дѣ (190), хотя, как видим, окончание, вероятно, просто затвердив, он пишет только с *ѣ* (ср. у него же: в то*м*. . . помесье (190)).

Вошедшие в рубрики А и Б записи названных писцов дают примеры, так сказать, приблизительно среднего состояния колебаний между *ѣ* и *е* в передаче описываемой фонемы. Отклонения от этого среднего состояния в сторону либо исключительного, либо едва ли не исключительного употребления *ѣ* в ударяемых положениях уверенно прослеживаются у таких, полагаем, опытных подьячих, как Ивашка Артемьев, Юшка Охотницкой, Гаврилка Степанов, Мишка Мельнов, а также Ивашка Баран, и у дьяка Ивана Патрикеева. В записях каждого из них — достаточное количество соответствующих примеров. Отклонения, напротив, в сторону столь же широкого применения *е* за счет буквы *ѣ* наблюдаем как свойственные главным образом грамотеям-непрофессионалам и, помимо того, не особенно умудренным в письме профессионалам. Показательные в этом отношении записи, например, оставили москвичи Андрей Самарин-Квашнин, пушкари Терешка Иванов и Петрушка Степанов, подьячие Аверкийка Сергеев и Ивашка Дмитриев. А вообще у заурядных писцов проступала явственная тенденция — избегать употребления *ѣ*.

Написание *ѣ* в безударных слогах в соответствии с этимологическим принципом — явление неширокое. Заметно: более уверенно употребляют *ѣ* в таких условиях писцы, которым свойственно уверенное применение этой буквы согласно этимологии в положениях под ударением. Но даже у этой группы писцов, как будто самой подготовленной, различие в количестве отклонений в сторону буквы *е* и в соотношении этих отклонений с правильными написаниями *ѣ* определяется прежде всего тем, к каким положениям они относятся — ударяемым или безударным. Любопытно: указанные отклонения, но лишь в безударных условиях, нечужды и дьяку Ивану Патрикееву, хотя его

служебная деятельность и требовала искусного письма, безусловного знания орфографии.

Приведем цифры, иллюстрирующие соотношение этимологических написаний *ѣ* и отклонений в сторону *е* у отдельных писцов, исключая, однако, факты не вполне определенные в отношении места ударения. Берем намеренно тексты, в общем для этого достаточные, с примерами написаний *ѣ* или *е* взамен *ѣ* в ударяемых и безударных положениях.

Писцы	В ударяемых положениях		В безударных положениях	
	ѣ	*е*	*ѣ*	*е*
Дьячок Митька Афанасьев (134—136, 171, 176—177)	101	13	7	50
Подьячий Сотенной палаты Ивашка Артемьев (138—139)	33	2	5	11
Князь Яков Вяземский большой (153)	14	6	6	2
Подьячий пятидесятник Ивашка Петров (164)	16	9	2	7
Подьячий десятник Мишка Мельнов (164—167)	87	4	33	23
Подьячий Максимка Уланов (162—163, 168—170)	15	34	4	41
Подьячий Осипка Елисеев (179)	12	5	5	9
Подьячий Левка Семенов (183)	18	8	5	7
Подьячий Стенька Строгальщиков (157, 185)	22	7	3	19
Подьячий Ивашка меньшой Грибачев (184)	13	4	4	9
Подьячий стрелец Федька Березкин (189—190)	14	38	18	45
Петр, сын А. Н. Самарина-Квашнина (198—199)	8	30	11	22
Итого	353	160	103	245

Таблица показывает заметные расхождения в соотношении написаний *ѣ* и *е* (взамен *ѣ*) у разных московских писцов, расхождения, которые обусловливались и различием в уровне их грамотности, и в какой-то мере характером лексического наполнения текстов. Но даже на фоне

этих довольно заметных расхождений увеличение доли отклонений в сторону буквы *е* в безударных положениях, как явление главенствующее выступает вполне рельефно.

Не менее доказательны в этом плане и такие записи москвичей, в которых при достаточном количестве примеров, в том числе и на безударные положения, написания *ѣ* (этимологические) приурочены только к ударяемым положениям. Такая картина раскрывается в записях подьячих Ивашки Гладкова (174), Васьки Стефанова (184—185) и, в меньшем количестве примеров, Петрушки Колударова.

Любопытны, далее, случаи передачи интересующей нас фонемы в пределах одного и того же слова в ударяемом слоге буквой *ѣ*, в безударном — буквой *е*. Приведем сводку таких примеров с указанием писцов, под пером которых они явились.

Жилец Иван Шапилов: в . . . уѣ*з*де 2 (128)

Жилец Микитка Деев: въ помѣстье и во*т*чине (128)

Подьячий Микитка Иванов: вмѣсте (129)

Дьячок Митька Афанасьев: по. . . ценѣ (135), в ѹѣ*з*де*х* (135), по. . . дѣте*х* (171), о. . . дѣле (177)

Подьячий Ивашка Артемьев: в. . . лѣте*х* (138), (в) хлѣбе (139), на мѣре (139)

Подьячий Максимка Алексеев: в. . . уѣ*з*де (141)

Подьячий Алешка Яцкой: в. . . уѣ*з*де (141), в пѡмѣсте*и*це и в во*т*чинке (141)

Подьячий Юшка Охотницкой: в. . . ѹѣзде*х* (141), в. . . . ѹѣ*з*де (141)

Подьячий Васька Степанов: в. . . .ѹѣ*з*де (142)

Подьячий Агафошка Пименов: в. . . уѣ*з*де 2 (142), в. . . . ѹѣ*з*де (142)

Подьячий Ивашка Павлов: в. . . уѣ*з*де 2 (142), в помѣ*с*е (тридцать четьи) (142)

Дьячок Богдашка Петров: двѣсте (151), вмѣсте (233)

Князь Яков Вяземский меньший: в . . . ѹѣ*з*де (157)

Подьячий Стенька Строгальщиков: вь. . . . уѣ*з*де (157)

Подьячий Гаврилка Степанов: на. . . по*т*клѣте (161), по оцѣнке (161), ср.: цено*в*ную (161), ценили (161)

Подьячий Максимка Уланов: на рекѣ (162), на рекѣ (168)

Подьячий Федька Федоров: на. . . Ма*т*вѣе (164)

Подьячий десятник Мишка Мельнов: в. . . ѹѣ*з*де (165), *в*. . . . ѹѣ*з*де (165), ѡ передѣле (167)

Подьячий Степанка Иванов: вмѣсте (178)

Подьячий Васька Стефанов: в. . . мѣсте (185)

Подьячий Ивашка Баран: в. . . уѣзде (188)

Дьяк Иван Патрикеев: в том мѣсте (234)

Фонетическому толкованию подобных фактов, на первый взгляд, противоречат факты противоположные — передача исследуемой фонемы в ударяемых слогах через *е*, в безударных — через *ѣ*.

Жилец Петр Суворов: в. . . ȣездѣ (128)

Подьячий стрелец Федька Березкин: в. . . ȣездѣ 4 (190), (в). . . уездѣ (190)

Петр, сын А. Н. Самарина-Квашнина: в. . . уездѣ (199), в. . . . ȣездѣ (199)

Ближайшее рассмотрение устанавливает: противоречивость этих фактов мнимая. Во-первых, они единичны, во-вторых, не связаны с первыми писцами и вследствие этого не колеблют фонетического значения их написаний. К тому же у стрельца Березкина и Петра Самарина-Квашнина в написаниях конечного *ѣ* можно видеть и орфографизмы. В самом деле: стрелец Березкин пишет также — в. . . уѣздѣ (190), сохраняя *ѣ* и в корне слова; у него же в других словах, как проявления гиперорфографии, встречаем написания буквы *ѣ* и вместо *е*: на нѣи 2 (189), поясъ лѣнтовои (190), бѣз кресьян (190); у Самарина-Квашнина, помимо отмеченных, обнаруживаем и написания: в. . . . уезде 4 (199).

В свете всех приведенных данных об отклонениях в сторону буквы *е* у различных групп московских писцов фонетический смысл этих отклонений выступает довольно явственно: в зависимости от положения в ударяемых или безударных слогах качество исследуемой фонемы было неодинаково.

Определяя это качество, Л. Л. Васильев пришел к выводу: «. . . в московском говоре, по крайней мере, XVII века разница в произношении звуков *ѣ* и *е* после согласных заключалась в большей степени мягкости предыдущего согласного перед *ѣ*» [23]. Исходным пунктом этого суждения явилось следующее наблюдение: в старопечатном издании Уложения 1649 г. после буквы *ц* 10 раз написана буква *е* вместо ожидаемой *ѣ*. Имеются в виду такие на-

---

[23] Л. Л. Васильев. Несколько данных для определения звукового качества буквы *ѣ* . . ., стр. 216.

писания: це́н8, по ѡще́нке, по ѡще́нкѣ [24]. Поскольку в данном тексте после буквы *ц* писалась буква *ы*, сочетавшаяся только с предыдущими твердыми согласными, Васильев, по его словам, «поставил замену буквы *ѣ* буквою *е* после буквы *ц* в параллель с заменою буквы *и* буквою *ы* и сделал вывод, что если буква *е* подобно букве *ы* оказалась способной указывать на твердость предыдущей буквы *ц*, то представление такой способности у писца не свалилось с неба, а должно было быть отвлечено от чего-нибудь, находившегося в его распоряжении при письме, а это что-нибудь... было обычное ее употребление после других согласных (другое что-нибудь предположить мудрено), т. е. все согласные звуки в произношении писца перед звуком *е* точно так, как перед звуком *ы*, сравнительно со звуком *и*, были тверже, нежели перед звуком, изображаемым буквою *ѣ*»[25].

Подкрепляют ли наши материалы предположение Л. Л. Васильева?

Располагая более значительным и более разнообразным кругом фактов, нежели отмеченный у Васильева (не только в Уложении, но и в других памятниках), мы можем уверенно констатировать: взамен этимологически оправданного *ѣ* после *ц*, за редкими исключениями, пишут букву *е*. Суммируем примеры, заимствованные у 36 писцов. Сначала представим примеры с *ѣ*, затем — примеры с *е*, выделив в каждой из этих групп положения: а) ударяемые, б) безударные.

Примеры с *ѣ*:

а) по оцѣнке (161), по тяглецѣ (172), в... селцѣ (199)

б) в.... улицѣ (161)

Примеры с *е*:

а) на дво*р*це (140), по тяглеце (174), по тяглеце (230), в се*л*це (190), в се*л*це (198), целы*м* (197), целы*м* (198)

б) целова*н*ю 2 (125), целова*н*ю 4 (126), целованью (127), целова*н*ю (128), целова*н*ю 2 (130), целова*н*ю (131), целова*н*ю (232), целова*н*ю (233), целова*л*ника (176), целова*л*ники (131), целова*л*ники (152), целова*л*ники (160), целова*л*ники (161), целова*л*ники (176), целова*л*нико*в* (161), целова*л*нико*в* (177), целова*л*никовъ (177), целова*л*никомъ 2 (177), целова*л*нико*м* 2 (177), цена 7 (160), проти*в* ... цены (136), (дешовой) цены (139), ценою 3 (135), ценою

[24] Там же, стр. 188.
[25] Там же, стр. 190.

(136), ценою 2 (138), ценою (139), по. . . ценѣ (135), по. . . цен[е] (135), ценовщику (160), ценовъщику (160), ценовщики (160), ценовнои (160), ценовнои (161), ценовную 2 (160), ценовную (160), ценовную (161), ценили 3 (160), ценили (161), в пωмѣстеице и в вотчинке (141), по кадашевце (168), по кадашевце (170), по кадошевце (204), х Троице (26), к . . . ȣлице (178), в. . . улице (182), в . . . улице (231), на. . . ȣлице (128), на. . .ȣлице (183), на. . . улице (184), на улице 8 (232), на. . . ȣлице 2 (234), по. . . ȣлице (234), на. . . двце (=девице) (188), на напогребице (184), в лицех (171).

Хотя примеров с *е*, написанным вместо *ѣ*, во много раз и более числа примеров с *ѣ*, предположения Л. Л. Васильева они не подтверждают, потому что легко объясняются и общим в московской письменности того времени состоянием с передачей исследуемой фонемы, состоянием, явно определяемым акцентологическим моментом, и при этом не только после *ц*, но и после иных согласных.

Между прочим, о случаях употребления буквы *е* взамен *ѣ* в старопечатном Уложении Л. Л. Васильев писал: «эти 10 случаев в сущности представляют почти половину всей наличности случаев должного употребления буквы *ѣ* после *ц* (точнее, 45—46%); если бы это была случайная замена буквы *ѣ* буквою *е*, вызванная не чем иным, как близостью звуков, то должно было бы ожидать то же самое количественное отношение в замене буквы *ѣ* буквою *е* и после других согласных букв (45—46%), т. е. наблюдали бы очень частую замену буквы *ѣ* буквою *е* и в слоге под ударением; однако ничего подобного в памятнике нет, и замена буквы *ѣ* буквою *е* так же, как и наоборот, в слоге под ударением крайне редка» [26]. Напомним: в наших материалах замены *ѣ* посредством *е* в положениях под ударением составляют примерно 39% всего количества случаев передачи интересующей нас фонемы в данных положениях. Выходит, последнее соображение Л. Л. Васильева в свете наших материалов нуждается в пересмотре.

Несколько замечаний о заменах *е* посредством *ѣ*, которых довелось отметить немногим более шести десятков. Замен такого рода, если брать их в совокупности в ударяемых и безударных слогах, в 20 раз меньше замен *ѣ* посредством *е* в тех же самых слогах, причем написания буквы

[26] Л. Л. Васильев. Указ. соч., стр. 189.

ѣ вместо ожидаемого *е* в ударяемых положениях составляют приблизительно 28%, а в безударных — 72%.

Если отклонения в сторону *е*, как мы могли убедиться, представляются фонетически обусловленными, отклонения, напротив, в сторону ѣ имеют не столько фонетическое, сколько аналогическое основание: поскольку исследуемая фонема, передаваемая этимологически буквой ѣ, не уступала места *'о*, при помощи буквы ѣ передавали и гласный *'э*, который в данных конкретных условиях не уступал места' *о*. Таковы, например, написания: бѣсчестье (158), бѣ*з* кресья*н* (190), банѣю (151), в мѣжа*х* (179), бȣдѣтъ (184), зелѣинои (143), дворѣцко*и* (188), дѣнь (204), и др. Впрочем, в немногих случаях ѣ находим и там, где вероятной нормой XVII в. являлся гласный *'о*. Подьячий Ивашка Артемьев писал: о всѣ*м* (известит) (139), подьячий Федька Федоров: во*з*мѣ*т* (163), подьячий Ивашка меньшой Грибачев: учнѣтъ (184), подьячий Микитка Болховитинов: Семѣнъ (204), Хамовной слободы Микитка Дмитриев: Семѣна (141), зелейный подмастерье Максимка Агеев: Семѣна (145). За ѣ в окончаниях глагольных форм можно усматривать и *'э*, если в писцах предполагать недавних выходцев с Юга, где и ныне порой подобные формы произносят с *'э*, а не *'о*. Как следствие равнения на церковное произношение это ѣ маловероятно, хотя, скажем, у Федорова, правда, в стандартном обороте, и встречаем церковнославянизм: осмаго (году) (164). Не возможно ли было в форме *возмѣт* безударное окончание? Появлению ѣ в *Семѣнъ*, *Семѣна* объяснения не находим.

Выше мы приводили мнение, согласно которому буква ѣ в московской письменности XVII в. представляла тот же гласный, что и буква *е*. Оправдывается ли это мнение наличием в записях отдельных писцов, почти как правило, буквы *е* вместо ожидаемой в соответствии с этимологическим принципом буквы ѣ? Если брать достаточные по объему записи, такими грамотеями можно назвать пушкаря Терешку Иванова (143—146), пушкаря Петрушку Степанова (145, 147—149) и Андрея Самарина-Квашнина (197—198). Наделенное тем же, что и ѣ, фонетическим значением, подобное употребление буквы *е*, полагаем, проявилось бы у более широкого круга писцов, а этого, как видим, нет (записи с немногими примерами во внимание не принимаем). Заметим: и названные грамотеи, правда в единичных случаях, пишут букву ѣ. Так, у первого встре-

чаем: обѣ (мельницы) (144), у второго: лѣсꙋ (147), у третьего (на более чем 90 случаев написаний *е* взамен *ѣ*): в селе Ку*р*бѣ (197), обѣи*х* (197), у бѣлянина (197), бѣ*з* матери (198), бѣ*з* веления (198). Почти исключительное употребление *е* взамен *ѣ*, можно думать, было связано с неосведомленностью этих москвичей в правописании буквы *ѣ*.

Обратимся теперь к написаниям *ѣ* вместо исторически оправданного *и*. Таких написаний немного. Приведем их сводку с указанием писцов.

Хамовной слободы Микитка Дмитриев: дядѣ*и* (141); подьячий Иван Тишевской: апрѣля (154); подьячий Максимка Уланов: жеребѣи (162), по*д*ячѣи (163), по*д*ячѣи (170), после*д*нѣи срокъ (169), Ко*н*дратѣи (163), Ко*н*дратѣи (169), Ѕахарѣи (168), Василѣ*и* (168), Па*р*ѳенѣи (168), Ива*н* Дми*т*рѣе*в* (169), Ива*н* Дми*т*рѣе*в* (170); подьячий пятидесятник Ивашка Петров: Дми*т*рѣева по*л*ку (164); дьячок Митька Афанасьев: Дмитре*и* Евтиѳѣе*в* (177); подьячий Ганька Петров: апрѣля (179); подьячий Левка Семенов: Пе*р*ѳи*л*я. . . Секѣрина (183) — если фамилия от прозвища Сѣкира; подьячий Васька Черевков: Пе*т*ръ Оноѳрѣе*в* (187); подьячий стрелец Федька Березкин: жеребѣ*и* (190); Андрей Самарин-Квашнин: жеребѣі 3 (197), жеребѣі (198).

Относительно *ѣ* в слове *апрѣль* Соболевский писал следующее: «Так как рукописи новгородского происхождения в XIII—XV вв. обращались в средней России и здесь переписывались, то. . . *ѣ* и *е* на месте *и*, явившиеся графически в некоторых не народных словах, перешли в памятники среднерусские вообще и в московские в частности и вместе — в среднерусское произношение этих слов. Коломенская Палея 1406 г. имеет: апрѣль»[27]. Учитывая это возможное обстоятельство и то, что заведомые москвичи, как свидетельствуют материалы XVII в., не писали *и* на месте *ѣ* в ударяемых положениях, предполагать за *ѣ* произношение *и* в слове *апрѣль* не приходится. Это *ѣ* только формально соотносится с *и* в *априль*, как правильно писали в древнерусских памятниках.

Формально соотносимые с гласным *и* и прочие случаи написания *ѣ*, уже в безударных положениях, также не доказывают, что с буквой *ѣ* фонологически ассоциирова-

---

[27] А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 85.

лось *и*. В самом деле: буква *ѣ* в личных собственных именах и производных от них фамильных обозначениях могла появляться по аналогии с *ѣ* в ударяемом положении в образованиях аналогичного типа (как *Алексѣи*, *Сергѣи*, так и *Василѣи*, *Кондратѣи*). Напомним: случаи вроде *Василеи* при анализе безударного вокализма мы во внимание не принимали, поскольку относили их к обусловленным правописным обыкновением, правописным узусом той эпохи. Примыкает к этой категории случаев и написание: жеребѣи.

Анализ передачи рассматриваемой фонемы в московских текстах XVII в. позволяет сделать некоторые замечания относительно ее качества. Отсутствие написаний буквы *и* вместо *ѣ* и, наоборот, фонетически обоснованных написаний *ѣ* вместо *и* свидетельствует о том, что начальный момент (экскурсия) исследуемой фонемы не был *и*-образным и фонема не являлась дифтонгической. О том же самом говорит и возможность написаний *ѣ* вместо буквы *е*. Дифтонгический характер фонемы провоцировал бы подобные написания в гораздо меньшей степени и в то же время вызывал бы и несколько большее проявление написаний *ѣ* вместо *и* и появление в их ряду таких, которые в фонетическом отношении могли бы быть мотивированы.

Приходим к мысли: в московском говоре данной исторической эпохи фонема, изображаемая буквой *ѣ*, в нередуцированном состоянии выступала в виде гласного несколько более суженного, нежели гласный *э*. Что касается безударных положений, то в них произношение *ѣ* совпадало с произношением *э*[28]. Передача исследуемой фонемы в московской письменности XVII в. в безударных положениях буквой *е* представляла собою отражение одного из звеньев общей редукции безударных гласных в этих условиях. По состоянию безударного вокализма, включая и гласную фонему, обозначаемую буквой *ѣ*, московский говор XVII в. в общем виде был связан с южновеликорусской областью.

Упомянутая связь Москвы и Юга несколько отлична от той, о которой говорилось прежде на основании впервые осуществленного нами исследования южновеликорусских текстов XVII в. и известных в литературе данных о московском говоре той поры. Мы писали следующее: «В свете

---

[28] Ср.: С. И. Котков. Указ. соч., стр. 52.

данных, свидетельствующих о наличии в южновеликорусском еще в XVII в. более узкого в сравнении с *е* образования гласного *ѣ*, лишается основания предположение А. А. Шахматова о московском *ѣ* XVI в. как генетически именно северновеликорусском. Это *ѣ* генетически не северновеликорусское или южновеликорусское, а в известной мере, можно сказать, общевеликорусское» [29]. В. Н. Сидоров заметил по этому поводу: «Усматривая между утратой *ѣ* говором Москвы и такой же ее утратой в говорах южнорусского наречия только отношение параллелизма, С. И. Котков проявляет, по-моему, излишнюю осторожность. Скорее всего оба эти процесса были непосредственно связаны друг с другом» [30]. Опираясь теперь на собственные не только южновеликорусские, но и московские наблюдения, можно было бы, пожалуй, и согласиться с этим мнением, если бы далее В. Н. Сидоров не делал такого вывода, который, по нашему убеждению, является небесспорным. Сомнение вызывает его трактовка непосредственной связи означенных процессов.

Отправной пункт его суждений — утверждение П. С. Кузнецова, что в московском говоре «на месте древнего *ě* еще в XVII в. под ударением произносилось *е*» [31]. Скажем прямо: утверждение это покоится на шатком основании, сформулированном следующим образом: «Такие памятники, как подписи под лубочными картинками конца XVII, а также XVIII в., очень неустойчивые в орфографическом отношении и отражающие много черт разговорного языка Москвы и прилегающих местностей, показывают полное смешение *е* и *ѣ* в самых различных условиях» [32]. Подобное «полное смешение», по первому общему впечатлению, можно было бы констатировать и в наших материалах. Между тем, рассмотрение соответствующих фактов в зависимости не только от их положения по отношению к ударению, но также и принадлежности тем или иным писцам, в известной степени с учетом орфографической выучки последних, позволяет видеть в «смешении» определенную тенденцию. Не приходится говорить о том, что

---

29 Ср.: С. И. Котков. Указ. соч., стр. 52.
30 В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 30.
31 В. И. Борковский. П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 141.
32 Там же.

обобщение с московскими явлений подмосковных говоров по меньшей мере спорно. Итак, доказательство П. С. Кузнецова в пользу совпадения в Москве в XVII в. гласных фонем, обозначаемых буквами *ѣ* и *е*, уже и само по себе вызывает возражение, а приводимые нами московские данные обнаруживают его несостоятельность еще более рельефно.

В представлениях П. С. Кузнецова и В. В. Иванова (последний опирается на исследования Л. Л. Васильева, В. В. Виноградова и К. В. Горшковой) В. Н. Сидоров находит такой общий момент: «...и П. С. Кузнецов и В. В. Иванов оба полагают, что в „живой" московской речи различие между гласными *ѣ* и *е* к середине XVIII в. в основном было уже утеряно» [33]. А далее читаем: «Если с этим согласиться, то начало совпадения *ѣ* и *е* в говоре Москвы следует отнести к началу XVIII в., а то и к концу XVII в. А это значит, что процесс утраты *ѣ* в Москве по времени или совпадал со временем, которое предположительно могло бы быть самой ранней датой начала утраты *ѣ* в южнорусском наречии или даже предшествовать ему. Понятно, что ни в том, ни в другом случае он не может объясняться влиянием южнорусских говоров на московский» [34]. Построенное на ложном представлении, что за *ѣ* в Москве в XVII в. таился гласный *э*, заключение о более поздней утрате особого качества *ѣ* на Юге является ошибочным. Как показывают наши материалы (убедительность южновеликорусских признает и В. Н. Сидоров [35]), и на Юге, и в Москве положение в XVII столетии было в общем сходным.

«Напротив, — пишет далее В. Н. Сидоров, — ничто не мешает предположить, что процесс совпадения фонем *ѣ* и *е* начался в конце XVII — начале XVIII в. в самом московском говоре, а затем под его воздействием стало утрачиваться различие у *ѣ* и *е* в говорах южнорусского наречия. Начало распространения в этих говорах московского звукового новообразования может относиться уже к середине XVIII в. Распространялось оно очень быстро, и к XX в. совпадение *ѣ* и *е* стало диалектной чертой, присущей подавляющему большинству южнорусских говоров.

---

[33] В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 31.
[34] Там же, стр. 31—32.
[35] Там же, стр. 25.

Короткий срок, который понадобился, чтобы произношение гласной *е* на месте исконного *ѣ* заняло огромную территорию южнорусского наречия, конечно, тоже говорит о том, что здесь дело не обошлось без воздействия «главного и типического представителя» русского языка — московского говора» [36]. Не менее легко предположить, и с не меньшим основанием, что совпадение указанных фонем также в конце XVII — начале XVIII в. начиналось и на Юге. А возможность быстрого распространения на Юге упомянутого московского новообразования представляется крайне гадательной. Интенсивность междиалектных контактов и условия, в которых они протекали, в то время были далеко не такими, чтобы даже столичный, московский говор мог оказать столь влиятельное воздействие на огромное южновеликорусское наречие.

В свете наших данных XVII в. сообщения о сохранении в говоре Москвы особого, отличного от *э*, произношения гласного звука, передаваемого посредством *ѣ*, приобретают бóльшую достоверность. В самом деле: его сохранение в конце XVII в. допускает его распространение и на XVIII столетие. Ломоносов писал: «. . . буквы *е* и *ѣ* в просторечии едва имеют чувствительную разность, которую в чтении весьма явственно слух разделяет и требует. . . в *е* дебелости, в *ѣ* тонкости» (Росс. грам. § 104), а Сумароков подметил следующее: «*ѣ* всегда несколько в *і* вшибается, а *е* никогда, но несколько в *йо*, когда в нево и не пременяется» (Изд. 1787 г., X, 49). «На основании того и другого высказывания, — заявляет П. С. Кузнецов, касаясь *ѣ* в московском говоре, — можно предположить, что *ѣ* произносилось более закрыто, чем *е* (*дебелый* означает «широкий, толстый»)» и одновременно замечает: «Сумароков называет в другом месте слова с *е* „тупыми", а слова с *ѣ* „острыми". Между тем термин „тупой" применялся также к твердым согласным, а „острый" — к мягким» [37]. Далее следует вопрос: «Не состояло ли различие между *е* и *ѣ* в том, что согласные произносились перед *е* твердо, а перед *ѣ* мягко?» [38] Отрицательный ответ на этот вопрос обоснован нами выше, однако нелишне привести в допол-

---

[36] В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 32.
[37] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 140—141.
[38] Там же, стр. 141.

нение свидетельство А. А. Барсова, который сам был москвичом и составил грамматику для московских гимназий: «Сии две буквы (*е* и *ѣ*) в произношении существенную разность между собою имеют; так что следуя в складе после согласной буквы, (*е*) выговаривается с большим, а(*ѣ*) с меньшим отверстием уст; и так сказать, *остряе*. Приметить сие можно из той противности, которая чувствуется, когда кто выговорит *ныне* через (*е*), вместо *нынѣ* через (*ѣ*)» [39]. Обратим внимание: разница в произношении *е* и *ѣ* отмечается в одних и тех же фонетических условиях.

В свете новых, установленных нами, московских и южновеликорусских фактов нуждаются в пересмотре два положения, выдвинутые В. В. Виноградовым. Первое из них гласит: «Ударяемое *ѣ* в говоре высшего слоя литературно-образованных людей Московского государства звучало как дифтонг *i̯e* (или *iê*) до начала XVIII в.» Второе утверждает: «Наряду с таким выговором *ѣ* в языке верхних слоев московской интеллигенции, сохранявшем архаические черты, очень рано *ѣ* совпало с *е* в произношении низших классов Москвы, более ярко окрашенном особенностями южновеликорусского вокализма. Отсюда такое произношение проникало и в литературный язык в собственном смысле»[40]. Первое из этих положений находится в очевидной связи с известным мнением А. А. Шахматова о различиях в XIV—XV вв. в произношении высших и низших слоев московского населения. Не имея вполне надежных данных для суждения относительно той поры, о состоянии в XVII в. можем сказать следующее: указаний на подобное различие в произношении исследуемой фонемы в материалах XVII в. мы не обнаружили. А что касается утверждения о раннем совпадении *ѣ* и *е* в старой московской речи демократических слоев и связи этого явления с южновеликорусским вокализмом, то известные нам московские данные не позволяют фиксировать это совпадение в XVII столетии, а исследование южновеликорусской фонетики

---

[39] См.: В. Чернышев. Несколько указаний на московское наречие в конце XVIII века. «Русский филологический вестник», т. LI, 1904, стр. 146—148.

[40] В. В. Виноградов. Исследование в области фонетики севернорусского наречия. Вып. I. Очерки из истории звука *ѣ* в севернорусском наречии. «Известия ОРЯС», т. XXIV, кн. 2, 1919, стр. 280—281.

того же самого времени[41] свидетельствует о бытовании на Юге отличного от *э* произношения *ѣ* в течение всего XVII в.

Вопрос о том, явилось ли упомянутое совпадение гласных одновременным для Москвы и Юга или говор столицы в этом смысле подчинился южновеликорусскому влиянию, по-видимому, можно будет выяснить в процессе глубокого сравнительного изучения московских и южновеликорусских текстов XVIII в.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗМЕНЕНИЯ *Е* В *О*

Следы такого изменения даже в ранних московских рукописях представлялись исследователям очевидными. А. И. Соболевский, например, указывал, что в московских памятниках того времени «*о* из *е* сравнительно часто»[1]. Правда, соответствующие примеры демонстрировали данное явление едва ли не исключительно после шипящих и аффрикат, но это легко объяснялось тем, что наше письмо в ту пору не имело специального знака для обозначения *о* после мягкого согласного. А. А. Шахматов отмечал написание *дȣшовнои* в московских договорных 1428, 1440 г. и др.[2] Однако ранние свидетельства перехода *е* в *о* в московских текстах не помешали Л. Л. Васильеву высказать следующее предположение: «. . . я думаю, что московский говор в XVIII веке переживал такую стадию развития, какую переживают теперь некоторые акающие говоры, не знающие перехода *е* в *о* и имеющие звук *е*, не смягчающий предыдущего согласного. Факт существования таких акающих говоров без перехода *е* в *о* и, что особенно важно, со звуком *е*, не смягчающим предыдущего согласного, не может подлежать в настоящее время сомнению: профессором Е. Будде указаны южновеликорусские поселения с *е*, не смягчающим согласного, в Богородицком, Новосильском, Крапивенском и Белевском уездах Тульской губернии, в Жиздринском, Лихвинском и Козельском уездах Калужской губ. . . . Н. Н. Дурново — в Калужском

---

[41] С. И. Котков. Указ. соч., стр. 35—52.

[1] См.: А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4. М., 1907, стр. 60.

[2] А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4. М., 1941, стр. 78—79.

уезде и даже в Скопинском уезде Рязанской губернии. . . Ср., кроме того, интересное указание проф. Е. Будде на попытку различной передачи произношения барина и крестьян, наблюденную им в журнале «Живописец» 1772 г. (ч. I): барин, т. е. лицо, говорящее на московском говоре, произносит неударенное *о* как *а* и не изменяет *е* в *іо*»[3].

Как видим, здесь Л. Л. Васильев в подкрепление своей догадки приводит лишь такие факты, которые прямо, непосредственно, более или менее достоверно с московским говором не связаны.

Предположение о *е*, не смягчавшем согласный и, следовательно, не способном переходить в *о*, в московском говоре XVII в. вытекало из наблюдения Л. Л. Васильева над употреблением *е* и *ѣ* в московской письменности в это время, наблюдения, как явствует из наших данных, несколько поспешного.

Следует заметить: в свое время В. В. Виноградов, ограничив свою задачу выяснением характера звука *е* в литературном языке XVIII в. и раньше, убедительно показал, что гласный *е* в литературном языке XVII—XVIII вв. смягчал предшествующий согласный[4] и, выходит, мог трансформироваться в *о*. Заключение это основывалось на литературных материалах, преимущественно на тонкой интерпретации свидетельств Тредиаковского и Сумарокова.

Специально результаты изменения *е* в *о*, отложившиеся в московских грамотах первой половины XVI в., были рассмотрены в статье Е. Ф. Васеко[5]. К сожалению, ограничившись указанием, что грамоты — московские, автор статьи не сообщает о них необходимых археографических сведений, которые позволяли бы судить, в какой степени означенные грамоты являются собственно московскими, представляют непосредственно говор Москвы. Отклоняя известную точку зрения (И. В. Ягич, А. А. Шахматов, Н. Н. Дурново), согласно которой изменение *е* в *о* в положениях после исконно мягких предшествовало подоб-

---

[3] Л. Л. Васильев. Несколько данных для определения звукового качества буквы *ѣ*. . . «Известия ОРЯС», т. XV, кн. 3, 1910, стр. 213—214.

[4] См.: В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Вып. I. Очерки из истории звука *ѣ* в севернорусском наречии. «Известия ОРЯС», т. XXIV, кн. 2, 1923, стр. 270—276.

[5] Е. Ф. Васеко. К вопросу об изменении *е* в *о* в русском языке. «Вопросы истории русского языка». М., 1959.

ному изменению в положениях после неисконно мягких, автор вслед за А. И. Соболевским и А. М. Селищевым приходит к выводу: нет оснований выделять два этапа в изменении *е* в *о*, а в заключение утверждает: материал грамот прямо указывает на изменение *е* в *о* в живом языке, получившем отражение в этих грамотах [6].

Мы располагаем по этому вопросу непосредственными свидетельствами москвичей. В положении под ударением после шипящих и *ч*: пришо*л* 2 (126), пошо*л* (126), пришо*л* (130), пꙋстошонки пꙋстые (141), двести решо*т* 2 (144—145), сто три*т*це*т* решо*т* (145), решотошные (182), лишо*н* (163); ещо. . . надобно (151); мостъ не мощонъ (182); ре*м*не*и* гꙋжовы*х* (144); дьячо*к* (136), дьячокъ (152), диячо*к* (171), в чо*м* (26), в чомъ (145), два*т*це*т* начово*к* 2 (145), уличоно*и* (162), Ива*н* Грибачо*в* (164), Алеѯѣю. . . Спечову (164). Кроме этих фактов, связанных с определенными писцами, имеем немало «безымянных», но так же, безусловно, принадлежащих москвичам, например в расспросных речах, записанных в приказах. Примеры: о*т*шо*л* (233), пришо*л* (235), на ѡшостке ꙋ печи (239), пришо*л* (255), Степа*н*ко Шишоно*к* (258), пришо*д* 3 (260), пошо*л* 2 (260), пошо*л* (264), шо*л* (264), шо*л* (265), пришо*л* (271), пошо*л* (271), ꙋшо*л* 2 (276), шо*л* (280), пошо*л* 2 (280), пошо*л* 2 (281), решоточно*и* (283), решоточно*и* (284); Васка Мещо*р*ка 3 (257); чюжо*му* (203), жонка (235), жонку (237), ꙋ то*и* жонки (238), с тою жонкою (239), ѕжоны*х* (240), ѕжо*г*ши (244), ѕжоно*и* (245), жо*г*ши (245), в жо*л*тика*х* (250), жонокъ (256, 262), жо*н*ке (256), жо*н*кꙋ (256); В. корешка жо*л*ты (271), зжо*н* (273), жо*н*ки*н* (280); печо*т* (208), чо*л* то писмо (220), Аксин*ю* Грачову (237), чо*р*нои (239), ни о чомъ 2 (276), печоны*х* (286), ни о чо*м* (287), и др.

В положениях под ударением после *ц* в записях определенных писцов: налицо (141), селцо 2 (199), в лицо (230) и другие примеры, в которых, впрочем, можно усматривать и результат влияния твердого склонения на мягкое, скажем, в таких случаях, как: два*т*цеть ко*р*цо*в* (144), восмьдесе*т* корцо*в* (144). Оформление слова суффиксом *-ов-* вместо *-ев-* предполагаем в случаях наподобие: воро*н*цовъского (старосты) (139).

О том, что приведенные факты характеризуют не правописание, а находившееся с ним в этом пункте в разладе

---

[6] Е. Ф. Васеко. Указ. соч., стр. 68, 70, 79.

произношение, говорят аналогичные случаи с *е*. Ср.: мостъ не мощонъ (182), мосты мощены (182); пришо*л* (235), пришелъ (235); жонка Ма*н*ка ста*в*лена ѕ женкою с Настькою (240); ѕжоно*и* (245), ѕжена (245); в жо*л*тика*х* (250), же*л*тые (250).

Сошлемся еще на данные, заимствованные из Вестей-Курантов первых трех десятилетий XVII в.: шо*л* (26—27), дошо*л* (44), пошо*л* (42, 44, 47, 54, 81), ср.: поше*л* (81), пришо*л* (23, 48, 55 и др.), пришолъ (68), ср.: пришe*л* (68), бо*л*шово (43, 46), бо*л*шомȣ (59), бо*л*шои (60), шо*л*кȣ (62); ещо (25), ещо 2 (56), ещѡ (61), ещо (66, 75), ср.: еще (78); пе*р*е жо*л*тое (45), ср.: в же*л*ты*х* пла*т*[ях] (45), пожа*р*нымъ зажого*м* (57); о чо*м* (26), на чо*м* (56, 74), в чѡмъ (58), чорнои (51), ста*ти*. . .. прочо*л* (52), вечо*р* (79), ср.: ввечерȣ (79) и др.

Результаты перехода *е* в *о* в положениях после шипящих и аффрикат выступали в московской письменности XVII в. столь рельефно, что получили заметное отражение и в текстах, носивших на себе печать правописной кодификации, таких, как, скажем, Уложение 1649 г.: у жонъ (193 об.), на бѣглыхъ жонкахъ (25 и др.), пришолъ (25 и др.), прошолъ (35 об. и др.), въ пожоге (54), дворовои пожогъ (305), въ решоточныхъ прикащикахъ (32, 213), безо пчолъ (159), он отпущо́нъ (46), съ ключом (248), въ чюжомъ же угодье (152 об.), болшово собору (107 об.), стрѣлцо́въ (6) и т. п.[7]

Несмотря на отсутствие в русском письме благоприятных условий для отражения *о* из *е* в ударяемых положениях после мягких согласных, кроме шипящих и аффрикат, отражения эти иногда все же наблюдались. Имеем возможность указать единичные примеры рассматриваемого явления и в данных положениях: панаморо*в* снъ (125), сто веровo*к* (144), кото*л* ме*д*но (так!) (144), селите*р*но*и* котолъ (145), сто веровo*к* (145), Совскаго города (170), ср. здесь же: в Севску (170). В последнем примере *о* — в соответствии с фонемой, передававшейся буквой *ѣ*, однако это не противоречит признанию в Москве XVII в. отличного от *е* произношения *ѣ* в ударяемом положении: в ту пору в севских местах, откуда исходит название го-

---

[7] П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 200.

рода, между этими фонемами различия уже не было [8]. Оговоримся: *о* из *е* в положении после *р*, если *р* было твердым, теряет доказательность. Остальные три случая (кот*ол*, котолъ, Совскаго города) убедительны. Первые два принадлежат пушкарю Терешке Иванову, третий — подьячему Максимке Уланову, в другом документе написавшему: Севскаго города (162). Ср. в записи москвича подпоручика Петра Алексеева, датированной 1787 г.: всьо то самое (там же: на свой щотъ) [9].

Написания *о* взамен *е* после шипящих и аффрикат в безударных положениях в московских текстах XVII в. встречаются нередко. На фоне московского аканья их нельзя истолковывать точно так же, как написания *о* на месте *е* в ударяемых положениях: произношение вроде в'осна́, по́л'о при аканье невозможно. Интерпретация *о* на месте *е* в безударных положениях естественным образом вытекает из условий аканья. Так, *о* в написаниях: кадашо*в*ца (160); инозе*м*цо*в* (135), се*р*цо 4 (238) и т. п. можно интерпретировать как косвенные отражения аканья: в заударном слоге гласный *э*, в соответствии с нормой аканья, реализовался в *а* или в редуцированном типа *ъ*, и писавший, чтобы не погрешить против орфографии, к чему условия аканья постоянно его склоняли, предусмотрительно воспользовался «гарантийной» буквой *о*. Кстати, подобные написания, наряду с другими фактами, упоминавшимися выше, говорят об отсутствии в Москве в XVII в. еканья. Впрочем, в этих случаях написание *о* взамен *е* могло быть вызвано и аналогией с вариантами флексий и суффиксов, употреблявшихся после твердых согласных.

В положениях после мягких согласных, кроме шипящих и аффрикат, подобных явлений не наблюдаем. Единственный случай: в дето*х* 2 (62) зарегистрирован в тексте челобитной 1641 г., написанной неизвестно кем и без всяких признаков аканья. Считать этот факт указанием на безударное ёканье в московском произношении не видим

---

[8] С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). М., 1963, стр. 47—48.

[9] А. П. Федченко. О некоторых московских материалах деловой письменности XVIII в. «Русский язык. Источники для его изучения». М., 1971, стр. 107—108.

оснований. По всей вероятности, писавший был в Москве приезжим. В помете на челобитной рукой московского приказного писца выведено: в дет*ех*.

ГУБНЫЕ СПИРАНТЫ

Вопрос о качестве губных спирантов в московском говоре минувших веков не вызывал научных споров. И современное состояние этих согласных, и отражение их в старой письменности согласованно указывают на губно-зубное образование. Основательным образом подтверждают это и данные исследованных нами источников.

Исключительно редкие написания буквы *у* на месте *в* в положении перед согласным не связаны с московским произношением, а объясняются книжной традицией. Сопоставления правильных написаний *в* и *у* на месте *в* в этом плане доказательны. Подьячий Ефимка Панов: Ивано*в*ские (жены) (126), в тȣ порȣ 3 (126), вся (126), в горо*д* (126), до Ѳроло*в*ски*х* (ворот) (126), в наба*т* (126); однако: скаскȣ писа*л* я Еȣѳи*м*ка (не Евѳимка. — *С. К.*) своею рȣкою (126). Подьячий Максимка Уланов: Покровские (сотни) 2 (168), Ѧковле*в* (сын) (168), хомовникъ (168), Иевле*в* (сын) (168), садовни*к* (168), Евдокимъ (168), Гавриловкие (так!) (слободы) (168), по кадаше*в*це (168), в то*м* (168), в Ро*з*ряде (168), всякую (168), впре*д* (168), в гсдрву казну 2 (169), в пе*р*во*м* числе (169), впре*д* (169), вдвое (169), в лица*х* (169), все (169), Ивано*в*ские (площади) (169), ѳевраля (169), в че*т*ве*р*ты*и*. . . де*н* (169); но: Еуѳимъе*в* снъ (168). Подьячий Микитка Петров: Наталиі Кирило*в*ны (173), крȣже*в*никъ (173), всѣ (173), в томъ (173), Наталиі Кириловны (173), в сѣ*н*ны*х* (сторожах) 2 (173), в сторожа*х* (173), в свою (очередь) 2 (173), воро*в*скими 2 (173), всеа (173), в лица*х* (173) однако: Еуѳи*м* (173). Ср. замечание П. Я. Черных: «Личное имя *Евфимий* в приказном языке сороковых годов XVII в. по традиции еще писалось с *у* вместо *в*» [1].

К сказке обитателей московских слобод сотский Андрюшка Семенов приложил руку вместо сотского «Ноугороцкие со*т*ни» (139). Возможно, рукоприкладчик был уроженцем степного Юга и сравнительно новым москвичом. Написание *Ноугороцкие* в исследуемых нами материалах

---

[1] П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 229.

настолько уединенно, что связывать его с московской речью нет никаких оснований.

Отметим случай написания *в* на месте *о*: (образ) б*д*цы вдегитрие (199). Правильно было бы: одигитрии. Появление этого *в* предполагает лабиализацию гласного *о* до *у*. Между тем в московских материалах исследуемого периода следов такой лабиализации не встречаем. Написание *в* взамен *о* принадлежит Петру Квашнину-Самарину, в пространной записи которого отражений каких-либо немосковских явлений фонетического свойства не находим. Возможно, буквой *в* было начато иное слово, поскольку следующие буквы *де* написаны по каким-то другим.

Итак, исключительно редкие случаи мены *в* и *у* не обнаруживают органической связи с московской речевой стихией. Признаков губно-губного *в* в последней не устанавливаем. Сравнение хронологически сопоставимых данных, с одной стороны, московской, с другой — южновеликорусской письменности[2] подкрепляет это наблюдение.

Некоторые лингвисты полагают, что в эпоху древнейших русских памятников звонкий фрикативный согласный являлся губно-губным. Доказывают это, между прочим, тем, что подобный звонкий фрикативный развивался «в качестве протетического и эпентетического согласного (в начале и внутри слова) в соседстве с лабиализованными гласными, в особенности *о*» [3]. Отголоски данного явления имеют место у москвичей, но, кроме всеобщего *вотчина*, в довольно ограниченных пределах: в во*п*че*и*. . . др*в*не (152); Га*в*рил8 Лево*н*тьев8 (153), Борис Лево*н*тье*в* (162), Борисъ Лево*н*тье*в* (163), Лево*н*те*и* (183); в челобитной, писанной неизвестным лицом: Се*н*ка Родивоно*в* (82); в расспросных речах: Гаврил8 Лево*н*тьев8 (254). В московском произношении личных имен Родион, Леонтий и т. п. и производных от них образований *в*, полагаем, было представлено несомненно шире, чем в письме; равнение писцов на книжную передачу упомянутых личных имен ограничивало проявления такого *в* в старой московской письменности.

Как известно, глухой губной спирант, в древности чуждый русскому языку, был усвоен им позднее, вместе с лек-

---

[2] С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). М., 1963, стр. 95—101.

[3] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2. М., 1965, стр. 53.

сическими заимствованиями, в особенности из греческого через старославянское посредство. Обозначаемый обыкновенно посредством *ѳ*, а буквой *ф* — относительно редко, глухой губной спирант (не из *в* перед глухим) выступает в записях москвичей XVII в., как и в более ранней письменности [4], лишь в словах иноязычного происхождения (в собственных личных именах, внесенных в русский христианством, а также в заимствованиях из восточных и западноевропейских языков) и производных от них образованиях.

Имена собственные: Аѳонка (233), на Аѳанасевъ двор (229), Дороѳея (160), Ероѳѣи (158), Еѳрем (160), Марѳа (287), Марѳино дѣлѡ (286), Микиѳорко (125), Авдоким Оноѳреевъ (174), Оѳимица (270), Оѳросинья (286), Перѳилеи (130), жена Перѳилева (279), Соѳиі (286), Соѳонко (277), Стеѳаниду (198), Тимоѳѣи (208), Тимоѳѣева приказу (259), Триѳон (171), Троѳимко (231), Ѳедор Ѳедорович (188), Ѳетька (151), Ѳеткинои житьницы (151), кнѕю Ѳедору (245), ср.: ꙋ кнзя Федора (245), Ѳедотка (139), Ѳѣкла (231), отецъ. . . . Ѳѣклинъ (231), Ѳеклицу (245), Ѳедорꙋ Ѳеоктистовꙋ (161), Ѳилипа (130), Ѳилки (258), ср.: Филкꙋ (258), Ѳока (174), Ѳочка (139), Ѳомы (130). Кандратеи Ѳомич (225), Тимоѳѣю Ѳофанову (232), Ѳролка (232), до Ѳроловских ворот (126) и т. д.

Имена нарицательные: полкосяка изꙋѳри (215), достокановъ канѳареных (214), каѳтан (198), каѳтаны (198), полꙋкаѳтанье (214), саѳянъ (216), сапоги. . . саѳянные (216), зипꙋнъ. . . . подбитъ таѳтою (214), ѳерези таѳтяные (213), ѳетилного мастера (147) и т. д.

Если нет оснований полагать, что московское *в* в XVII в. являлось губно-губным, близким к *у* неслоговому и, следовательно, не было способно к оглушению перед глухим, то, очевидно, в качестве губно-зубного в той же самой позиции оно подвергалось оглушению. Хотя прямых свидетельств этого в текстах не устанавливаем, сомневаться в произношении в подобных случаях глухого губного спиранта трудно. На редкость отражений в письме оглушения *в* перед глухими в литературе уже указывалось. В. Г. Орлова сообщает, например, следующее: «На. . . общем фоне письменного отражения позиционного оглушения согласных оглушение *в* выступает как процесс еще более

[4] В. Г. Орлова. Губные спиранты в русском языке. «Труды Ин-та русского языка», т. II. М.—Л., 1950, стр. 174—177.

поздний. . . Знаю только единичный пример с *ф* вместо *в* в середине слова в грамоте XVI в. из Сборника Муханова — см. *пофторяючи* (№ 212, 401, 429). К XVII в. относятся примеры из Сборника Лихачева: *во өтором* (№ 241), *по черефчатому* (№ 31—105) при неоднократном *по черевчатому*. . . Старший известный мне пример оглушения конечного *в* см. в Сборнике Муханова — *комендантоф* (№ 181, стр. 252) относится к XVIII в.»[5].

То, что указанное оглушение *в* отражалось в письме необыкновенно редко, по-видимому, объяснялось исторически сложившимся в сознании русских писцов представлением о принадлежности букв *ө* и *ф* иноязычным лексическим элементам, их легко вычленяемой группе, в основном образованной, как было сказано, собственными личными именами. По всей вероятности, сказывалось и другое обстоятельство: употребление букв *ө* и *ф* в упомянутых заимствованиях обыкновенно исключало положение их перед буквами глухих согласных.

Несколько слов о таких написаниях, как *кавтан*, *тавтян*, которые, по мнению В. Г. Орловой, указывают на то, что «писец трактовал здесь *ф* как результат позиционного оглушения *в* в середине слова и стремился восстановить его в этимологически правильном виде»[6]. Для случаев в памятниках письменности с отражением губно-зубного *в* такое объяснение допустимо, для тех, которые отражают *в* губно-губного образования, необходимо иное объяснение. Кстати, в письменных памятниках южновеликорусского происхождения, с отражениями губно-губного *в*, написание *кавтан* — более или менее обычно[7].

На московской почве в XVII в. встречаем и такие факты, которые, как нам кажется, хотя и косвенным образом, означают особое состояние *в* в положении перед глухими согласными. Так, попавшееся в следственном деле написание *пияөочных* (270) вполне возможно мотивировать оглушением губного спиранта перед глухим согласным в слове *пиявка*. Впрочем, *ө* в *пияөочных* можно интерпретировать и как одно из отражений в старой русской письменности появления глухих на месте звонких вне условий

---

[5] В. Г. Орлова. Указ. соч., стр. 178.

[6] Там же.

[7] С. И. Котков. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, стр. 155—156.

ассимилятивного оглушения. Впервые это явление как вполне документированное было нами установлено при издании материалов частной переписки[8]. Ср.: по ево *ө*еле*н*ю (144) — в записи пушкаря. Возьмем написание *Проковьева* (171) — в приложении руки тяглеца одной из московских слобод. Ошибочное употребление буквы *в* взамен буквы *ө* в положении перед звонким (*j*), к тому же у писца-непрофессионала, предполагает возможность употребления и буквы *ө* на месте *в* в положении перед глухим. В перестраховочном (с *в* и *ө*) написании *Совөронову* (168), оставленном подьячим Ивановской площади, усматриваем приноровление губного к сонорному, приноровление, однако, устраненное постановкой буквы *ө*. В тексте, писанном через несколько дней той же рукой, — *Соөронову* (170). Контаминацию *хв* и *ф* подозреваем в *похөаляютца* (117) в челобитной Потапки Шеншина, интересы которого были тесно связаны с владениями в орловско-мценских местах. Ср. в то время вполне обычные в южновеликорусских памятниках отражения произношения *ф* в соответствии с правильным *хв*: *фалитца*, *форосту*, *заформала* и т. д.[9]

Прямое свидетельство оглушения *в* в положении перед глухим согласным встречаем только в сговорной записи 1698 г., составленной стрельцом Федькой Березкиным, исполнявшим и должность площадного подьячего. Обыкновенно строго соблюдая постановку *в* перед *к*, однажды он все же допустил погрешность и написал: ө Кинешемъско*м* уездѣ (190). Этот факт конца XVII в. еще не означает, что ранее в говоре Москвы оглушения *в* не было. На страницах Вестей-Курантов двадцатых и тридцатых годов XVII в. следы его представлены, причем у таких анонимных «курантельщиков», речевая культура которых из московской в общем не выпадает. Укажем, к примеру, такие случаи: өсѣ (37), ѡөса (37), өсяково (37), ср.: всяково 2 (37), поөседе*н*но (37), во өто*р*никъ (61), во өто*р*никъ (118), ср.: во *в*то*р*никъ (119), фсѣхъ (140).

Безраздельное господство в XVII в. *в* губно-губного образования в южновеликорусской области имело необ-

---

[8] С. И. Котков. Русская частная переписка XVII—XVIII вв. как лингвистический источник. — ВЯ, 1963, № 6, стр. 113.

[9] С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 90—92.

ходимым следствием появление там *х* или *хв* вместо глухого губного спиранта в заимствованных словах [10]. Московской письменности того же времени это явление несвойственно, как, полагаем, было оно несвойственно и московскому говору. Показательно в этом отношении исправление *юхти* на *ювти* (137) в сказке торгового человека. Написание *юхти*, надо думать, отразило немосковское произношение.

ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЙ ЗВОНКИЙ СОГЛАСНЫЙ

Характер согласного *г* (взрывной или фрикативный) в старом московском говоре и его историческая отнесенность к определенному наречию устанавливались обыкновенно прежде всего по его современному звучанию в Москве и в современных народных говорах. Так поступал и А. А. Шахматов, когда рассматривал этот вопрос в историческом аспекте: «. . . . в московском наречии находим звук *г* мгновенный, свойственный севернорусам, между тем как восточнорусы (позднее — южновеликорусы. — *С. К.*) заменили его через γ фрикативное» [1]. Хотя и нет оснований сомневаться в справедливости этого заключения (в литературном языке, истоком которого, по общему мнению, послужил именно московский говор, *г* является взрывным), нелишне, однако, его подкрепление и данными старой московской письменности. Привлечение их особенно важно, если принимать во внимание, что бытование взрывного *г* в Москве за последние три-четыре столетия было небезраздельным, а данные о сфере употребления в московских условиях в это время *г* фрикативного образования довольно противоречивы.

Например, грамматика А. А. Барсова (М., 1780) указывала на присутствие в говоре Москвы *х* вместо *г* в конце слов: нох (ног), мох (мог) [2].

Характеризуя фонетическую систему русского литературного языка начала XIX в., полагаем, вне архаи-

---

[10] С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 87—88.

[1] А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4. М., 1941, стр. 66.

[2] В. И. Чернышев. Избранные труды, т. II. М., 1970, стр. 402.

ческого стиля согласованную с московской, В. В. Виноградов констатировал сужение сферы употребления фрикативного *г*. «Это явление, — писал исследователь, — легко доказать сопоставлением правил „Российской грамматики“, соч. Росс. акад. (1809), отражающей „старый слог российского языка“, и грамматики Греча, основанной на нормах нового стиля, утвержденного Карамзиным. Грамматика Росс. акад. учит, что „как латинское *h* буква *г* произносится в словах, заимствованных из славянского языка и высокому слогу свойственных, например: *глава*, *погасаю*, *возгнещаю*, *господствую*, *гортань*, *гугнивый*“ (7). Вместе с тем отмечается как норма произношение *х* вместо *г* в конце слов (7—8) и указывается, что в этом положении *г* выговаривается лишь иногда наподобие *к*, например: *друк*, *снек*, *недосук* (8).

В грамматике же Греча формулировка правил о произношении буквы *г* резко изменяется и принимает такой вид: „В начале и средине слов как *г*, например: *гром*, *глаз*, *губа*, *пагуба*, *гну*, *горе*, *игра*; в словах, непосредственно перешедших из церковнославянского языка, п р е д г л а с н о ю как *h* например: *господь*, *благо*, *бога* и т. д.“. Поэтому нормальным признается произношение в конце слов *г* как *к* (*друк*, *порок*, *снек*), кроме слов *бог*, *убог*» [3].

К двадцатым годам текущего столетия, по свидетельству Д. Н. Ушакова, проявления *г* фрикативного в условиях московского говора стали еще более редкими и ограничивались такими случаями: «1) *γде*, окончание — *γда* в *коγда*, *тоγда* и т. п., причем все эти случаи — варианты произношений тех же слов с *г* взрывным (*где*, *когда* и т. д.); 2) тоже варианты произношений: *леγок*, *мяγок*, *ноγоть*, *коγоть* (при *легок* и т. д.); 3) случаи появления *γ* взамен *х* перед звонкими: *иγ дом* (из *их дом*); 4) слово *буγалтер*, причем известно произношение его и с долгим γ; наконец, 5) церковно-книжные слова» [4]. К последним относятся: *господь*, *бога* (и др. косв. падежи), *благо* (и производные: *благодетель*, *благодарю*, *благородный* и др.), *господин*; в качестве примыкающих к ним — *богатый* и *богатырь* [5].

---

[3] В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. Изд. 2. М., 1938, стр. 187.

[4] Д. Ушаков. Звук *г* фрикативный в русском литературном языке в настоящее время. «Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского». Л., 1928, стр. 238.

[5] См. там же.

За исключением этой группы слов, едва ли не все остальные случаи *г* фрикативного — позиционно обусловленные или равно вариативные. О самостоятельном положении в московском говоре *г* фрикативного они не свидетельствуют.

Выходит, фрикативное *г* в московской речевой культуре в течение последних трех веков в качестве дифференцирующего элемента функционировало в отдельных словах церковно-книжного характера, кроме двух-трех образований (*бог*, *господь*, *богатый*. . .) для живой московской речи в общем не органичных.

Ознакомимся с данными публикации «Московская деловая и бытовая письменность XVII века».

Прежде всего необходимо отметить: ни одного написания буквы *к* в конце слов вместо *г* в ней не обнаруживаем, а колебания в тех же условиях между *г* и *х* наличествуют и притом наблюдаются в словах не церковно-книжного характера. В челобитной кадашевца Фролки Реброва, писанной неизвестным лицом: де*не*хъ (53); в челобитной кадашевца Якушки Петрова, писец которой тоже неизвестен: то*р*хъ (102); в строках подьячего Новгородской чети Петрушки Колударова: ле*х* спа*т* (126); в записи кадашевца Бориса Леонтьева: дене*х* (170); возможно, тяглецу Конюшенной слободы Сеньке Борисову принадлежит написание: денехъ (172); в челобитной Анны Протопоповой неизвестный писец вывел: сере*х* (201). Напомним: касаясь языка петровских писем и бумаг, В. А. Богородицкий писал: «согласный *г*. . . в конце слов сменялся на *х*: бох. . . денех» [6]. Ср.: денехъ, снѣхъ, въ четверхъ — в ранних письмах Петра Первого [7]. В челобитной стряпчего конюха Евсютки Верещагина (писец ее не указан) явилась, напротив, буква *г* вместо *х*: конюгъ (231).

Отмечая в древнерусских памятниках написания *х* вместо *г* в положениях, исключающих возможность оглушения (*ходъ*, *хрѣха* и т. п.), Ф. П. Филин пишет: «Конечно, такие примеры проще всего было бы отнести к категории описок и в дальнейшем игнорировать их, как это делают многие исследователи. Однако непонятно, почему

---

[6] В. А. Богородицкий. Диалектологические заметки. IV. Московское наречие двести лет назад. «Уч. зап. Казанского ун-та», год LXIX, кн. 2, февраль. Казань, 1902, стр. 5.

[7] П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 238.

такие «описки» встречаются только в южных памятниках и отсутствуют в северной письменности, почему написания *х* вместо *г* имеются и в поздних памятниках (опять-таки на юге!): *мохила*, *хроши*. . . (молдавские грамоты XIV—XV вв.)» [8]. Признавая вполне реальное, фонетическое значение этих фактов и древнюю принадлежность их югу восточнославянской области, мы имеем возможность указать проявления подобного рода (по-видимому, связанные с влиянием извне или церковнославянским) и в письменности северной, при этом более поздней.

Так, в расспросных речах 1639 г.: неприхожи*х* (слов) (251), ср.: непригожие (речи) (250); в челобитной торгового человека 1686 г.: ѕапи*с* хрѣхо*м*. . . утеряла*с* (114) [9]. В Вестях-Курантах 1620 г.: по тристо шахо*в* (37) и, напротив: потѣга (34) — вместо правильного: потѣха.

Как известно, в начале слова и в интервокальных условиях фрикативный *г* иногда утрачивался. В росписи, например, читаем: а*н*б8*р*скихъ (вм. гамбургских) (215). Производное от Hamburg, это образование могло быть усвоено москвичами, так сказать, «в готовом виде», уже без начального *г*, через посредство русских говоров, обладавших *г* фрикативным, и потому для говора Москвы не может быть показательным. Отмеченный в расспросных речах вариант фамилии Боучаров (226, 228—229), с утратой *г* между *о* и *у*, вероятно, тоже не московского происхождения. Остаются еще написания: княиня, кнѧиня и кнꙗиня. Передачу этого слова без *г* находим в делопроизводственной помете (63), у подьячего Степанки Иванова (178), а также в расспросных речах (235—237, 239, 244, 252—254). Ср. в Вестях-Курантах: кне*и*ня 2 (51). Не имеем ли в данном случае вовлечение имени в категорию слов с особым, «высоким» значением, в сферу церковно-книжную с ее фрикативным *г*? Фрикативное *г* заявляет о себе в ти-

---

[8] Ф. П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, стр. 252.

[9] Ср. замечание Г. О. Винокура: «Фрикативное *г* (*h*) вошло в книжную традицию из южнорусского произношения как след той территории, где сложилась традиция русской книжной речи вообще. Такое произношение *г* считалось образцовым еще и в XVIII в., по крайней мере — в определенных словах. Писатель Петровской эпохи Посошков писал, например, *хрѣхъ* вместо *грѣхъ*, по-видимому, выдавая этим произношение *h* в начале этого слова» (Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 59).

пичном для названной сферы образовании *евангельский*. Его иногда передавали, пропуская букву *г*. Приведем примеры из сказок, писанных москвичами в 1657 г. Бараш (обитатель Барашской слободы) Илюшка Стерледев: ева*н*ельско*и* (Прик. стлб. 298, л. 25); московский пушкарь Федька Ларионов: ева*н*ельскои, ева*н*ельско*и* (там же, л. 29); сотенный дьячок Федька Емельянов: ева*нил*ско*и* (там же, л. 55). Ср. в Вестях-Курантах: ева*нел*ски*х* (42).

Пушкарь Терешка Иванов в глагольной форме *сгнила* пропускает *г*: знила (144). Здесь можно предполагать и утрату *г* фрикативного, и вполне возможный в беглом письме при стечении группы согласных механический пропуск буквы *г*, тем более что в данном положении она, по скорописной норме, являлась выносной.

Из того что в конце XVIII в. в Москве, по сведениям А. А. Барсова, в конце слов вместо *г* иногда звучало *х*, В. И. Чернышев заключал: некоторые москвичи произносили *г* как *h* [10]. В свете данных народных говоров центральной русской области заключение это не бесспорно. Оглушение конечного *г* в *х* еще не является свидетельством его фрикативности вообще, во всех иных условиях. Так, «. . . в некоторых говорах, расположенных поблизости от северной границы южновеликорусского наречия, в частности недалеко от Москвы, вообще произносят *г* взрывное, но на конце слова оно оглушается не в *к*, как мы ожидали бы, а в *х*, т. е. там говорят: *лух*, *паро́х* и т. д.»[11].

Словом, ни факты, отмеченные А. А. Барсовым, ни данные писем и бумаг Петра Первого не могут служить основанием для пересмотра сложившегося мнения об употреблении в старом московском говоре по общей норме взрывного *г*. Проявления *г* фрикативного в нем были ограниченными (имеем в виду главным образом *х* из *г* в конце слова), скорее всего привносимыми с Юга, частью из южного Подмосковья, а те, что ассоциировались с церковно-книжной лексикой, к живой московской речи отношения не имели.

Напомним: часть приведенных выше написаний *х* взамен *г*, а также пропусков *г* принадлежит писцам неизвестным, о которых нельзя определенно сказать, что это — москвичи.

---

[10] В. И. Чернышев. Указ. соч., стр. 151.
[11] П. С. Кузнецов. Русская диалектология. Изд. 2. М., 1954, стр. 57.

Отсутствие в публикации «Московская деловая и бытовая письменность XVII века» написаний *к* взамен *г* в абсолютном конце слова в какой-то мере можно объяснить и принадлежностью значительной группы писцов к профессионалам (подьячие и дьячки) и известной ориентацией этих писцов, да и прочих грамотеев на правописный узус, сложившийся в церковно-славянской сфере, где вероятность ошибочных написаний была гораздо меньше, а если оглушение *г* и получало отражение, то в соответствии с принятым в данной сфере его фрикативным произношением выражалось это в букве *х*, а не в букве *к*. Отсутствие в упомянутых источниках следов оглушения *г* в *к* могло быть, далее, предрешено и сравнительной немногочисленностью словоформ, в конце которых имелось *г*.

И тем не менее у одного писца, притом профессионала, встречаем такое написание, в котором можно усматривать указание на взрывное *г*. В поручной, писанной подьячим Ивановской площади Демкой Гостьевым в 1655 г., оказалось возможным появление *к* в следующем случае: послуки (170) — вм. послухи. Появилось это *к*, полагаем, на почве известного противоборства в московском говоре той поры взрывного и фрикативного *г*. Допускаем такое объяснение ошибки: *х* в *послух* было осознано как оглушение фрикативного *г*, для московской *нормы* той эпохи (за исключением церковнославянизмов) в общем не оптимального: «переключение» на эту норму реализовалось в виде *послук*, а отсюда, уже вследствие аналогии, — *послуки*.

В пользу взрывного качества *г* в московском говоре XVII в. косвенным образом свидетельствует сопоставление соответствующих показаний московских и южновеликорусских текстов означенного периода. В южновеликорусской письменности, по содержанию в общем однородной с московской, представляющей говоры с фрикативным *г*, указания на последнее и относительно нередки, и охватывают более разнообразный в лексическом отношении набор словоформ, нежели в московской [12].

Принимаем, помимо всего, во внимание и более поздние свидетельства отражавшей живую речь деловой московской письменности, когда влияние Юга в ней, вероятно,

[12] С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). М., 1963, стр. 121—123.

было заметней. В конце XVIII в. ошибаясь, писали, например: кникъ, денекъ; в то же время возможны были и написания: вокрухъ, торх [13].

ШИПЯЩИЕ И АФФРИКАТЫ

Насколько нам известно, вопрос о качестве шипящих и аффрикат в московском говоре последних столетий не привлекал особого внимания, поскольку, видимо, предполагалось отсутствие в данной группе согласных изменений в это время. «Так, в памятниках московских и писанных близ Москвы, — замечает П. С. Кузнецов, — отвердение *ш*, *ж* ясно отражается уже в XIV в., отвердение же *ц* — не ранее второй половины XV в.» [1] Исходя из этого наблюдения, как будто нет необходимости касаться состояния шипящих и *ц* в том же московском говоре более позднего времени. Однако необходимость есть. Она диктуется тем, что состав носителей говора пополнялся в последующий период определенным контингентом выходцев из всех областей России, причем и из тех, где шипящие и *ц* были еще мягкими. Следует выяснить: оставались ли твердые шипящие и *ц* нормой московского койне и в XVII столетии, или с прибытием новых пришельцев эта норма была расшатана.

Обратимся к показаниям московской деловой и бытовой письменности XVII в. Вследствие возможного совпадения в начертании скорописных букв *ъ* и *ь* и применения той или иной в функции обеих, определение качества шипящих по написанию соответственных букв в сочетании с *ъ* или *ь* представляется сомнительным. Яркой приметой отвердения шипящих является написание *ы* после этих согласных. Из писцов — заведомых москвичей подобного рода наглядные данные об отвердении шипящих оставил дьячок Богдашка Петров из Кадашевской слободы в тексте 1652 г.: жыве*т* 2 (233), старожы*л*цы (233), жы*т* вдовою (233), бо*л*шы (233), служытъ (233) в бобыля*х*. . : не жыва*л* (234); однако: живучи (233), а в обыскных речах,

---

[13] А. П. Федченко. О некоторых московских материалах деловой письменности XVIII в. «Русский язык. Источники для его изучения». М., 1971, стр. 110.

[1] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2. М., 1965, стр. 161.

писанных на 23 года ранее, у того же Богдашки читаем: живу (232), живе*т* (232). Свидетельства этого дьячка особенно существенны: его писцовая деятельность в Москве продолжается, по нашим материалам, на протяжении 24 лет (с 1629 по 1653 г.). В расспросных речах 1676 г.: платежы (222). В челобитной тяглеца-москвитина 1680 г.: прот[ор]жыцы (105). Отметим еще в Вестях-Курантах 1631 г. зачеркнутое: свѣжы*х* (225).

Одновременно у писцов-москвичей находим лишь единичные проявления мягкого произношения шипящих. В делопроизводственной помете 1635 г.: гдрь пожялова*л* (54), в другой помете того же времени: гсдрь пожялов[а]*л* (55). В приложении руки к сказке хамовников в 1660 г. торговый человек написал: шюбного (131), а перо составителя этой сказки некоего Аксенки Емельянова вывело: нашя (131). В челобитной кадашевца Н. Леонтьева 1674 г., писец которой не указан, встречаем написание: брожю (88); в челобитной В. Якимова 1676 г. (писец неизвестен) читаем: *от* старости не довижю (98); в челобитной Ивана Воронова (писец тоже не указан) — написание: сижю (225); в извете подьячего Афоньки Мотякина, по-видимому, его руки, читаем: посижю (233), ср.: пос*ижу* (233). Впрочем, несколько подобных случаев, в основном с колебаниями между *у* и *ю*, П. Я. Черных отметил в тексте Уложения 1649 г.: искати бою и грабежю, но: искать бою и грабежу; кто межю испорьтитъ, но: межу испортитъ; межю испортилъ; съ правежю окупитися, но строчкой выше: съ правежу; не запрутца же, а скажють, но: скажутъ; на продажю, за напрасную их продажю; чюжюю землю. . . посѣетъ; душю свою; дастъ. . . на душю (трижды) [2].

Отражения мягкости шипящих, впрочем довольно редкие, наблюдаем и в Вестях-Курантах двадцатых годов XVII столетия: пишю*т* (30), в По*л*шю (39), прошя*т* (59), перевѣшяли (66), межю ими (68).

Каково же было происхождение отражений мягкости шипящих в московской письменности XVII в.? Представляли ли они собой проявления внемосковской стихии или угасавшие варианты произношения шипящих в московском говоре? Теоретически возможно то и другое, но присутствие подобных отражений в Уложении — тексте в общем ориентированном на московский консонатизм — пред-

---

[2] П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 227.

полагает скорее второе. Можно, следовательно, думать, что пришельцы с мягким произношением шипящих в общем пополнении московского населения были сравнительно немногочисленны и с течением времени подчинялись московской произносительной норме.

Несмотря на то, что графическое различие между буквами *ш* и *щ* в московской скорописи XVII в. порою было нечетким, представляется возможным полагать: долгий глухой шипящий (из более старого *ш'ч'*) функционировал как мягкий. Почти во всех соответственных случаях писали *щ*, а не *ш*: пропущa*т* (135), у помѣщико*в* (135), нищеты (139), цено*в*щики (160) и т. д.; в расспросных речах: пищалные (219), нище*и* 2 (221), клещами (222), вощено*и* (223), про*з*вище (226), сыщ*ѹт* (239), и*з*вещала (243), теща (251), пощади*л* (252), де*н*щикъ (260), банщикъ (265), напущa*т* (275) и т. д. Характерно аллегровое *щи* из *шести*: два тчана сосновы*х* по щи ѹшато[в] (147); ср.: по шти а*л*тынъ (160). Примечательно исправление в челобитье Авдотьи Татариновой, поданном в 1683 г.: сыщикомъ (110) — *щ* исправлено из *ш* другими чернилами.

В то же время в написаниях *ш* на месте *щ* — (иску) не ишa*т* (95), отпѹшa*т* (135), ср.: пропущa*т* (135), плоти*л*шико*в* (145), очишa*т* (183) по ѡ*т*кѹ*п*шикѣ (230), и*з*вешае*т* (250) — пожалуй, можно предполагать не только графическую недифференцированность букв, но и проявления твердого произношения этого долгого шипящего, по всей вероятности, привнесенные в московский говор извне.

Относительно звучания *щ* в Москве XVII в. П. Я. Черных писал: «. . . мы склоняемся к мнению, что букве *щ* в произношении соответствовало сочетание *шч*. Не случайно в «Актах» Б. И. Морозова находим: где чишчено, № 186, стр. 202. В этом отношении представляет интерес, между прочим, список «Уложения» 1607 г., надо полагать, московского происхождения, с чертами аканья, изданный И. И. Смирновым (Исторический Архив, т. IV. Изд. АН СССР, 1949). Здесь буква *щ* вовсе отсутствует. Вместо *щ* употребляется *сч*.: освясченым собором, 82; не возврасчать, 83; прикасчиках, 84; не взысчет, 85 и пр., но после согласных — *ш*: подговоршика того, 84, с приимшиков, 84» [3].

[3] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 227—228.

Пример из «Актов» неубедителен, потому что рядом, в тех же строках читаем: на Сщетинихе. К тому же документы, исходившие из центрального управления морозовскими владениями, так называемой «московской избы», посылаемые в вотчины от имени боярина, писались его административными приспешниками [4], а последние, более чем вероятно, вербовались им из вотчин и, значит, могли оказаться носителями не московского, а иных говоров: у Морозова были владения не только подмосковные, но и более отдаленные — арзамасские, тверские, курмышские и вяземские.

Ссылка П. Я. Черных на упомянутый список Уложения — явное недоразумение. В статье И. И. Смирнова «Новый список Уложения 9 марта 1607 г.», помещенной в указанном издании, приводится Татищевский список Соборного уложения царя Василия Шуйского о крестьянах и холопах. «Рукопись, — пишет И. И. Смирнов, — из которой извлечен публикуемый нами список Уложения 9 марта 1607 г., впервые была указана Н. Поповым в его сочинении «В. Н. Татищев и его время»»; далее сообщается, что рукопись имеет 62 листа, причем листы 1—8 писаны рукой переписчика, а листы 9—18 написаны рукой Татищева; одновременно отмечается: Уложение 9 марта 1607 г. занимает в рукописи листы 16—18[5]. Итак, список Уложения принадлежит руке Татищева. Вместе с тем Смирнов публикует и примечания Татищева к этому Уложению, в которых вместо буквы *щ* Татищев последовательно пишет *сч*: ведусчем, крестьяне тогда есче к неволе не привыкли, упусчено, тясчае и страшняе, не разумеюсчих, подсчуся, сообсчить [6]. Ср. факты аналогичного характера в письме Татищева в Академию наук от 14 января 1748 г.: находясчейся, касаюсчияся, урочисча.[7] Не являлось ли это следствием того, что автор данных написаний был псковским уроженцем? В ряде псковских говоров еще и в наше время в соответствии с долгим *ш'* произносится ста-

---

[4] См.: «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова». Ч. I. Под общей редакцией чл.-корр. АН СССР А. И. Яковлева. М.—Л., 1940, стр. 5.

[5] И. И. Смирнов. Новый список Уложения 9 марта 1607 г. «Исторический архив», т. IV. М.—Л., 1949, стр. 81—82.

[6] Там же, стр. 85—87.

[7] «Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук», вып. I. XVIII век. М.—Л., 1956, стр. 187.

рое сочетание звуков [8], а в XVIII в. подобная особенность на северо-западе России могла быть и более распространенной и более влиятельной. Выходит, написания *сч* вместо буквы *щ* нет никаких оснований связывать с устной речью москвичей XVII столетия, которую, полагаем, отличало долгое мягкое *ш*. Последнее заключение хорошо согласуется с показаниями русских народных говоров: Москва находится в середине компактной зоны преобладания долгого мягкого глухого шипящего (*ш'ш'*)[9].

В свете всего сказанного выше о фонетическом значении буквы *щ* одиноким, чуждым московской норме представляется следующий факт: (дочеришка) ешче (невеличка) (67) — в челобитной кадашевца С. Казмина (писец ее неизвестен).

Несвойственность московской норме произношения *сч* или *шч* убедительно доказывает поправка, внесенная в текст Вестей-Курантов 1631 г.: ещо (159) — написано над зачеркнутым *есче*. В другом тексте Вестей-Курантов, датированном тем же годом, возможно, впрочем, и по иной причине (осознанное как излишнее), зачеркнуто *есчеѡ* в таком случае: корол... под К8стрином есчеѡ шанц8 поставит велѣлъ (229).

Для суждения о том, являлся ли долгий *ж* (из более старого *ж'͡д'ж*) в Москве исследуемой эпохи мягким или твердым, мы достаточных данных не имеем, но если принимать во внимание не раз отмечавшуюся согласованность его исторической судьбы с судьбою долгого *ш* (из более старого *ш'ч'*), то для Москвы XVII в. мягкость этого долгого *ж* представляется вероятной. Прямые указания на его долготу извлекаем из Вестей-Курантов: дожжеи (47), дожжи (81).

Материалы «Московской деловой и бытовой письменности XVII века» свидетельствуют о выдержанном употреблении на протяжении всего столетия в московском говоре твердого *ц* без каких бы то ни было уклонений в сторону мягкого произношения. Примеры: горницы (125), иноземцы (135), древни Марицына (156), тяглецы (173), Андрею Путицыну (204), улицы (232), стрелцы (263), цысар 2 (271) и т. д. Написания букв *и*, *я*, *ю* после *ц* не

---

[8] «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров». М., 1970, стр. 31.

[9] Там же.

встречаются. В отношении *и* можно отметить только два исключения — в челобитной 1632 г.: пис*ц*и (48) и в челобитной 1682 г.: самодержи*ц*и (108) — написание, едва ли не навеянное орфографической традицией церковной книжности. Ср.: самодеръжци (114) — в явочной челобитной 1686 г. В тексте Вестей-Курантов 1620 г., не свободном от проявлений западнорусской фонетики: ме*л*ници (47). Ср. наблюдение П. Я. Черных: «В Уложении не имеется никаких данных, которые позволяли бы сомневаться в том, что аффриката *ц* произносилась в Москве в то время твердо. После *ц* употребляются только *ъ* и *ы* (никогда *ь* и *и*)» [10].

Аффриката *ч* в московском говоре в то время, как и прежде, выступает в качестве мягкой: буква *ы* после *ч* не употребляется и, напротив, в отдельных случаях после буквы *ч* вместо орфографических *а* и *у* пишут соответственно *я* и *ю*: ручя*л* (169), рȣчяли (172), Пе*т*ра А*н*дрѣевичя (189), ка*м*чятые (190), ср.: ка*м*чатая (190); Васи*л*ю Васи*л*евичю (24), чюдотво*р*ца (125), чюдо*т*во*р*ца (126), Ѳедорȣ Миха*и*ловичю (128), смо*л*чюга (136), смо*л*чюги (136), ср.: сма*л*цȣгȣ (137), ха*р*чю (138), А*н*дрѣю Микитичю (155), Куѕе*м*ко Чюпышо*в* (160), чюлана (161), тысячю (164), то*л*мачю (172), купчюю (178), ср.: купчȣю (178), ѕаплачю (179), купчюю (182), чюла*н* (185), жемьчюгомъ 2 (189), чю*л*ки (190) же*м*чюгȣ (201), тысечю (202), то*л*мачю (204), то*л*мочю (204). В расспросных речах: чюмака 3 (258), с чюмако*м* (258), встрѣчю (264), трава чечю*и*ная (271), ср.: трава чечȣ*и*ная (270). Встречаем подобного рода случаи и в отдельных текстах Вестей-Курантов: чюдо 3 (51), добычю (59), чюжȣю (63), хочю (111—112), навстрѣчю (111), в чюжихъ мѣстехъ (116), чюжимъ (116).

Приведенные факты, по нашему мнению, не только документируют мягкость *ч*, но косвенным образом подтверждают и отвердение шипящих и *ц*: именно в условиях отвердения последних и регулярного употребления после букв, означающих данные согласные, букв *а* и *у* или *ȣ* у писцов, естественно, и усиливалось стремление к употреблению после буквы *ч*, передавшей мягкую аффрикату, букв *я* и *ю*. Однако проявления известной поляризации в обозначении одних и тех же гласных, с одной стороны, после *ж* и *ш*, а также буквы *ц*, с другой, — в положении после *ч* не получили дальнейшего распространения и

---

[10] П. Я. Черных, Указ. соч., стр. 229.

с укреплением определенного орфографического узуса (после шипящих и аффрикат пишутся *а* и *у*, а не *я* и *ю*) в более или менее нормализованном письме постепенно угасли.

В свете многократно выдвигавшегося положения о первоначальной в московском говоре северновеликорусской основе, доминировавшей в этом говоре, как думают, вплоть до XVII в., существенным представляется выяснение того, были ли в нем в XVII в. хотя бы остаточные следы цоканья и чоканья — явлений, которые и ныне проступают на значительных территориях к северу, северо-западу и северо-востоку от Подмосковья, а также на некотором удалении и к востоку от него.[11]. Выяснение этого вопроса представляется особенно важным, если иметь в виду утверждение А. А. Шахматова: «вообще консонантизм московского наречия севернорусский»[12].

Обыкновенно слово *цепь* и соответственное прилагательное в исследуемых московских текстах пишут с буквой *ч*: по. . . чепно*и*. . . собаке (121), чепь золотая (189), чепь серебреная (189), с чепью (227), на чепи (229), чепно*и* ѕамо*к* (229), так8ю чепъ (255), чепи не имыва*л* (255), скину*л* с себя чѣ*п* (274) и т. д.; аналогичные факты в Вестях-Курантах: зѡлотые чепи (36), чѣ*п*ю (46). Поскольку в этом виде слово с довольно давнего времени знакомо многим русским говорам с дифференцированным употреблением *ц* и *ч*, оно не знаменует чоканья. Уединенное написание: сма*л*ц8г8 (137) в сказке торгового человека (ср.: смо*л*чюга (136), смо*л*чюги (136) в сказке старост Кадашевской слободы) — если и примета цоканья, то не органически московского, а связанного с Севером, откуда вывозили смальчугу в Западную Европу. Не говорит о чоканье написание: челебные (книги) — род. ед. (220), поскольку не имеет значения «целебные», а явилось вследствие метатезы из правильного: лечебные. Именно как лечебная та же книга далее именуется *лечебником*: списали *из* лечебника (220), про то*т* лечебникъ (220) и т. д. Можно уверенно сказать: ни цоканья, ни чоканья в столичном говоре не было. Это особенно примечательно, если принять

---

[11] В. Г. Орлова. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959. Карты.

[12] А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. «Энциклопедия славянской филологии». Вып. 11_1. Пг., 1915, стр. 347.

во внимание, что даже по современным данным, как было сказано выше, зона говоров с цоканьем (в настоящее время твердым) отстоит к востоку от Москвы не так уж далеко [13]. В XVII в. она могла быть с московским говором смежной и тем не менее, как видим, на него не повлияла.

Добавим: по-видимому, не случайно в известном царском указе, который определенные отклонения от орфографии предлагал «в бесчестье не ставить», указаний на цоканье и чоканье нет [14] — настолько эти явления тогда в московском письме и московском говоре были неприемлемы.

Отсутствие цоканья, между прочим, засвидетельствовано и характером изменения *ч* в составе *чн*. «В великорусском языке, — пишет С. П. Обнорский, — судьба *чн* должна была различаться в среде цокающих (большая часть северновеликорусского наречия) и нецокающих (часть северновеликорусских говоров и южновеликорусское наречие) говоров. В нецокающей среде. . . *чн* либо а) подлежало сохранению, либо б) изменялось в *шн*. . . В соответствии с этим в среде цокающей *цн*, как нормальный эквивалент *чн*, в дальнейшем могло либо а) сохраняться без изменения, либо б) измениться в *сн*. . .»[15]

Московские источники XVII в. представляют либо *чн*, либо *шн*, при этом в *чн* позволительно усматривать известную дань книжной и приказной традиции, а в *шн* — проявление устной речи. Приведем примеры из сказок, писанных москвичами. Вот примеры на *чн*: перечневая выписка (127), непоро*ч*но*и* заповеди (131), уѕорочные товары (132), коне*ч*ные нищеты (139), порꙋчная запись (140), о*б*рочны*х* пожіточны*х* ꙋгодеі (142), о*т*даточны*х* луго*в* (142), веровo*к* лы*ч*ны*х* (144—145), на Пушечно*м* дворе (148), пушечно*му* ли*т*цꙋ (148). Примеры на *шн*: го*р*нишная кро*в*ля (125), бе*з* бочешно*и*. . . икры (132), рого*ж* полаво*ш*ны*х* (144), наконе*ш*нико*в* ме*д*ны*х* (147), два наконе*ш*ника (149). Количество тех и других примеров можно многократно увеличить, но и в этом случае ука-

---

13 В. Г. Орлова. История аффрикат в русском языке. . ., Карта 5.

14 И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии, ч. I. Изд. 4. М., 1918, стр. 323.

15 С. П. Обнорский. Избранные работы по русскому языку. М., 1960, стр. 237.

занное различие в условиях появления *чн* или *шн* сохраняет свое значение.

«. . . с отчетливой уверенностью, — полагает С. П. Обнорский, — можно считать *шн* органическою чертой Московской области, с вероятием также — Рязанского края. . . . Положение о *шн*, как типической московской черте, легко объясняет движение этой черты в районах южновеликорусской речи, связанное с колонизацией и с общим влиянием здесь литературного языка, московского в своей исторической основе» [16]. Напротив, южновеликорусская письменность XVII в. свидетельствует о том, что *шн* на Юге — местного происхождения [17]. Спорно и такое заключение исследователя: «. . . литературный язык, московский по исторической своей основе, на протяжении последних 200—150 лет постепенно, но неуклонно ослабляет свою связь с чисто московскими особенностями речи, впитывая в известном преломлении соответственные черты в основе северновеликорусского происхождения. Это . . . должно было повлечь за собою рост в литературном обороте лексики с *чн*» [18]. Мы связываем этот рост с дальнейшим укреплением правописания и развитием в литературном языке лексики книжного характера.

---

[16] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 245—246.
[17] С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 136—139.
[18] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 246—247.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

В то время как фонетика московского говора, хотя и в отдельных проявлениях (безударный вокализм, качество гласного, передаваемого буквой ѣ и др.), исследовалась не только по изданиям XVII в., но и деловой письменности, изучение его морфологии в значительной степени опиралось на издания того времени, а применительно к более поздней поре иногда ограничивалось беглыми замечаниями относительно некоторых форм, например по поводу флексии *-ово* (не *-ого*!) у прилагательных и оформления сравнительной степени посредством аффикса *-яе*. Исследование и звукового строя, и морфологии московского говора, помимо, скажем, такой причины, как невнимание к скорописным текстам, несколько сдерживалось и двумя проявившимися в русистике обстоятельствами.

Первое из этих обстоятельств — утвердившееся в науке мнение, что фонетика и морфология русского языка к XV—XVI вв. в общем уже сложились и потому в более позднее время каких-либо существенных изменений в развитии его и звукового и грамматического строя уже не происходило. В свое время обусловленное определенным уровнем научных разысканий, ныне это традиционное мнение нельзя признать обоснованным, если не удовлетворяться обедненной трактовкой развития русского языка. К сожалению, подобная концепция эволюции русского языка получила заметное отражение и в курсах его истории.

Второе обстоятельство мы видим в недостаточной дифференцированности представлений, с одной стороны, о литературном языке в его устной форме, с другой — о московском говоре, что связано было с несколько упрощенным пониманием истории московского говора как основы формирования литературной устной речи. Основные нормы литературного устного общения и московского говора поздней поры представлялись историкам языка едва ли не тождественными. В этих условиях изучение говора теряло самостоятельное значение, а в аспекте истории литературного языка являлось лишь вспомогательным.

Между тем, послужив основой формирования устной литературной речи, московский говор продолжал развиваться в качестве особого образования, хотя и наиболее тесно, в сравнении с другими русскими говорами, взаимодействовал с этой речью. Известная самостоятельность его дальнейшей эволюции предопределялась уже тем, что основой устной литературной речи он явился не как неделимое целое, не во всем своем составе, а в своих основных элементах и свойствах, при этом отдельные элементы и свойства могли быть, в сущности, общевеликорусскими, но получившими в данном говоре как центральном, «фокусном» образовании великорусской речевой культуры наиболее последовательное воплощение. С политическим, экономическим и культурным главенством Москвы в России было связано приобретение ими значения ведущих, образцовых. Особая, не во всем совпадавшая с устным литературным процессом эволюция говора Москвы определялась и непрерывным пополнением постоянного населения столицы людьми из разных областей России и некоторым подмосковным воздействием. При всей влиятельности московского говора его отношения с подмосковной стихией не сводились к одностороннему воздействию, а были отношениями взаимодействия, хотя и далеко не равноправного.

То, что старомосковский говор, в сравнении с другими народными говорами, ближе к устной литературной речи, а тем самым в известной мере и вообще к литературному языку, с одной стороны, затрудняет воссоздание его конкретного облика путем более или менее четкого противопоставления литературному языку, с другой — позволяет в литературных чертах (не церковно-книжного

характера) видеть с известным приближением черты живой московской речи, понятно, если принимать во внимание необходимые поправки на орфографию. Применительно к морфологии рассмотрение говора в первом аспекте является более сложным, чем по отношению к фонетике, зато рассмотрение во втором аспекте — более обнадеживающим. Собственно говоря, вполне реальным является, видимо, установление лишь самых очевидных расхождений, во-первых, между литературным языком в его церковно-книжной разновидности и московским говором, во-вторых, между последним и северновеликорусским или южновеликорусским наречиями в их наиболее контрастных по отношению к московскому говору проявлениях. Расхождения между московским говором и собственно русскою стихией литературного языка в его письменном выражении также могут быть обнаружены, но с меньшею достоверностью.

Несмотря на известное развитие в последние два десятилетия разысканий в области русской исторической морфологии, особенно XVII в., мы еще не в состоянии ставить своей задачей изучение морфологического строя русской народной речи, в данном случае московской, во всем его объеме, почему и ограничиваемся освещением лишь отдельных морфологических явлений, исследование которых может способствовать выяснению исторических отношений между литературным языком и говором русской столицы, а также между названным говором и основными русскими наречиями — северным и южным.

Выявление морфологических примет живой московской речи связано, помимо всего, с отграничением от них морфологических элементов, которые, являясь пережиточными, продолжали, однако, сохраняться в составе сложившихся в приказной практике формул и выражений.

Как знакомую русской скорописи, и в московских текстах находим особенность, в отдельных случаях затрудняющую характеристику аффиксальных средств. Имеем в виду недописывание гласных в абсолютном конце слова, когда предшествующая буква согласного выступает в качестве выносной.

Так, за выносною *т* в конце инфинитива можно усматривать и *-ть* и *-ти*, а в формах 3 лица — помимо *-т*, и *-ть*.

При установлении принадлежности определенных морфологических фактов и свойств старомосковскому говору, как и при исследовании фонетики, представляется очень существенным учет соотнесенности их с такими московскими писцами, которые, вне сомнения, были коренными обитателями Москвы. Московское происхождение одних писцов выясняем из их записей, о постоянном обитании в Москве других писцов, безымянных (не оставивших о себе подобного рода сведений), свидетельствуют и место и характер их писцовой деятельности: например, расспросные речи в приказах не могли писаться людьми для московских властей случайными.

КАТЕГОРИЯ РОДА

Судя по данным деловой письменности, явлений, которые заметным образом отличали бы состояние категории рода в московском говоре XVII в., в сравнении с современным состоянием, можно сказать, не было.

Как свидетельствуют записи заведомых москвичей и материалы расспросных речей, в пределах категории рода в Москве XVII в. наблюдаем лишь единичные факты, которые впоследствии в недиалектной сфере либо выпали из употребления, либо еще отмечаются в ней, но в ограниченном бытовании — как устарелые или просторечные. Например, помимо известного и ныне образования мужского рода *харч*, функционировало и *харчь*, образование женского рода. Ср.: всяко[й] харчь (133), всяко*и* ха*р*чь (138), съѣстъно*и* ха*р*чь (138), ха*р*чю. . . надо*б*но (138), но: всякая ха*р*чь (135). В Вестях-Курантах: для доро*ж*ново ха*р*чю (29). Заметим: названное слово — сравнительно старое заимствование из арабского. Колебание в роде было свойственно и недавнему заимствованию из французского — *пистоль*: подалъ онъ Семенъ ем8 Миха*ил*8 пистоль набито*и* а то*т* де пистоль наби*т* в то число какъ онъ Семенъ ѣха*л* съ Е*о*рѣмова (226), пистоля не 8де*рж*алъ (226), іс пистоля стрели*л* (228), но: велѣ*л* ѕастрели*т* ис пистоли (225), писто*л* выстрелилась и ѕастрелила того ево чл*в*ка (226), ис пистоли выстрелилъ (226), іс пистоли. . . застрели*т* не веливалъ (226). Восходящее к греческому источнику и усвоенное русскими из церковнославянской книжности образование *псалтырь*

встретилось нам в виде образования женского рода: псалтырь ветхая (216), псалтыр гадателная в осм8шку (217), книшка скорописная. . . начата псалтырью (221).

Известное части современных говоров как имя женского рода образование *овощ*, по московским данным XVII в., относилось к мужскому роду: всякои овощь. . . ѡвощь опчеи. . . для овощу (58). В сочетании с числительным *три* имена существительные прежде выступали в форме множественного числа, а с XV—XVI вв. — в форме родительного единственного. Поэтому второй компонент сочетания *три скобели* (144) рассматриваем как род. ед. — указание на женский род имени.

Род таких имен существительных — названий лиц мужского пола, как *голова*, *сирота* и *староста*, в московском говоре той поры, в отличие от более раннего времени, определялся уже не формально-грамматически, а по смыслу: на стрѣлецкого голов8 (48), тот стрѣлецкои голова (48—49), объѣзднова голавы (72), объѣзжеи голова (82), сказал голова московских стрелцов (223) и т. д.; сирота твои кадашевецъ Тимошка Павлов (65), пожалуи меня сироту своег (65), 8 меня сироты твоего (79), мнѣ сиротѣ твоему (80), на меня сироту твоего 2 (97), бьет челом сирота ваш (118), сирота твои. . . Ивашко Гарасимов (224), тѣм я бѣднои всѣм сирота твои напрасно поклепан (225), я ж сирота твои 8 него сидѣл в каидалах скован (225), пожалуи меня сироту своего (225) и т. д.; староста Акъсенко Никитин р8к8 приложил (72), староста Герасимко Яковлѣвъ р8к8 приложил (136), староста Коземка Петровъ. . . руку приложил (137), староста Андрюшка Григорьевъ сказал (140), староста Григореи Титов снъ Семенчинъ. . . р8к8 приложилъ (160), староста Патрекѣи Мартьянов взял. . . денегъ (162) и т. д. Примеры из Вестей-Курантов двадцатых и тридцатых годов XVII в.: голова . . . ранен (31), голова. . . пошел былъ (31), кои 8 нихъ былъ голова (88), голова. . . поѣхал (124), ѕемскои голова (212).

В текстах, которыми мы располагаем, примеры подобного рода выступают вполне последовательно в течение всего XVII в., начиная с тридцатых годов. Отсюда, однако, не следует, что рассматриваемое явление получило начало только с этого времени. Последовательность его отражения в текстах свидетельствует о том, что оно зародилось в московском говоре еще до XVII столетия, воз-

можно, в XVI в., а то и ранее. Сравнение московских фактов с хронологически сопоставимыми соответственными южновеликорусскими позволяет предполагать: влиянием на московский говор южновеликорусского наречия они не могли быть вызваны, поскольку в южновеликорусской области применительно к таким именам, как *голова* и *сирота*, согласование по значению, а не по грамматической форме наступает приблизительно в середине XVII в.[1] По-видимому, следует предполагать обратное влияние. По этому поводу в нашем исследовании южновеликорусского наречия говорилось следующее: «Отмечая в южновеликорусских памятниках следы изменения родовой характеристики названий лиц *голова* и *сирота*, мы, однако, не можем утверждать, что причины этого изменения кроются в южновеликорусских говорах: слова *голова* и *сирота* в указанных значениях принадлежали к актуальным терминам социального звучания, общим для всего русского языка, судьба их на южновеликорусской почве, по всей вероятности, совпадала с судьбой их общерусской» [2]. Принимая во внимание тот факт, что согласование по форме имен прилагательных с именами рассматриваемой категории — черта северновеликорусская [3], в согласовании по смыслу еще труднее видеть влияние Севера. «Инициатива» в этом отношении исходила, пожалуй, из Москвы.

Каких-либо очевидных следов утраты категории среднего рода в московских текстах XVII в. мы не обнаруживаем.

Между тем в означенную эпоху проявления названной утраты в южновеликорусских памятниках представляли распространение ее в южновеликорусской области как явление и неновое и достаточно влиятельное [4]. Как видим, при общем бесспорном воздействии южновеликорусского наречия на процесс формирования говора Москвы в этом случае оно не сказалось. В данном факте мы усматриваем один из серьезных аргументов против теории «наслоений»,

---

[1] С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). М., 1963, стр. 147—148.
[2] Там же, стр. 148.
[3] С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Л., 1927, стр. 64—65.
[4] С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 142—145.

при помощи которой пытаются объяснить формирование средневеликорусских говоров, включая в их число и московский. Н. Н. Дурново, который вслед за А. А. Шахматовым видел в основе московского говора северновеликорусское начало, тем не менее был близок к истине, когда, отмечая, что аканье внесено в этот говор с юга, подчеркивал то историческое обстоятельство, что московский говор выделялся из массы средневеликорусских: «. . . благодаря своему господствующему положению, как говор всероссийского политического и культурного центра, он утратил характер переходного говора, т. е. находящегося в стадии перехода от одного наречия к другому, и получил значение κοινή»[5]. Не фронтальный, а лишь избирательный характер влияния на Москву южновеликорусского наречия явным образом не в ладу с теорией «наслоения», особенно если «наслоение», как это обычно и делают, относить к позднему времени, например к XV—XVI вв., когда московское койне, насколько можно судить об этом по данным XVII столетия, являлось уже реальностью. Именно в условиях койне с его авторитетной московской нормой и оказывалось возможным избирательное восприятие московской средой лингвистических влияний извне, в том числе и южновеликорусского.

Вплоть до конца XVII столетия в московской письменности еще наблюдалось употребление уменьшительных образований на *-ишко*, производных от имен существительных мужского и женского рода, как имен среднего рода, причем определения-прилагательные и сказуемые-глаголы с ними согласовывались. Примеры находим в челобитных. Отсутствие таких примеров в текстах, писанных заведомыми москвичами, а также в расспросных речах, возможно, объясняется преимущественно тем, что многие из подобных записей в пределах XVII в. относятся к записям поздним, и тем, что во многих случаях содержание более ранних записей исключает употребление в них интересующих нас образований. Приведем соответствующие примеры с указанием их датировки.

1634: женишко г*с*дрь мое. . . лежи*т* при сме*р*ти (51), ср.: женишкȣ мою (51); 1637: Ива*н* ȣча*л* мнѣ и женишку моемȣ брани*т* матѣ*р*ны (59); 1641: сто*р*говала. . . кѣ*л*ішко

[5] Н. Дурново. Введение в историю русского языка, ч. I. М., 1969, стр. 125.

(62); 1646: дворишко мое со всѣмъ ѕгорѣло (66); 1663: поставлена ана Арина на мое дворишко (73); 1666: выдал я. . . дочеришко свое ѕа него Василя (74), ср.: я. . . дочеришку свою за него Василя ѕамуж выдал (74); 1671: подячеи на дворишко мое входил (85); 1674: пришед он. . . на дворишко мое. . . учал. . . всѣх бит (87); 1675: розбили. . . дворишко мое (94—95); 1675: розбивали усадбишко мое (95); 1676: пришел. . . в домишко мое (97); 1686: ларчишко с ключами сундушными ис хоромишекъ пропало (114). Кроме того, 1632: дворишка. . . старое (48);1649: ѡсвободите мнѣ дочеришка свое выдать беспенна (67).

В тексте 1637 г. отмечено производное от имени женского рода образование на *-енко*: пас гсдрь сынишко. . . коровенко мое (58); ȣчал. . . то коровенко мое бит кнȣтником (58); за что сынишка моего и коровенко бьешь напрасно (58—59). В сказке, написанной со слов московского жильца подьячим Ивановской площади в 1652 г., попалось образование на *-енко* от имени мужского рода: ѕапасенко всякое (129).

Сомневаться в наличии приведенных образований, впрочем пережиточном, в устной речи москвичей исследуемого периода как будто не приходится: об этом убедительно свидетельствуют и состав авторов челобитных (кадашевцы, хамовник, садовник, московский военнослужилый человек, полуголова московских стрельцов и т. п.) и бытовые ситуации, которые в них описываются.

О том, что эти образования в устной речи москвичей были действительно пережиточными, говорят и приведенные вместе с ними отдельные случаи отклонений от оформления по среднему роду и многочисленные факты употребления имен с теми же самыми суффиксами как имен уже не среднего, а мужского или женского рода.

Заметим далее: в условиях аканья конечный безударный *о* в *-ишко* и *-енко* редуцировался — произносился или *а*, или гласный, склонный к *а*, поэтому единственной реальной приметой принадлежности образований на *-ишко* и *-енко* к среднему роду в данных случаях, в отличие от прочих падежных форм, являлась только флексия определяющих их прилагательных или согласованных с ними глаголов. Отсюда следует вывод: не столько устной московской речью, сколько непреодоленной письменной традицией определялось тогда появление и в текстах

заведомых москвичей, и в расспросных речах, и в челобитных немногочисленных образований на *-ишко* и редких образований на *-енко*, но уже с несогласованными определениями-прилагательными или сказуемыми-глаголами.

Приведем некоторые из них: снишко тво*и* (24), братишко мо*и* 2 (45), снишко мо*и* (65), то*т* товарышко (79), то*т* мои товарышко (80), двори*ш*ко мо*и* (99), днева*л* я по*дя*чишко (232), члвче*н*ко мои (101); печи*ш*ко на*д*во*р*ная (207).

А в общем почти все имена, производные от имен несреднего рода, образованные посредством и упомянутых суффиксов, и суффиксов *-ушк-* и *-юшк-*, распределялись в Москве XVII в. и с точки зрения флективного оформления, и с точки зрения согласования с ними имен прилагательных и глаголов по категориям мужского и женского рода. Несколько примеров: сынишка моего (65), человечи*ш*ка мо*и* (70), весь ншъ роди*ш*ка (73), дворишка мо*и* (121); ншего батюшка (24), моемꙋ батюшкꙋ (24), мо*и* де*д*ушка (25), моего дедушка (25); человече*н*ка. . . моево (76) и т. д.; моя др*в*нишка (46), в дрвнишку мою (101), дочеришка моя 2 (74), дочеришку свою (74), женишка моя (99), на жени*ш*ку мою (93), *з* женишкою своею (97); нше*и* бабушки. . . нше*и* матꙋшки (24) и т. д.

В московской письменности еще встречались наделяемые приметами среднего рода имена собственные лиц мужского пола. Одни из них были производными от имен и, может быть, полуимен мужского рода, другие — от имен женского рода и группы полуимен, обладавших приметами женского рода. Примеры первых: Сидо*р*ко (57), Максимко (64), Еки*м*ко (82), Ѳедо*р*ко. . . Усти*н*ко (82), Ма*р*тинко (134), Бориско (139), Елиза*р*ко. . . Кли*м*ко . . . Еѳи*м*ко (152), Ѡве*р*ке*и*ко (176), Иса*ч*ко (177), Степа*н*ко (178), Осипко (179), Дениско (231), Троѳимъко (232) и т. д. Примеры вторых: Иле*и*ко (46), Кузе*м*ко (147), Ганко (166), Васко (185), Ивашко (59, 80, 137 и др.), Яку*ш*ко (81), Рамашко (125), Богдашко (133, 151, 160 и др.), Агаѳошко (142) и т. д. Ср.: Илья, Кузьма, Ганя, Вася, Ивашка [6] и т. п.

В количественном отношении образования на *-о* в московской письменности значительно уступали соответ-

[6] Впрочем, отмечено бытование и полуимени *Иваш*: Ивашъ Моисее*в* (152).

ственным образованиям на *-а*. Вследствие редукции конечного *о* в качестве имен среднего рода в московском говоре той эпохи описываемые образования не закреплялись. А в косвенных падежах их грамматический род определялся родом имени или полуимени, от которого они были произведены.

Примеры отнесенности к мужскому роду: вмѣсто... Наза[р]*ка* (134), пожалова*л*... Иса*ч*ка Микитина да Ул*ья*нка Ѕахарова (163), да*л*... Аге*и*ка Васильева... Ѳвдоки*м*ка Якуни*на* (179), у Ивашка (220), с нимъ Ивашкомъ (220) евѡ Ивашка о*н* излечи*л* (228), у того Троѳи*м*ка (232), сна ево Ѳро*л*ка... лая*л* (232), Ѧки*м*комъ ѕову*т* (241), ȣ нево Степанка бра*т* ро*д*но*и* бы*л* а звали ево Ивашко*м* (258), Соѳо*н*ка Донова... поклепа*л* напра*с*но (281) и т. д.

Примеры отнесенности к женскому роду: моево Ива*ш*ку (70), вместо... По*н*кра*ш*ки (134), Гришке А*н*дроновȣ (155), опричь Савки Лысого (155), пожалова*л* Левку Иванова... Мишку Наѕа*р*ева (163), на меня Сенькȣ Барисава (172), Сенькȣ Барисава рȣчяли (172), да*л*... Якунку Нестерова... с сно*м* с Пронкою... да Куѕемку Миха*и*лова (179), съ сно*м* Купреяшкою да сно*м* Ивашкою (190), с О*с*кою (190), с сно*м* Ка*н*драшкою да с пасы*н*ко*м* с Ѳи*м*кою да с пасы*н*ко*м* Мишкою (190), вместо Се*н*ки Родионова (209), Сенке ȣчинено накаѕанье (209), у Мишки (219), с Карпȣшкою (221), вѕялъ ... Карпȣшкȣ (222), Ѳе*д*ку поклепа*л* (222), х Карнюшке (223), дава*л*... Ка*р*пȣшке (223), увиделъ... Ивашкȣ (225), вмѣста... Ивашки Иванова (225), Ивашкою зовȣ*т* (226), о*т* тогѡ Деми*д*ки (226), спроси*л* ... Пашку (229), по челоби*т*ю... Серешки Наумова (233), своег Серешку (233), Се*н*ку... поклепа*л* (281) и т. д.

Переход рассматриваемых имен на *-о*, относимых к мужскому роду, в сферу женского рода был процессом длительным. Так, из приведенных здесь имен колебание в грамматическом роде обнаруживает только одно: (у) Ивашка (220) — (вмѣста) Ивашки (225); Ивашка (о*н* излечи*л*) (228) — (увиделъ) Ивашкȣ (225); (с) Ивашкомъ (220) — (съ) Ивашкою (190), (звали) Ивашко*м* (258) — Ивашкою (зовȣ*т*) (226). Да и в этих случаях перед нами, возможно, — не колебание в роде, а параллельное склонение имен, образованных отдельно от *Иваш* и от *Иваша*.

По-видимому, переключение в московском говоре исследуемых имен мужского рода в женский род происходило позднее — в XVIII столетии и, вероятно, было связано не столько с эволюцией в данном направлении в самом московском говоре, сколько с возраставшим влиянием и на Москву, и на литературный язык южновеликорусского наречия.

Иногда москвичи, следуя традиции, еще допускали написания собственных личных имен на *-ло*: Гаврило (88, 153, 161 и др.), Мих*а*ило (46, 48, 119, 153, 174, 226 и др.), Само*и*ло (204), Кирило 2 (228), Ко*р*нило (283), и т. п. Вместе с тем произношение выдавали соответственные написания с *-а*: Кирила (171), Миха*и*ла (46), Михаила 4 (182) и т. п. Колебания между традиционной письменной и московской произносительной нормами наблюдались в то время не только по группам писцов, но и в индивидуальной писцовой практике. Например, подьячий Осипка Елисеев в заемной кабале писал: ему Гаврилу (179), а несколькими строками ниже: ему Гавриле 3 (179).

О принадлежности образований на *-о* литературному языку того времени свидетельствуют примеры из Уложения 1649 г.: царь и великий князь Миха́йло Федоровичь (214, 231 об., 277), по указу. . . царя. . . Миха́ила Федоровича (232 об.)₈ при царѣ. . . Миха́иле Федоровиче (234, 234 об.) и др.[7]

Итак, изменения в категории рода в течение XVII в. сводились в основном к вовлечению, притом довольно постепенному, в склонение по женскому роду имен, обладавших с давних пор в именительном падеже единственного числа флективными приметами среднего рода, однако в условиях московского говора в XVII в. осознававшихся и, естественно, склонявшихся как имена мужского рода. Длительный характер указанного процесса подтверждается, можно полагать, в известной мере параллельной историей таких, по мнению С. П. Обнорского, «формально сходных фактов», как увеличительные имена существительные, осложненные суффиксом *-ищ-*. С. П. Обнорский обращает внимание на следующее: «. . . употребление увеличительной формы существительных на *-ище* лишь как имен ср. рода было даже нормировано для литературного языка в известной грамматике (изд. 1780 г.)

[7] П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 253.

А. Барсова, рекомендовавшего говорить — *большое столище*, *страшное мужичище*, *толстое ручище*, *ужасное силище*» [8].

О том, что указанный процесс вовлечения в склонение по женскому роду в московском говоре был обусловлен главным образом южновеликорусским воздействием, убедительно свидетельствуют диалектологические данные. С. П. Обнорский отмечает: «Если в северновеликорусской области нормальным типом интересующих категорий существительных служат образования на *-о*, то в южновеликорусском (и в области переходных говоров) нормой являются формы на *-а*. . .» [9].

КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ

На протяжении XVII в. в московском говоре происходило завершение некоторых изменений, связанных с развитием категории одушевленности. Истоки их уходят в глубину веков. Речь идет о постепенном вытеснении формы винительного падежа, совпадающей с формой именительного, падежной формой винительного, совпадающей с формой родительного, именно в тех случаях, когда формой винительного обозначался предмет одушевленный.

«Для названий лиц, — отмечает П. С. Кузнецов, — уже в начальную эпоху возвышения Москвы и формирования языка великорусской народности становится нормой, по крайней мере для единственного числа существительных мужского рода, употребление родительного-винительного падежа независимо от семантической группы и старого типа склонения» [1]. Заключение это опирается на данные, приведенные Г. А. Махароблидзе из оригинальных московских памятников XV в. «Долго сохраняют, — пишет далее П. С. Кузнецов, — старую форму винительного падежа, равную именительному, названия животных», а затем констатирует: «. . . в оригинальных

---

[8] С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. I, стр. 29—30.
[9] Там же, стр. 25.

[1] П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 99.

памятниках XV в., центральных и северных, мы не находим случаев употребления родительного-винительного от названий животных» [2].

Обратимся к московским материалам XVII в. В то время от названий лиц употреблялась лишь форма винительного, тождественная родительному. Попалось всего лишь два непоказательных исключения. В поручной, писанной подьячим Демкой Гостьевым в 1655 г.: все мы пору*т*чики ѕа оди*н* чл*в*къ выручели есми. . . красносе*л*ца Се*р*гея Өедорова сна (170). Полагаем, сохранение здесь формы винительного *члвкъ* обусловлено известной адвербиальностью выражения *ѕа один члвкъ*. В грамотке, посланной князю В. В. Голицыну в 1677 г. его сыном Алешкой: бы*л* я за гсдре*м* в похо*де* в Коломе*н*ско*м* и на агглъ црвча Иоанна Алеѯѣевича вид*ѣл* ево гсдрские очи и у пирога бы*л* (26). Употребление в данном контексте формы винительного *агглъ*, тождественной форме именительного, не связано с живой московской речью, а является элементом церковно-книжной стилизации.

Заметим: относительно того, когда в кругу наименований лиц в сфере единственного числа сложилась категория одушевленности, мнения существенно не расходятся. Сложение рассматриваемой категории в кругу подобных наименований датируют обычно XV в. Характеристика упомянутой категории применительно к данным наименованиям в то время как вполне сложившейся представляется, однако, небесспорной. Так, исследовав язык Домостроя, памятника не XV, а XVI в., М. А. Соколова, например, устанавливает: «При широком употреблении в единственном числе у существительных мужского рода со значением лица форм винительного падежа, равных родительному, . . . встречаются сравнительно редкие случаи использования и форм именительного», а далее отмечает: «Достаточно обильны формы именительного падежа в значении винительного при предложном управлении. Эти сочетания в большинстве случаев являются устойчивыми и представляют как бы формулы. Например: про государя и *про гость* (46, трижды; 48, 50, дважды); *про гость* и про себя (43); себе и *про гость* (43)» [3].

---

[2] Там же, стр. 100.

[3] М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI века. Л., 1957, стр. 131.

Сложение категории одушевленности в кругу аналогичных наименований, но в сфере множественного числа датируют также XV в., хотя одновременно и указывают, что употребление родительного-винительного во множественном числе в ту пору являлось нормой только для названий лиц мужского рода [4]. Касаясь употребления во множественном числе винительного, равного именительному, П. Я. Черных замечает, что эта форма распространялась лишь на имена *люди* и *дети*, имена с собирательным значением, и в подтверждение приводит следующие примеры из Уложения 1649 г.: будетъ собака или корова или козелъ мечутся на люди (22), собака на люди мечется (169 об.), имать. . . за даточныя люди денги (211 об.), чьего холопа возмутъ в полонъ . . . и жену его и дѣти (271), холопъ. . . приживетъ дѣти (286). Впрочем, в Книге о ратном строении он находит иной пример: самъ... сержанты ставлю (40 об.)[5]. Московские данные XVII в., которыми мы располагаем, в общем рисуют то же состояние, что и данные П. Я. Черных, хотя и представлены в составе текстов совсем иного характера — почти исключительно в грамотках, притом сравнительно поздних — конца семидесятых и начала восьмидесятых годов: про меня. . . похошъ вѣда*т* и про невеску и про дѣти 2 (17), про меня. . . похошъ ведать и про невеску и про дети (17), про менѧ. . . похошъ вѣдать и про невеску и про дѣти (18), про меня. . . похошъ вѣдать и про невеск8 и про дети (18), про меня. . . похо*ш* вѣдать и про невеск8 и про дети (20), про меня свѣ*т* мо*и* похошъ вѣдать и про невеск8 и про дети (21), изволи*ш* гсдрь веда*т*. . . про мату*ш*ку Наста*с*ю Ивано*в*ну і про дѣти (22), изволишъ гсдрь мо*и* Васи*л*евич веда*т*. . . про меня и про дети (22), ср.: про менѧ похошъ вѣдать и про нѣвеску и про дѣте*и* (19); давали за него на ромѣне (так!) сродичи ево три тысячі р8*б*ле*в*. . . по послѣ*д*не*и* мѣре б8де не дад8*т* денгами розменять на лю*ди* (33). Ср. в досмотре 1652 г. письма дьячка Богдашки Петрова: в даточные люди (233). Ср. также в расспросных речах 1642 г.: Гри*ш*ка мужа еѣ Люпкина ставилъ в стре*л*цы (273).

---

[4] См., например: П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 103; Ф. П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, стр. 403.

[5] П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 257.

Легко заметить: винительный *дети* выступает только в традиционных, «этикетных» выражениях и потому не является приметой живой народной речи. Вероятно, в тех же условиях выступал и винительный *люди.*

В остальных случаях (а их в исследованных московских текстах огромное количество) встречаем родительный-винительный. Можно сделать заключение: в кругу наименований лиц в московском говоре XVII в. категория одушевленности предстает вполне сложившейся, а в московской письменности обнаруживаем всего лишь слабые отголоски именительного-винительного, и то исключительно в пределах множественного числа.

Говоря о русском языке в целом, Ф. П. Филин констатирует: «Начиная с XVII в. форма родительного падежа распространяется (в винительном. — *С. К.*) и на существительные, обозначающие животных, птиц и иные живые существа» [6].

Ознакомимся с участием московского говора в этом общем процессе. Приведем отмеченные в текстах, которые на том или ином основании можно считать московскими, старые формы именительного-винительного от названий животных: лошади по*д* нихъ вѕять с конюшни (32), вели к себѣ пригна*т* бораны из во*т*чины реѕа*н*ские пять боно*в* (38), веле*т* пригна*т* бораны (39), пешимъ ходока*м* бораны ко*р*ми*т* на Москвѣ за городомъ (39), бежа*л* гсдрь ѡ*т* меня то*т*. . . чл*в*къ. . . а све*л* ѡ*т* меня двоя лошеде*и* ко*н* ры*ж* да ко*н* се*р с* седлами и с уздами (47), све*л* ѡ*т* меня двоя лошедѣи ко*н* ры*ж* да ко*н* се*р* (47), ве*ли* гсдрь ему Васи*л*ю тѣ нши лоше*ди* на*м* о*т*да*т* (71), вели гсдрь. . . да*т*. . . грамоту что*б* о*н* Пе*тр*ъ да Овъдеи то*т* мои товарышко и кони и всякую ру*хлят*. . . мнѣ сиротѣ твоему о*т*дали (80), купи*л* о*н* у меня холопа твоего бѣ*л*ки і не доплати*л* о*н* Микулаи мнѣ. . . три*т*цати четыре*х* рубле*в* (80). В последнем примере в форме *бѣлки* можно усматривать и родительный единственного, если допускать, что в этом случае данное имя существительное обладало собирательным значением. Кроме того, в духовной думного дворянина В. Я. Голохвастова, писанной его человеком Мартьянкой Ермолаевым в 1678 г., встречаем такие случаи: да*т* ему лѹтчеи конь (193), лошади. . . о*т*каѕа*л* я женѣ (193).

---

[6] Ф. П. Филин. Указ. соч., стр. 403.

Хотя примеров и немного, их принадлежность преимущественно к множественному числу едва ли можно считать случайной. Показательно употребление лишь во множественном числе именительного-винительного в тексте законодательном — в Уложении 1649 г. Характеризуя это употребление в данном тексте как правило, П. Я. Черных приводит такие факты: помѣщик или вотчинникъ. . . загонятъ чьи лошади (18 об., 149 об.), кто пчелы выдеретъ (17, 153), кто звѣри и птицы отгонитъ (19), кто учнетъ птицы ловити (152), помѣщики. . . бобры чѣмъ отпужаютъ или бобры насильствомъ побьютъ (151 об.), за тѣ бобры доправити денги (152), и ему за свиньи, и за кобылы, и за коровы, и овцы, или за иную какую животину и за пчелы править (170) [7]. В Книге о ратном строении 1647 г. П. С. Кузнецов отмечает случаи: и коу́ры и оутя́ты и гоу́си кра́ду*т* (32) и др.[8]

Относительно форм именительного-винительного единственного числа от названий животных необходимо сказать следующее: в период, представленный нашими текстами, в Москве их обыкновенно не находят. Так, П. Я. Черных отмечает их только в первой четверти XVII в., имея в виду при этом и Москву, и другие места: отняли у нихъ меринъ карь; а живота его взяли меринъ воронъ да меринъ савросъ; взяли меринъ рыжъ; застрелилъ мужика, а подъ другимъ конь ранилъ; и онъ взялъ четыре лошади. . . конь буръ да жеребецъ сѣръ. . . да кобылу чалу; взято за боранъ денегъ; и звѣрь всякой бьютъ [9]. Наши примеры датированы 1626 и 1678 гг. Отметив в Уложении место: кто. . . звѣрь и птицы исъ того лѣсу тѣмъ пожаромъ отгонить (153 об.), П. Я. Черных одновременно указывает, что упомянутое место в оглавлении читается иначе: кто звѣри и птицы отгонитъ (19). Из Книги о ратном строении он приводит лишь пример: шляпа на ко́нь поставлена (32), а в качестве фразеологического выражения: которые могутъ на конь сѣсть [10]. Южновеликорусские свидетельства об именительном-винительном в единственном числе для названий

---

[7] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 257.
[8] П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 105.
[9] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 255—256.
[10] Там же.

животных относятся также главным образом к первой четверти XVII в. [11]

Обобщая наши и иные наблюдения в области категории одушевленности применительно к названиям животных, следует прежде всего заметить, что соответственные изменения в московском говоре и в московской строго официальной письменности по времени в общем совпадают. Переход от старой к новой форме в сфере единственного числа прослеживается в общем в первой половине XVII в., а в сфере множественного числа — во второй половине столетия.

Отмечаемое в московских источниках вытеснение именительного-винительного родительным-винительным в среде названий животных происходило, насколько можно судить по всем иным, немосковским данным, и в отношении грамматической последовательности (сначала в единственном числе, а затем во множественном), и в отношении хронологическом в общем более или менее параллельно с аналогичным изменением в масштабе всего русского языка.

РОДИТЕЛЬНЫЙ И ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖИ НА *-У*

Обобщение склонения имен существительных с древними основами на *-о* и на *-й* охватило всю область русского языка, но на разных ее территориях распространялось на те или иные разряды имен неодинаково. Распространение это обнаруживает связь с определенными моментами и семантического и акцентологического характера. Окончание *-у* в родительном единственного, как свидетельствует история русского языка, в основном приобретали такие имена, принадлежавшие к древним основам на *-о*, которые означали вещество, либо собрание предметов, либо место или местность, а также отвлеченное понятие [1]. Несвойственно было окончание *-у* именам одушевленным. Акцентологической особенностью имен, восходивших к древним основам на *-о* и образующих родительный на *-у*, является ударение на основе. «В великорусском языке, —

---

[11] С. И. Котков. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, стр. 86—87, 91.

[1] А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 241.

приводя современные данные, отмечал С. П. Обнорский, — распространение форм на *-у* в северновеликорусской области подходит к соответственной картине литературной речи. В южновеликорусских говорах явление получило особенно широкое развитие, диалектически затронув имена с ударением на флексии, коснувшись категории существительных одушевленных, распространившись на слова среднего рода с ударением как на основе, так и на окончании» [2]. Южновеликорусские материалы показывают, что имена с ударением на флексии явление это в XVII в. действительно затронуло, одушевленных почти не коснулось, а в пределах среднего рода оказалось еле заметным [3].

Как будто по степени распространения указанных форм на *-у* между Югом и Севером в ту эпоху различие было менее существенным, нежели установленное С. П. Обнорским по современным данным. Сравнение показаний XVII в. и современных диалектных, возможно, и не бесспорно, потому что в этом случае «паритетность» сравниваемых свидетельств могла быть основательно нарушена и разобщенностью их во времени и, помимо того, в категории первых — известным влиянием грамматических норм московской приказной традиции. Да и лексический состав, представленный этими формами родительного, в письменном языке XVII в. и в современных говорах, вне всякого сомнения, не однороден. Сравнение данных в рамках одного исторического периода, разумеется, более надежно. Поскольку более или менее суммарных сведений о формах родительного на *-у*, датированных XVII столетием, из области северновеликорусских говоров в литературе не имеется, мы вынуждены ограничиться сравнением данных XVII в., с одной стороны, московских, с другой — преимущественно южновеликорусских и лишь частично северных.

Рассмотрим формы родительного на *-у* в «Московской деловой и бытовой письменности XVII века», ориентируясь прежде всего на те, которые встречаем у безусловных москвичей. В дополнение к этим материалам привле-

---

[2] С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Л., 1927, стр. 103.

[3] С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). М., 1963, стр. 150—164.

каем расспросные речи, где писцы не отмечены, но записи их — лингвистически московские. Оговоримся: отсутствие в примерах из памятников письменности указаний на место ударения не позволяет с полной уверенностью сгруппировать эти примеры по данному акцентологическому признаку, почему отнесение отдельных фактов к той или иной акцентологической группе может оказаться условным.

Начнем с имен, склонявшихся по древним основам на *-о*. Необходимо, однако, заметить: отнесение отдельных из этих имен к склонению основ на *-о* не имеет генетического значения, а знаменует только то, что склонявшиеся, скажем, как *огонь*, по основам на *-ĭ* со временем были вовлечены в склонение основ на *-о*.

Приведем формы родительного на *-у* от имен, означающих вещество, собрание предметов, часть целого.

С ударением на основе: тово товару (136); сырова мя*х*кова лѣсȣ (147), ср.: для всякого лѣсу (260) [4]; восмна*т*ца*т* прясе*л* заборȣ (184), что есть . . . же*м*чюгу (198), кисть жемчюгȣ (215), три нити. . . жемчюгȣ (215), нить жемчюгȣ 2 (215), двѣ нити жемчюгȣ (215), двѣ кисти. . . жемчюгȣ (215), остато*к* жемчюгȣ (215); ЛД бочки ладонȣ (215); остатокъ яре*н*кȣ (216), ср.: *еренгъ*, *еренкъ* «род сукна» (Срезн. Матер.); ко*р*мȣ. . . дава*ти* не велѣ*т* (249), ср.: купити ко́рму (260); Г щипка цвѣту (270); тово моху (272); просила. . . борошню (287), никакого боро*ш*ню (287), ср.: *бо́рошень* «пожитки, скарб. . . поклажа, путевой запас» (Даль, Слов.). К приведенным примерам примыкает случай: осматрива*л* караȣло*в* и дымȣ (209), свободный от значения части целого.

С ударением на окончании: бе*з* поташу (135); ерапо*л*ского лну 3 (151, 159—160), много лну (151), мо*р*довъского лну (159), другово лну 2 (160), МИ пятковъ лну (160), ВI пятко*в*. . . лну (160), ИI пятко*в*. . . лну (160;); тобакȣ не де*р*жа*т* (171), ср.: бесъ табакȣ̀ (261); песку. . . не сыпывала (236), песку не сыпывала (237), пескȣ не сыпывала (239), о*т*несите пескȣ (257), ср.: пескȣ̀ (261); приве*з*. . . мошку а купи*л* то*т* мо*х* на Соловка*х* (272).

---

[4] Здесь и далее приводим соответствующие формы с ударением из текстов XVII в., отмеченные П. Я. Черных в книге «Язык Уложения 1649 года», указывая в скобках страницы этой книги.

Вслед за А. А. Шахматовым подключаем к приведенным примерам форму родительного *полку* [5], с ударением на окончании, и не отмеченную у Шахматова *строю*, с ударением на основе: выбо*р*нова по*л*ку (153), Аѳонасьева по*л*к8 (190); ре*и*та*р*скова строю (158).

Укажем формы родительного на *-у* от имен, означающих место, местность.

С ударением на основе: с мост8 (207), до Живо*г* мост8 (233), ср.: мо́сту и перевозу у нихъ не будетъ (274); Ивашко у и*х* карау*лу* крича*л* црвъ (225), 8кра*л* и*з* Бо*л*шого собор8 риз8 (232), за. . . колоднико*м* посыла*л* с кара8л8. . . стре*л*ца (263); с пожару 8не*с* онъ. . . коробью (229), ср.: после пожа́ру (260); обычны формы родительного на *-у* в таких условиях: по 8ка*зу*. . . *из*. . . Патриа*р*ша розряд8 (183), ср.: грамоты. . . изъ розря́ду (260); ис Прика*зу* холопья су*да* (227), и*з* Сиби*р*сково прика*зу* (248), и*з* Зе*м*ского приказ8 (283) и т. п.: кроме того: середи прика*зу* (223), ср.: у прика́зу. . . бити кнутомъ (260); Володиме*р*ско*г*о уе*з*ду (151), Кадо*м*ского уе*з*ду (159), Яросла*в*ского 8е*з*ду (197), Старицкого уѣзд8 (218) и т. п., ср.: Московского уѣзду (260); Го*р*нево стану (151).

Как будто к этой группе примеров примыкает следующий: потуку (потоку. — *С. К.*) из бани в калодезь топерь не знать потому что земля су*х*менная (151).

Не исключено и наконечное ударение: с мы*т*ного плот8 (206), с плот8 (207). В диалектах, по указанию С. П. Обнорского, в родительном единственного *плоту́* возможно [6].

Содержание многих цитируемых текстов, в которых большое место занимает освещение и оформление социально-экономических и административно-правовых отношений, предопределило наполнение их значительным количеством примеров употребления форм родительного на *-у* от имен существительных, означающих отвлеченные понятия.

С ударением на основе: не *от* хлѣбного недоро*ду* и соленого промыслу (135), ср.: для торгового про́мыслу (260); не и*з* бо*л*шого прибытку (136); проти*в*. . . 8ка*зу* (139, 177), проти*в*. . . ука*зу* (174), противъ. . . ука*зу*

---

[5] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 242.

[6] С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1, стр. 128.

(182), без гсдрва 8казу (170), без 8казу 2 (172), до. . . 8казу (238, 247—248, 252, 284), до. . . 8каѕ8 2 (276) и. т. п., ср.: сверхъ ука́зу (260), безъ. . . ука́зу (260), до сего государева ука́зу (260); оброку. . . имать (141), оброку. . . не бер8 (141), оброку имано. . . по семи рублев (197), ср.: зъ денежного обро́ку (261); ннешнего. . . году (143). РПЕ г году (154), с ннѣшнего. . . год8 (166), нншняг . . . году (188) и т. п., ср.: сто двадцатого го́ду (260); до того накладу (163); откупу. . . платит (168), стараго ѡткупу (169), откупу. . . велено платит (174) и т. п., ср.: со всего о́ткупу (260); до. . . сроку (169, 174), до сроку (174), после. . . сроку (178), послѣ сроку (179), просил срок8 (269), дать сроку (275) и т. п., ср.: после сро́ку не станетъ (260); приѣзду и приходу и подвоху. . . не держат (171), ср.: чаяти воинскихъ людей прихо́ду (260); против ево Михаилова челобитя и торг8 старого (174); длиннику шесть саженъ а поперечнику пят сажен (175), сажен длиннику и поперечнику (178); с. . . приговору (177), ср.: мимо государева ука́зу и боярского пригово́ру (260); преж розделу (198); для помину (198); для осмотру (210), коричного цвет8 (213), гвоздичного цвѣт8 (214), дикого цвѣт8 (215) смотря. . . писма заговор8 (220); от порѣз8 (223); прошалъ. . . ис тои рухледи себѣ паю (229); из троетцког обѣзду (235), ис того ѡбѣзду (235), из. . . осеннего обѣзду (235), из. . . осеннег обѣзду (236), из рубцовского ѡбѣзду (240, 244); для. . . сыску (237, 241, 253), ср.: для сы́ску. . . держать (261); противъ гсдрьского приказ8 (238); приказу и иного никакова ѕаказу не бывало (240); для привороту (241); для наговору (241), от. . . наговор8 (242); для допрос8 (260); для роспросу (279), против роспрос8 (287), после роспрос8 (287), ср.: после роспро́су (260); беѕ отп8ск8 (260); сходу с ними нѣтъ (266); для д8ху (270—271); сѣннои скипъ. . . дают пить от поносу (270), трава чечюиная. . . пьют от поносу (271); то корене пригодно от мыту (272); закладу. . . не бывало (278); с приѣзд8 (282), после евѡ К8змина побѣг8 (289) и др.

С ударением на окончании: не токмо ннешго гаду но и прошлых лѣт (135); наиму рядил. . . по сороку алтын (175), ср.: стояти на дворѣ из найму̀ (261); того ж час8 (209), тово ж чс8 (260), ср.: того же часу̀ какъ судъ отойдетъ (261); до 8спенского посту (229); бою. . не видали (232), бою не видала 4 (232), бою не видал (232), от ево. . .

бою (287), ср.: искати бою́ и гра́бежю (261), о́гненаго бою́ не было (261).

От примеров родительного на *-у* в области имен, склонявшихся в древности по основам на *-о*, перейдем к соответственным формам родительного, знаменовавшим и в старославянском и в древнерусском языке склонение по основам на *-й*. Очертания второй группы имен твердо не установлены. П. С. Кузнецов для древнерусского языка ограничивает ее состав именами *сынъ*, *домъ*, *медъ*, *волъ*, *полъ*, *вьрхъ* и попутно замечает: «Кроме того, в отношении некоторых слов существуют предположения, что, может быть, и они принадлежали некогда к старому склонению, хотя это и является спорным» [7]. А. А. Шахматов приводит больший список имен, склонявшихся в древнерусском языке по основам на *-й*, в том числе *рядъ*, *чинъ* и некоторые другие [8].

В пределах тех же цитируемых текстов указанная группа имен представлена такими формами родительного на *-у*: шюб*ного* ряд8 (131), сереб*реного* ря*ду* (135), рукавишнова ря*ду* (168), шапошнова ря*ду* 4 (168), шапочного ря*ду* (174), мушнова ря*ду* (168), Сурожскаго ря*ду* (168), сапо*ж*ново ряд8 (178), манате*и*ного ря*ду* (179), ѕеле*и*ного ря*ду* (251) и т. п.; црцына чину (152), црцина чин8 (168), ис црцынына чин8 (254), какова чину (277), какова чин8 (221, 228, 278, 281) и т. п., ср.: какова чи́ну ни буди (260); м8*ж*скогѡ и женского пол8 (226), ср.: мужского и женского по́лу (260); били чело*м* с Верх8 (из царских покоев. — *С. К.*) (257), о то*м* говори*ли* с Ве*р*ху (263).

Все приведенные выше коллекции примеров родительного на *-у* можно заметно увеличить за счет привлечения иных текстов из того же самого издания, по общему своему характеру (по сходству с безусловно московскими) лингвистически московских, о писцах которых, тем не менее, об их принадлежности к москвичам мы сведений не имеем. Не являясь в этом отношении строго документальными, подобные материалы, полагаем, с большою долей вероятности подкрепляют наши основные данные и несколько расширяют их.

Обратимся к показаниям челобитных. Лишь немногие заимствованные из этих текстов примеры родительного

---

[7] П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 15.

[8] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 83—84.

на *-у* не могут быть отнесены ни к одной из указанных выше семантических групп. Основная масса примеров представляет эти группы. В челобитных также постоянно пишут формы родительного *году*, *указу*, *приказу*, *уѣзду*. Приводить примеры с такими формами здесь нет необходимости. Представим по группам все иные; сначала от имен, принадлежавших к старым основам на *-о*, потом от имен, принадлежавших к старым основам на *-й*; затем приведем примеры, не вошедшие в данные группы.

Формы родительного на *-у* от имен, означающих вещество, собрание предметов, часть целого.

С ударением на основе: ȣшиб кирпичом в голову до мозгу (51); пожалуи. . . на родины кормъцу (53); пришел. . . на тот боярскои ѡгород не. . . для овощу (58); поденново корму (59); пят кип хмелю (79); воску два пуда (79); дал. . . всякого товарȣ (84), товарȣ. . . не роздавал (84), товару сорок бочекъ селдеи (86), платя і товару і днгъ на триста на пят рублев с полтиною (89), вѕято. . . товару (96); товарышку. . . взято (79), для. . . товарышку. . . ѣздил (79); ѕгорело товаренкȣ. . . болши двȣсотъ рублевъ (100); тритцат ѕолотников жемчюгу. . . сорокъ ѕолотников жемчюгу (96); приметали к моимъ воротишкам помету (102), учел имъ. . . говорит чтоб они того помету. . . не метали (102); случай несколько иного рода: *в* банишке. . . дыму не сыскал (85), о подобном говорилось выше.

С ударением на окончании: купилъ. . . меду сырцȣ (82); от невещественного имени существительного: Семеновскогѡ полку (123), того ж полку (124), стремянного полкȣ (124) и т. д.

Формы родительного на *-у* от имен, означающих место, местность, с ударением на основе: з Живаго мосту (83); Печниковского приходу црkви Козмы і Демяна (119). Многочисленные примеры родительного на *-у* от имен существительных *уѣздъ* (административно-территориальная единица) и *приказъ* (учреждение) не приводим.

Приведем, за вычетом форм *году* и *указу*, формы родительного на *-у* от имен, означающих отвлеченные понятия.

С ударением на основе: сносȣ. . . вѕяли. . . платя и всякои рȣхлѣди (45), сносу. . . стапу я искат на нем (47), сносу снесли. . . на сто рублев (107), ср.: искати сно́су (260); дат сроку (46), дат мнѣ сроку (70, 110), до того сроку (123); ѿт тог зажегу учинился. . . пожар (49);

искал на нем. . . иску своего (56), правит иску моего (95), искат ли. . . иску (111), ср.: взяти. . . исцова и́ску (261); раsорился. . . ѡт пож[а]р8 (56), ис пожару (66); поперечнику во дворѣ лишняя сажень (60); откупу чем ты гсдрь укажешъ (64), сверхъ прежнего откупу (101); противу прошлог збор8 (64), у. . . таможенново збору (91); беѕ остатку (66), ср.: поемлют без оста́тку (261); он без просыпу. . . пьет (69); м8чит для вѕятку (71); роспис роду ншему (73), ср.: иные кто его ро́ду (260); без пороку (74); после отпуску (75); бѣс сыску (75), того. . . сыску (103); у сыску. . . человѣченка моево не было (107), для сыску (118); боясь ихъ страх8 (76); сверхъ старого оброку (80), спрашивают. . . оброк8 (104); вели гсдрь того пожег8 досмотрить (82); для ѡсмотр8 ѡгня и воды (83); отчету не дает (84), отчету мнѣ. . . не дал (94); явку ѕаписать а приходу насилново с8дом іскать (91); у промыслу (92), у всего промыслу (92), отбилъ ото всево. . . промыслу (92), у брацкова промыслу (92); для . . . промыслишку (104), указано. . . правит иску (95), ср.: взяти. . . исцова и́ску (261); для . . . промыслишк8 (104), промыслишку. . . нет (113); для допросу (97); против. . . подряду (99); твоего. . . долг8 (99), преж. . . долг8 (100), ср.: до́лгу искать (261), искать до́лгу (274); для. . . розыску (101), для роѕыску (106), для. . . розыску (107); спор8. . . не бывало (107), спору. . . не бывало (109), ср.: чтобъ. . . спо́ру не было (260); неведома для кокова воровского состав8 (116); Ѳедка после збѣгу жил в Печниковскои влсти (118); для постою (121); для какова вымыслу 2 (121); длинник8 семъ саженъ поперешнику пять саженъ (123).

С ударением на окончании: крепосной малои. . . литовского полону (84), ср.: исъ полону̀ выйдетъ (261); преж платеж8 (99), платежу. . . не бывало (108), ср.: платежу̀ не подписано (261); до третяго часу (99), того жъ часу (115); после того бою (121).

Отметим формы родительного на *-у*, включение которых в ту или иную из приведенных групп примеров представляется нам немотивированным: короул8 уличного в ден и в ночь не доешъ (83), у меня де короул8 не б8дет (83); от того очагу загорелся забор (82); огню б на дворѣ не роскладывали (99).

Наконец, укажем подобные формы от имен, которые относились к старым основам на *-й*: котелново ряду (50), москотилного ряду (84), москотилного ряд8 (84); какова

ѡн чину (70), невѣдомо какова чинꙋ (73); в дву во*ꙁах* меду (65), ме*ду*. . . не постави*ли* (81), купилъ . . . ме*ду* (82); дому. . . своего не *знает* (69).

Материалы по формам родительного на *-у* свидетельствуют о значительном распространении указанных форм и в московской письменности широкого бытования и в устной речи москвичей XVII в., поскольку это — формы имен, обозначавших предметы и понятия, в подавляющем большинстве хорошо знакомые московскому люду, обыкновенно актуальные в его речевом обиходе. Одновременно следует заметить, что эти многочисленные формы за пределами церковнославянской книжности, по-видимому за малыми исключениями, были литературными. О совпадении в данных словоформах народно-разговорной и литературной норм, полагаем, убедительно свидетельствует отсутствие параллельных форм на *-а* от тех же самых имен. Небезынтересно, что подобная, хотя и менее последовательная, дифференциация родительного на *-у* и родительного на *-а* наблюдается в языке Домостроя: у 35 имен существительных при окончании *-у* нет параллельного *-а* и только у 6 имен, из которых лишь одно имеет значение вещественное, а остальные — отвлеченные, отмечается этот параллелизм [9].

В московских текстах формы на *-у* представлены именами мужского рода, но говорить о полной изоляции их от категории среднего рода было бы опрометчиво. Касаясь проникновения этого окончания в категорию имен среднего рода, С. П. Обнорский, между прочим, упоминает формы родительного на *-у* от имен существительных на *-ишко*, производных от слов мужского рода. При этом приводится пример из явки 1681 г.: изъ домишку моего [10]. В Москве в шестидесятых — восьмидесятых годах XVII в. аналогичные формы не исключались. В челобитной московского тяглеца, например, читаем: товарышку. . . взято (79), для. . . товарышку. . . ѣзди*л* (79), ср.: то*т* товарышко (79), с местоимением, однако, мужского, а не среднего рода. В челобитной кадашевца писано: для. . . промыслишку (104), для . . . промыслишкꙋ (104), ср.: опричь

---

[9] М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI века. Л., 1957, стр. 120.

[10] С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1, стр. 224.

того дворишка (104), с окончанием *-а*, не *-у*. В челобитной мастера ствольного и замочного дела: промыслишку. . . не*т* (113).

В кругу имен одушевленных форм на *-у* не находим.

Отложившееся в исследованных текстах употребление форм родительного на *-у* в общем согласуется с заключением П. С. Кузнецова: «. . . уже в памятниках XV в. наблюдается картина, очень близкая к современному языку (особенно если ограничиться памятниками московскими и местностей, близких к Москве). Для род. п. мы видим несколько более широкое употребление этой формы, чем теперь» [11].

В соответствии с утвердившейся и оправданной традицией рассмотрим вслед за формами родительного единственного на *-у* формы предложного единственного на *-у*. Обратимся к примерам их употребления у писцов — заведомых москвичей и в расспросных речах, привлекая акцентологические параллели из книги П. Я. Черных «Язык Уложения 1649 года». Формы предложного на *-у* от имен, принадлежавших в прошлом к склонению основ на *-о* и склонению основ на *-й*, обладали ударяемым окончанием (исключения указываем ниже).

Приведем сначала примеры от имен, склонявшихся в прошлом по основам на *-о*.

Формы предложного на *-у* от имен с вещественным значением: на собо*л*емъ мехȣ 2 (189), на горо*но*ста*и*но*м* мехȣ (189), на бѣ*л*емъ мѣху (189), на песцовомъ мѣху (189), на лисьемъ мехȣ (189) и т. д.; в прикаѕномъ сорȣ (221); в производном от вещественного значения: о*н* в хмелю збродит с ȣма (255). По-видимому, с ударением на основе: в че*р*номъ воску (217), в завладѣно*м* борошню (288).

Формы предложного на *-у* от имен, означающих место, местность: *в* садȣ (180), ср.: въ саду̀ (262); в Радоне*ж*ско*м* станȣ (190), въ Вышегоро*д*цко*м* стану (190), в Ы*м*ѕе*н*-ско*м* станȣ (190) и т. д., ср.: на томъ стану̀ (262); написа*н* кр*с*тъ в крȣгȣ (218), [на Д]ону (274); ср.: на Дону̀ (262); [в с]рубу (275). Скорее всего с ударением на основе: в Севску (162, 170), во Мценску (221). С ударением на основе: в ла*р*чику (223), ср.: ру*х*ле*д* не в о*д*номъ была ла*р*чике была и в по*д*головке (224).

[11] П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 21.

Формы предложного на *-у* от имен отвлеченных: в ннеш*и*немъ. . . го*ду* (125), въ прошло*м*. . . год8 (131), во сто *де*вясто (так!) перво*м* го*ду* (155), въ двести че*твер*томъ год8 (157), в то*м* же го*ду* (166), плати*т*. . . де*н*ги в го*ду* на два срока (174), в после*д*не*м* го*ду* 2 (174), что. . . учини*т*ца имъ в году 8бы*т*ковъ (177), во PMS *м* го*ду* (258) и т. д., ср.: въ которомъ году̑ (262); а также: въ которомъ го́ду (262); в которо*м* чсу (126), в др8го*м* чс8 ночи (263), в которо*м* часу (283); в бою и *в* бѣсчестье (158), в. . . бою и в 8вѣчье (287), в бою и в 8вѣ*ч*е (289), ср.: на бою̑ (262); в до*л*гу (199), ср.: въ долгу̑ (262); в ыску 2 (204), в ы*с*цове иску (204), ср.: въ ысцовѣ иску̑ (262), в обыску (232), в се*м* ѡбыску (232), в обыск8 (266), ср.: въ обыску̑ (262); о*б* сыску (246), в сыску (251), в сыск8 (257, 259, 266, 267), ср.: о сыску̑ бить челомъ (262), въ сыску̑ (262), возможно, с ударением на основе: о гром8 (221).

Примеры предложного на *-у* от имен склонения основ на *-й*: в мучно*м* ряду (160), в ѕеле*и*но*м* же ря*ду* (251), в тесемно*м* ря*ду* (258), в серебряномъ ря*ду* (287); в гсдрьско*м* чин8 (168), в црцыне чину (247), в црцыне чин8 (254), в како*м* чин8 (261), в ве*р*ховомъ чин8 (287); бывъ в Ве*р*х8 пошла к себѣ (236), ворует в Ве*р*ху с ве*р*ховыми лю*д*ми (252), живу*т* в Ве*р*ху в посте*л*ницахъ (253), чепъ о*т*да*л* в Ве*р*х8 бо*д*арин8 (256) и т. д.; на Ниѕу (272); в Ѳедорове дом8 (220), в дом8 (220), в до*му* (288), ср.: въ дому̑ своемъ (262).

Ознакомимся с формами предложного на *-у* в составе челобитных.

Содержанием текстов обусловлено отсутствие в них соответственных форм от имен с вещественным значением. Напомним: в кругу представленных выше примеров предложного на *-у* подобные формы единичны.

Формы предложного на *-у* от имен, принадлежавших к склонению основ на *-о*, со значением места, местности: во Бря*н*ску (53); в Тру*б*че*в*ску (70), ср.: бы*л* в Тру*б*ческе (91) — примеры с ударением на основе; сеяна ржи и яри . . . на то*м* ку*п*лено*м* жере*б*ю (46) — предполагаем ударение на основе; н (так!) 8глу (123) — наконечное ударение; на Волоку Ла*м*ско*м* (88) — предполагаем ударяемое окончание.

Формы предложного на *-у* ударяемое от имен, которые принадлежали к склонению основ на *-о*, с отвлеченным значением: в прошло*м*. . . го*ду* (45), в ныне*ш*не*м*. . .

году (46), в то*м*. . . го*ду* (103) и т. д.; в о*т*купȣ (53), на о*т*купу (101), ср.: держать. . . въ откупу̀ не похотятъ (262); в друго*м* часу ночи (58, 90), въ друго*м* часу ночи (91), в другомъ часу ночи (102), в че*т*ве*р*то*м* часу ночи (96), часу в пято*м* нощи (100); в то*м* мое*м* бою (58), в то*м* бою (121); в то*м* мое*м* иску (59), в поклепно*м* иску (68), в то*м* іску 3 (78, 119), в ыску мое*м* (119); *в* сыску (103), ѡ сыску (119), о сыску (120); в обы*с*ку (107); Ѳе*д*ка. . . збѣ*г* и в бѣгу жи*л* в Ка*р*гополе (119), въ ево Ѳе*д*ки Степанова бѣгу (120), в бѣгу (120). Принимая во внимание, что родительному на *-у* с ударяемой основой обыкновенно соответствует предложный на *-у* с ударяемым окончанием, приводим здесь и такой пример: стоя*л* на правежу (108), ср.: с пра́вежу окупитися (260), при ударении, однако, на основе и в предложном падеже с иным окончанием: на пра́веже (260).

Формы предложного на *-у* от имен, принадлежавших к древним основам на *-й*: брани*л*. . . ка*к* в миру не веде*т*ца (54); в Суро*ж*ско*м* ряду (69), в житно*м* ря*ду* (69), в житно*м* рядȣ (99), в сȣко*н*но*м* ря*ду* (74), в москоти*л*но*м* ря*ду* (84), в москоти*л*но*м* ря*ду* (89); в до*му* (93), в дому (105).

Аналогичные формы от имен на *-ишк-*, как сказано выше, могли свидетельствовать о том, что окончание *-у* не было полностью изолировано от категории среднего рода: во *д*воришку (84); в домишку (89, 113, 114, 120).

Заметим: как форм родительного на *-у*, и форм предложного на *-у* в кругу имен одушевленных также не находим.

Как и родительный на *-у*, сфера предложного на *-у* охватывает, за малыми исключениями, такие лексические элементы, которые на тех же основаниях, что были изложены ранее, не могут быть рассматриваемы за пределами литературных.

Возвращаясь к наблюдениям П. С. Кузнецова над более ранними проявлениями родительного и предложного (местного) на *-у*, напомним его высказывание, с которым нельзя не согласиться: «В особенности же близко к современным нормам употребление форм местн. п. на *-у*» [12]. Он же, опираясь на конкретные данные, выше констатирует: «В собственно русских памятниках эпохи образования великорусской народности (т. е. XV в.) мы находим большое количество форм на *-у* для родительного и ме-

[12] П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 21.

стного падежей единственного числа как в существительных, восходящих к старому склонению на *-й* так и в существительных, восходящих к старому склонению на *-о*»[13].

Суммируя эти и наши сведения, можно сказать следующее: широкая употребительность исследуемых форм в XV—XVII столетиях во всем русском языке и особенно в говоре Москвы, поскольку последний послужил основой литературного языка в его устной разновидности, — один из существенных моментов, наглядно подтверждающих собственно русское основание современного литературного языка, вопреки представлению Б. О. Унбегауна об этом литературном языке как церковнославянском. Уместно напомнить: церковнославянскому, вне узкого круга основ *-й*, формы родительного и предложного на *-у* в общем были несвойственны. Примечательны в этом смысле касающиеся склонения имен обобщения М. В. Ломоносова.

«Происшедшие от глаголов, — читаем в его «Российской грамматике», — употребительнее имеют в родительном *у* и тем больше оное принимают, чем далее от славенского отходят, а славенские, в разговорах мало употребляемые, лучше удерживают *а*: *размахъ*, *размаху*; *чесъ*, *чесу*; *взглядъ*, *взгляду*; *визгъ*, *визгу*; *грузъ*, *грузу*; *попрекъ*, *попреку*; *переносъ*, *переносу*; *возрастъ*, *возрасту* и *возраста*; *видъ*, *виду* и *вида*; *трепет*, *трепета*».

.О состоянии в предложном говорится:

«Как во многих других случаях, так и здесь наблюдать надлежит, что в штиле высоком, где российский язык к славенскому клонится, окончание на *ѣ* преимуществует: *очищенное в горнѣ злато*; *жить въ домѣ Бога вышнаго*; *въ потѣ лица трудъ совершать*; *скрыть въ ровѣ зависти*; *ходить въ свѣтѣ лица Господня*, но те же слова в простом слоге или в обыкновенных разговорах больше в предложном *у* любят: *мѣдь въ горну плавить*; *въ поту домой прибѣжалъ*; *на рву жить*; *въ свѣту стоять*»[14].

Несколько замечаний о соотношении исследуемых московских фактов с соответственными южновеликорусскими и северновеликорусскими.

Если на основании современных данных С. П. Обнорский считал возможным утверждать, что распространение

---

[13] Там же, стр. 17.

[14] М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VII. М.—Л., 1952, стр. 457, 461.

форм родительного на *-у* в северновеликорусской области подходит к соответственной картине литературной речи, то сравнение московских и южновеликорусских [15] данных XVII в. приводит нас к заключению: три-четыре столетия назад распространение упомянутых форм, с одной стороны, в московском говоре, а поэтому в значительной степени и в литературном языке, с другой, — в южновеликорусской области было более или менее сходным. Если в Москве родительный на *-у* для имен одушевленных исключался, то в южновеликорусском наречии его проявления среди них были довольно слабыми. Проникновение родительного на *-у* в категорию среднего рода в Москве, и то предположительно, возможно связывать всего лишь с образованиями на *-ишко*, а в южновеликорусской области следы подобного проникновения представляются крайне редкими.

Сходным с положением в Москве было, по-видимому, и состояние в северновеликорусской области. Например, в вологодских говорах подобные формы родительного единственного отмечены «у существительных с вещественным и собирательным значением, у отвлеченных существительных, а также у имен со значением места, местности» [16].

Что касается предложного на *-у*, то материалы XVII в. показывают: в отличие от московского говора и вместе с тем от литературного языка в пределах южновеликорусского наречия к этому времени вполне утвердилось образование предложного на *-у* от имен одушевленных [17]. В отличие от Москвы не менее определенно выступают на южновеликорусской почве и формы предложного на *-у* в категории среднего рода [18].

На первый взгляд, и современные данные и факты XVII в. ведут к признанию того, что исследуемые формы роди-

---

[15] С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 150—164.

[16] Л. Ф. Копосов. Вологодские говоры XVI—XVII вв. по данным местной деловой письменности (Фонетика и морфология). Автореф. канд. дисс. М., 1971, стр. 12; см. также: Он же. Формы склонения имен существительных в вологодских памятниках делового стиля XVI века. «Уч. зап. Московского обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской», т. 163, М., 1966, стр. 402—403.

[17] С. И. Котков. Указ. соч., стр. 169—171.

[18] Там же, стр. 172.

тельного и предложного в старом московском говоре связаны с северновеликорусскою стихией и подтверждают, следовательно, ее господство в не столь далекую от XVII в. историческую эпоху — в XV—XVI вв. Однако подобное признание было бы поспешным: ничто не мешает предполагать и связь их с южновеликорусскою стихией той исторической поры, когда в южновеликорусской области рассматриваемые формы еще не охватывали имена одушевленные и категорию среднего рода.

С. П. Обнорский полагает: «Отсутствие в современной стадии языка форм местного ед. на *-у* от известных рядов существительных, или колебание в употреблении от них рядом с формами на *-е* (*-ѣ*) форм на *-у* (в частности, в положении местной формы после тех или иных предлогов, в связи или вне связи существительного с определяющим именем прилагательным и проч.) обязано церковнославянскому влиянию на язык в широком смысле»[19]. Высказанное с такой определенностью, положение это, в качестве связываемого с современной стадией языка, представляется спорным. В самом деле; обрисованное выше состояние форм предложного на *-у* в московском говоре XVII в. продолжалось и в XVIII в., когда развитие русского языка, особенно литературного, остро поставило вопрос о необходимости функционального разграничения русской и церковнославянской стихий, причем ведущей из этих стихий в литературном языке означенной эпохи была, безусловно, русская. В этих условиях ожидать влиятельного церковнославянского воздействия на сложившийся морфологический строй языка едва ли есть основания. По-видимому, значительные возможности, которыми было предопределено отмеченное С. П. Обнорским состояние, таились, помимо церковнославянского, и в русском языке.

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В склонение основ на *-о* окончание род. мн. *-ов* проникло из склонения основ на *-й*. К XVII в. этот процесс, протекавший несколько столетий, проявился в полной

---

[19] С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1, стр. 231.

мере. В рукописных источниках московского происхождения формы на *-ов* в исследуемое время господствуют почти безраздельно: дворо*в* (128), городо*в* (133), возо*в* (144), шесто*в* (148), у приставовъ (158), кр8жевнико*в* (173), поваренны*х* . . . с8до*в* (193), абраѕо*в* (201), плото*в* (206), достокановъ (214), товаровъ (242), заговоро*в* (256), кресто*в* (261), и*з* шипо*в* (270), огородо*в* (279), грибо*в* (286), живото*в* (289) и т. д. В том же флективном оформлении выступает в московской письменности и соответственная группа имен с основою на *ц*: кодашевцо*в* (130), иноземцо*в* (135), ко*р*цо*в* (144), о*б*ро*с*цо*в* (148), чюдотво*р*цовъ (192), сидѣлцо*в* (196) и т. д. Исключение: самоде*р*жцевъ (156). У имен на *ц* П. Я. Черных отмечает окончание *-ов* или *-ев*, а примеры приводит только с *-ов* [1]. Окончание *-ев* после мягких согласных представлено в таких образованиях: рублев (примеры многочисленны), ср. единственное написание на *-ей* в приложении руки кадашевца к поручной записи 1651 г.: по *ш*ти рубле*и* (170), а в поручной, составленной подьячим Ивановской площади: по шти ру*б*ле*в* (170); товарище*в* (15, 75, 281), товарищевъ (148), товарыще*в* (59), таварыщевъ (67), ср. в расспросных речах: товарыще*и* (262); отметим далее: пае*в* (162), жере*б*евъ (167). П. Я. Черных регистрирует только форму *рублев*, а *рублей* не указывает и вместе с тем наряду с формою *товарищев* упоминает как более редкую и *товарищей* [2].

Преобладание форм на *-ей* от имен мужского рода с основой на мягкий согласный или отвердевший шипящий в московской письменности XVII в. показывают следующие примеры род.-вин.: ѕ гребне*и* (214), т8точны*х* жителе*и* (208), десять ключеи (217), пя*т*десят ко*в*ше*и* (145), лю*д*цки*х* конеи (193), у м8же*и* (238), шесть ноже*и* (224), четы*р*на*т*ца*т* пе*р*сне*и* (189), В чл*в*ка понамареи (267), родителе*и* моих (60), бе*з* соболе*и* (135), лавошны*х* стороже*и* (235), граненых хр8стале*и* (214) и др. Отметим еще форму на *-ей* от существительного *ремень*, принадлежавшего в древности к основе на *-n*: десе*т* ре*м*не*и* (144). И лексический состав указанных форм и характер тех источников, откуда они приведены, не оставляют сомнения в их живом, народном употреблении.

---

[1] П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 267.

[2] См. там же.

Остатки старого склонения в виде форм с нулевым окончанием выступали в ограниченной группе имен — в именах существительных, которые обыкновенно употреблялись с числительными. Примеры: по семи а*л*тын (160), по шти а*л*тын (169), на пя*т*на*т*ца*т* а*л*тын (170), по сороку а*л*тын (175), десять а*л*тынъ (265) и т. д.; семь а*р*шинъ (214); два*т*цать пу*д* (82), по осми п8*д* (143), сто пу*д* 4 (143), пя*т*на*т*це*т* пу*д* (144, 146), на сто пу*д* (146), ко сту п8*д* (146), соро*к* пу*д* (148) и т. д.; деся*т* чл*в*къ (222), ИI чл*в*къ (267—268), шесть члвкъ (277) и т. д.

Как известно, в русском языке нулевое окончание в род. мн. свойственно и наименованиям парных предметов. В московских материалах XVII в. мы таких падежных форм не встретили, попались только формы на *-ов*. В челобитной московского тяглеца: чу*л*ко*в* (79). В расспросных речах: 8 сапого*в* (271).

Вне сочетания с числительными и вне категории парности в наших источниках с нулевым окончанием зарегистрированы такие формы: *от* сасе*д* слышали (232); дѣтишка. . . бродя*т* ме*жу* дво*р* (66), что*б*. . . межъ дво*р* не по*и*ти*т* (67), что*б*. . . межъ дворъ не скита*т*ца (114) — сохранение в этих случаях старого окончания род. мн. обусловлено фразеологизацией выражения *меж(у) двор* [3]; бо*лс*. . . побо*и* (237), 8вѣчны*х* побо*и* (288), ѡ*т* таки*х* ево побо*и* (288), *от* тѣ*х* де побо*и* (288). У имен существительных на *ц*, помимо форм на *-ов* (они указаны выше), П. Я. Черных отмечает и формы с нулевым окончанием, например: у литвы и у нѣмецъ (135) [4].

В образовании род.-вин. мн. от недавнего заимствования из немецкого *солдат* в середине XVII в. наблюдалось колебание: приня*т*. . . са*л*да*т* (284), освободи*т*. . . са*л*да*т* (285) са*л*датъ. . . свободи*т* (285), са*л*дато*в*. . . постави*т* пере*д* собою (278), са*л*дато*в* восмъ чл*в*къ (280).

Колебание иного рода — между окончаниями *-ов* и *-ей*, обусловленное колебанием в оформлении им. мн.: ины*х* бесо*в* (257), бесо*в* . . . напуща*л* (274), ср.: *з* бесы *де о*н. . .

---

[3] Ср.: «К фразеологическому употреблению относится. . . *меж двор* 'между дворами, по дворам'» (Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 3. Киев, 1950, стр. 128).

[4] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 266.

ѕнa*л*ся (274), ѕ бѣсы ѕна*л*ся (274); напущa*т*. . . бесеи (275), бесеи. . . не вида*л* (275), помочи. . . о*т* бесеи никакие нѣ*т* (275), ср.: о*т* нево бѣси о*т*ст8пили*с* (274), ему бѣси помогаю*т* (275), ему бѣси помогали (275).

В соответствии с им. мн. *холопи* в род.-вин. мн. — *холопей*: холопе*и*. . . не было (48), у на*с* холопе*и* (54), пожал8*и* на*с* холопе*и* (77) и т. д.

В русских народных говорах, по мнению С. П. Обнорского, формы род. мн. на *-ев* (после шипящих и *ц* на *-ов*) от имен существительных мужского рода представлены очень ограниченным кругом и относятся к известной совокупности слов [5]. По его наблюдениям, указанные формы характерны для большей части северновеликорусской территории, а также для полосы переходных и смешанных говоров. Исследователь обращает внимание на то, что в кругу описываемых падежных форм «много слов заимствованных, оказавшихся в народной речи только через посредство литературного языка» и называет *куль*, *крендель*, *фонарь*, *фитиль*, *кошель*, *грош*, *барыш*, *ландыш*, *карандаш*, *этаж*, *камыш*, *кирпич*, а также определяемые им как церковнославянизмы *приятель*, *неприятель*, *родитель*, *пустырь*, *богатырь*, *монастырь*, *писарь*, *лекарь*, *пушкарь*, наконец, «слова вроде *палач*, *рубль*, *товарищ*, *сторож*, *торгаш*, *король*, *царь*, *царевич*, *князь*», среди которых «также содержатся заимствования из иноземных языков»[6]. Ученый приходит к выводу: описываемые формы род. мн. усвоены народными говорами из книжных источников [7].

Вывод С. П. Обнорского вызывает сомнение по ряду соображений. Прежде всего следует заметить, что распространение данных форм в русских народных говорах является более широким, нежели очерченное С. П. Обнорским. Они знакомы и известной части южновеликорусских говоров, например западным орловским. Здесь обычны формы *дажжóв*, *нажóв*, *стъражóв*, *тавáришшав* и возможны *мидьвядёв*, *плятнёв*, *калóдизяв*, *сасéдяв* и др.[8] «Те скудные свидетельства об этих формах, — пишет С. П. Обнорский, —

---

[5] С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 2. Л., 1931, стр. 229.
[6] Там же, стр. 232—233.
[7] Там же, стр. 229—230.
[8] С. И. Котков. К изучению орловских говоров. Орел, 1952, стр. 107—108.

которые принадлежат черте южновеликорусских говоров, следует, очевидно, признать показаниями не исконного происхождения для южновеликорусской почвы, а вторичного, наносного» [9]. В орловских фактах мы не видим заимствований из литературного языка: их лексический состав — не специфически литературный. Да, собственно, то же можно сказать и о некоторых именах, приведенных выше как заимствованные говорами из литературного языка, таких, как *кошель*, *камыш*, *кирпич*, *сторож*, *товарищ* и *пушкарь*. Что касается существительного *родитель*, то его появление в говорах, безусловно, предшествовало его вовлечению в круг имен существительных с род. мн. на *-ев*. А главное заключается в том, что формы описываемой категории выступают в народно-разговорных условиях уже в XVII в., когда влияние книжности на живую, особенно диалектную речь, в области морфологии было очень слабым. Полагаем, эти формы зародились в народных говорах и из устной, обиходной речи проникали в литературную. Закреплению их в литературном языке помешало возобладание иной формы (род. мн. на *-ей*), в значительной степени определяемое Москвой, почему они с течением времени и выпали из литературной сферы.

Примечательно: в московской речи, в отличие от северно-и южновеликорусской, а также средневеликорусской[10], эти формы вообще не затронули ни средний, ни женский род.

В исследованных нами московских источниках имена среднего рода выступают в род. мн. лишь с нулевым окончанием: ·Е· блю*д* (216); сорокъ бреве*н* (181); два*т*це*т* веде*р* (144), десе*т* веде*р* (145), три тысечи вѣдръ (202); кодашевски*х* дѣ*л* (131, 234), хамовны*х* дѣ*л* (151—152, 160), хамо*в*ныхъ дѣ*л* (161), сыскны*х* дѣлъ (213), сыскны*х* де*л* 2 (224), ȣ црковны*х* дѣ*л* (221); два*т*ца*т* пя*т* дереве*ц* (180); два*т*це*т* коры*т* (144), два*т*це*т* корытъ (145); шестьсо*т* кры*л* гȣсины*х* (144), пя*т*сотъ кры*л* гȣсины*х* (145); прошлы*х* лѣтъ (131), десети ле*т* (210), лѣтъ с пя*т*на*т*ца*т* (230), сорокъ лѣ*т* (251), три*т*ца*т* лѣтъ (251); о*б*рочныхъ мѣстъ (142), по кои*х* местъ (198), по сѣ*х* мѣстъ (205), до сѣ*х* мѣстъ (244), до тѣхъ *де* мѣстъ (255), до тѣхъ мѣстъ (258), с тѣ*х* мѣстъ (272, 275); писе*м*. . . не імывали

---

[9] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 232.
[10] См. там же, стр. 234—274.

(150), писемъ осматривали (213), взято писе*м* (216), привеѕено... писе*м* (216), писе*м* не списыва*л* (219), досматрива*ли* писе*м* (222), писе*м*... не вида*л* (223); плате*н* ѕалотны*х* (201); три*т*ца*т* полотенецъ (189); семна*т*цать прясе*л* (179), восмна*т*ца*т* прясе*л* (184); двести решо*т* (144—145), три*т*це*т* решо*т* (145); что... останетца... сѣде*л* (193); три*т*це*т* си*т* (144), сто си*т* (145); в конюшне пя*т* стоя*л* (186); сȣко*н*... КА кипа (215); свои*х* ча*д* (245). Отрешенно от древней нормы, т. е. без наращения *-ес*, выступает в род. мн. существительное *слово*: словъ не слыхалъ (219), съ ево... словъ (219), такихъ сло*в* (252) и др. Кроме того, от имени, обладавшего лишь формой мн. ч., встречаем форму *желез*; и*з* желѣ*з* освободи*т* (65), и*з* желѣ*з* свободи*л* (229), и*з* желѣ*з* де выпусти*т* (229). Нулевым окончанием отмечены имена того же рода с основою на *j*: поместеі (198); угоде*и* (141—142), ȣгоде*и* (141—142).

О принадлежности приведенных форм не только московской письменности, но и живой столичной речи судим и по лексическому составу форм, и по тому, что они в ходу и у писцов-непрофессионалов [11], и по их последовательному употреблению (ср. напротив, широко распространенные ныне в русской народной речи формы *делов*, *местов*). Не встречаем и признаков колебаний в употреблении данных форм в виде каких-либо исправлений флективного оформления.

С нулевым окончанием в род. (и вин.) мн. выступают в наших источниках и имена существительные женского рода старых основ на *-а*, *-ја*. Помимо многочисленных примеров употребления формы *денег*, отмечены такие: тре*х* бабъ (242), тѣ*х* ба*б* (242), три тысячи бочекъ (143); тѣ*х* вдо*в* (251), рѣчи... *в*до*в* (251), учели вдовъ... бранить (251), для вдо*в* (252); сто веровок (144—145); кустъ вишенъ (184); во*т*чинъ... нѣ*т* (141), вѡ*т*чи*н*... не раѕоряе*м* (149), и*з*... вотчинъ (165), и*з* вотчинъ (165), и*з*... вотчи*н* (166), те*х* во*т*чи*н* (198), ис те*х* же вотчи*н* (199); Е выбоекъ (215); и*з* ево... дачь (157), и*з* свои*х* дачь (166), уча*л*... дѣвакъ брани*т* (87), дѣвакъ обесчести*л* (87); до тѣ*х* дрвнь (166), и*з* др*в*нь (267); сто пя*т*десят досо*к* (144); пя*т* дȣби*н* (145), десе*т* дȣби*н* (145), десеть дȣби*н* (146), два*т*це*т* дȣби*н* (146); сосла*ти* жоно*к* (247), привора-

---

[11] Например, формы *ведер*, *корыт*, *крыл*, *решот* и *сит* находим в сказке, писанной московским пушкарем.

чивает... жонокъ (256), жонокъ... приворачивал (258), жонок приворачивал (259), жонокъ приворачивал (262); посадцких жон (279); что... останетца... избушекъ (193); камокъ розныхъ цвѣтов (215); что... останетца... карѣтъ (193); на тритцат копен (142); возмь карабѣи (201), ис коробеи (224); Е кръжечокъ (214); лавокъ... нѣт 2 (142); рыбных ловель (141), рыбных ловел (141—142), рыбныхъ ловел (142); петнатц[а]т лопатъ (147); тѣхъ лягѹшек (256); мастерицъ... не знает (241), мастерицъ... ѕнает ли (242), золотныхъ мастерицъ (243), ѕолотных мастерицъ (246), поставит... мастерицъ (246); мелницъ... нѣт 2 (142); недель в сватцать (233); с ногъ (229); дватцет начовок 2 (145); ѡкончин слюденых (158), шесть окончинъ (158); пять паръ (288); подряжался я... под пенекъ под тысячю пѹд (99); бес пѣтел (214); дожидаетца... подводъ (229), дожидаетца подвод (229); подруг ихъ... выслати (247); І половинокъ (215); верховых постелницъ (242), ѡт постелниц (250), поставить... постелницъ (251), тѣх постелницъ (251), постелниц... ѡтставит (254); платит ему... пошлин (169—170), пошлин... по десяти денег (174); портища пѹгвицъ (215), четырнатцет пугвиц (224); восмь пугвиц 2 (224); не истерпя пыток (269), с пыток (269), с пытокъ 2 (274), с пытокъ (284), дватцет рогож (144), рогож ценовок (144—145), рогож ценовак (147); рубах бѣлых 2 (288), двѹ пар рѹбах (290); пепел... рубашек (240), ѹ рубашекъ (242, 246), ѕжоных рубашек (244); с рѹкъ (229), что... останетца... сабель (193); асталос... серех (201); учал... сестръ... бранит (87), сестръ... обесчестил (87), сестръ нших 2 (153), своих сестръ (153), сестръ моих (163), после сестръ (163), сестръ своих (197—198)[12]; против... скаѕок (205); черных слобод (211), московских слобод (230); от... слѹжеб (98, 171)[13]; тритцат сорочекъ (189); межъ... статеи (220), промеж. . статеи (221), против тѣх статеи (237), противъ сѣхъ статеи (238); пят ступъ (145), восмь ступ (145); асталос... тавтъ (201); каких трав (270), вѕято... травъ (270); от трясавицъ (217), Е ѳатъ (215); что... останетца... шапок (193); ѧрыжок три ҷчлвка (284).

---

[12] Отметим отсутствие в форме *сестр* беглого *е*, ср. современное *сестер*.

[13] В беглом *е* усматриваем факт живой московской речи.

Кроме того: тѣх. . . старостъ (177), тѣх старостъ (177).

И лексическое разнообразие приведенных форм, и употребление их, притом последовательное, в разных контекстуальных условиях и принадлежность их писцам как профессионалам, так и непрофессионалам — все говорит о том, что эти формы были свойственны не только московской письменности XVII в., но и устной московской речи той же самой эпохи.

Касаясь форм род. мн. с окончанием *-ов* или *-ев* от рассматриваемой группы имен существительных, С. П. Обнорский пишет: «. . . явление это относительно по́зднее и самостоятельно развивающееся в черте северновеликорусских и южновеликорусских говоров. Согласно с приведенным материалом, о развитии форм на *-ов*, *-ев* можно пока говорить для незначительной территории северновеликорусского наречия, для полосы переходных говоров и для незначительных же частей южновеликорусского наречия».[14] Исследователь констатирует, что это явление, поздно зародившись, продолжает еще развиваться и далеко поэтому от отчетливых конечных своих результатов. «Отсюда, — говорится далее, — такая неровность в распространении черты как на чистом севере, так и на чистом юге великорусской территории. Нельзя при этом не отметить относительной сгущенности и широты отражения черты в средневеликорусской полосе говоров, в частности в московском наречии. Этот факт находится в полном согласовании с высказанным выше общим утверждением о зарождении самого явления в народной речи на основе влияния литературного языка, т. е. бывшего именно московским в своей живой природе в пору зарождения данного морфологического явления» [15]

Представленное в наших источниках господство форм с нулевым окончанием, причем без каких-либо исключений, противоречит мнению С. П. Обнорского о соответственных формах на *-ов* и *-ев* как формах в пору зарождения именно московских. Отмеченная им сгущенность и широта отражения последних форм в пределах московского наречия (в подмосковных говорах) с положением в говоре Москвы XVII в., как можно судить по нашим данным,

---

[14] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 248—249.
[15] Там же, стр. 249.

никак не согласуется. Это одно из доказательств особого, в главном независимого от подмосковных говоров развития московского койне. Очевидно, формы на *-ов*, *-ев* в кругу имен женского рода зародились на почве народных говоров, за пределами московского, и затем единичные из них оказались временно приемлемыми в литературном языке.

Имена существительные женского рода старых основ на *-i* в московской письменности XVII в. выступали с окончанием *-ей*: бе*з* юѳьте*и* (135), из ыны*х* волостеи (144), десе*т* каде*и* (144), пяти че*т*ве*р*те*и* (145), посо*л*ски*х* скате*р*те*и* (158), тѣ*х*. . . п8стоше*и* (166) ото *в*сяки*х* крепосте*и* очища*ти* (181), что в тѣ*х* вотчина*х* лошадеи (193), проти*в*. ѕаписеі (205), с тетрате*и* (221), у груде*и* (233), у *д*вере*и* (240), пыточныхъ речеи (243), ис пищале*и* (269) и др.

От *сажень* в род. мн. употреблялась форма с нулевым окончанием: пяти саже*н* (145), по семи саженъ (145), шесть саженъ (175), два*т*ца*т* саже*н* (184) и т. д.

Принимая во внимание то обстоятельство, что имена женского рода на *-'а* в род. мн. выступали с нулевым окончанием (*деревень*, *ловель*, *петель*), допускаем: форма род. мн. *яблоней* соотносительна с формой им. ед. *яблонь*, а не *яблоня*: ябланеи и прививокъ ѕ девяноста (181). Ср. замечание С. П. Обнорского: «. . . в народной речи исключительна форма *яблоней*» [16].

В заключение обозрения род. мн. С. П. Обнорский останавливается на вопросе о появлении у известных рядов имен существительных в данной форме беглых гласных *о*, *е*, отмечая между прочим колебание *ведр* и *ведер* и форму род. мн. *сестр* в текстах XVII и XVIII вв.[17]

Приведенные выше наши данные фиксируют сходное положение в XVII столетии: ведр (1666 г.) — ведер (1685 г.); сестр (1660, 1674, 1692 гг.). Не принятая литературным языком с беглым *е* форма *служеб* попалась в текстах 1661 и 1671 гг. К 1684 г. относится употребление формы *стоял*.

Во всех остальных представленных в наших материалах случаях образование форм род. мн. у подобных рядов существительных не имеет такого рода отличий от современного литературного.

---

[16] Там же, стр. 187.
[17] Там же, стр. 300.

ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Как известно, во множественном числе дательный, творительный и местный (предложный) падежи имен существительных мужского и среднего рода подверглись преобразующему воздействию со стороны соответственных падежных форм имен существительных женского рода старой основы на *-а*. Вследствие этого в склонении имен мужского и среднего рода окончание *-ом (-ем)* в дательном сменилось окончанием *-ам* (*-ям*), окончание *-ы* (*-и*) в творительном — окончанием *-ами* (*-ями*), а *-ѣх* (*-их*) в местном — окончанием *-ах (-ях)*. Истоки этого морфологического процесса восходят к XIII в.

В московских и других грамотах Северо-Восточной Руси, принадлежащих XV в., П. С. Кузнецов отмечает такие новые формы дательного: всем *хрестьянам*, по иным *местам*, тем *людям старожилцам*, по *жеребям* [1]. М. А. Соколова констатирует, что процесс выравнивания форм дательного, творительного и местного падежей множественного числа всех типов склонения по основе на *-а*, т. е. усвоение для этих падежей единых флексий *-ам* (*-ям*), *-ами* (*-ями*) и *-ах* (*-ях*) «в конце XVI в. еще только намечается. . . .В Домострое (по Коншинскому списку) флексию *-ам* имеют всего три формы: *по добыткам* (26), *по залавкам* (42) и *хоромам* (36). Последние две допускают и некоторые сомнения (не образованы ли они от существительных *залавка*, *хорома*?)» [2]. «Мы встречаем старые формы, — пишет П. С. Кузнецов, — в широком объеме еще в памятниках XVI—XVII вв.» [3] Обратившийся к тексту Уложения 1649 г. П. Я. Черных замечает, что в нем часто встречается старое окончание дательного множественного *-ом* [4]. Показания Уложения как такого текста, который в орфографическом отношении подвергся основательной кодификации, особенно существенны в тех случаях, когда приходится иметь дело с безударным окончанием: в москов-

---

[1] П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 72.

[2] М. А. Соколова. О некоторых морфологических и синтаксических данных русского языка начального периода формирования русской нации. — Сб. «Начальный этап формирования русского национального языка». Л., 1961, стр. 38.

[3] П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 73.

[4] П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 287.

ских менее кодифицированных текстах в безударном *-ам* легко увидеть прямое отражение аканья в старом оформлении дательного, а не новый дательный, а в безударном *-ом*, напротив, косвенное отражение аканья в новом оформлении дательного, а не старый дательный. Приводимые в исследовании П. Я. Черных примеры из текста Уложения обладают и другим преимуществом: частью они акцентованы. Словом, показания Уложения о безусловной приемлемости старых форм в высокой официальной письменности середины XVII в. являются бесспорными; в то же время заметным рисуется бытование в ней и новых форм.

Идентичным ли было положение в той сфере письменного общения, которая в той или иной степени обнаруживает более близкое отношение к народно-разговорной стихии, в данном случае к московской? Рассмотрим наши материалы, привлекая, когда это возможно, акцентованные параллели из Уложения, причем примеры с окончанием *-ом* после отвердевших шипящих и *ц* в особую группу не выделяем.

Формы с ударяемым окончанием *-ом*: роспись... жилцо*м* (37); ка*к* иде*т* попо*м* и дьекону (44), ср.: попо́мъ править за бесчестье (288); люде*м* своимъ и стре*л*цо*м* (51), велѣ*л* стре*л*цо*м*... Аѳо*нк*ꙋ взя*т* (207), стре*л*цо*м* велѣлъ рꙋби*т* (207), стре*л*цо*м* вели*т* меня хвата*т* (207), стре*л*цо*м* приказывае*т* (208), жена ево... стре*л*цо*м* печи залить не давала (209), стре*л*цомъ би*т* не велѣ*л* (209), велѣ*л* стре*л*цо*м* посади*т* (Романа) в а*н*бар (211), велѣ*л* того чл*в*ка имъ стрелцомъ взять (225), велѣлъ стрелцо*м* взять (225), велѣ*л* евѡ стре*л*цо*м* взя*т* (259), стре*л*цомъ... велѣ*л* тово Ѳе*д*кꙋ сыскива*т* (259), вѣдомо... стре*л*цо*м* всѣ*м* (269—270), говори*л* стре*л*цо*м* (274), говори*л*... стре*л*цомъ (274); скитае*м*ся... по *д*воро*м* (67), иска*л* по двором (259), ходи*т* по дворо*м* (274); чтобы... токимъ ѡзоръникомъ непова*д*но было (83); по городо*м* (135), ср: по городо́мъ (287); ѡстатки... дала тѣмъ сторожомъ (235), остатки... сторожомъ давала ли (235), ѡста*т*ки дала ѡна сторожо*м* (236); к тре*м* мꙋжико*м* (261). С окончанием *-ом* встречаем и существительное среднего рода старой основы на *-н*: пѡ имяно*м* (218), ср.: по имяно́мъ (285) [5].

[5] Ср. замечание А. А. Шахматова: «От основ на *-ŏ* образуется, например, дат. мн.: *сѣменомъ*, Толк. апост., 1220 г.» (А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 105).

В свете этой коллекции фактов появляется определенная возможность трактовать *о* в безударном *-ом* не в качестве отражения редукции безударного гласного в новом оформлении дательного множественного, а как закрепленный традиционной орфографией фонемный элемент старого окончания, а в целом написание *-ом* — в качестве старого падежного оформления.

Формы с безударным окончанием *-ом*: да*т*. . . пору*т*чико*м* (15), пор8чикомъ бы. . . ѕамученымъ не быть (53); посланникомъ скаѕать велите (33), естьли. . . посланнико*м* не сказать (33), о*т*пуще*н* к нши*м* послани*ко*м (33); сама*р*цо*м*. . . велено у него в полку бы*т* (34); что бо*д*ромъ. . . учинено придачи (37), о*т*да*л* ево. . . бояро*м* (223); роспись дворяно*м* (37), ѡ*т*дали. . . дворяномъ (245); к дьяко*м* (37), горо*д* о*т*дать дьяко*м* (37), *д*ѧко*м*. . . явк8 пода*л* (90), *д*яко*м* . . . явк8 подалъ (91), *д*яко*м*. . . пода*л* сю *д*вку (94), *д*ѧко*м*. . . челобитную пода*л* (95), *д*ѧко*м*. . . челобитную подалъ (98), *д*яко*м*. . . подалъ челобитную (99), *д*яко*м*. . . *д*вк8 пода*л* (100), укаѕа*л*. . . *д*ѧко*м* (132), 8коза*л*. . . дияко*м* (134), дьякомъ Су*р*янину Тороканову да Лео*н*тью Лазоре*в*скому (151), пода*т* в Роз*р*я*д* дьяко*м* (210), памя*т* дьякѡмъ (247), по. . . 8ка*з*у дьякомъ (248), *д*ѧкѡмъ. . . 8каѕа*л* (248), *к* дьяко*м* (248), *д*ѧкомъ Григорью Лвову да Семену Копылову (248), *д*яко*м* Григо*р*ю да Семен8 (248), діякомъ . . . 8каѕа*л* (276), *д*ѧкомъ Гарасим8 Дохтурову да Иван8 Степанову (282), дьякомъ. . . 8чини*т* по гсдрв8 8ка*з*у (282); кре*с*яно*м* (40), кре*с*тьяномъ (41), кре*с*тьѧномъ (43), кр*с*тьяно*м* (155), кр*с*тьяно*м* 2 (156); на*м* бгомо*л*цо*м* (44); велено. . . целова*л*нико*м* (52), целова*л*никомъ взя*т* свое без*ч*е*с*ѣ (177), целова*л*нико*м* огу*р*щика. . . смирять (177), целова*л*нико*м* тѣ сво*и* убытки. . . взя*ти* (177), целова*л*никомъ выборъ да*л*[*и*] (177), ср.: целова́льникомъ и сторожам (288); понорo*в*ку чини*т*. . . хлѣ*б*нико*м* (82), ср.: хлѣ́бникомъ по два же рубли (288); понорo*в*ку чини*т*. . . кола*ш*нико*м* (82); цена тѣмъ яхо*н*томъ (96); продавать. . . иноѕемцо*м* (132), иноѕе*м*цо*м* бы. . . не ѣ*з*дить (132), укаже*т* иноѕе*м*цомъ (133), инозе*м*цо*м* бы*т* или не бы*т* (135), продава*ли* іноземцо*м* (137), прода*ли* інозе*м*цо*м* (137); греко*м*. . . не ѣ*з*ди*т* (133), и*м* грекомъ (135); во*т*чи*н*нико*м*. . . не то*р*гова*т* (133); помѣщико*м*. . . не то*р*гова*т* (133) вѣдомо. . . помѣщико*м* (137); руски*м* и ѕамо*р*ски*м* товаро*м* мо*ч* учини*т* (137); жалова*н*я. . . иде*т*. . .

бердникомъ (159), жалованя идет... бердником (159); слобожаном... их слушат (176); дала есми племянникомъ... двор (178), кабалу... племянником... выдала (178), племянником... сю даную дала (178), двор... племянником... дала (178), денги отдат... племянником (197), детем ево или... племянником (197); приказщиком моим дать (193), приказщиком моимъ побити челомъ (193), приказщикомъ моимъ велѣт (193), приказщиком... выдать годавое жалованье всѣмъ моим людям (195), отдать сю дховнȣю... прикащикомъ дши евѡ (196), ср.: прика́щикомъ... не давать (288); намъ свойкомъ (194); отдать... столникомъ (196); шла по переходомъ (235), шла по переходѡм (235), ѡтдали... приставом (247), ихъ ѡтдали... приставѡм (254), ср.: отдадутъ приста́вомъ, а приста́вы отпустятъ (273); по приказом (247); двȣмъ члвкомъ (267), ср.: тремъ человѣ́комъ (288); к соловецкимъ чюдотворцомъ (271); Савостка Иванов отдан... салдатом (279); слободчиком... вѣдомо л (282), слоботчиком... вѣдама ли (283). То же окончание в имени, относимом к старой основе на *-t*: внучатом (197).

Мы не можем быть полностью уверены в том, что буквально во всех приведенных здесь случаях было безударное окончание, но это в плане нашего исследования и не столь существенно. Важно то, что и безударное окончание данной падежной формы по связи с соответствующим ударяемым еще осознавалось именно как *-ом*, хотя в условиях московского аканья, естественно, так не произносилось. Показательно в этом отношении последовательное разграничение передачи дательного множественного с безударным окончанием от имен мужского и женского рода в письме одной и той же руки. Например, кадашевский дьячок Митька Афанасьев писал: старостам и целовалникомъ (177), старостамъ и целовалником (177), старостам и целовалником (177), старостам и целовалникомъ (177).

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Известно, что в этом падеже у имен мужского рода смена старого окончания *-ы* (*-и*) новым (*-ами*) (*-ями*) завершилась довольно поздно. По наблюдениям А. И. Соболевского, формы с тем и другим окончанием сосуще-

ствовали еще в XIV—XV вв. Старые формы, по его словам, представлены в значительном количестве в памятниках не только XIV—XV вв. (здесь они господствуют), но и XVI—XVII вв. «Московский деловой язык начала XVIII в., — констатирует далее исследователь, — еще нередко сохраняет их; но сомнительно, чтобы они в это время существовали в Москве в живом употреблении»[1].

По поводу указанного явления А. А. Шахматов высказывает следующее соображение: «Творительный падеж множественного числа в основах мужского рода на *-ŏ* совпадал с формою винительного множественного и замененною последнею формой именительного множественного: *дворы — дворы*. Между тем в женском роде являлось окончание *-аmі*, характеристическое своим *-mі*, которое было известно и в основах мужского рода на *-й*, и в основах на *-ĭ*, а также в именах прилагательных и местоимениях; ср. *высокыми горами* при *высокыми холмы*. Когда формы именительного-винительного множественного мужского рода совпали по окончанию с соответственными формами женского рода, появление и в мужском роде *-ами* вместо *-ы* в творительном множественного стало неизбежным: *вороны—воронами* вызывало, например, *морозы морозами* вместо *морозы—морозы*, *душѣ—душами* вызывало *рублѣ—рублями* вместо старших *рубли—рубли*. Таким образом проникло в склонение мужского рода окончание *-ами* вместо *-ы*, *-и*. Совершенно естественно оно перешло затем и в средний род: *селами* вместо *селы*, *полями* вместо *поли*. Неизбежным последствием вытеснения *-ы*, *-и*, окончаний творительного множественного, через *-ами* было вытеснение окончаний дат. мн. *-омъ*, *-емъ*, дат. дв. *-ома*, *-ема*, местн. мн. *-ѣхъ*, *-ихъ* через окончания основ женского рода *-амъ*, *-ами*, *-ахъ*. Господство окончаний *-ами*, *-амъ*, *-ахъ* в словах как женского, так и мужского и среднего рода повело к проникновению их и в основы мужского и женского рода на *-ĭ*: *гостями* вм. *гостьми*, *костяхъ* вм. *костехъ*» [2].

Прежде чем исследовать наши материалы и выяснять, подкрепляют или не подкрепляют они изложенную концеп-

---

[1] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4. М., 1907, стр. 177—178.

[2] А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 277.

цию А. А. Шахматова (других пока не касаемся), ознакомимся с некоторыми предшествующими наблюдениями над судьбой творительного множественного в московской письменности XVI и XVII вв., а через призму ее и в говоре.

Характеризуя творительный множественного в Домострое, М. А. Соколова указывает, что старое окончание *-ы* (*-и*) является ведущим, случаи употребления нового окончания *-ами* (*-ями*) немногочисленны: зубами (5), з руздями (груздями) (43), уторами и ладами (56), домами (66), с товарищами (70). По ее мнению, «состав лексики, имеющей в Домострое флексию *-ами*, и возможность постановки в одном предложении как однородных членов «пироги *з блинцы* и *з грибы* и *с рыжики* и *з руздями*» (43) свидетельствуют о том, что эта флексия *-ами* в живом употреблении уже имела место и завоевывала себе положение» [3].

Употребление наряду со старыми формами новых форм творительного множественного отмечено в тексте Уложения 1649 г. П. Я. Черных приводит такой выразительный факт: похотят помѣстьи своими менятся (27 об.) — похотятъ помѣстьями менятся (там же). Одновременно устанавливается: в творительном множественного в склонении имен типа *городъ—товарищь* и типа *дѣло—поле* обыкновенно употребляется старое окончание *-ы* (*-и*), новые формы характеризуются как возможные лишь в единичных случаях: дороги потопитъ прудами; съ ысцами не раздѣлався; жить. . . дворами; осталися. . . жены зъ дѣтьми съ сыновьями; тѣми дворами, и лавками, и погребами, и анбары, и варницами не владѣть; здесь и упомянутый выше пример: помѣстьями менятся [4].

Подчеркивая преобладание в Уложении старого окончания творительного множественного, П. Я. Черных обращает внимание на то, что в «Грамматике» 1648 г. «. . . в парадигмах склоняемых существительных мужского и среднего рода, именно в твор. п. мн. числа обыкновенно рекомендуется новая форма на *-ами* в твердом склонении: клевретами (или: клевреты), . . . особенно в склонении с основой на *ц*: отцами (или:

---

[3] М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI века. Л., 1957, стр. 123.

[4] П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 290, 295.

отцы). . . В мягком склонении здесь рекомендуется только окончание *-ми*: свидѣтелми, мравьми и т. п.» [5].

Сопоставление данных Уложения и названной грамматики приводит исследователя к заключению: по-видимому, в середине XVII в. вытеснение старого окончания новым в приказном языке еще не завершилось, хотя и вступило в решающую фазу; в разговорной речи различных групп московского населения, с одной стороны, и в разговорной и письменной речи — с другой, этот процесс начался и закончился не одновременно [6].

Ссылаясь на цитируемое исследование П. Я. Черных, П. С. Кузнецов склоняется к предположению: вероятно, позднее и медленнее (в сравнении с новыми формами дательного и местного множественного. — *С. К.*) распространяется новая форма творительного. Предположение это несколько преждевременно, поскольку далее автор его оперирует и данными Хр. Станга, который в Книге о ратном строении (1647 г.) отмечает большую употребительность форм на *-ами* (сравнительно с формами на *-ы* (*-и*)[7].

В конце XVII в. образцом творительного множественного для соответственных имен существительных выступает только форма на *-ами*: городами (в мягком склонении — на *-ми*: лошадми) [8].

Опираясь на более ранние факты, Г. А. Махароблидзе отклоняет мнение, согласно которому новая форма творительного множественного распространялась позднее и медленнее, чем формы дательного и местного. Уже в ранних древнерусских памятниках, напоминает Г. А. Махароблидзе, новые формы встречаются как в дательном и местном множественного, так и в творительном множественного [9].

После этих предварительных замечаний обратимся к нашим материалам и попытаемся проследить, каково

---

[5] П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 295.

[6] Там же, стр. 295—296.

[7] П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 75.

[8] См.: Г. В. Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696. Переиздание, перевод, вступ. статья и примечания Б. А. Ларина. Л., 1937, стр. 57—58.

[9] Г. А. Махароблидзе. К вопросу об окончаниях *-ам*, *-ами*, *-ах*. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания», XII. М., 1959, стр. 134.

было соотношение старых и новых форм творительного в той московской письменности, которая являлась более близкой к живой народной речи, нежели тексты Уложения и Книги о ратном строении, как распределялись эти формы по отдельным типам склонения и какие тенденции это знаменовало.

В древнерусском языке творительный множественного, оформленный окончанием *-ы* (*-и*), был исключительной принадлежностью имен, склонявшихся по основам на *-о* в мужском и среднем роде и по основам на согласный в среднем роде. В наших материалах («Московская деловая и бытовая письменность XVII века») подобные группы имен представлены заметным количеством случаев сохранения старого окончания.

Формы от имен мужского рода с окончанием *-ы* (*-и*): с товарыщи (35), с товарыщи 2 (36), с товарыщи (42, 55), с таварыщи (55), пере*д* свои[ми] товарыщі (59), с таварыщи (84), с товарыщи своими (90), с товарыщи 6 (106), с товарыщи (108, 114), с товарыщи 2 (117), с товарыщи 3 (121), с тѣми *ж* товарыщи своими (121), с товарыщи (130—131, 142), с товарищи (144), с товарыщи (145), с товарищи 3 (145), с товарыщи (147, 149), с таварищи (149), с товарыщи 2 (151), с товарыщи (159—160), с товарыщи своими 2 (170), с товарыщи (186), с товарищи (200), с товарыщи (202, 204, 218, 223, 248, 265—266), с товарыщи 2 (277), с товарыщи 2 (278), с товарыщи (280), с товарыщи 2 (282), с товарыщи (283), с товарыщи 2 (284), с товарыщи (285); за великими гсдри (40), на*д* гсдри (240); з двѣмѧ мерины (40); за нами холопи твоими (48), с нами холопи твоими (73); Го*р*ску. . . ѕа ево воро*в*ство бито патоги (49), чл*в*къ его. . . батогі би*т* (51), чл*в*къ. . . би*т* патоги (51), емле*т* нашу братью. . . и бьетъ батоги (71), бере*т* с на*с* посулы бо*л*шие и бье*т* батоги (72), Аѳо*н*ку. . . батоги би*л* (206), поима*в* на дороге ево Мики*т*кȣ би*л* батоги (208), Сенке ȣчинено накаѕанье. . . би*т* батоги (209); промышля*л* всякими промы*с*лы (49), никакими промы*с*лы. . . не то*р*говали (132); вели гсдрь про то*т* велико*и* пожа*р* сыска*т*. . . сто*л*ники. . . и ѡко*л*ны*ми* людми (49); ѕ драгуны 2 (66); с племя*н*ники (73), с племянники 8 (165), с племянники (165—166), с племянники 7 (166), ȣгражаю*т*. . . злымы (так!) ȣмыслы (73), всякими вара*в*скими злыми умы*с*лы (121); *в*сякими своими соста*в*ными вымыслы (117), с теми своими прикащики (79); с ножами и *з* ки*н*жалы (90);

с стоялцы своими (102); вышеписанными свѣдѣтели (124), тѣми вышеписанными свидѣтели свои (124); какими товары торговат (132), тѣ[ми] товары. . . нихто б у города не торговали (132), никакими. . . товары не торговали (132), тѣми городовыми всѧкими товары. . . торговали (132), какими товары торговати (135), тѣми товары. . . не торговали б (135), которыми тавары торговат (136), тѣми товары нихто б не торговали (137); з заморским[и] иноземцы. . . не торговат (135), с ыноземцы (135); с нѣмцы (135—136); с казалбаши. . . не торговат (135); со всеми ихъ крстьянскими животы (156), со всѣми их крстьянскими животы (165), сь евѡ крстьянскими животы (167), сь их крстьянскими животы (167); с приiмыши (165); с убытки (175); перед дияки (181); перед дьяки (178, 185); задние сени с переходы (182); ѕапоны ж с алмаѕы и с лалы (189), съ яхонты с лалы и с ызȣмрȣды (192), с лалы и сь яхонты (192), с лалы (192); с лесы 2 (190), съ лесы (190); съ сенными покосы 3 (190); со всякими конскими нарѧды (201); ѕ денежными платежы (222); ѡбыскивал. . . жилцы. . . кадашевец Троѳимко Ѡмелянов кадашевца ж Андрюшку Алексѣева бил ли (231); ȣ ког были ѡни ѕа приставы (248), их отдали держать ѕа приставы (252); с тюменцы 2 (248), с тюменцы 2 (249); с тюремными сидѣлцы (255); сыскивано пȣшкари (257); с стрелцы (263); сыскивано. . . двемя приходы (266), обыскать. . . столецким приходом попы и дяконы (266), з бесы де он Ѳеѳонка ѕнался (274), Ѳеѳонка ѕ бѣсы ѕнался (274); з барабанщики (278), ѕ барабанщики (278); с салдаты (281, 284); поднята въ их слободѣ ѕа ѡгороды битая жонка (282).

Формы от имен мужского рода с окончанием *-ами* (*-ями*): с ними ж поручиками (15), с тѣми поручиками (15), с нами ж поручиками (15), с порȣчикоми 2 (53), с поручиками (170); за боранами 2 (39); с послами (45); называл. . . недорогими князками (61), называл. . . недарагими кнезками (61); с прежними бывшеми жилцами (67); розыскат. . . тяглецами (82); с ножами (90); убытчат великими убытками (96); са откупшиками (102); с кодашевцами (104); ѕа приставами (105); сыскивал челобитчиками (107); одолжал великими долгами (113); с ключами сундушными (114); называл . . . бездушниками (131), называл ли. . . лутчих людеи бездушниками (131); сь еѳимками (135); со всякими узорочны[ми] товарами (135); пишет насъ раѕорителями (150); со всеми пожитками

(150); с теми пожи*т*ками (150); с чюланами (155); с ыѕ8мр8дами 2 (189); с лалами 2 (189); з живыми ре*п*ями (189); с ого*н*ками 5 (189); зе*р*кала... с плащами серебреными ска*н*ными (189); з голу*н*цами (190); с свѣтлосѣрыми воѕникамі (193), с воѕниками те*м*носѣрыми (193); з за*т*ворам*и* (198); с стре*л*цами 2 (206), с... стре*л*цами (210), (с) стре*л*цам*и* (211), (с) стре*л*цами (211), с стрелцами (225), с стрелцам*и* (226), стре*л*цами (259), с стре*л*цами (264); то*п*т8нами то*п*та*л* (210); с кора8*л*щиками (210); ме*л*ничными о*т*купами (230); при*з*наками... не таковы (268), за огородами (279, 283), ѕа огородами (284), ѕа огород*ами* (284); ѕа высокими пле*т*нями (282); с орьмосами (288); с орьмасами (288), с ы*р*мосами (288).

Старые формы на *-ы* (*-и*) отмечены у 45 имен существительных, новые, на *-ами* (*-ями*) — у 36 имен. В эти количества входят 8 имен, отмеченных со старым и новым окончанием. Таковы имена *жилец*, *изумруд*, *лал*, *огород*, *пристав*, *стрелец*, *товар*, *убыток*. Более обширные материалы безусловно показали бы и иные факты дублетности. Можно определенно утверждать, что свидетельства наших источников значительно расходятся с показаниями Уложения 1649 г. Формы на *-ами* (*-ями*) представляются в них далеко не единичными, а достаточно употребительными. Кстати: употребление дублетных форм хронологически либо совпадает (*огород*, *стрелец*, *товар*), либо формы на *-ами* (*-ями*) в сравнении с формами на *-ы* (*-и*) оказываются более поздними (*жилец*, *изумруд*, *лал*, *пристав*); только от имени *убыток* старая форма зарегистрирована в тексте 1696 г., а новая — в тексте 1675 г., но и это может означать дублирование упомянутых форм в пределах двух десятилетий.

Формы от имен среднего рода (склонения по основе на *-о*) с окончанием *-ы* (*-и*): члвкъ ево которо*и* за дѣлы ходитъ (37), всякими лихи*ми* дѣлы (49), всякими лихими дѣлы (51), никоторыми дѣлы не вст8па*т*ца (167), не отыма*т*ца никоторыми дѣлы (187), какими лихими дѣлы пытала*с* (239), какими лихими дѣлы ихъ г*с*дреи по*р*тила (240), какими лихими дѣлы не пыта*л*ся ли (242); пове*р*ста*ти*... годовыми с8кны (44); дро[вя]нами кла*д*биши владея*т* (103); [те]ми месты поро*з*жими владея*т* (103); со всѣми 8го*д*и (165), со всеми уго*д*и (190), со *всеми* уго*д*и (199); на*д* ихъ блгоро*д*ными чады (246). К этим примерам примыкает и аналогичное образование творительного множественного от имени существительного *слово*, которое

прежде склонялось по основе на -*ѕ*: тѣми *ж* словы нагавариваетъ (242) — в расспросных речах, записанных в 1638 г.

Формы от имен среднего рода (склонения по основе на -*о*) с окончанием -*ами* (-*ями*): за росправными делами (35), за твоими. . . дел[а]ми (55); *с* седлами (47); пожалу*и*. . . сукнами (55); с крыл*ц*ами (155); с окошками (186); ѕе*р*ными б*ѹр*мицкими (189), зъ ѕе*р*нами (189); с писмами (219); белилами белила*с* (247).

Нетрудно заметить, что в данной группе имен среднего рода употребительность форм творительного множественного со старым и новым окончанием не дает оснований говорить о преобладании того или другого. В образовании творительного множественного от *дѣло* сосуществование старой и новой форм прослеживается до конца XVII в. Форма на -*ы* от *сукно* датирована 1617 г., а форма на -*ами* 1655 г.

В склонение имен среднего рода по основе на -*о* входили уменьшительные образования на -*ишко*. В челобитной хамовников, писанной в 1637 г., мы встретили пример подобного свойства со старым окончанием: з детишки своими (57). Ср.: с малыми дѣтишками (100). С окончанием -*и* в творительном множественного отмечено еще одно образование, оснащенное тем же суффиксом: с лю*ди*шки своими (76), с людишки своими (76), на*д* людишки моими (76). Ср.: с людишка*ми* свои*ми* (50), с людишками (106).

По мнению П. С. Кузнецова, даже в памятниках XVII в. новые формы (имеются в виду новые формы не только творительного, но также дательного и местного множественного) у существительных среднего рода распространены шире, чем у существительных мужского. Это как будто подкрепляет предположение И. В. Ягича, который считал, что формы на -*ам*, -*ами*, -*ах* распространялись прежде всего в среднем роде склонения на -*о* и затем уже охватывали мужской род [10]. Наши данные по творительному множественного не подтверждают указанного мнения.

Формы от имен среднего рода (старая основа на согласный) с окончанием -*ы*: на*д* и*х* имяны (37), с вышеписанными имяны (165), с вышеписанными *ж* имяны (165), с вышеписанными имяны (166); всякими неподобными словесы (54); со вн*ѹ*чаты (165).

---

[10] П. Кузнецов. Указ. соч., стр. 76—77.

По образцу творительного множественного на *-ы* имен старой основы на *-о* оформлялся соответствующий падеж имен мужского рода старой основы на согласный: велѣ*л*. . прихожаны про то сыска*т* (85); со крестьяны (109), стану тѣми кр*с*тьяны. . . владѣ*т* (152), со кр*с*тьяны 2 (163), со крестьяны (163), владѣ*т* имъ. . . тою зе*м*лею и кр*с*тьяны (166), тою землею и кр*с*тьяны бȣде*т* владѣ*т* (166), тою землею и кр*с*тьяны владѣ*т* на*м* (166), розделными др*в*нями и кр*с*тьяны. . . владѣть имъ (166), со кр*с*тьяны (199); ѕ бояры (271).

В XVII в. еще сохранялись следы влияния в творительном множественного склонения рассматриваемых имен существительных на склонение имен женского рода: с седлами и с узды и с попе*р*стми (47); всякими угроѕы мнѣ угража*т* (53); моими скла*д*ными деньги (92), (ср. двумя строками выше: скла*д*ными моими деньгами); с пугвицы сере*б*ряными (93), с пугвицы о*б*низными (198); з бо*л*шими се*р*ги (189); с лалы и сь яхонты з бирюѕы (192), с лалы и ѕ бирюзы (192); печь. . . о*б*вешена рогожи (208), печь. . . ȣкрыта рогожи (209); три шапки сȣконные с петлі (214); пере*д* всѣми мастерицы (236). Ср. в Уложении 1649 г.: соединился зъ бояры и воеводы (297), да за губными же старосты. . . быть (297), зернью и карты играютъ (297).

Приведем, наконец, примеры творительного множественного на *-ы* (*-и*) от имен, которые функционировали лишь в форме множественного числа: передъ малыми вороты (88), за Стрете*н*скими вороты (50), за Стретенскими вороты (123), за Стрѣте*н*скими вороты (234), ѕа ȣстрестe*н*скими (так!) вороты (262), за Че*р*то*л*скими вороты (127, 129), ѕа Че*р*то*л*скими вороты (129—130), за Че*р*торскими вороты (130), ѕа Че*р*то*р*скими вороты (130), за Че*р*льскими (так!) вороты (130), за Тве*р*скими вороты (128), за *Т*ве*р*скими вороты (191, 210), за Тве*р*скими. . . вороты (263), за Мя*с*ницкими вороты (155), ѕа Прч*с*тенскими вороты (185), пере*д* вороты (185), на*д* вороты (185), ѕа Покровскими вороты (194), за Никицкими вороты (194), стоя*л*. . . за вороты (209), ѕа А*р*бацкими вороты (241), за О*р*бацкими вороты (263), за Яускими вороты (287); бить нестерпимыми побои (116); дво*р* и *з* ѕемлею и *с* хоромы (161), с хоромы (180); и*з*ба с сѣнцы (181), мы*л*ня с се*н*цы (181).

Из наших материалов явствует: вторжение окончания *-ами* (*-ями*) в область имен, имевших прежде творительный множественного с окончанием *-ы* (*-и*), в течение всего

XVII в. было достаточно заметным. Отложившееся в качестве такового в деловой московской письменности, в известной мере не свободной от приказной делопроизводственной традиции, оно, естественно, еще сильнее проявилось в московском говоре. В Уложении 1649 г. этот морфологический процесс получил лишь отдаленное, довольно ограниченное отражение.

О существенном расхождении в степени проявления описываемого морфологического процесса, с одной стороны, в московском говоре, с другой, в деловой московской письменности и, тем более, в строго кодифицированном тексте Уложения говорит, между прочим, то обстоятельство, что значительное количество примеров употребления старой формы творительного множественного обнаруживаем прежде всего в составе устойчивых в приказной практике выражений и словосочетаний. Характерными образцами могут служить, например, такие случаи: с товарищи, с племянники, бить батоги, лихими дѣлы, за (такими-то) вороты.

П. Я. Черных не исключает возможность употребления в старом московском просторечии и творительного множественного на *-м*. В обоснование этой возможности он приводит следующие примеры из Книги о ратном строении: и будетъ райтары в копейщики похотятъ вломитися, и напереди тѣмъ короткимъ своимъ оружьемъ и алебардамъ великую оборонь чинити мощно (158), и наряжати телѣжными мастерамь (sic!), и плотниками, и салдаты (172), а из писем царя Алексея Михайловича цитирует такой: милостию божиею и вашимъ свѣтовъ моихъ молитвами (дважды), замечая при этом, что обычно: и вашими свѣтовъ моихъ молитвами [11].

Наши материалы показывают: органического отношения к московскому просторечию подобные факты не имеют. Они настолько уединенны, что приписывать их московской среде по меньшей мере трудно. Принимаем во внимание следующее: в обширной публикации «Московская деловая и бытовая письменность XVII века» не находим ни одного случая творительного множественного с окончанием *-м*, наподобие форм *рукам*, *ногам* (вместо *руками*, *ногами*) и т. п., и ныне известных некоторым северновеликорусским говорам. Современная география указан-

[11] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 298.

ных форм, по-видимому, все же не столь отдаленная от географии их в XVII в., чтобы с ней не считаться, никак не согласуется с предположением об их органическом присутствии в московском говоре той поры: территория их распространения лежит к северу от линии: Калязин—Ростов—Иваново—Городец [12].

Заметим далее: и знакомых преимущественно южновеликорусским говорам таких форм творительного множественного, как *девкими*, *палкими* и др., в старой московской письменности тоже не обнаруживаем.

Распространение окончаний *-ами* (*-ями*) на область мужского и среднего рода в XVII в. лишь в малой степени дополнялось его проникновением в склонение имен женского рода основы на *-ĭ*, обладавших в творительном множественного окончанием *-ми*. Наши сведения в данном случае почти не расходятся с предшествующими наблюдениями, например наблюдениями П. Я. Черных, который устанавливает: в творительном падеже множественного числа существительные типа *запись* последовательно употребляются с окончанием *-ми* [13].

Наши данные с акцентованными параллелями из Уложения 1649 г.: с попе*р*стми (47); крѣпо*с*тми ме*ж* себя покрѣпили*с* (93), с ыными кабальными крепостьми (114), с ыными крепостьми (114), с прежними крепостьми (186), ср.: вершить обчими ссылками, и крѣпостьмѝ (298); пꙋстошми. . . я не *в*ладѣю (142), с пусто*ш*ми (153), с пустошми 2 (163), с пꙋстошми 4 (165), пꙋстошми. . . владѣть имъ (166), владѣть . . .пꙋстошми (167), с пустошми 3 (190), с пꙋстошми (199), с пустошми (199); записми. . . укрепили*с* (153), *з* ѕаписми (285), ср.: давати ихъ на поруки съ записмѝ (298), записмѝ укрѣпятся (298); поѕо*р*ны*ми* ре*ч*ми (200), свои*ми* ре*ч*ми (200), ср.: скверными рѣчмѝ не укорялися (298); с кистьмі (214), с кистми 2 (224); за печа*т*ми (215—216), ѕа печатьми (217), ѕа печатми (217), ср.: кабалы не за печáтьми (298); наѕывали ихъ бля*д*ми (251); от имен, употреблявшихся лишь в форме множественного числа: *з* сѣ*н*ми (121), с сеньми (123), с сѣнми (161), с сѣ*н*ми (181), с сенми (185); кр*с*тъ. . . с мощми Иоанна пре*д*течи (192).

---

[12] См.: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров». М., 1970, стр. 319 (карта 88).

[13] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 298.

Кроме приведенных форм творительного, которые впоследствии уступили место формам с окончанием *-ами* (*-ями*), отметим и поныне сохранившие старое окончание. Из склонения с основой на *-i*: з гсдрвыми лоше*д*ми (18), с лоша*д*ми (194), ср.: лошадьмѝ хлѣбъ потравятъ (298); а также: *з* де*т*ми (21), ѕ дѣтьми (58), ѕ дѣ*т*ми (58), з де*т*ми (88), з детми (103) и др., ср.: за меншими дѣтми́ (299); с малыми лю*д*ми (18), с лю*д*ми (39), ѡко*л*ны*ми* людми (49), тѣми лю*д*ми (60), око*л*ными лю*д*ми (63), с какими людми (73) и др., ср.: за приказными дворовыми людмѝ (299). Из склонения с основой на *-r*: бгатъ доче*р*ми (67), *з* даче*р*ми (154), ѕ доче*р*ми (190).

Мужское склонение с основой на *-i* представляло существительное *соболь*: дать. . . жалова*ня*. . . соболми (32), с собольми (215). По образцу того же склонения явилась и форма творительного множественного от *сосѣди*: про т*ѡт* и*х* прихо*д* и про кри*к* сыска*т* сосѣ*д*ми которые около дворишка моего живу*т* (90). С. П. Обнорский указывает форму *сосѣдми* в сочинении Котошихина и в грамотах конца XVII в.[14]

Дублетные формы на *-ами* (*-ями*) были единичными: то*р*гова*т*. . . соболями (136—137), пре*ж*ними крепостями (185) — отмечены в текстах начала шестидесятых годов XVII в. Касаясь проникновения окончания *-ами* (*-ями*) в группу рассматриваемых имен, Л. А. Булаховский писал: «Наибольшую стойкость здесь обнаружили слова, имевшие *-ми* под ударением» [15]. Между тем приведенным выше формам *соболями* и *крепостями* предшествовали формы с окончанием *-ми* ударяемым.

Значительное различие во времени распространения окончаний *-ами* (*-ями*), с одной стороны, среди имен, обладавших прежде в творительном множественного окончанием *-ы* (*-и*), с другой — среди имен, выступавших прежде в творительном множественного с окончанием *-ми*, вызывает сомнение в том, что «решающим фактором, давшим толчок распространению новых окончаний *-ам* (*-ям*), *-ами* (*-ями*), *-ах* (*-ях*) соответственно в дательном, творительном и местном падежах множественного числа, является аналогия с именами прилагательными и место-

---

[14] С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 2. Л., 1931, стр. 358.

[15] Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 3. Киев, 1950, стр. 137.

имениями, утратившими родовые различия во множественном числе в связи с унификацией в XIII в. форм именительного и винительного падежей»[16]. Аналогия не могла быть выборочной. Наши данные как будто не противоречат изложенной по этому вопросу точке зрения А. А. Шахматова[17].

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА НЕЖЕНСКОГО РОДА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Одной из фонетико-морфологических особенностей устной разновидности литературного языка и ее исторической основы — старого московского говора признают оформление род. ед. в мужском и среднем роде полных имен прилагательных (в том числе и соответствующих местоимений) посредством окончания с *в*, а не с *г* или *γ*: бал'шо́ва, с'и́л'нъва, с'и́н'ьва, таво́, на́шъва. Хотя констатация этого факта сомнений не вызывает, проецирование данной особенности в прошлое нуждается в определенном документировании. Необходимость исследований в этом плане диктуется, между прочим, тем, что генетически указанную особенность возводят к северновеликорусскому наречию, хотя разыскания последнего времени свидетельствуют о ее присутствии и в области южновеликорусских говоров, например, в XVII столетии[1]. «Возможно, что формы с *в* в южновеликорусских говорах, — пишет П. С. Кузнецов, — представляют собой явление позднейшее и частью проникли сюда в тот сравнительно недавний период, когда эти говоры начали испытывать сильное воздействие московского произношения»[2]. Как видим, в формах с *в*, зарегистрированных в южновеликорусской области, склонны видеть следы воздействия, через московское посредство, северновеликорусского наречия.

Предполагать сильное влияние на Юг московских произносительных норм вообще довольно трудно, по-

---

[16] Г. А. Махароблидзе. Указ. соч., стр. 134.
[17] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 277—278.
[1] См., например: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). М., 1963, стр. 188—196.
[2] П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 167.

скольку даже в наше время, при могучем влиянии на диалектную речь русского литературного языка, в пределах Юга еще не наметилось существенных фонетических перемен (лексические — другое дело). Связывать подобное сильное влияние с более ранним временем, скажем, с дореволюционной эпохой, тем более не приходится, потому что тогда каналы влияния были неизмеримо у́же. Применительно к XVII в. такое сильное влияние и совсем проблематично: в ту пору, согласно общему мнению, наблюдалось заметное воздействие великорусского Юга на Москву.

Существует и другая точка зрения на окончание род. с *в* в прошлом в южновеликорусской области или, точнее говоря, в приуроченных к этой территории памятниках письменности. Согласно традиционному представлению, хотя и никем не обоснованному, а принятому на веру, периферийные писцы в основном составе являлись москвичами. Они, полагают, и оставили следы род. с *в* в старой южновеликорусской письменности. Помимо этого, предполагают и слепое следование локальных писцов нормам приказной письменности, для которой формы род. с *в* считают характерными или даже господствующими. Ни то, ни другое представление о писцах периферии, в данном случае о писцах из южновеликорусской области, не может быть признано более или менее верным. Принадлежность их основного состава к южновеликорусам, на что уже указывалось, установлена бесспорно, а против слепого следования нормам приказного языка говорят нередко в их письме отклонения от этих норм в сторону южновеликорусской фонетики и морфологии.

И все же признание род. с *в* генетически северновеликорусским является едва ли не общепринятым.

Недавно с интересной гипотезой возникновения данной формы при участии не только северно-, но и южновеликорусской стихии выступил Ф. П. Филин: «В Москве и прилегающих к ней местностях в XIV в. столкнулись северные и южные говоры с *г* взрывным и с фрикативным *γ*. По мере сложения нового московского «переходного» говора в его фонетической системе закрепляется взрывной *г*, но происходит это не сразу. Фрикативный *γ* в окончании *-γо* оказывается в слабой позиции в системе говора с господствующим *г*, исчезает, и в сочетании *оо* развивается вставочный *в*. Морфологически ограниченные

условия *г* > *в* приводят к тому, что *-уо*, *-оо* и *-во* не выходят за рамки форманта, становятся новыми морфологическими показателями. Полоса переходных говоров с этими показателями была, вероятно, значительной, да к тому же роль говора Москвы XV—XVI вв. должна была быть достаточно эффективной» [3].

Относительно широкое проявление форм род. с *в* в южновеликорусской письменности в XVII столетии позволяет выразить сомнение в правомерности старых представлений о связанности данного явления только с северновеликорусской областью и выйти из средневеликорусской зоны возникновения указанного явления, намечаемой Ф. П. Филиным. Если допустить, что род. с *в* в пределы южновеликорусской области проник из средневеликорусской зоны, то это не могло произойти ранее XVI в., поскольку начало взаимодействия северных и южных говоров, в процессе которого предположительно появилось это *в*, относят к XIV в., а процесс становления данного *в* как фонетико-морфологический был, понятно, длительным. Во всяком случае, первые написания интересующих форм род. с *в*, зарегистрированные в московских памятниках, относятся к XV в. «Впоследствии (позднее XV в. — *С. К.*), — устанавливает П. С. Кузнецов, — формы на *-ово* становятся довольно обычными для московских памятников» [4]. Неизвестно, как обстояло дело в XV в. в пределах Юга, потому что связанная с Югом письменность, которая дошла до нашего времени, за вычетом единичных текстов, — не старше конца XVI в.; но если в XVII столетии употребление род. с *в* в южновеликорусских памятниках предстает как довольно заметное, ничто не мешает предполагать существование подобной падежной формы, причем не занесенной с севера, а местного происхождения, в южновеликорусской области и в XVI столетии.

Словом, не видим оснований для пересмотра точки зрения, изложенной нами ранее: свойственное устной форме русского литературного языка рассматриваемое окончание род. ед. представляется возможным выводить

---

[3] Ф. П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, стр. 418.
[4] П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 165.

не обязательно из говоров северновеликорусского наречия, но в известной степени и из южновеликорусского [5].

Позднее о возможном автохтонном развитии род. с *в* у южновеликорусов писал П. С. Кузнецов. Объясняя появление *в* в окончании род. ед. на почве северновеликорусских говоров постепенной утратой *г* и последующим развитием в качестве переходного между двумя лабиализованными гласными согласного звука *в*, П. С. Кузнецов вместе с тем высказывал следующее предположение: «В южновеликорусских говорах, где звонкий задненебный согласный вообще носил не взрывный, а фрикативный характер и где к тому же артикуляция звонких согласных не была, по-видимому, такой слабой, рассматриваемое изменение осуществилось в более ограниченном объеме, но, вероятно, все же имело место, так как трудно объяснить все случаи *в* на юге лишь влиянием московского говора и литературного языка, тем более, что, хотя и реже, чем на севере, мы и в южновеликорусских говорах находим некоторые промежуточные этапы развития от окончания с γ к окончанию с *в*» [6].

Принимая во внимание это обстоятельство и никем не оспариваемое влияние южновеликорусской стихии на Москву в XVI—XVII столетиях, состояние данного явления в московском говоре той поры, по-видимому, следует рассматривать с учетом его былого состояния и в южновеликорусском наречии, особенно если иметь в виду, что его бытование в условиях последнего применительно к исследуемой эпохе более или менее изучено. Между прочим, в южновеликорусских текстах XVII в., вне всякого сомнения, писанных носителями местных говоров, мы заметили следующие тенденции: а) в положении непосредственно после *в* интересующее нас окончание предпочтительно писали с *г*, а не *в*, что удовлетворительно объясняется вполне вероятной в этих случаях межслоговой консонантной диссимиляцией; б) *г* преобладало в безударном окончании, *в* — в окончании ударяемом [7]. Не-

---

[5] См.: С. И. Котков. К изучению орловских говоров. Орел, 1952, стр. 126; Он же. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 188.

[6] П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 168.

[7] С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 192—195.

бесполезно проследить, проявлялись ли подобные тенденции в условиях московского говора и, если они проявлялись в нем, принадлежали ли в равной степени генетически Югу и Москве, а также русскому Северу или, возникнув в какой-то одной из старых русских областей, распространились впоследствии на другие.

Мы воспользовались некоторыми материалами, опубликованными в книге «Московская деловая и бытовая письменность XVII века», — челобитными первой половины XVII в. (стр. 44—68), а также расспросными речами того же самого времени (стр. 231—232, 235—254). В тех и других (всего рассмотрено около 500 случаев) отмечаются окончания с *г* и с *в*, но в челобитных окончания с *в* выступают примерно в половине случаев, а в расспросных речах они составляют около четверти всех примеров. Расхождение это, как нам представляется, следует прежде всего объяснить неодинаковой правописной выучкой, с одной стороны, составителей челобитных, среди которых, вне сомнения, были и писцы-непрофессионалы, с другой стороны — более опытных постоянных писцов московских приказов. Неодинаковая степень отклонений в сторону *в* у тех и других как раз особенно ясно показывает, что в устной речи москвичей окончание с *в* являлось нормой, а написание его с буквой *г* определялось чуждым произношению правописным узусом.

Проявление в письме этой устной нормы заметно сдерживалось в составе традиционных приказных формул, особенно «этикетных», вроде царского титула, или в составе выражений церковно-книжного характера. Напротив, в письменной передаче устной народной речи эта устная форма получала особенно яркое отражение.

В челобитных круг имен прилагательных, оформленных окончанием с *в*, лексически более широк, нежели в расспросных речах: зеленово (44), бе*г*лова (46), стари*н*нова (46), мос*к*ов*в*скова (48), дворовова (48), свтите*л*скова (49), нано*с*нова (50), ло*ж*нова (50), бе*д*ново (55), стано*ш*ново (56), Пуше*ш*ново (двора) (56), агли*н*сково (56), че*р*леново (56), Въшивово бока (прозвище) (58), поде*н*ново (59), п[естря]ди*н*ново (59), годовова (62) и др. Ср. в расспросных речах: лихова (240), Сиби*р*сково (приказу) (248), боя*р*сково (252), Домна Волосатово (251), ср.: дочери Волосато*г* (252).

СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТЕПЕНЬ

Характер исследуемых источников (их событийность, лапидарность и во многих случаях принадлежность к юридическим материалам) в значительной степени исключает возможность употребления в них сравнительных характеристик, кроме наиболее общих. Неудивительно, что сведения о формах сравнительной степени в этих источниках скудны [1], но зато бесспорны в том отношении, что представляют данные формы как явления живой московской речи, а не только письменной. Это обстоятельство существенно, поскольку вполне обоснованных заключений о сравнительной степени в московском говоре XVII в. пока нет, а заключения, связанные с XVIII в., в основном опираются на отдельные факты, заимствованные из языка художественной литературы, а также на общие соображения относительно северновеликорусского влияния на старомосковский говор. Характеризуя состояние говора Москвы в конце XVII и начале XVIII в., К. В. Горшкова отмечает, что «в некотором отношении в московском говоре в изучаемое время было северных черт больше, чем в настоящее время», и в качестве одной из примет преобладания северной стихии называет сравнительную степень имен прилагательных на *-ая*, *-яй* [2]. Имея в виду подобные образования, П. С. Кузнецов указывает: «Такие формы и в настоящее время широко распространены в северновеликорусских говорах. В старину эти формы охватывали еще более широкую территорию. Некогда они были свойственны и московскому говору» [3]. В. В. Иванов пишет: «Формы на *-ае*, *-яе* были широко известны в разговорном языке Москвы вплоть до XVIII в. Например, у Сумарокова можно встретить *страшняе*, *сильняе*, *бодряе*» [4].

---

[1] Упоминая о формах сравнительной степени в Уложении 1649 г., П. Я. Черных замечает: «В этой области можно отметить немногое» (П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 315).

[2] К. В. Горшкова. Из истории московского говора в конце XVII—начале XVIII века. Язык «Писем и бумаг Петра Великого». Автореф. канд. дисс. «Вестник Московского ун-та», 1947, № 10, стр. 116.

[3] П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953, стр. 158.

[4] В. В. Иванов. Историческая грамматика русского языка. М., 1964, стр. 351.

Наши данные не позволяют судить об этих формах как «широко известных» в московском говоре исследуемой эпохи. Обратимся к материалам «Московской деловой и бытовой письменности XVII века». Единственный пример такого рода попался в грамотке князя В. В. Голицына, написанной в 1682 г.: о*т*п*ȣ*скаи о*т*п*ȣ*скъ скаряя (33). В грамотке княгини Т. И. Голицыной, датированной 1677 г., читаем: поѣзжаи поскорее (21); у нее же: би*т* чело*м* о тебѣ что*б* тебѣ поранее бы*т* к Москве (20). В расспросных речах, записанных в 1642 г.: что*б* ево скорѣе велѣ*л* гсдрь казни*т* (269). В грамотке Д. В. Михалкова: дать ем*ȣ* мои*х* три мерины которые постарие (41), ср. у него же: телѣг*ȣ*. . . котораѧ тежелѣи велѣ*л* ѧ. . . поворот*ит* (40). О малом распространении форм на *-ае* говорят и другие факты. Например, исследователь языка Уложения 1649 г. отмечает в нем лишь один случай образования на *-ае*: крепча́е (277 об.), вместе с тем регистрируя, например, стареѣ (275 об.), а в Книге о ратном строении обнаруживает несколько форм на *-ае* исключительно после шипящих и *ч*: не плоша́е (36), мельча́е (45 об.), крѣпча́е (49), караульщики будча́е бываютъ (211 об.). Для положения не после шипящих и *ч* в документах Посольского приказа, а также у Котошихина он находит уединенное: честня́е [5]. В труде Л. Л. Васильева встречаем: спешнѣ́е [6], не *спешняе*. Отмечаемое в некоторых московских источниках употребление форм на *-ае* следует расценивать как явление не общемосковской нормы, а как отклонение от этой нормы, отклонение угасавшее.

Согласуются с этим выводом показания Вестей-Курантов, составители которых, вне сомнения, ориентировались на московскую речь: одни — органически, потому что являлись ее коренными носителями, другие, еще не вполне свободные от внемосковских речевых влияний, — сообразуясь с тем, что ее нормы, в данном случае грамматические, были приняты в придворных кругах, для которых готовились Вести-Куранты. Образование сравнительной степени на *-ае* в публикации этих источников представлено уже названной выше формою: крепчае (91), кре*п*чае (106) и, кроме того, формой плошае (128), а образование

---

[5] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 207, 315—316.

[6] Л. Л. Васильев. К истории звука ѣ в московском говоре в XIV—XVII веках. «Известия ОРЯС», 1905, т. X, кн. 2, стр. 212.

на *-ѣе* (*-ее*) следующими примерами: го*д*нее (55), ѕлѣе (64, 160), злеѣ (217), любѣе (146), н*ѹж*нее (112), поскорѣе (218), силнѣе (169) и с безударным *-еѣ*: попростра*н*неѣ (112). Отметим оформленное суффиксом *-ае* наречное *коньчае* (199), но так как *е* вписано над *а*, позволительно усматривать здесь и *коньчее* (в древнерусском — *коньчѣе*, известное в значении «наконец»), особенно если принимать во внимание, что именно с суффиксом *-ѣе* (*-ее*) выступает данное наречие во всех остальных случаях (54, 142, 169, 175, 178, 187). Ср.: скончѣе (58).

За вычетом приведенных выше, репертуар форм сравнительной степени и соотносительных с ними наречных образований в «Московской деловой и бытовой письменности XVII века» ограничивается такими: выше (288); дале (132—133, 233); лутче (233); больши (67, 73, 99—100, 106, 136, 142, 165, 221, 224, 233, 242—243, 255, 257, 259, 275, 289), побольши (233); меньши (41), поменьши (233). Примеры в контекстах: иноѕе*м*цомъ дале Арха*н*ге*л*ского города к Москве не ѣзди*т* а греко*м* бы дале порубе*ж*ны*х* городо*в* не ѣзди*т* же (133), я. . . дошо*л* до Живог мост*ѹ* да исп*ѹ*жа*л*ся ити*т* дале (233). (Ср. наблюдение С. В. Бромлей: «Наречие ср. степени *дале* распространено во всех видах письменности и особенно широко — в произведениях делового характера и в летописях. Оно употребительно вплоть до XVIII в. (см. в документах Петра Великого). Однако в поздние века с ним начинают конкурировать формы. . . *дáлѣе*. . . или *далей*» [7]); что писано в се*и* челоби*т*но*и* выше сего (288); пример употребления соотносительного с формой сравнительной степени наречного образования: кабы *де* гсдрь меня постави*л* пере*д* собою та*к* бы де ем*ѹ* было л*ѹт*че (233); бо*л*ши тре*х*со*т* ле*т* (73), ѕа ча*с* до нчи и болши (106), болши того никаки*х* писемъ у него нѣтъ (221); ме*н*ши тово вѕя*т* нелѕѣ (41); б*ѹ*де*т* де побо*л*ши посижю ино *де* поме*н*ши по*ж*иве*т* а то*л*ко *де* поме*н*ши поси*жу* ино *де* побо*л*ши поживе*т* (233).

В текстах Вестей-Курантов (при этом и в наречной функции) зафиксированы такие образования: бо*л*ше (134), бо*л*ши (22, 24, 29 и др.); выше (92, 98, 125), выши (37); дале (29, 123, 141 и др.), доле (28, 180); крѣпче (63, 134) —

---

[7] С. В. Бромлей. К истории образования форм сравнительной степени в русском языке. «Труды Ин-та языкознания», т. VIII. М., 1957, стр. 436.

как видим, форма *крѣпчае* была одним из вариантов, а не общеупотребительной в московских условиях; легче (29); лȣ*т*че (55, 116, 134 и др.), лу*т*че (221), лȣ*т*чи (78, 102—103 и др.), лȣтчи (186); менши (188), ме*н*ши (174, 199); по*з*же (169); шире (113).

П. Я. Черных регистрирует в Уложении формы: больши (136, 148 и др.), выше (134), дале (77 об.), меньши (80, 97 об. и др.), ниже (217 об.), хуже (7, 90 об.) [8].

И степень употребительности форм, с одной стороны, на *-е* и *-ѣе*, с другой — на *-ае*, *-яе*, и приемлемость суффикса *-ае*, *-яе* почти исключительно в положении после шипящих и *ч* — все убедительно говорит о том, что формы на *-ае*, *-яе*, широко распространенные на Севере, не могли являться характерной особенностью московского говора XVII в.

ИНФИНИТИВ

В поздней истории инфинитива на почве русского языка наиболее существенным событием явилась утрата конечного *-и* в безударном положении. Это изменение, как известно, охватило большинство русских говоров, в частности и московский, не затронув некоторые говоры северновеликорусского наречия. Напротив, в южновеликорусской области оно коснулось и форм инфинитива с конечным *-и* ударяемым.

Л. А. Булаховский пишет: «. . . в памятниках *-ти* господствует до XV в., когда наряду с ним чаще начинает выступать *-ть*» [1]. Для второй половины XVI в. С. Д. Никифоров устанавливает следующее состояние: формы на *-ти*, *-чи* характерны для произведений книжного стиля и в меньшей степени — для канцелярского, формы на *-ть*, *-чь* в этих стилях редки; одновременно отмечается: в челобитных и грамотках, наиболее близких к живой речи, формы на *-ть*, *-чь* более часты [2]. Применительно к XVII в. А. И. Соболевский утверждает: формы на *-ти* во всех па-

---

[8] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 315.

[1] Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 3. Киев, 1950, стр. 201.

[2] С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952, стр. 196—197.

мятниках еще вполне обычны [3]. По словам П. С. Кузнецова, формы с *-ти* на конце инфинитива часты еще в московских памятниках XVII в., может быть, в силу традиции [4].

Полная форма инфинитива на *-ти*, замечает П. Я. Черных, в заударных слогах при переиздании Уложения 1649 г., осуществленном в том же самом году, была заменена усеченной формой на *-ть*. И все же, по мнению исследователя, и в переизданном Уложении полная форма инфинитива встречается не реже, чем усеченная [5]. Можно даже считать, продолжает П. Я. Черных, что полная форма немного преобладает над усеченной, и задает вопрос: является ли, однако, эта полная форма чертою живого языка Москвы в середине XVII в.? В поисках ответа на этот вопрос он обращается к письмам царя Алексея Михайловича и так называемым грамотам и резолюциям Н. И. Одоевского, а кроме того, грамотам Б. И. Морозова. Обнаруженное в них сравнительно ограниченное употребление инфинитивных форм на *-ти* позволяет исследователю высказать предположение: возможно, что в разговорной московской речи образования типа *писати* к пятидесятым годам XVII в. уже вышли из обихода и сознавались как архаические [6].

В наших текстах, более обширных и более надежно связанных с московской речевой культурой, нежели, скажем, грамоты Б. И. Морозова, предположение это получает вполне основательное подтверждение. Рассмотрим положение в области форм, которые до указанного изменения обладали безударным *-ти*. Воспользуемся прежде всего материалами, датированными примерно тем же временем — серединой XVII в., что и исследованное П. Я. Черных Уложение, а говоря точнее, текстами 1640—1660 гг., о которых нам известно, что писали их москвичи. Это сказки, отпись, откупная и раздельная записи, поручные, данная, купчие и, помимо того, извет, помещенные в книге «Московская деловая и бытовая письменность XVII века».

---

[3] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4. М., 1907, стр. 257.
[4] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2. М., 1965, стр. 317.
[5] П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 350.
[6] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 351—352.

Формы на безударное *-ти*: перевоз держати ему (169), ему. . . убытки взяти на мне (182).

Формы на *-ть* из более ранних с безударным *-ти*: лех спат (126), называт (130), не спрашиват (161), не вѕыскиват (161), дават (162), сидет (162—163), не учинит (162—163), не красть (162), не збежат (162), не ѕаделит (162), не подат (162), платит (162); отдат (162), вѕят 2 (162), уличат (162), отослат (162), радет (163), дат (163), владѣт (163), выдат (163), бит (164), вѕят (164), платит (168), платит 3 (169), ѕаплатит (169), откаѕат (169), платит 3 (170), платить (170), ѕаплотит (170), имат (170), записат (178), очишат 2 (182), записать (182), платит (182), взят (182—183), ѡтдат (182), очишат (183), записат (183), сидет (232—233), навещат (233), говорит (233), известит (233), скаѕат (233), не скаѕат (233), не роспечатыват (233), не честь писмо (233). В возвратных формах глагола: ему. . . ставитца (170), не учнет. . . ставитца (170), вступатца (182—183).

Выходит: на 2 примера инфинитивных форм на *-ти* приходится (вместе с возвратными формами) 60 на *-ть*. Заметим еще: *держати* выступает в составе откупной формулы, а *взяти* — в составе формулы, органической для купчих. Словом, эти образования на *-ти* представляются явно несвойственными живой обиходной речи.

Аналогичное состояние выявляем и в челобитных того же времени.

Формы на безударное *-ти*: велѣт дати (62), дати нечево (62), дати на откуп (63), дати. . . на откуп (64), взяти негдѣ (66), велѣл ему дати (66).

Формы на *-ть* из более ранних с безударным *-ти*: пит (61), пить (61), есть 2 (61), сыскат (61), далажит (61), доложит (61), ȣчинит (61), взят (62), быт 2 (62), вклеит (62), выдат (62), послат (62), сподобит (62), дат (63—64), сметат (63), сыскат 2 (63), погинут (63), умереть (63), выписат (63), выписать (64), платит (64), учит (64), ȣчит (65), жит 2 (65), тянут (65), послат (65), велѣт (65), имат (65), писат (65), быт (65), справит (65), выписат (65), повѣрит (65), освободит (65), погинут (65), ȣмерет (65), взѧт (65), купит (66), дать (66), послат (66), быт 2 (66), отбыт (66), померет (66), черпать (67), погинут (67), досмотрить (67), допросит (67), наделить (67), выдать (67), бит (68), откаѕать (68), испродать (68), искать (68), отвечат (68), послат (68), быт (68), отбыт (68),

опои*т* (69), би*т* (69), допроси*т* (69), пресмо*т*рѣ*т* (69), сосла*т* (69), постави*т* (69), за*в*ладѣ*т* (69), цени*т* (69), ꙋчини*т* (69), допроси*т* (69), да*т* (69), ꙋчини*т* 2 (70), допроси*т* (70), да*т* 2 (70), дать (70), выпусти*т* (70), перемени*т* (70), постави*т* (71), о*т*да*т* (71), да*т* 3 (71), ꙋчини*т* (72), сыска*т* (72), погину*т* (72), пи*т* (72), бра*ж*ничa*т* (72), ходить (72), слуша*т* (72), см[и]ри*т* (72), да*т* (200), ѣзди*т* (200), сажа*т* (201). В возвратной форме глагола: по*д*ня*т*це 2 (66).

Возможно, употребление формы *дати* в челобитье подключника Хлебенного дворца (62) обязано влиянию приказной традиции, с которой подключник, по всей вероятности, сам писавший челобитную, в силу своего положения был хорошо знаком. Другие случаи употребления *дати* (62—64, 66) обнаруживаем в традиционных оборотах, характерных для приказной письменности. Не видим оснований относить к той же рубрике *вꙁяти* (66). Прочие примеры ясно указывают на господство в то время в московской письменности инфинитивных форм на *-ть* и, тем более, господство их в живой московской речи.

Сходное положение, но с несколько большим употреблением инфинитивных форм на *-ти*, хотя и не столь распространенным, как в Уложении 1649 г., наблюдаем в расспросных речах. Отметим: и здесь к образованиям на *-ти*, за весьма немногими исключениями, прибегают лишь в особых условиях — когда, следуя приказной традиции, излагают процедуру следствия или формулируют статьи приговора. Неудивительно, что и в расспросных речах лексический круг образований на *-ти* довольно ограничен: *пытати*, *выслати*, *сослати*, *дати*, *давати*, *отписати* и еще два-три образования. И ограниченность их лексического круга и обособленность сферы употребления — все говорит о том, что они были чужды народно-разговорной речи.

Вот характерные примеры употребления инфинитивных форм на *-ти* в расспросных речах, датированных 1638—1641 гг.: гсдрь црь. . . велѣ*л* ꙁоло*т*ную ма*с*терицу Да*ш*ку Ламанову да ведунью жонку Настьку. . . роспро*сити* и пыта*ти* накре*п*ко (244); Дашку Ламанову с мꙋжемъ еѣ с Стенкою Ламановы*м*. . . сослати в сиби*р*скѡі гѡро*д* на Пелынъ да золо*т*ную *ж* мастерицу Дꙋнку Ѧрышкину с муже*м* еѣ да с сынѡ*м* да *з* дочерью сосла*ти*

в Каргополе а подруг ихъ. . . выслати из двора и вперед имъ в црцыне чину быти не велѣт а колд8неи Манку Кѡзлиху за Дунку слепую да Ѳеклицу слепую ж с мужемъ ѕ Гришкою сапожникомъ розослати в городы Манку к Соли Камскои а Ѳеклицу с мужем на Вятк8 а Дунку в Каигородѡк а корму в тѣх городѣх 8казал имъ гсдрь давати Д8нке Арышкине с мужемъ да з детми по два алтна на днь Дашке Ламанове с мужем по пяти денег на ден (247).

Остаточное присутствие форм на *-ти* прежде всего в подобных текстах, отмеченных заметной приказной традицией, позволяет думать, что к этому времени утверждение инфинитивных форм на *-ть* в недрах живой народной речи, в конкретном случае в московской, полностью завершилось.

Небезынтересно отметить, что еще в Домострое, памятнике XVI в., инфинитивные образования на *-ть*, за исключением единичных случаев, выступают именно во второй, бытовой его части [7]. Подчеркивая это обстоятельство, М. А. Соколова вполне обоснованно пишет:

«На инфинитивных образованиях мы лишний раз убеждаемся в том, что процессы (в данном случае фонетические) прежде всего проявляются в бытовом языке эпохи, который, обслуживая широчайшие массы и будучи языком общенародным, становится проводником соответствующих изменений. В данном случае имеем в виду редукцию безударного *и* в инфинитиве.

Бытовая же лексика находит отражение прежде всего в памятниках деловой письменности и, тем самым проникая в письменный язык, получает закрепление в нем. Тот или иной процесс, зародившись в бытовой лексике, охватывает постепенно и все другие слои ее, представляющие ту же грамматическую категорию (в данном случае инфинитивы), и постепенно становится достоянием литературного языка, в основе своей общенародного» [8].

Вытеснение из приказного обихода инфинитивных форм на *-ти* соответственными формами на *-ть* в течение XVII в. происходило довольно интенсивно, иногда осложняясь переходной стадией стилистически несколько диф-

---

[7] М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI века. Л., 1957, стр. 145.
[8] Там же.

ференцированного, параллельного употребления тех и других. Последнее означало, что поддерживаемые традицией и приказной и церковнославянской письменности, старые инфинитивные формы на *-ти* не сразу уступали место новым [9].

Приведем примеры употребления тех и других образований в одном и том же тексте.

В сказке московских слобожан: ха*р*чи дороги учали бы*т*. . . мочно было масте*р*скому члвку и с женою бы*ти* сыт8 (138); в памяти: велѣ*т* Оѳонк8 На8ме*н*ка сослати в сибирско*и* горо*д* на Тар8 и велѣ*т* ево вести в Сиби*р* скова*в*. . . велѣ*т* ево де*р*жа*ти* в тюрмѣ. . . к тю*р*мѣ гдѣ о*н*. Оѳонка посаже*н* б8де*т* никаки*х* людеи прип8ска*ти* и говори*ти* с нимъ ни о чомъ давати не велѣти такъ *ж* и в дороге какъ ево в Сиби*р* повеѕ8*т* никаки*х* людеи к нем8 прип8ска*ти* и говори*ти* с нимъ ником8 ни о чомъ давати не велѣти *ж* а на кормъ ем8 Оѳонке на Таре и в дороге велѣ*т* давати по две де*н*ги на де*н* (276); в памяти: посла*ти* в Ка*р*гополе к воево*де* гсдрву грамоту а велѣ*ти* ем8 црцна сна бо*а*рского Ѿ*н*дрѣя Ѧрышкина котор*ои* ѕ женою и *з* де*т*ми сосланы в Ка*р*гополе іс Ка*р*гаполя посла*ти* на Тюме*н* с кѣ*м* пригоже а на Тюмени велѣ*ти* ево поверста*т* гсдрвы*м* жалова*н*емъ с тюме*н*цы с сл8живыми лю*д*ми і гсдрву слу*ж*б8 велѣ*т* ем8 сл8жи*т* с тюме*н*цы *ж* вмѣсте а ко*р*му ем8 ѕ женою и *з* де*т*ми дава*т* не велѣ*т* а буде*т* Ѿ*н*дрѣя Ѩрышкина в Ка*р*гополе не стало и жены ево и дете*и* ис Ка*р*гополя на Тюмень посыла*т* не велѣ*т* а велѣ*т* имъ жи*т* в Ка*р*гополе и ко*р*ми*т*ца собою а ко*р*м8 имъ и*з* гсдрвы ка*з*ны дава*ти* не велѣ*т* (248—249); в приказной помете на челобитье карлов: гдрь пожялова*л* велѣ*л* дати по каѳтану; в челобитье: вели на*м* да*т*. . . по каѳтану (54); напротив, в приказной помете на челобитье дьякона читаем: гсдрь пожалв*л* (так!) веле*л* да*т*. . . сукно; в челобитье дьякона: вели гсдрь да*ти* в прика*з* с8кно (56); в поручной записи кадашевцев: жи*ти* и*м* за нщею порукою в Кадаше*в*ско*и* слободѣ и дѣла*ти* гсдрво дѣло. . . а буде*т* анѣ Триѳо*н* да Еме*л*ѧнъ не 8чн8*т* жи*т* в Кадаше*в*ско*и* слободѣ или гсдрва дѣла дѣла*т* не стан8*т*. . . на пор8*т*чика*х* пеня (171); в памяти: велѣти

[9] В русском литературном языке полную победу форм на *-ть* над старыми формами на *-ти* С. П. Обнорский датирует концом XVIII и началом XIX в. (С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, стр. 172).

ѕоло*т*ную мастерицу Да*ш*ку Ламанову с м*ѹ*же*м* сосла*ти* в сиби*р*скои горо*д* на Пелынъ с к*ѣм* пригоже а на Пелыни велѣти и*м* дати дво*рик* гдѣ пригѡже а корм*ѹ* велѣти и*м*. . . давати исто*б*нику Сте*н*ке по три де*н*ги а женѣ его Дашке по *д*ве де*н*ги (248); в челобитье тяглеца Огородной слободы: сыска*ти* ево я сирота ва*ш* многие годы не могу. . . посла*т* п̑ристава и і*х* сыска*т* (118); в сказке старост Кадашевской слободы: есть*ли* велики*и* гсдрь *ѹ*кажет. . . какими товары то*р*гова*ти*; ср.: то*р*гова*т* бы имъ на Москвѣ с рускими людми (135).

Слабые признаки стилистической дифференциации в кругу инфинитивных образований проявлялись в употреблении форм на *-ти*, иногда преобладающем, рядом с формами на *-ть* в официальных императивных текстах и в подражаниях слогу последних, чего в иных условиях обыкновенно не наблюдалось. Означенное употребление форм на *-ти* напоминает отмеченное нами в текстах XVII в. южновеликорусского происхождения, где формы на *-ти* обычно находим в пересказе царских повелений и в составе правовых формул [10].

Интенсивную смену в XVII в. инфинитивных форм на *-ти* образованиями на *-ть* хорошо иллюстрирует наблюдаемое в пределах двадцатых—тридцатых годов употребление тех и других в текстах Вестей-Курантов [11], частично отражающее состояние и в московском говоре.

Примеров такого употребления немало: быти—быть, ведати—ведать, велети—велеть, взяти—взять, видети—видеть, владети—владеть, воевати—воевать, возити—возить, впускати—впускать, выняти—вынять, выписати—выписать, выпускати—выпускать, выручити—выручить, выслати—выслать, выходити—выходить, говорити—говорить, грабити—грабить, дати—дать, делати—делать, держати—держать, доставити—доставить, достати—достать, ехати—ехать, завладети—завладеть, закрепити—закрепить, закрыти—закрыть, замати—замать, засадити—засадить, зачати—зачать, знати—знать, известити—известить, изгоняти—изгонять, имати—имать, имети—иметь, исполнити—исполнить, испортити—испортить, крепити—крепить,

---

[10] С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. (Фонетика и морфология). М., 1963, стр. 205.

[11] «Вести-Куранты. 1600—1639 гг.». Изд. подготовили Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1972. Указатель слов.

мыслити—мыслить, навещати—навещать, наймывати—наймывать, наняти—нанять, нарядити—нарядить, находити—находить, объявити—объявить, одолети—одолеть, осадити—осадить, остерегати—остерегать, отдавати—отдавать, отдати—отдать, отняти—отнять, отогнати—отогнать, отрядити—отрядить, отслужити—отслужить, очистити—очистить, очищати—очищать, переимати—переимать, писати—писать, побити—побить, побыти—побыть, поволити—поволить, подарити—подарить, подумати—подумать, показати—показать, покупати—покупать, помешати—помешать, помешкати—помешкать, поминати—поминать, помирити—помирить, посадити—посадить, послати—послать, последствовати—последствовать, пособляти—пособлять, поспешити—поспешить поставити—поставить, посылати—посылать, посягати—посягать, похоронити—похоронить, почаяти—почаять, пощадити—пощадить, прибавити—прибавить, прибивати—прибивать, приимати—приимать, приняти—принять, присвоити—присвоить, прислати—прислать, приступати—приступать, проведати—проведать, провожати—провожать, промышляти—промышлять, пропустити—пропустить, просити—просить, прошати—прошать, радети—радеть, разорити—разорить, разоряти—разорять, разумети—разуметь, разъезжати—разъезжать, ранити—ранить, распустити—распустить, рассказати—рассказать, ровняти—ровнять, сбирати—сбирать, свершити—свершить, сделати—сделать, сказати—сказать, служити—служить, слышати—слышать, смотрети—смотреть, собирати—собирать, собрати—собрать, совершати—совершать, совершити—совершить, советовати—советовать, содержати—содержать, сподобляти—способлять, ссорити—ссорить, ставити—ставить, стати—стать, стояти—стоять, сыскати—сыскать, творити—творить, тесните—теснить, убавити—убавить, убавливати—убавливать, уговорити—уговорить, ударити—ударить, укрепляти—укреплять, умети—уметь, устояти—устоять, утвердити—утвердить, учинити—учинить, чаяти—чаять, чинити—чинить, шарпати—шарпать.

В обширной части русских говоров судьбу образований на безударное *-ти* разделила определенная группа форм, обладавших *-ти* ударяемым. Имеем в виду инфинитивные формы, в которых *-ти* следует за *с*, вроде *вести*, *нести* и т. п. В данных говорах эти образования сменились формами без конечного *и*: *весть*, *несть* и т. п. С. П. Об-

норский устанавливает, что эти формы «. . .были чужды севернорусскому наречию, но составляли типическую черту южнорусских говоров и полосы среднерусского наречия, а в границах его — в особенности Московщины. Отсюда понятно, что эти формы явились нормой старого литературного языка и из него уже распространились по периферии. Литературный язык старшей поры (XVIII в.) знает эти формы в обильном употреблении»[12]. Распространение названных инфинитивных форм из литературного языка на периферию представляется гадательным: в южновеликорусской области, по данным XVII в., они уже наличествовали[13], а северновеликорусской, как сказано, чужды. Что же составляло тогда упомянутую периферию? Лишь средневеликорусская полоса? Но с состоянием в этой полосе и в южновеликорусской области ученый как будто связывает состояние данных инфинитивных форм в литературном языке.

Касаясь подобных форм мимоходом, П. Я. Черных приводит из Уложения 1649 г. примеры: *кра́сти*, но *красть*, а также *кла́сти* и, помимо того, *отне́сть*, *свесть*, *привесть*. Одновременно в Книге о ратном строении отмечает такие факты: *весть* и вместе с тем *красти*, *упасти*[14].

В исследованных нами материалах рассматриваемые формы без конечного *и* тоже документированы. Часть их соотносится с соответственными образованиями на *-ти* безударное, остальные — с образованиями на *-ти* ударяемое: вывесть (вывезть) 2 (167), выве*с*ть (66), выкра*с*ть (50), вычесть.. . всл*8х* (196), не довесть 2 (182), не довесть (183—186), завесть (завезть) (148), класть (109, 194, 275), красть (162, 229), о*т*весть 2 (225), о*т*весть (227, 229), о*т*несть (210), перевесть (193—194), перенесть (67, 103, 112), днги. . . перечесть (224), погресть 2 (197), по*д*несть (193), поднесть (205), не покрасть (173), привесть (82, 208), принесть (165), провесть (60), пропасть (236), свесть (114), увесть (66), 8красть 2 (286), 8красть (287), 8несть (119), 8не*с*ть (129), не че*с*ть писмо (233).

Соответствующие формы с конечным *и*, в отличие от фактов, отмеченных П. Я. Черных, являются только с *и* ударяемым и производят впечатление сравнительно ред-

[12] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 181.
[13] С. И. Котков. Указ. соч., стр. 205—206.
[14] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 352.

ких: вести (везти) (42), вести (везти) 2 (276), не довести (181), погребсти (193), привести (привезти) 10 (39—42), прівесті (привезти) (283), привести (239, 242, 257, 260, 263—264), привести 2 (259), принести (137), принести (138).

Ничто не мешает и появление форм наподобие *весть* и *класть* связывать в первую очередь с живою народной речью и в московском говоре XVII в. считать их органическими.

История форм инфинитива у глаголов с основой на заднеязычный в южно- и северновеликорусской зонах была не одинаковой. На юге С. П. Обнорский констатирует отсутствие форм на *-чи* (печи, жечи и т. п.) и бытование форм на *-чь* (печь, жечь и т. п.), а на севере — сохранение первых в значительной части говоров [15]. По уточненным данным последнего времени территория распространения форм на *-чи* (и вместе с тем на *-кчи*) лежит восточнее и северо-восточнее линии Петрозаводск—Калинин—Касимов и полностью изолирована от Москвы [16].

Московские свидетельства XVII в. о формах на *-чи* не сходны. От глаголов с основой на заднеязычный, сообщает исследователь Уложения 1649 г., встречается форма инфинитива на *-чь*, хотя очень редко и непоследовательно, форма на *-чи* явно преобладает: улей. . . вы́сѣчи, отсѣ́чи рука, но: отсѣчь рука; беречѝ, но: бере́чь; другие примеры из Уложения: стеречь, не зажечь; из Книги о ратном строении: сколько досячь можешъ [17]. Напротив, в «Московской деловой и бытовой письменности XVII века» образований на *-чи* вообще не встречаем, представлены только образования на *-чь*: беречь (39, 82), бѣреч (40), береч (51), выжеч (121), жеч 2 (241), жеч 2 (243), жеч (237, 242, 244—245, 279), зажеч 2 (49), ѕажеч (49—51), зжеч (274), зжечь (275), испечь (286), обсеч (276), побѣреч (19), постριч (74), сечь (101), ȣберечь (39), ȣбѣреч (39). Более половины этих фактов зафиксировано в текстах более ранних, нежели Уложение.

Расхождение в данных наших источников и данных Уложения, по-видимому, следует объяснять употребле-

---

[15] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 187.
[16] См.: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров». М., 1970, карта 26.
[17] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 352—353.

нием в московском говоре, получившем отражение в наших текстах, только форм на *-чь* и сохранением в Уложении традиционных форм на *-чи*.

Сохранение этих образований рядом с формами на *-чь* наблюдалось в текстах Вестей-Курантов двадцатых годов XVII в.: беречи—беречь, мочи—мочь, отсечи—отсечь, помочи—помочь, уберечи—уберечь; беречися—беречься, речися—речься [18].

Квалифицируя формы на *-кчи* — *пекчи*, *берекчи* (берегчи) и т. п. — как новое комбинаторное образование из инфинитивной формы на *-чи* и темы соответствующих глаголов в формах настоящего времени (*пеку*, *берегу* и т. п.), С. П. Обнорский указывает, что сосуществование образований на *-чи* и *-кчи* падает лишь на территорию чистых северновеликорусских говоров, совершенно не встречаясь в границах средневеликорусской полосы [19]. Мнение С. П. Обнорского о позднем появлении форм на *-кчи* и отнесенности их исключительно к говорам северновеликорусского наречия в известной мере подкрепляется тем, что в исследованных нами московских и южновеликорусских памятниках XVII в. они не обнаружены.

Переходим к форме *и(д)тить*, ныне известной как диалектная. По мнению С. П. Обнорского, она сложилась «путем осложнения нормальным флективным элементом *-ть* глагола в инфинитивной же форме, т. е. с тем же суффиксом *-ти*» и находится, по его словам, в повсеместном употреблении, причем особенно широкое распространение имеет в Московской области [20]. Ее присутствие установлено и в московских памятниках XVII в., однако не во всех. Так, по сведениям П. Я. Черных, в Уложении 1649 г. «от глагола *иду* инфинитив употребляется только в форме *итти*» [21]. Зато в источниках, вошедших в книгу «Московская деловая и бытовая письменность XVII века», находим единственное *итти* (в грамотке Т. И. Голицыной 1677 г.): велено. . . и*т*ти и *в* Бѣлгоро*д* (18), да еще префиксальные *воити* и *притти*: первое — в расспросных речах 1642 г.: во*и*ти в бо*л*шо*и* ȣбытокъ (265), второе —

---

[18] «Вести-Куранты. 1600—1639», Указатель слов.
[19] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 187.
[20] Там же, стр. 188.
[21] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 353.

в челобитной 1633 г.: было ему при*т*ти нѣко*ли* (49); более употребительными оказываются формы осложненные: вы*ит*и*т* (171), выти*т* (283), *итит* (19), ити*т* (110, 233), итить (238), *итт*и*т* (18), ото*т*ты*т* (84), по*ит*и*т* (67), проити*т* (60). Употребительны были осложненные формы и в южновеликорусских говорах [22].

Поддержанные авторитетом столичной речи подобные формы инфинитива явились настолько влиятельными, что в течение продолжительного времени бытовали в литературном языке. «Мы найдем их в широком употреблении, — замечает С. П. Обнорский, — на всем протяжении истории литературного языка до половины XIX столетия» [23].

Полагаем: прежде всего потому, что были признаны Москвой, длительное время в литературном языке функционировали и формы типа *весть*. Отмечая постепенное исчезновение данных форм из литературного языка в более позднее время, С. П. Обнорский пишет: «Не может быть никакого сомнения в том, что причина этого разрежения в употреблении интересующих нас форм на *-ть* в литературном языке лежит в общих условиях воздействия севернорусской стихии на развитие литературного языка последних двух столетий» [24]. Этот вывод не согласуется с таким вполне убедительным заключением С. П. Обнорского относительно влияний на литературный язык: «. . .начиная с Петровской эпохи выступают иные, более сложные пути соответственных на него влияний, в частности и продолжение старого московского воздействия, и расширение его влиянием из иных районов южновеликорусской территории» [25]. По-видимому, выпадение из литературного языка упомянутых форм на *-ть* обусловлено не внешним диалектным воздействием, а грамматической нормализацией в сфере литературного языка.

Исторические данные позволяют утверждать: в XVII в. по состоянию инфинитива московский говор обнаруживал бо́льшую общность с южновеликорусской, нежели северновеликорусскою стихией.

---

[22] С. И. Котков. Указ. соч., стр. 207—208.
[23] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 189.
[24] Там же, стр. 181.
[25] С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 2. Л., 1931, стр. 406.

Характеризуя состояние русского глагола во второй половине XVI в., С. Д. Никифоров отметил, что формы имперфекта и аориста разговорной речью были утрачены и продолжали употребляться лишь в книжной речи, в повествовательных литературных жанрах; из сложных прошедших времен сохранился только перфект, превратившийся с утратой вспомогательного глагола в единую форму прошедшего времени; изменившаяся форма плюсквамперфекта применялась для выражения начатого, но незавершившегося действия [1].

В московских источниках XVII в. делового и бытового содержания характеризованное выше состояние, исключая положение в книжной речи, в повествовательных литературных жанрах, выступает особенно отчетливо. Но прежде чем обращаться к означенным источникам, ознакомимся с данными по этому вопросу в работе П. Я. Черных по языку Уложения 1649 г. Регистрируя в этом памятнике употребление форм перфекта без связки (исключительно 3-го л. ед. и мн. числа, поскольку иных перфектных форм в Уложении нет), исследователь пишет: «Отсюда, конечно, не следует, что в XVII в. перфект вообще был возможен только без связки. Надо полагать, однако, что для официального языка формы перфекта со связкой были характерны в большей степени, чем для просторечия. Если в грамотах Б. И. Морозова эпохи Уложения совсем не оказывается связки. . ., то в царских указах, касающихся хозяйства этого боярина, и в подорожных формы перфекта со связкой вполне нормальны» [2]. Следуют примеры: а прочет сю грамоту отдал бы еси; а прочитая сю грамоту отдавали б есте; чтоб есте давали . . . Морозова людем. Далее сообщается: «Формы 1-го и 2-го лица со связкой нередко встречаются в различных памятниках московского приказного языка середины XVII в.» и приводятся примеры из царских грамот, приказных памятей и других документов: писалъ еси къ намъ, что ты . . . а съ Пахры бъ еси шолъ; писалъ еси къ намъ; и о томъ бы еси къ намъ

---

[1] С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952, стр. 143—144.

[2] П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 344.

отписалъ; пожаловали есмы тово; велѣли есмя ему; нынѣ велѣли есмя; впередъ указали есмя . . . и о томъ указали есмя; и по городам велѣли есмя; сю нашу грамоту отдавали бъ есте; а сю. . . грамоту отдали бъ есте; грамоту отдали бъ есте; сеѣ нашу грамоту оставливали бы есте; а сеѣ нашу подлинную грамоту отдавали бъ есте; да. . . указали есмя; а для розмѣны указали есмя вамъ; писали есте къ намъ; послали бъ есте. . . велѣли бъ есте имъ писати; а про то бъ есте дворянамъ и дѣтемъ боярскимъ приказали имянно [3].

Легко заметить: коллекция примеров состоит из нескольких выражений — штампов приказных повелений и, конечно, не имеет отношения к живой московской речи.

И в наших московских материалах формы перфекта со связкой представляются не живыми, а исключительно традиционными, употреблявшимися в составе приказных формул, характерных для зачинов некоторых документов. Эти формы отмечены в поручных и выборной записях, дворовой данной и в купчих — текстах первой половины и семидесятых годов XVII в.: все мы пору*т*чики поручилися есми . . . по кадаше*в*це по Борисѣ Лео*н*тьеве (168), се *яз* Юрья О*н*дрѣе*в* снъ Глухани*н* . . . да *яз* путимецъ Оси*п* Ѧковле*в* снъ прозвища Самохвато*в* поручилися есми . . . по кадашевце по Борисѣ Лео*н*тьеве (170); мы пору*т*чики ѕа оди*н* чл*в*къ выручели есми . . . красносе*л*ца Се*р*гея Өедорова сна (170); мы пору*т*чики кад[а]ше*в*цы пор8чилися есми . . . по новопришлы*х* люде*х* (171); всѣ есми пор8*т*чики пор8чилися есми . . . по тяглецѣ по Семене Борисове (172); мы пор8*т*чики пор8чилися есми мы по Семене Григо*р*еве (173); хамо*в*ники . . . выбрали есмя и излюбили по очереди к гсдрву хамо*в*ному делу. . . в старосты Тимоөея Пе*т*рова да целова*л*ника Еремея Өедорова а те у на*с* люди добрые (176); на*м*. . . и*х* слуша*т*. . . и в бра*т*цко*м* делѣ ни в че*м* не пода*т* в то*м* есмя на себя и*м* и выборъ да*ли* ѕа сво*и*ми руками (176); се *яз*. . . княиня Соломанида Пе*т*рова до*ч* Савиковича Яко*в*лева дала есми племя*н*никомъ своимъ ро*д*ны*м*. . . дво*р* сво*и* моско*в*ско*и* (178); се *яз* . . . са*л*датъ Иванъ Ильинъ снъ Кошки*н* заня*л* есми . . . десять рублевъ (179); се *яз* Өедо*р* Өедоро*в* снъ Миха*л*ко*в* прода*л* есми Пе*р*өи*лю* Иванову сну Сикерину дво*р* свои моско*в*ской

---

[3] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 345.

(180); се *яз* Оѳонасеи Ѳедоро*в* снъ Конано*в* прода*л* есми Ѳедор8 да Ивану Ивановы*м* дѣте*м* А*р*гамакова двор сво*и* с мѣсто*м* и с хоромы (180); се ꙗз Михаило Лоукъяно*в* снъ Васильчико*в* прода*л* есми дво*р* свои московъской (182); се *яз* Траѳимъ Семено*в* По*н*кра*т*евъские слободы тяглецъ прода*л* есми . . . тяглецу Ивану Ѳилипову дво*р* сво*и* (184); се *яз* . . . по*дя*че*и* Иванъ Пе*т*ро*в* снъ Чеплыги*н* прода*л* есми я Ива*н* Ивану Наза*р*ев8 сну Ма*р*те*мя*нову дво*р* сво*и* моско*в*ско*и* (184); мы пору*т*чики поручилися есмы . . . по кадоше*в*це по Стеѳане Гаврилове сне Боженове (204); се а*з* Григоре*и* Ѳедоро*в* снъ З8ѕи*н* да *яз* О*н*дре*и* Пе*т*ровъ снъ Поленов . . . да *яз* Василѣи Пе*т*ро*в* снъ Чу*л*ковъ . . . поручи*лися* есми . . . по Григо*р*е сне Ѕуѕинѣ (204).

Исходя из данных Уложения 1649 г. и отдельных источников иного плана, П. Я. Черных заявляет: «Условия, при которых наблюдается сохранение связки (в форме перфекта. — *С. К.*) в XVII в., в общих чертах нетрудно установить. Связка отсутствует всякий раз, когда подлежащим в данном предложении является личное местоимение, тем более с логическим ударением. . . . Кроме того, связка отсутствует при повторении глагольного сказуемого в форме перфекта: отписалъ бы еси о томъ, а отписку велѣлъ отдать»[4]. Относительно первого условия мы не можем говорить столь определенно: в большинстве приведенных нами случаев связка в форме перфекта сохраняется и при наличии подлежащего, выраженного личным местоимением. Что касается второго условия, то недостаточное количество случаев употребления перфекта со связкой не дает возможности подтвердить его существование. Впрочем, один пример отвечает этому условию: хамо*в*ники . . . выбрали есмя и излюбили по очереди к гсдрву хамо*в*ному делу . . . в старосты Тимоѳея Пе*т*рова да целова*л*ника Еремея Ѳедорова (176).

На то, что перфект со связкой был тогда пережиточным, указывает неправильное употребление связки в 1 л. мн. числа: вместо *есмы* — *есми*, как в 1 л. ед. числа.

В условиях употребления в одном ряду с *се аз*, *се яз* или *се* ꙗ*з*, не свойственными живой народной речи, реликтовый характер перфекта со связкой в деловой письменности XVII в. выступает особенно рельефно.

[4] Там же, стр. 346.

Его реликтовый характер подтверждается и непоследовательным употреблением связки: связка порою опускается: мы пор*ѹт*чики порѹчилися мы Огоро*д*ные слободы по тяглеце по Миха*и*ле Проко*ѳ*еве (174); *яз* Панкра*т*евско*и* слободы тяглецы Любимъ Лукьяно*в* да *яз* Ѳили*п* Лукьяно*в* ... по*ру*чили*с* мы Па*н*кра*т*евско*и* слободы Иванѹ Иванову сну Печнику Казенно*и* слободы по Луке Лукинѣ (175); се *яз* бо*ѧ*ри*н* Иванъ Тимоѳѣеви*ч* Кондыре*в* прода*л* ѧ столникѹ Иванѹ Богдановѹ снѹ Ѧковлевѹ кѹплено*и* московско*и* сво*и* дво*р* (185); се *яз* Ко*н*драте*и* Пе*т*ро*в* снъ Коробо*в* зговори*л* я жени*т*ца. . . на *в*дове Оксе*н*е Романовы дочери (187) и т. д. Известно: пропуск связки в перфекте — явление довольно старое[5]. Примеры ее сохранения в Москве XVII в., повторяем, не могут быть относимы к живой народной речи.

О принадлежности форм перфекта со связкой определенной приказной традиции говорит в какой-то степени и тот состав писцов, у которых они являлись. За самыми редкими исключениями, это были подьячие, или, иначе говоря, писцы-профессионалы. Соблюдение этой традиции в иной грамотной среде, не искушенной в приказном делопроизводстве, у писцов-непрофессионалов менее вероятно.

В конце XVII в. проявления перфекта со связкой в деловой московской письменности уже не наблюдаются.

Оставляем вне рассмотрения формы *спала есми*, *настѹпил еси*, *роздрал еси* и др. (271—272) в тексте «Сон богородицы», представленном в расспросных речах 1642 г. Изложение «Сна» — не столько русское, сколько церковнославянское.

Известно, что старому плюсквамперфекту примерно с XIII в. пришел на смену новый, образованный посредством сочетания перфекта вспомогательного глагола и причастия на *-л*[6]. Его остаточное проявление зарегистрировано в челобитной 1642 г.: а оте*ц* мо*и* нигде тягла не тягива*л*. . . оте*ц* мо*и* бы*л* нанялся по*д* Смоленескъ в дато*ш*ные люди и нынече гсдрь веля*т* мне тягло тяну*т* (65). По-видимому, отдаленно эта форма отозвалась и в че-

---

[5] П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 208.

[6] Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М., 1924, стр. 327.

лобитной 1633 г.: то*т* Пе*т*ръ Кра*с*но*и*. . . ту жо*н*ку ве-лѣ*л* было 8 меня людем своимъ и стре*л*цо*м* о*т*би*т* и ѕа то гсдри ево воро*в*ство члвкъ ево Го*р*ска. . . батогі би*т* (51), а также в московской грамотке 1677 г.: а то свѣ*т* мо*и* все было говорили бояря что было да*т* тебѣ такая грамота (19). В сороковых годах XVII в., отмечает П. Я. Черных, формы прошедшего времени с *был* (*а*, *о*) встречаются как пережиточное явление, а обращаясь к языку Уложения 1649 г., констатирует следующее: «Словосочетания с *было*, восходящие, как принято думать, к формам давнопрошедшего времени, в нашем памятнике совершенно единичны и, главное, совершенно не показательны, так как наблюдаются только в безличных предложениях: довело́ся бы́ло его обвинити. . . довело́ся было на них взяти выти» [7].

Итак, вполне очевидных следов бытования плюсквамперфекта в московском говоре XVII в. мы почти не находим, что, вообще говоря, естественно: во второй половине XVII в. эта грамматическая категория была уже отмиравшей [8].

По нашим данным XVII в., в образовании будущего сложного времени сколько-нибудь заметных сдвигов тогда не происходило. По-прежнему в качестве вспомогательных выступали глаголы *стати* (*стать*) и производные от корня -*čьn*-: стан8 дѣлать (41), стане*т* 8 тѣбя мл*с*ти проси*т* (42), воды дава*т* не стану (155), стане*м* би*т* чело*м* (164), гсдрва дѣла дѣла*т* не стан8*т* (171), стане*т*. . . плати*т* (180), стане*т* в то*т* мо*и* дво*р*. . . вступа*т*ца (183), онъ писать не станетъ (219), стане*т*. . . би*т* челомъ (229), тово стан8*т* люди люби*т* (260), стане*т* говорить (263) и др.; не 8чн8*т* жи*т* в Кадаше*в*ско*и* слободѣ. . . тобакъ 8чн8*т* де*р*жа*т*. . . воро*в*ство*м* учну*т* промышля*т* или с воро*в*ски*ми* людми 8чн8*т* води*т*ся *и*л*и* в до*м* и*х* к себѣ 8чн8*т* приводи*т* (171), учнетъ бранить (177), не 8чне*т*. . . приходи*т* (177), учнѣтъ. . . в то*т* мо*и* дво*р* вступа*т*ца (184), не учне*т* стави*т*ца (204) и др.

В Уложении 1649 г. представлено образование этого будущего с помощью тех же вспомогательных глаголов: станутъ иматися за пытку; станутъ отбивать; станутъ грабити и др.; будетъ кто. . . учнетъ мыслити на государьское

---

[7] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 346—347.
[8] С. Д. Никифоров. Указ. соч., стр. 165.

здоровье злое дѣло; которые люди . . . у́чнутъ за собою сказывати государево дѣло или слово; тотъ. . . учнетъ на него государю бити челомъ, и др. Приводя подобные примеры, П. Я. Черных замечает: «Глагол *буду* в этой функции в Уложении не употребляется. Он встречается здесь лишь как категория будущего времени от *быти* и в форме *будет*, в функции условного союза». Вместе с тем сообщается, что в современных Уложению памятниках московского приказного языка образования с *буду* не были невозможны [9]. Наши сведения в общем виде согласуются с данными Уложения.

Употребление формы *будет* в функции условного союза обычно и в наших источниках приказного характера. В раздельной памяти: а буде*т* я Игнате*и* в тое половину двора стану вступа*т*ца. . . на мнѣ Игна*т*е взя*т* ему Петрȣ по се*и* памети днгъ сто рублевъ (155). В раздельной записи: а бȣдетъ. . . в че*м* не устою и на мнѣ. . . взя*т* емȣ. . . сто рȣблевъ (167). В сговорной записи: а бȣде*т* того помѣстья за мною не справятъ и мнѣ на не*и* не жени*т*ца (188). В извете подьячего: бȣде*т* де побо*л*ши посижю ино *де* поме*н*ши поживе*т* (233). В расспросных речах: стрелецъ же *де* Васка Мещо*р*ка емȣ Офонке говори*л* бȣде*т* де то*л*ко о*т* тоѣ травы гсдрня црца не ȣмре*т* ино *б* де е*и* какȣю спонȣ здѣлать и *он* де Оѳонка стре*л*цȣ Васке Мещо*р*ке к томȣ словȣ молы*л* я де то здѣлаю бȣде*т* не ȣмретъ и она де сама на*д* собою то здѣлае*т* (257) и др.

Материалы Уложения и приказной письменности не дают безусловного ответа на вопрос: употреблялось ли *будет* в этой функции в устной народной речи. Употребление *будет* в подобной функции в устном народном обиходе показывают грамотки. Неофициальное содержание их и выражающий это содержание общий строй речи и особенно ее лексическое наполнение, в составе которого выступает *будет*, — все убедительно говорит о том, что *будет* в функции условного союза являлось вполне органическим для устной народной речи. Вот примеры из грамоток: не учини гсдрь по м*л*сти свое*и* за*б*венна о сншке моемъ Васке что*б* ему в нѣте*х* не бы*т* а бȣде*т* прикаже*ш* бы*т* то*т*ча*с* вышлю (35); а бȣдѣ*т* в Пе*р*кине ове*с* прода*н* . . . вели к себѣ при*с*ла*т* днги (39); писано к тебѣ Маре-

[9] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 347—348.

*м*янушка про пиво свари*в* катло*м* веле*л* ᴧ привести и б8-дѣ*т* мошно ево 8бѣреч *от* морозо*в* а б8дѣ*т* немошно 8беречь ино то пиво *от*ставит к намъ не воѕи*т* (39); а б8дѣ*т* по*д*реди*т*ца намъ у крестьянъ свои*х* и 8 чюжи*х* пехотѣ на*д*ворно*и* хлеб плати*т* ино 8 свои*х* днгъ вѕя*т* с пол8осминного жеребᴧ по семи капеекъ а 8 чюжи*х* по гривне з двора вѕять (41); и б8дѣ*т* млстью свое*и* зас-т8пи*ш* припамет8е*ш* мое прошение и за млсть твою возда*т* мнѣ б8дѣ*т* нечи*м* и ᴧ бе*д*но*и* до*л*же*н* за тебя бга моли*т*(42).

По наблюдениям С. Д. Никифорова, ко второй половине XVI в. (и тем более к XVII в. — *С. К.*) категория глагольного вида в основном уже сложилась, но тем не менее хранила еще некоторые особенности, значительно отличавшие ее от современной категории вида [10].

Так, характерной особенностью языка московских приказов П. Я. Черных называет обилие образований несовершенного вида на *-ива-*, *-ыва-*, приставочных и бесприставочных, из которых впоследствии многие вышли из обращения. Перечисляются следующие бесприставочные, а затем приставочные образования, неупотребительные в современном русском литературном языке: слу́живалъ, не и́мывали, не мѣнивали, не веливалъ, не дѣлывалъ ли; не ссы́лывали, не прихáживали, переправливати, прибавливати, не прибáвливать ни убáвливать, почи́нивати, не учи́нивали, остáвливаютъ, справливать, не заставливать, не продáвывалъ, не снáшивалъ. . . не приношивалъ. Далее приводятся примеры из Книги о ратном строении: застáвливаютъ, прибáвливаетъ и некоторые другие [11].

Было ли это явление, характерное для приказной письменности, свойственным в то время и живой московской речи? Вообще оно признается давним в русском языке. Например, Л. А. Булаховский указывает: «В качестве великорусской особенности издавна. . . выступает, вместо более старого *-ова-*, суффикс несовершенного вида *-ыва-*, усвоенный, вероятно, в первую очередь при поддержке глаголов на *-и-вать* (*похваливать* и под.), под влиянием глагола *бывать*, несмотря даже на различие в месте

---

[10] С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952, стр. 113.
[11] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 341—342.

ударения»[12]. Выходит, необходимо выяснить, сохранялась ли названная особенность в исследуемую пору в московском говоре.

Свойственность этих образований устной московской речи явствует прежде всего из того, что в лексическом отношении они не замыкаются в пределах специфически приказного словаря и соответственного словоупотребления, а во многих случаях выступают в контекстах, характерных для общежитейского, а не узкоприказного речевого обихода. На принадлежность этих образований устной московской речи указывает и появление их у широкого круга писцов и воспроизведение их со слов подследственных из простого московского люда в составе расспросных речей: замена подобных глагольных форм иными, без *-ива*, *-ыва-*, могла повести к существенному искажению показаний.

Подтвердим сказанное примерами, заметив попутно, что исследуемые формы активны в московском говоре в течение всего XVII в.: ȣ меня гсдри никако (так!) бани не тапливал*и* (48); я бани не тапливал (48, 50); я... Ѡ*н*дрѣева двора не ѕажигива*л* (49); оте*ц* мо*и* ни*г*де тягла не тягива*л* (65); я... ихъ не бива*л* и не бранива*л* (124); соло*му* важивали на ме*л*ницы... кресяня (144); *ис* тово колодезя черьпывали водȣ лѣтъ з двацать и больши (152); в хамовны*х* изба*х* починивали пѣчи (158); топо*р* дровосѣчно*и* подѣлывали (158); пья*н* де о*н* украткою *от* него в о*б*ѣзде никуды не хажива*л* (211); о*н* де ево не *б*ранива*л* (211); лоше*д* де Миха*и*ла Боучарова на *з*бивывала і с лошеди *де* в то время какъ стрели*л* не ȣпадыва*л* (228); в цркo*в*... воро*в*ски ночю не хажива*л* (228); по*д*голо*в*ка ѕ де*н*гами... не крадыва*л* (228); хажива*л* ли к не*и* оцъ и мать (231); отецъ *де*... и мать к неи вдовѣ по сво*и*ствȣ хаживали *ж* (231); на црцынъ *де* сле*д* песку Ѡна Дарья не сыпывала и такова слова по*д*руге свое*и*... не говаривала (236); Да*ря* по*д*руги свое*и*... к бабе которая всему тому пособи*т* не ѕывала (237); ворожи*т* еѣ не учивала (240); какъ де е*и* старо*и* жонке дете*и* не раживать такъ бы де ȣ кого та грыжа і болѣзни не было (243); инымъ Ѡна ничѣмъ ȣ то*и* жо*н*ки Настки не пытывалась (244); многих люде*и* по*р*чива*л* (259); коре*н*я никакова

[12] Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 3. Киев, 1950, стр. 205.

не прашивал (261); што они емȣ Өөонке продавывали (261); к тому де колоднику встрѣчю знакомцов никово не попадывалос (264); Өөонка в бане у нево николи не паривался (265); Гришка ѕаставливал по себѣ стрелять. . . стрелцов (269); плетня. . . не опȣскивал (278); они меж собою бранивалис (281); еи. . . грибы дохтȣриха давывала (287); жена ево. . . Кȣзмȣ. . . не увѣчивала и не давливала (290); зять еѣ. . . Кȣзмы у жены евѡ Тимоөѣевы не отнимывалъ (290).

Помимо приведенных форм, распространение описываемых образований документируют и другие факты: не блуживал (280); не вѣливал (219), не веливалъ (226), не веливал (49) и др.; не винивался (229); не вынашивали (279); не вынимывал (229); не давывалъ (220—221, 228, 266), не давывал (203, 220—221, 223, 272), ср.: не давовал (45); не дѣлывалъ (220), не дѣлывал (219—220, 223, 255), не дѣлывали (277); ѕаставливает (караулить) (207), ѕаставливал (писать) (219); не имывал (203, 255), не імывали (150); не крадывал (228—229); не наȣчивал 2 (275); не отнашивал (255); не плачивал (86); посылывал ли (265); приваживали (от *возить*) (132); не принимывал (281); не присаживал (258); приставливалъ (265); прихаживал (260, 266, 273), не прихаживал (211, 237), не прихаживала (237, 239, 278—279) и др.; не ряживался (289); не сваживал (от *сводить*) (281); слȣживал (260); не снашивалъ (226); не стаивал (279) и т. д.

В тексте Уложения 1649 г. были отмечены и такие, близкие по значению к формам на *-ива-*, *-ыва-*, образования: не бивалъ, жива́ли [13]. Ср. в наших материалах: не бивал (124, 273, 278 и др.), не бивала (290), не бивал челом (260); не живал (168), не жывал (234); кроме того: не бывала (239), не бывало (243, 261—262), не пивал (265).

И лексическое разнообразие описываемых форм, и наличие в составе этих форм значительной группы бесприставочных (еще в XV столетии такие образования с *-ива-*, *-ыва-*, были очень редкими) [14] свидетельствуют об их активном бытовании в Москве в XVII в. В то время еще не обнаруживалось и слабых признаков их выпадения из письменного и устного обихода.

---

[13] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 341.
[14] П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 258.

Употребление данных образований с *не* приходится главным образом на расспросные речи и связано с отрицанием теми, над кем чинилось следствие, действий, которые им вменялись. Выходит, представленное в наших материалах употребление форм главным образом с *не* обусловлено не природой самих форм, а содержанием тех источников, где оно зарегистрировано.

Сложившееся как общерусское (в устном и письменном языке) применение названных глагольных форм позднее постепенно сокращается, и в настоящее время они удерживаются в части северновеликорусских говоров [15]. Таким образом, историческая судьба данного морфологического явления в Москве и в южновеликорусской области оказывается одинаковой — и там и тут оно исчезает, но исчезает сравнительно поздно [16]. Например, М. В. Ломоносов в качестве грамматически нормальных приводит соотносительные пары: браню, бранивалъ; вѣрю, вѣривалъ; глажу, глаживалъ; люблю, любливалъ; лѣчу, лѣчивалъ [17].

Отдельные формы, представляющие ныне категорию совершенного вида, в XVII в. функционировали в значении форм несовершенного вида. Речь идет о явлении, «относящемся не столько к области морфологии форм вида, сколько к их семантике». Примером этого явления в Уложении 1649 г. может служить такой: на том чело-

---

15 С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, стр. 37—38.

16 Поскольку никаких данных о наличии в прошлом этого явления в южновеликорусской области в литературе не приводилось, укажем некоторые его отражения в текстах, писанных на юге в XVII столетии (хранятся в Центральном Государственном архиве древних актов). В материалах Приказного стола: онѣ. . . к Ивашку Сапунȣ не прихаживали и ко*т*ла ȣ нево с трȣбою не имывали и. . . гȣ*м*на с хлѣбо*м* же*ч* ево Івашка с собою не зывали (стлб. 16, л. 353); Деме*н*те*и* избываючи менѧ . . . мȣчива*л* (стлб. 352, л. 18); мяня в крапи[ву] кладыва*л* (там же); карова Акимову лоше*д*. . . не каловала (стлб. 1627, л. 319); та корова напере*д* сего калавала*с* (там же, л. 328); *с* ево. . . земли. . . сенъ не важивалъ (там же, л. 528); пе*р*сня с камене*м* не крадывалъ (стлб. 1661, л. 118); ржи. . . не крадыва*л* (стлб. 2211, л. 17). В рукописи из Московского стола: живот*ωв*. . . не имыва*л* (стлб. 13, л. 147). В тексте из Севского стола: памяте*и* никаки*х* не писыва*л* (стлб. 52, л. 9); пьяницъ и гуляко*в*. . . не принимыва*л* (там же).

17 М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VII. М.—Л., 1952, стр. 514.

вѣкѣ. . . выть, не купи̂ бесъ поруки (313) [18]. Ср. в грамотке Д. В. Михалкова: а на Москвѣ хлебꙋ цена ржи че*ти* кꙋп*ят* в по*л*тину о*в*са че*ти* в два*т*це*т* а*л*тнъ (41). В челобитной мастерицы: велено гсдрня здѣла*т* переулокъ. . . и нне гсдрня то*т* Богданъ Заберезскои тое ли*ш*ние сажени в переулокъ не дастъ а мнѣ. . . к своему дворишку проити*т* нелзя (60). В челобитной московского тяглеца: взя*л* о*н* ꙋ на*с* три*т*це*т* рꙋблевъ и волочи*т* се*м*на*т*це*т* ндль а даные на*м* не да*с*тъ и хоче*т* де*н*гами за*в*ладѣ*т* (69). В челобитной стрелецкого полуголовы: ка*к* я. . . дочеришку свою за него Васи*л*я ѕамуж*ж* выда*л* и о*н* . . . ѕ дочери*ш*кою моею свида*н*я мнѣ и по се число не да*с*тъ (74). Ср.: тебя свѣ*т* мо*и* Спа*с* помилуетъ и все желаемая твоя тебѣ дастъ (20).

Можно уверенно сказать: московскому говору XVII в. была чужда известная части современных северновеликорусских говоров утрата *j* в глагольных формах с сочетанием *aje* или *eje* и связанные с этим ассимиляция и стяжение гласных. Из всего обширного собрания текстов, заключенных в «Московской деловой и бытовой письменности XVII века», только в двух — челобитьях кадашевцев, писанных неизвестными лицами, — находим следы этого явления: он же похваляе*т*ца сме*р*тнымъ убо*и*свомъ (так!) на меня и пожогою и всякими угроѕы мнѣ угража*т* (53); Пе*т*ръ. . . сме*т*но*и* росписи не дела*т* (92), моими деньгами о*н* Пе*т*ръ в брацко*м* промы*с*лу промышл*ѧт* и по се число и владе*т* все*м* нши*м* брацки*м* промы*с*ло*м* (92), Пе*т*ръ пье*т* и бра*ж*ничa*т* и о твои*х* гсдрвы*х* о*т*ку*п*ны*х* деньга*х* не раде*т* (92). В свете географии этой особенности ее несвойственность московскому говору особенно показательна: даже в наше время ее распространение с востока вплотную подходит к Москве [19], а в XVII в., вполне возможно, Москва находилась в ее пределах и тем не менее эту особенность все же не усвоила. Это служит одним из доказательств наиболее определяющего влияния в формировании московского говора, с одной стороны, северно-, с другой — южновеликорусского наречия, как целостных образований, а не подмосковных говоров. Во всяком случае, для XVII в. это представляется харак-

---

[18] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 349.

[19] «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров». М., 1970. Карта 50.

терным. Для более раннего времени, скажем, XIII—XV вв., значительной роли в этом процессе говоров Подмосковья мы не отрицаем.

Отметим частность в повелительном наклонении. По словам Л. А. Булаховского, форма данного наклонения от *поѣду*, знакомая литературному языку еще XVII в., уступала в этот период место форме *поѣзжай*, образованной от *поѣзжать*[20]. Ср. в московских грамотках 1677 г.: прошу пожалу*и* прие*д* к намъ (29—30); ты свѣ*т* мо*и* поѣзжа*и* поскорее (21). Эти факты из грамоток указывают на подобное изменение и в московском говоре.

ДЕЕПРИЧАСТИЯ

В курсах истории русского языка состояние деепричастных форм и происходившие в их системе изменения обыкновенно описываются бегло и при этом едва ли не исключительно за время до XVII в. Не выходят за эту хронологическую грань и авторы обобщающих работ по исторической морфологии, в которых деепричастия либо вовсе не освещаются, либо упоминаются мимоходом в связи с изучением причастий. Не простирается за эту грань и исследование С. Д. Никифорова «Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века» (М., 1952), где находим специальное обозрение деепричастных форм. В общем развитие системы деепричастий в XVII столетии, т. е. именно в тот период, рукописное наследие которого представляет указанные формы по всем русским областям, остается, в сущности, мало исследованным. Поскольку данные современных говоров свидетельствуют о том, что судьба определенных групп деепричастий по отдельным русским областям была неодинаковой [1], представляется важным проследить соответственные лингвогеографические различия в историческом аспекте. Необходимое в этом плане изучение деепричастных форм в московской письменности XVII в. имеет определенное значение и для воссоздания картины становления данной грамматической категории в русском национальном языке и в его литературной разновидности.

---

[20] Л. А. Булаховский. Указ. соч., стр. 195.

[1] См., например: И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.

Обрисуем состав деепричастий в московских текстах XVII в. Но прежде чем переходить к анализу данных образований именно в этом качестве, необходимо отметить отголоски их былого причастного употребления в роли второстепенного сказуемого. «Весьма показательны, — пишет В. И. Борковский, — для выяснения синтаксической роли именной формы причастия действительного залога как сказуемого примеры, в которых сказуемое, выраженное причастием (оно предшествует главному сказуемому), и главное сказуемое—глагол соединены союзом (*и*, *а*, *да*, *но*)» [2]. Московской письменности XVII в. примеры с союзом *и* не чужды. В грамотках 1677 г., адресованных В. В. Голицыну: писавы*и* дочеришки тво*и* Арю*т*ка да Ду*н*ка блгосcловения прося и много чело*м* бью*т* (24); писавы*и* сншко тво*и* Алешка блгословения прося и много чело*м* бье*т* (25); писавы снишко тво*и* Алешка блгословения прося и мно*г* чело*м* бью (25); писавы сншко тво*и* Алешка блгосcловения прося и много чело*м* бью (25); сншко тво*и* Алешка блгосcловения прося и мно*г* чело*м* бье*т* (26); писавы*и* сншко тво*и* Алешка блгосcловения прося и много чело*м* бье*т* (27); ср. свидетельство отхода от старой союзной конструкции: сншко тво*и* Алешка блгословения прося много чело*м* бью (26), ср. также: писавы сншко тво*и* Алешка блгословения прошу і много множество чело*м* бью (26). В грамотке стольника Д. В. Михалкова примерно того же времени: Прокоѳьюшка скажи мат8шке свое*и* штобы 8бра*в*ся со все*м* и с тобою ехала ко мнѣ к Москве (41). В челобитных 1637, 1676 и 1698 гг.: меня то*т* Тре*т*якъ не хотя ѕа сто*л* пусти*ти* в бесѣду и 8ча*л* меня брани*т* (57); Григоре*и* ннѣ пограбя те мои животишка і хоче*т* с Москвы сьеха*т* (98); прише*д* к тому *ж* окошк8 слобо*д*чикъ. . . Гуре[й] Григорьевъ і ихъ в то*м* бесчиниі унима*л* (123). В расспросных речах 1677 г.: и ѣздя де о*н* Миха*и*ла на лоше*ді* и какъ ево ѕастрелилъ с лошеди· са*м* ссѣ*л* (228).

Если примеры в грамотках, адресованных князю В. В. Голицыну, легко признать не связанными с живой московской речью, дошедшими до той поры в «этикетной» старой формуле, то все остальные, наличествующие в изображениях бытовых ситуаций, знаменуют, надо по-

[2] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965, стр. 379—380.

лагать, живую московскую речь. Во всяком случае, данные второй половины XVI в. не противоречат подобному предположению. Опираясь на эти данные, С. Д. Никифоров констатировал: «Подавляющее большинство кратких причастий превратилось в деепричастия; однако этот процесс во второй половине XVI в. еще не был полностью завершен»[3]. Как видим, его завершение в Москве происходит в XVII в.

Среди деепричастий, зарегистрированных во второй половине XVI в., С. Д. Никифоров выделяет группу образований с суффиксом *-уще-* (*-ущи-*, *-уща-*), *-аще-*, «широко распространенным в книжном стиле», образований, представляющих собой причастия старославянского происхождения, которые стали употребляться как деепричастия не сами по себе, а по образцу русских кратких причастий, превращавшихся в деепричастия[4]. Речь идет о таких формах, как *ждуще*, *проливающи*, *пребывающа*, *учаще* и т. д. В исследованных нами обильных материалах подобные формы отсутствуют, в чем, между прочим, можно видеть убедительное доказательство того, что материалы эти, в том числе и не содержащие сведений о писцах, являются в общем однородными и действительно представляют живую московскую речь.

Перечислим отмеченные в московских текстах и, полагаем, свойственные московскому говору деепричастные образования.

Деепричастия на *-а* (*-я*), образованные от глаголов несовершенного вида: бороняс (101), бояся (76, 269, 275), боѧс (237, 243), боѧся (258, 269), верша (205), видя (60, 76, 117, 124, 247), волочас (203), волочася (122), ворожа (240—241, 244), добря (205), дружа (95, 101, 109), ѣздя (228, 235), женяс (74), избывая (109, 274), мъстя (50), мстя (207), надѣяс (210), надѣяся (51), норовя (107), отбывая (106), отходя (68), очищая (280), платя (118, 205), плотя (103), покȣпая (226), почитая (113), прося (24—27), рняс (56, 67, 164, 208, 224), рьняс (211), рнясь (95), розводꙗ (238), розводѧ (246), розводя (245—246, 253), сидя (65, 212—213, 255—256), слыша (39), смотря (218—220, 262, 268), смотрѧ (222), смотря (239, 268), ставя (246, 253), стоя

---

[3] С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952, стр. 286.
[4] Он же. Указ. соч., стр. 263.

(203), топя — и*з*бы де мнѣ не топя не бы*т* — (83), увеча (93), ȣкрывая (106, 269), укрывая (106), ходя (78, 93, 210), хотя (50—51, 57, 82, 84, 106, 119, 227, 265), хотѧ (116).

В иной, недеепричастной функции выступает образование *родясь*: килы ȣ нево родя*с* не бывалѡ (258).

Деепричастия на *-а* (*-я*), образованные от глаголов совершенного вида: вскоча (49), вслømя*с* (90), встрѣтя*с* (252), встрѣтяся (229), вымятя — списо*к* . . . посланъ. . . и роспись дворяно*м* и жилцо*м* вымятя на*д* и*х* имяны хто и*з* нихъ в . . . похо*де* были — (37), выскоча (121), запȣстя (67), заредя (225), истерпя (269), исторопяся (256), наговоря (239—241, 244—245), наговорѧ (242), ограбя (93), побраня*с* (258), поваля (207), поваля*с* (253), поворотя (228), поговоря (78, 93, 135, 155, 165, 167), поговорѧ (132), пограбя (98), по*д*ломя (91, 105), послыша (99), по*с*лыша (239), посмо*т*ря (243, 278), похотя (288), при*с*тавя (110, 112), приставя (111), росплатя*с* (172), стерпя (222), *с*терпя (231), стерьпя (288), ȣбеля*с* (247), ȣбоя*с* (210), увидя (219), улича (162), умысля (68, 90, 99), умы*с*ля (244), ȣмы*с*ля (256), услыша (125), утая (109), утоя (68, 110), ȣтоя (107), ȣ*х*ватя (207), ȣчиня (285).

В недеепричастной функции встречается *спустя*: после *де* того спȣстя с н*д*лю тое тетратки просилъ. . . Петрȣшка Поливановъ (219); недо*л*гое время спустя выше*л* о*н*. . . на ȣлицу (280); после того спȣстя двѣ н*д*ли она. . . приходила к немȣ (289).

Отдельные формы на *-а* (*-я*) позднее выпали из русского языка и тем более его литературной разновидности. Можно назвать, например, такие: добря, истерпя, хотя, боронясь, рнясь, исторопяся. Происходило это либо в связи с утратой соответствующих глаголов (*добрити*, *рнятися*), либо деепричастия вытеснялись иными, синонимическими (*хотя* уступило место образованию *желая*). В одном значении угасло употребление формы *дружа* (кому). Образование *хотя*, судя по примерам, было общепризнанным и литературным. В этом качестве встречаем его и в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова [5], а в языке Пушкина уже не обнаруживаем [6]. Деепричастие *рнясь* для XVII в. представляется также широко употре-

---

[5] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VII. М.—Л., 1952, стр. 533.
[6] Словарь языка Пушкина, т. IV. М., 1961, стр. 835—837.

бительным. Считаем не лишним привести примеры его употребления в контекстах: ма*т* мою брани*л* рняс тому что я. . . иска*л* на не*м*. . . иску своего (56); рняс пре*ж*не*и* наше*и* побра*н*ке постави*л* возле то*т* колодес (67); би*л* чело*м*. . . Петръ Ісае*в*. . . рнясь на меня (95); написа*л* о*н* . . . меня Илью рняс по ссоре (164); рняс пре*ж*не*и* насе*р*ке по*х*валяетца би*т* до сме*р*ти (208); рьняс на меня. . . ста*л* меня. . . бить же (211); поклепа*л* рняс на меня (224). В «Материалах» Срезневского такого образования и соответственного глагола нет, в Словаре Даля — также. И в «Материалах» (III, 125) и у Даля (IV, 98) представлено только *риятися* в смысле «досадовать, сердиться». Тем не менее образование *рнясь* — не специфически московское. И соответственный глагол, и это деепричастие (вместе с вариантом *рняся*) известны были в XVII в. и в других местах России [7].

Воспринимаемые в свете норм современного литературного языка либо как архаические, либо как средства стилизации под народную и старинную речь [8], деепричастия на *-учи* (*-ючи*) в наших московских источниках и в московском говоре той поры были довольно употребительны. Об этом свидетельствуют и речевые ситуации, зачастую обыденные, в которых они появлялись, и кроме того, известное лексическое разнообразие подобных форм. Уместно вспомнить: употребление форм на *-учи* (и на *-ачи*. — *С. К.*) во второй половине XVI в. С. Д. Никифоров связывает с бытовой речью (Приходо-расходные книги, бытовые главы Домостроя, бытовой пласт писем Грозного) и с канцелярским стилем (Судебник, грамоты, акты) [9]. Таким образом, область применения указанных деепричастных форм в XVI и XVII вв. представляется более или менее одинаковой.

Приведем извлеченные нами данные XVII в.: бегаючи (46—47), бѣгаючи (47), бѣрегучи (78), будучи (57), бȣдучи (66), бȣдȣчи (173, 226), будȣчи (251), бьючи (52,

---

[7] См., например: «Грамотки XVII—начала XVIII века». — Изд. подготовили Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1969, стр. 272—273, 312; С. И. Котков. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, стр. 284—285.

[8] См.: «Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология». М., 1952, стр. 525.

[9] С. Д. Никифоров. Указ. соч., стр. 263.

253—254), вѣдоючи (46), вѣдаючи (227) вед8чи 2 (207), ворожучи (246), воруючи (68), вор8ючи (251), выдираючи (246), дѣла[ю]чи (59), ед8чи 2 (39), едучи (224), ѣд8чи (262, 282), жалуючи (132), жал8ючи (135), *ж*гучи (246), желѣючи (40), жив8чи (39, 220), живучи (119, 175, 233), ид8чи (55, 184, 278, 286), идучи (155, 178, 181), изгоняюче (67), наговариваючи (238, 242, 245), надеючись (67), надеючи*с* (67), нар8гаючи*с* (225), о*д*бываючи (108), ѡ*т*нимаючи (241), переменяючи (162), покупаючи (251), приговариваючи (243), прие*з*жаючи (71), приставаючи (251), проведаючи (18), 8личаючи (241, 252). Кроме того: глядечи (18), сидечи (162) — с *е* на месте *ю* вследствие редукции гласного в первом заударном слоге.

В законодательном Уложении 1649 г., в тексте которого отложился не просто «канцелярский стиль», а определенная разновидность литературного языка исследуемой эпохи, деепричастные образования на *-учи* (*-ючи*), по словам П. Я. Черных, являются нормальными и в то же время, по его наблюдениям, их в Уложении не так уж много, деепричастия на *-а*, *-я* явно преобладают[10]. В Уложении зарегистрированы такие формы на *-учи* (*-ючи*): бѣ̀гаючи, бу́дучи, бьючѝ, ѣ̀дучи, живучѝ, идучѝ, избива́ючи, опаса́ючи, отпуска́ючи, не почита́ючи (отца и матерь), росчища́ючи, стреля́ючи[11].

Можно сказать: в XVII в. деепричастия на *-учи* (*-ючи*) в общем русском языке стилистически ограничены не были. Тяготение их к просторечию, по-видимому, лишь начиналось. «Нейтральное» по отношению к стилям употребление этих форм подтверждают и более поздние сведения: «У писателей первой половины XIX в. употребление деепричастий на *-учи* могло и не иметь особой стилистической окраски. См., например, употребление деепричастий *гуляючи*, *едучи*, *живучи*, *идучи* в произведениях Пушкина, Лермонтова, Чернышевского, Герцена, Гончарова»[12]. Неограниченное в стилистическом плане употребление форм на *-учи* (*-ючи*) в географическом отношении было общерусским. Об их общерусском распространении гово-

---

[10] П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 356—357.
[11] Там же, стр. 356.
[12] «Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология», стр. 526.

рят и современные диалектные данные, суммированные С. П. Обнорским [13], и показания старой письменности [14].

Отметим, далее, в наших материалах сравнительно редкие образования с суффиксом *-ачи* (*-ячи*): слышачи (18), стоячи 2 (232), стоячи (235), стоячи (253), ходя*т*чи (105), ходячи 2 (246). П. Я. Черных в Уложении указывает деепричастие *слы́шачи*, в Книге о ратном строении — *держа́чи*, *стоячи̂*, в других памятниках «приказного языка» — *хотячи* [15].

Лексически сферы применения деепричастных образований на *-а* (*-я*) и соответственных на *-чи* не были строго разграничены. Например, совмещалось употребление форм: *ворожа* — *ворожучи*, *отбывая* — *отбываючи*, *сидя* — *сидючи*, *слыша* — *слышачи*, *хотя* — *хотячи* и др. В свете последующего вытеснения в общем русском языке деепричастных образований на *-чи* образованиями на *-а* (*-я*) параллелизм подобного рода знаменовал процесс постепенной экспансии вторых. Экспансия эта исходила из недр литературного языка: в его составе преобладание форм с суффиксом *-а* (*-я*) над формами с приметой *-чи* было особенно значительно.

Исследовав деепричастия на *-в* и *-вши*, для второй половины XVI в. С. Д. Никифоров констатировал такое состояние: «. . . преобладают, особенно в памятниках, близких к живой речи, формы с суффиксом *-в* (бытовые отделы Домостроя, грамоты, Судебник, переписка Грозного с Грязным). Формы на *-вши* (*-вше*) реже, они встречены в памятниках с книжной речью (Казанский лет., письма Грозного к Курбскому, повесть о Мамаевом побоище, сочинения Пересветова)» [16].

Наши, более однородные, материалы показывают безраздельное господство деепричастных форм на *-в* (в подавляющем большинстве производных от глаголов совершенного вида): би*в* (93, 208, 247, 281), бивъ (103), бывъ (236), взя*в* (69, 259, 283), взя*в* 3 (82), взявъ (82, 225), ѕя*в* (244), вѕявъ (239), ворова*в* (281), высыпа*в* (286),

[13] С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, стр. 214—217.

[14] См., например: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). М., 1963, стр. 217—224.

[15] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 357.

[16] С. Д. Никифоров. Указ. соч., стр. 272.

держав (82), не дожив (115, 118—119), доискався (227), забыв (72), заняв (41), запечатав (256), испродав (99), исп8жався (286), купив (46), не мешкав (39, 41—42), не мешкавъ (32), напився (68—69), напився (210—211), написав (233), не начевав (229), обув (116), одѣвъ (116), описав (223), ѡтодравъ (239), побѣжав (50), подержавъ (221), покинув (89), поклепав (95), покравъ (107), покрывся (236), покрывсѧ (236), покрывся (237), не помешкавъ (30), не помѣшкав (32), поровнявся (228), постаяв (263), постоявъ (221), постоѧв (237), постояв (252), постоꙗв (264), постоѧвъ (278), посълышав (99), потчивавъ (236), приехав (71, 209, 223), приѣхав (69, 106), приѣхавъ (235), приняв (228), проведов (46), провѣдав (288), проѣхав (106), проспався (226), пытав (245), разобрав (96), сварив (39), не сказався (115), сковав (224, 276), слушав (114), сл8шавъ (238, 253), сл8шав (256, 278), снявъ (231), собравъ (42), списавъ 2 (220), списавъ (221), ставъ (78), стакався (69), стакався 2 (84), стояв (236), сыскав (71, 122, 227, 257—258, 260), сыскав 2 (240), сыскав 2 (242), сыскався (78), 8бив (225), 8брався (41), увѣдав (78, 289), 8воровав (281, 284), 8знав (106), указав (205), 8слышав (76, 233), услышав (236).

Во всей обширной коллекции текстов попалось всего два случая употребления деепричастий на *-вши*: покинул меня ѕамертва бивши (58), бѣгавши пришол на Иверское подворье (288). Аналогичное состояние в Уложении 1649 г. — также оказываются возможными только формы на *-в*, форм на *-вши* нет [17]. Сходную картину раскрывают и тексты делового содержания XVII столетия в южновеликорусской области [18]. Касаясь подобных деепричастий в вологодских текстах XVI—XVII вв., исследователь последних сообщает только о формах с суффиксом *-в* [19].

В свете данных С. Д. Никифорова отмеченное в наших материалах безраздельное господство форм на *-в* (два примера на *-вши* не в счет) служит еще одним доказательством особой близости наших текстов к народно-разговорной стихии и убедительно показывает, насколько важен

---

[17] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 358.
[18] С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, стр. 222.
[19] Л. Ф. Копосов. Вологодские говоры XVI—XVII вв. по данным местной деловой письменности (Фонетика и морфология). Автореф. канд. дисс. М., 1971, стр. 20—21.

для исследования отбор соответствующих источников. К сожалению, их «валовое» изучение, в лучшем случае слабо дифференцированное, в современной истории русского языка — едва ли не общее явление. Итак, образования на *-вши* в московском говоре XVII в. были как будто мало употребительны. Функционирование их в литературном языке и в XVII в. и в позднейшее время обязано, как можно полагать, опираясь на данные С. Д. Никифорова, прежде всего влиянию давней книжной традиции. Еще М. В. Ломоносов приводил как вполне литературные примеры форм не только на *-в*, но и на *-вши*, замечая при этом: «На *въ* кончащиеся лучше, нежели на *вши*, однако не без изъятия» [20]. А в XIX в. образования на *-вши* зачисляют уже в просторечные, имея, может быть, в виду употребление форм подобного рода в части русских говоров в качестве сказуемых. Наблюдается это главным образом на западе северновеликорусской области.

Исключать существование в московском говоре образований на *-вши* невозможно, поскольку они (в прошлом причастные формы им. п. ед. ч. женского рода) составляли историческую принадлежность всего русского языка. Можно, однако, предположить, что в предшествующую исследуемой эпоху, когда причастия на *-в* и *-вши* превратились в деепричастия и функционально, в общем, уже совпадали, употребительность первых значительно возросла и они потеснили вторые. В письменности делового содержания для развития этого процесса были особенно благоприятные условия: женщины в социальных условиях средневековья обыкновенно не выступали ни в качестве лиц, от имени которых могли составляться те или иные документы, ни в качестве лиц, с которыми другие могли вступать в те или иные правовые или экономические отношения (исключения единичны). Поэтому возобладание в деловой письменности причастных образований на *-в* (по происхождению причастных форм им. пад. ед. ч. мужского и среднего рода) могло быть обусловлено, помимо лингвистических, и данной, внелингвистической причиной.

В литературе неоднократно отмечалось вытеснение некоторых деепричастий, обладавших суффиксом *-а* (*-я*),

---

[20] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 503, 517.

соответственными формами на *-в* и *-вши*[21]. В XVII в. этот процесс, судя по нашим материалам, в Москве еще не сказывался: параллелизма в употреблении названных форм отметить не довелось.

Образование деепричастий на *-в* и *-вши*, как известно, было связано с глагольными основами на гласную. От глагольных основ на согласную деепричастные формы образовывались посредством суффикса *-ши*: застигши (124), ѕжегши (240), жегши (241), ѕжегши (244), жогши (245), испекши (286).

Деепричастия с корнем *-шед-* функционировали без суффикса: выше*д* (102, 121, 124, 211), вышо*т* (58), не доше*д* (126), о*т*шо*д* (66), поше*д* (229), прише*д* (69, 87, 97, 121, 123, 219, 236, 250, 252, 289), прише*д* 2 (231), прише*т* (278), пришо*д* (52, 209, 259), пришо*д* 3 (260). Ср. в Уложении 1649 г.: отшедъ, пришедъ[22].

Укажем далее формы на *-чи*, образованные от основ на *т* этимологическое или *д*, подвергавшееся оглушению, иногда в письме и не выраженному: покра*д*чи (105), покра*т*чи (88, 120, 162, 173), укра*т*чи (235), проче*т*чи (15, 273). В Уложении 1649 г.: накратчи, украдъчи, приведчи, счетчи[23]. Возможно, прав Л. А. Булаховский, писавший о формах на *-чи* следующее: «Последние, по-видимому, представляют фонетический продукт слияния *т* основы с *ш* окончания, причем и в письме и в произношении корневая часть так или иначе восстанавливалась, не без влияния, вероятно, окончания деепричастий настоящего времени»[24]. Характерно, что в наших материалах формы на *-ши*, без перехода в *-чи*, представлены только случаями с основой на заднеязычный. Так и в Уложении 1649 г.: заволокши, постригшися; в Книге о ратном строении *-ши* находим тоже в положении не после *т*: взе́мши[25]. В более раннем тексте Домостроя встречаем образования *иссекши*, *засѣкши*, *влезши*, *приимше*, а кроме того, и формы *обретши*, *счетши*[26].

---

[21] См., например: Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 3. Киев, 1950, стр. 216; С. Д. Никифоров. Указ. соч., стр. 286.

[22] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 359.

[23] Там же.

[24] Л. А. Булаховский. Указ. соч., стр. 213.

[25] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 359.

[26] М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI века. Л., 1957, стр. 152.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнение современной московской речи с современной северно- и южновеликорусской, а также и средневеликорусской не может дать правильного ответа на вопрос о ее составе, хотя и свидетельствует об отдельных бесспорных линиях связи московской речи с великорусским Севером, Югом и средней полосой. Решение данного вопроса возможно лишь в итоге исследования речевой культуры города Москвы в историческом аспекте, с учетом взаимодействия этой культуры с северно-, южно- и средневеликорусской, а кроме того, безусловно, и с языком письменности.

Московская речь XVII в. не являлась речью «смешанной», а была вполне сложившимся и влиятельным городским койне, способным активно нейтрализовать лингвистические веяния извне и определяющим образом воздействовать на формирование литературного языка и, шире, национального.

Формирование этого койне происходило в фокусе взаимодействия северно- и южновеликорусского наречий, причем главенствующим началом было южновеликорусское. Участие в данном историческом процессе разнородных говоров Подмосковья, вначале, возможно, и заметное, впоследствии, по мере укрепления и расширения Московского государства, все более и более ослабевало и становилось лишь вспомогательным.

«Избирательность» северных и южных влияний на говор русской столицы позволяет выразить сомнение в правомерности теории наслоений, которой обыкновенно объ-

ясняют образование средневеликорусских говоров и в какой-то мере московского.

В области фонетики и морфологии московская речь XVII в. не обнаруживала каких-либо различий в зависимости от принадлежности ее носителей к социальным верхам или простому люду.

Московское аканье той поры представляется твердо сложившейся нормой, становление которой в том случае, если она сменила оканье, по всей вероятности, продолжалось не менее двух столетий.

Установленное в Москве XVII в. изменение безударных гласных в положении после мягких согласных представляло собой не еканье, а несколько иную систему, с безударным *э* склонным к *и*, или *и* склонным к *э*, развивавшуюся в сторону иканья. Относить появление иканья в Москве к началу XIX в. нет никаких оснований. Его бесспорные проявления, особенно в заударном положении, наблюдались в говоре москвичей уже в XVII столетии.

В положениях под ударением Москва еще сохраняла отличное от *э* произношение гласного звука, передаваемого буквой *ѣ*. Предположение Л. Л. Васильева о более твердом произношении согласных в положении перед звуком *э* и более мягком перед гласным, передаваемым посредством буквы *ѣ*, подтверждения не получило.

Московскому произношению той эпохи было свойственно губно-зубное *в*; общепринятым было взрывное *г*, употребление которого, однако, не исключало и появления *х* в соответствии с *г* в конце слова; при слабых реликтовых проявлениях мягкости *ж* и *ш* выступали как твердые, а *ш̄* являлось мягким; *ч* функционировало как мягкое, а *ц* как твердое, ни цоканья ни чоканья не зарегистрировано.

Вероятно южновеликорусское содействие процессу вовлечения в женский род определенной группы имен, обладавших в более раннее время приметами среднего рода (*Михайло*, *Ивашко* и т. п.).

Категория одушевленности в московской речи той эпохи предстает вполне сформировавшейся.

Отмечено значительное распространение форм род. и предл. на *-у*. Состояние род. на *-у* в Москве, на Севере и на Юге было более или менее сходным.

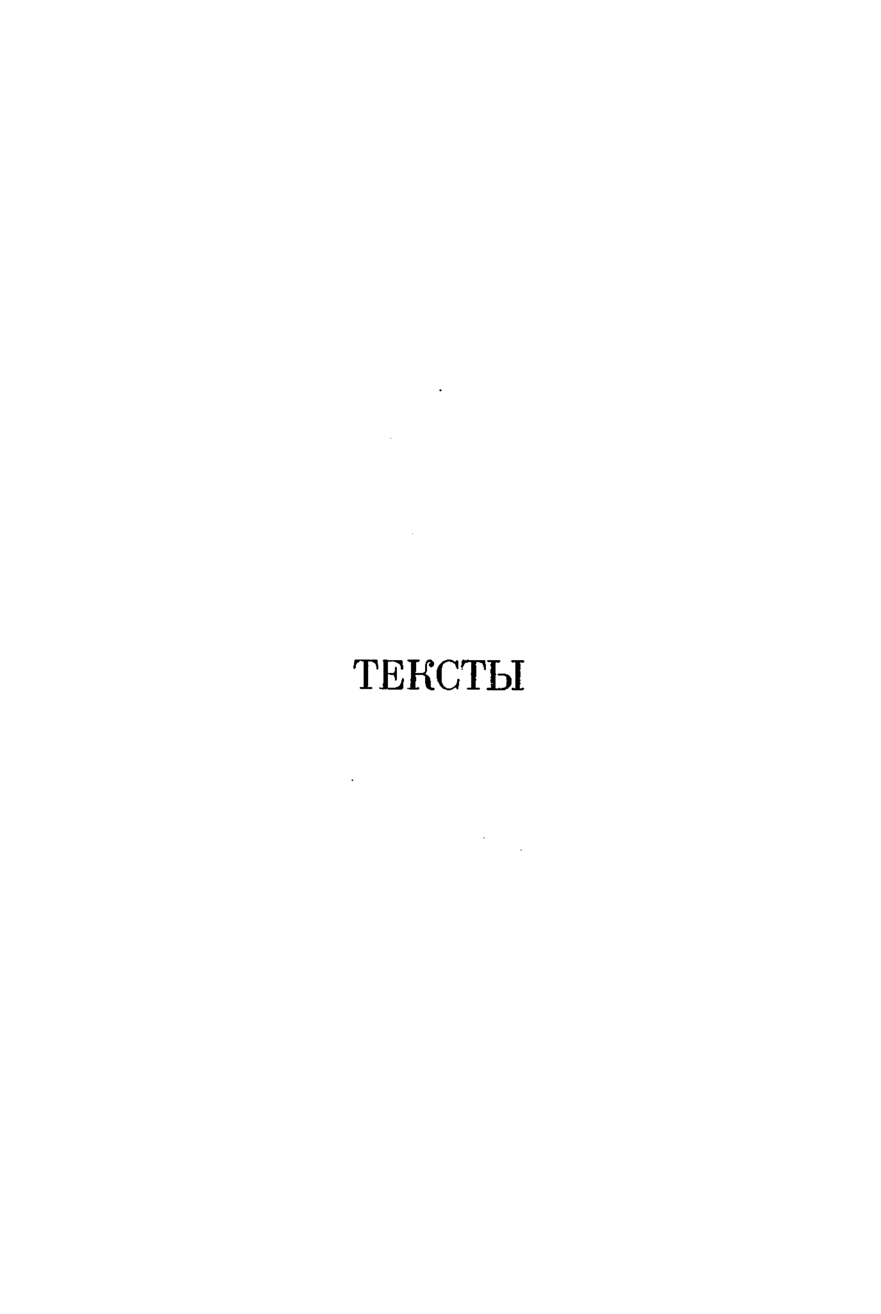
Наши материалы не подтверждают мнения С. П. Обнорского о род. мн. на *-ов*, *-ев* в кругу имен женского рода как явлении в пору зарождения именно московском. Вероятнее зарождение их на почве народных говоров за пределами московской речи.

Свойственное Москве XVII в. оформление род. мн. в неженском роде имен прилагательных в виде *-ово*, *-ево* имеем основание связывать не только с северновеликорусской, но и южновеликорусской стихией.

По состоянию инфинитивных форм московский говор обнаруживал бо́льшую общность с южновеликорусской, а не северновеликорусской стихией. Подтвердилось предположение об утрате в этом говоре инфинитивных форм типа *писати* к середине XVII в.

Состояние глагольных времен представляется близким к современному. Категорию вида отличало обилие образований на *-ива*, *-ыва*.

Исследование показало, насколько важно для получения объективных данных не «безличное» рассмотрение показаний памятников, а с учетом их принадлежности определенным носителям языка. Не менее важно в этом плане и дифференцированное рассмотрение текстов, при этом не только с точки зрения принадлежности их к определенным группам произведений деловой письменности (сказки, поручные, челобитные, расспросные речи и т. д.), но и с непременным учетом характера образующих их частей (традиционный зачин, основное изложение, регламентированное заключение, приложения рук и т. п.).



ТЕКСТЫ

Публикуются тексты XVII в., хранящиеся в Центральном Государственном архиве древних актов (ЦГАДА).

Большую часть их образуют материалы столов Разрядного приказа (ф. № 210). Из Приказного стола (столбцы 153, 170, 272, 298, 595, 679, 710, 1049, 1409, 2549) заимствованы сказки о пожаре на Кулишках, связанные с опубликованными в книге «Московская деловая и бытовая письменность XVII века». (М., 1968), сказки о моровом поветрии и смутных речах, об изъятии икон из церквей, досмотре надолб и др.; записи словесных челобитий и допросных речей на съезжем дворе в Китай-городе, досмотр «зажигальных» мест, поручные записи, памяти, а также извет стрелецких жен. Из 7, 8 и 11 столбцов Карабанова приводятся сказки жильцов о службе и государевом жаловании, из 194 столбца Севского стола — ценовные памяти на дворы.

Вторую, меньшую часть публикации образуют материалы Архива Оружейной палаты (ф. № 396). Сюда относятся расписки в получении поденного корма и денег (столбцы 8155, 8157, 8448, 12807) и поручные записи (столбец 8721).

1

Сказки жильцов о службе и государевом жаловании

Жильца Б. С. Михайлова

23 июня 1643 г.

| **л. 34** | Боѧринꙋ кнзю Юрю Ондрѣевичю Ситцкомꙋ | да дѧкꙋ Григорю Ларионовꙋ жилецъ Борис | Степанов снъ Михаиловъ сказал дѣд мои | Михаило и отецъ слꙋжили до московского[1] | разоренѧ прежнимъ гсдремъ и гсдрю црю | и великому кнзю Михаилу Ѳеодоровичю всеа | Рꙋсиі в дьяцехъ а ѧ Борискѡ слꙋжꙋ | гсдрю в житѣ двенатцат лѣт а помѣ|стья и вотчинки гсдрва жалованя нѣт | нигдѣ а по нарѧдꙋ на гсдрвых слꙋжбах | живꙋ своею[2] братею с пожаловаными | в рѧд и на Москвѣ живꙋ без сьѣздꙋ | то моя и скаска писал своею рꙋкою[3]

| **л. 34 об.** | РНА *г* июня КГ *де* скаѕался | ЛГ годы

Караб. стлб. 8, л. 34—34 об.

[1] *Так в ркп.* [2] *Так в ркп.*, с своею. [3] *Далее иным почерком.*

Жильца И. С. Айгустова

26 июня 1643 г.

| л. 53 | Боярину кнѕю Юрью Ѡндрѣевичю Сицкому да *дь*яку | Григо*р*ю Лариѡнову сказа*л* жилецъ Иванъ Смышляе*в* снъ А*и*густо*в* ѡ*т*цъ мо*и* служи*л* гсдрю по Луху | по выбору а бра*т* мо*и* Петръ А*и*густо*в* служи*л* | по московскому списку а я Ива*н* служю гсдрю в жи*т*|ѣ семна*т*це*т* лѣтъ а гсдрва жалова*н*я мнѣ помѣ|сно*и* ѡкла*д* четыреста пя*т*деся*т* че*т*вер*т*е*и* | а помѣсть[1] дано внов ѡ*т*ца моег выслуга сто се*м*|деся*т* три че*т*верти в Лухо*в*ско*м* уѣзде а *в* немъ | кр*с*тья*н*ских и бобы*л*ски*х* деся*т* дворовъ | да за мною *ж* по*д*моско*в*ная во*т*чи*н*ка пустошь а *в* не*и* сто че*т*и да за ѡ*т*цо*м* мои*м* была во*т*чина | в Луховъскомъ уѣзде двѣсте сорокъ че*т*вер*т*е*и* | а *в* не*и* кр*с*тьянски*х* и бобы*л*ски*х* сорокъ дворо*в* | и ѡ*т*цъ мо*и* не жалуючи меня проча женѣ | свое*и* а мое*и* мачехе брату еѣ Гарасиму | Гарасимову сну Ма*р*те*м*янову заложи*л* | тоѣ во*т*чину в бо*л*ши*х* де*н*га*х* в тысече рубле*х* | а дене*г* ѡ*т*цъ мо*и* за тоѣ во*т*чину у не*г* Гара|сима не *и*ма*л*[2] потому что мачеха моя после ѡ*т*ца | моег безд*ѣт*на то моя Иванова и скаска а скаску | писа*л* Ивановские площа*ди* по*д*ячеи Аѳонка | Бѣло*и* лѣта ҂ЗРНА *г* го*ду* июня въ двадеся*т* | шесты*и* днь[3]

|л. 53 об.| РНА *г* июня въ КЕ *де* скаѕа*л* | себе Л ле*т*[4]... ЗI ле*т*

К сеи скас*к*е Ива*н* Аиг*ꙋ*сто*в* р*ꙋ*ку приложилъ

Караб. стлб. 11, л. 53—53 об.

[1] *Так в ркп.* [2] *Чтение предположительное.* [3] *Далее иными почерками.* [4] *Далее не разобрано несколько букв.*

Жильца Р. А. Плохово

29 июня 1643 г.

|л. 76| Гсдрв*ꙋ* црв*ꙋ* и великого кнзя Михаила | Ѳедоровича всеа Р*ꙋ*сиі бояри*н**ꙋ* | кнѕю Ю*р*ю Ѡ*н*дрѣевичю Сицкому | да *д*ьяку Григо*р*ю Ларивонов*ꙋ* скаѕал | жилецъ Роди*ѡн* Ѡѳонасевъ снъ | Плохово ѡ*т*цъ мо*и* Ѡѳонасе*и* | бы*л* в дьяце*х* блже*н*ные памя*ти* | при гсдре цре і великомъ кнзе Ѳедоре | Ивановиче всеа Р*ꙋ*сиі и при цре | Борисе а ѡ*т* род*ꙋ* мнѣ соро*к* лѣтъ | а сл*ꙋ*ж*ꙋ* гсдрю в жи*т*е два*т*ца*т* | два года а гсдрва жалова*н*я | ѡ*т*ца моего высл*ꙋ*га

помѣ|стеицо ѕа мною в Сȣздалском ȣѣзде | толко в дачех семдесят сем четі а в нем | сем дворишков крстьѧнских и бобыл|скихъ а скаску писал Сибирскогѡ | приказу подьѧчеи Егуп Клеѡпин[1]

|л. 76 об.| РНА г июня в КѲ де

К сеи скаске в Родивоново мѣсто Пло|хово брат ево Ѧким Плохово рȣкȣ | приложил

Караб. стлб. 7, л. 76—76 об.

[1] *Далее иными почерками.*

Жильца А. И. Васильева

26 июня 1643 г.

|л. 99| Бояринȣ кнѕю Юрю Ондрѣевичю Сицкомȣ да діаку | Григорю Ларионовȣ скаѕал жилец Ондрѣи Иванов снъ | Василевъ оклад четыреста чети помѣстеицо | гсдрво жаловане подмосковная в Бохове стану | в селце Михаиловском с пустошми пятдесят чети во д|ворѣ крстьянин да в Орѕамаском ȣѣзде в Ычалов|скомъ стану в селце Худо|шипе пятдесят чети | десят дворов крстьянских и бобылских да семь | дворов крстьянских пȣстых а крстьяня бѣгаючи | живут в новых городех на Отемаре и в Ломо|ве а служю гсдрю семнатцать лѣт а на гсдрвых | слȣжбахъ своею[1] братею бывал везде и на Мос|score[2] жил без съѣзду а отцъ мои был діакъ а ска|ску писал своею рȣкою[3]. . .

|л. 99 об.| РНА г июня въ КЅ де скаѕал ЛА год[4]. . .

Караб. стлб. 8, л. 99—99 об.

[1] *Так в ркп.*, с своею. [2] *Так в ркп.* [3] *Далее иным почерком.* [4] *Далее не разобрано несколько букв.*

2

Сказки о пожаре на Кулишках

Попов Епифана, Маркела и дьякона Василия

Май 1646 г.

|л. 219| Соборȣ ржства и воскресениѧ | хрства ис под калокол попъ | Епиѳан да петропавловскои попъ | Маркѣл да дѧкон Василеі | сказали по свѧщенствȣ | маиѧ въ ЗІ[1]

Иванова жена | Еремѣева вдова Ѹлꙗна | избꙋ топила лі и дома в тот | ден была лі и онѣ тово не вѣ|дают а слꙋхом мы слышелі | что де загорѣлся еѣ вдовин | двор а скаскꙋ[2] писал Помѣ|сного приказꙋ подꙗчеі | Петръ Пꙋхов[3]

|л. 219 об.| К сеи скаске Петра и Павла поп Маркелъ | рꙋ[4] приложил

К сеи сказки поп Епиѳан рꙋку прил[5]

К сеи скаски дьякон Василеи Сергѣевъ рꙋкꙋ приложил

Приказн. стлб. 170, л. 219—219 об.

[1] 3 *исправлено из* Ѕ. [2] а ска *написано по стертому.* [3] *Далее иными почерками.* [4, 5] *Так в ркп.*

Дьяка Т. Никитина

Май 1646 г.

|л. 223| Дьꙗкъ Третꙗкъ Никитин ска|зал по гсдрвꙋ црвꙋ и великого | кнзя Алеѯѣꙗ Михаиловича | всеа Рꙋсиі крстномꙋ целованю | что в то времꙗ какъ по|жар ꙋчинилсꙗ дома ево | не было был в городе и маиꙗ | въ 3І де вдова Ѹлꙗна Ивано|ва жена Еремѣева на дворѣ | избꙋ ꙋ себꙗ топила ли или | нѣт и дома ꙋ себꙗ была лі | или нѣт тово он не вѣдает а слꙋ|хом он слышел что ѕагорѣлас на| горнице еѣ ꙋ трꙋбы кровлꙗ | то моꙗ и ска[1] а скаскꙋ пи|сал Помѣсного приказꙋ | подꙗчеі Петръ Пꙋхов[2]

|л. 223 об.| К сеи скаске Третꙗкъ Никитин | рꙋкꙋ | л. 223| при|ложил

Приказн. стлб. 170, л. 223—223 об.

[1] *Так в ркп.* [2] *Далее иным почерком.*

Жильца М. Фустова

Май 1646

|л. 221| Жилец Микиѳор Ѳꙋстов скаѕал | по гсдрвꙋ црвꙋ и великог кнѕя | Алеѯѣя Михаиловича всеа Рꙋсии | крстномꙋ целованю какъ ꙋчинился | пожар маия въ 3І м числѣ ꙋ вдвы | Ѹляны Ивановские жены Еремѣ|ева и я Микиѳор видел с Ыванова | двора Ѳꙋстова какъ ꙋ неи горит | ꙋ горницы еѣ сверхꙋ кровля а то|пила л она тое горницꙋ и дома бы|ла л тово я не вѣдаю то мая Мики|ѳорова и скаска а скаскꙋ писал | Сибирского приказу подячеи Еꙋѳимка | Панов[1]

|л. 221 об.| К сеи скаски Микиѳор Ѳустов р8ку | приложил

Приказн. стлб. 170, л. 221—221 об.

[1] *Далее иным почерком*

Дьяка П. Михайлова

Май 1646 г.

|л. 224| Дьякъ [1] Петръ Михаилов скаѕал по гсдрву црв8 | и великого кнѕя Алеѯѣя Михаиловича | всеа Русиі крстном8 целованю маия | въ ЗI де в вечерни был я Петръ в городе | а в домишке [2] свое прибежал ажно | горят два двора двор вдовы Ива|новы жены Еремѣева Ѹляны обнял|ся вес да подле еѣ двор вдовы Лукѣ|рьи Л8къяновские жены Панова [3] горит одна | сторона горнишная а от них загорѣл|ся мои Петров двор а Иванова жена | Ерѣмѣева топила ли изб8 свою | или нѣт и 8 себя была ли она того | дни тово я Петръ не вѣдаю то моя | и сказка а скаску писал Болшого приходу | подьячишко Рамашко Протопопов [4]

|л. 224 об.| К сеи своеи скаске діакъ Петръ | Михаилов р8к8 прило| л. 224 |жил

Приказн. стлб. 170, л. 224—224 об.

[1] *Приписано на левом поле.* [2] *Так в ркп.* [3] *Написано над словом* горит. [4] *Далее иным почерком.*

Поповского сына Янки

Май 1646 г.

|л. 235| Тре [1]. . . вяцково попа Прокоѳьев снъ Янка | сказал по гсдреву цреву и великаго кнѕя | Алеѯѣя Михаиловича всеа Руси крес|ному цалованю маия въ ЗI де вдова Уля|на Иванова жена Еремѣева изб8 у се|бя на дворе топила ли или нѣтъ тово ꙗ | не вѣдою и дома была ли или не была | и тово я не вѣдою а иѕба ее зогорѣлас | сверху то моя и скаска а скаску писал | ѧ Янька

Приказн. стлб. 170, л. 235

[1] *Далее не разобрано несколько букв*, трехсвятского?

3

Сказка старост Кадашевской и Тверской Константиновской хамовной слобод о ворах и смутных речах

20 июня 1650 г.

|л. 209| РНИ *г* июня въ К *день* по гсдрв8 црв8 | и великого кнзя Алеѯѣꙗ Михаилови|ча всеа Р8сиі 8каз8 перед [1] боꙗры пе|ред Иваномъ Василевичемъ Морозо|вымъ да перед Василемъ Пе|тровичемъ Шереметевым. да [2] пе|ред аколничимъ перед Борисомъ Ива|новичемъ П8шкинымъ. да перед | д8мънымъ дьяком перед Семеном | Заборовскимъ Кодошевские слобо|ды старосты Стенко Тихонов | Никитка Аѳонасев сказали. по гсдрв8 | црв8 и великого кнзя Алеѯѣꙗ | Михаиловича всеа Р8сиі крестъ|ном8 целованию. и во всѣх кодошев|цов. в мѣста. сами де [3]ане воры [3] и *в* | Кодошевскои слободѣ. воров 8 нас не|тъ и см8тных затеиных речеи ника|ких ни ат ког не слыхали. а б8дет | впред какои воровскои члвкъ 8 нас въ | слободѣ абꙗвится. или от ког ка|кия. затеиные см8тные речи | 8слышимъ. и мы де на тех людеи | гсдрю и ево гсдрвымъ боꙗромъ. | станемъ изьвещать а б8дет | моч сяжотъ [4]. и мы станемъ имат |л. 210| и приводить в приказъ а Тве|рьския Констентиновские хомовные | слободы. староста Климъко Алѳе|рьев. сказал по гсдрв8 *ж* црв8 и вели|кого кнзя Алеѯѣꙗ Михаилови|ча всеа Р8сиі крстном8 целованию | и во всѣх хамовников мѣстъ [5]. тѣ же | речи. что кодошевские старосты | сказали. а скаску писал Кодошев|ские слободы. гсдрвых хомовных | дел дьячокъ Ивашко Прововъ

Приказн. стлб. 272, л. 209—210

[1] *Далее другими чернилами.* [2] а *исправлено из* е. [3–3] е *исправлено из* и, *по-видимому, следует читать* они не воры. [4] я *написано по* е. [5] *Так в ркп.*

4

Сказки о моровом поветрии

Подьячего И. Кишмутина

15 июля 1654 г.

|л. 404| РѮВ *г* июля въ ЕІ *де* Новогородцкие чети подячеи Ива|шко Кишм8тин сказал по непорочнои

хрстове | заповеди свтаго евангелия в ннешнем во | РЗ̃В м году в ыюле ж мсце а в котором числѣ тогѡ·| не ѹпомню от сего числа назад недѣли с пол|торы Новгородцкие ж чети подячеи Ѳедор Кѹ|банцев пришед в приказ сказал вслѹх при | подячих был [1] де он на дворѣ боярина Ва|силя Петровича Шереметева с николским | попом и в хоромех и в полате гѹляли и пили | вино и после того в сѹботу на третеи день | он же Ѳедор приходил в приказ и сказал | нам всѣм что ѡн занемог а после того дня в приказе | по се число он [2] не бывал а сего ж числа сказал | нам шѹрин ево Ѳедоров приказу Болшаго дворца | подячеи Корнило Аѳонасевъ что ево Ѳедора в жи|вотѣ не стало а скаску писал я Ивашко

Приказн. стлб. 153, л. 404

[1] б *написано по какой-то другой букве.* [2] *Написано над словом* число.

Пристава А. Лазарева

16 июля 1654 г.

|л. 409| РЗ̃В году июля въ ЅІ де померноu избы при|ставъ Оѳонка Лазарев сказа [1] свою скас|ку девица внука ево три дни лежала | а болезнь ѹ неи была Ѹсовы да зят | ево Ѳедор Ѳедоровъ Ноугороцъкия чет|верти подячеи [2] а скорбь была немощь а лежал | изо дни в ден неделю и понавълен и при|честен и маслам соборыван а тово я | не ведаю бывал лы [3] он на дворе ѹ Ва|силя Петровича Шеремѣтѣва и до [4]. . .|. . .[5] то моя и скаска а топереча | у мѣня восмь [6] члвкъ во дворе ѹ нѣво въ|се [7] здоровы

Приказн. стлб. 153, л. 409

[1] *Так в ркп.* [2] *Написано над* верти а скорбь. [3] *Так в ркп.* [4] *Далее замазаны 2—3 буквы.* [5] *В начале строки замазано 6—8 букв.* [6] о *написано по какой-то другой букве.* [7] в *написано по какой-то другой букве.*

Попа Федора

18 июля 1654 г.

|л. 411| РЗ̃В г июля въ ИІ де по гсдрву црву и великог кнѕя | Алеѯѣя Михаиловича всеа Великия и Малыя | Росии самодержца ѹказѹ и по приказѹ | боярина кнѕя Михаила Петровича Пронског приказу сотникъ стрелецкои Савин Ждановъ | допрашивал введенского

попопа[1] Өе|дора про 8мерших людеи и попъ Өедоръ|скаѕал по свещенству 8 меня де во дво|ре в особных хоромех преставился | розряднои подячеи Миня да брат ево Си|дор девети лѣт Евсевьевы дѣти Ѹсовы | шапошниковы лежали двои | с8дки а язвы на них никакие нѣт | то моя и скаска а скасск8[2] писал сотен|нои дьячекъ Никитка Ситников[3]

|л. 411 об.| К сеи сказке введенскои поп Өедор р8к8 | приложил

Приказн. стлб. 153, л. 411—411 об.

[1], [2] *Так в ркп.* [3] *Далее иным почерком.*

5

Сказки об изъятии икон из церквей

Стрельцов Яковлева приказу Соловцова

20 июня 1657 г.

|л. 32| РЗ҃Е *г* іюня въ К *де* по гсдрву црву | и великого кнѕя Алексѣя Михаило|вича всеа Великия і Малыя і Бѣ|лыя Росиі самодержца указу при|каѕалъ бояринъ княз Борис Але|ксандровичь Репнинъ с товары|щи допросить стрелцовъ | Яковлева приказу Соловцова | пятидесятниковъ і десят|никовъ і всѣх рядовых в ннѣшнем | во РЗ҃Е *м* году в ыюне мсце из при|ходных своих црквеи свои моле|ния іконы бжие млсрдия | выносили ль і стрелцы | Яковлева приказу Соловцова | пятидесятники і десятни|ки і рядовые прихоже|ня црквеи спса всемилости|ваго і Өеодосия преподобна|го і Николы чюдотворца что | 8 Боровитцкова мосту і Николы | чюдотворца что 8 Каменнова | мосту скаѕали по святои еван|гилскои і пренепорочнои ѕапове|ди от слуху де мирскова обраѕы | свои моления из црквеи бжиих | выносили а от ково то дѣло поча|лос того мы не вѣдаем то нша і скаска а скаску писал того же приказу пяти|сотнои дьячокъ Ивашко Михаиловъ[1]

|л. 32 об.| К сеи скаске сотеннои дьячок Артюшка Грибачев вмѣста | пятидесятника Панкратя Макеева і десятников і ре|довых по их веленю руку приложил

К сеи скаске сотеннои дьячок Стенка Левонтиевъ вмѣсто | пятидесатника Михаила Павлова і десатников и рядовых | по их челобитю руку приложилъ

К сеи скаске сотенной дьячок Янка Якимов вмѣста пяти|десятника Кандратя Григорева и десятников и редовых | по их веленью р8к8 приложил

Пятидесятникъ Клим Крюков руку приложил

К сеи скаскѣ сотенной дьечок Стенка Дементьевъ | вместо пятидесятника Марки К8змина | и десятников и редовых четвертои сотни по их | веленью р8к8 приложил

К сеи скаске сотенной дьечок Спирка Евсѣев | вмѣста петидесятника Микиѳора Емеля|нова і десятников и редовых по их велѣню руку при|ложил

К сеи скаске пятидесятнікъ Васка Еѳрѣмов р8ку приложил

К сеи скаске сотенной диячек Ивашка Глатков вмѣста | седмои сотни пятидѣсятников и дѣсятников и рядо|вых по их веленю руку приложил

К сеи сказкѣ пятидесятникъ Кондрашко Смолянинов р8к8 при|ложил

К сеи скаске сотенной дьячек Янка Челцов вместо десятни|ковъ в редовых пятые сотни по ихъ велѣ|нью и руку приложил

К сеі скаске сотенноі дьячок Данилко Алеѯѣев вмѣсто пяті|десятников и десятников и редовых стрелцов девятои сот|ни по их велѣнью р8ку приложилъ

Пятидесятник Ивашко Ѕамятнин руку приложил

К сеи скаске десятыя сотни сотенной дьячок Терешка Коляков вмѣсто | тѳе ж сотни пятидесятников и десятников и рядовых по их велѣнию руку прило|жилъ

К сеи скаске первои на десет сотни сотенной диячек | Назарко Суровцов вместо пятидесятников | и десятников и редовых руку приложил

Приказн. стлб. 298, л. 32—32 об.

[1] *Далее иными почерками.*

Стрельцов Семенова приказу Полтева

20 июня 1657 г.

|л. 42| РѮЕ г июня въ К *де* скаѕали стрелцы полков|ника и головы стрелецкого Семенова | приказу Ѳедоровича Полтева пятые | сотни пятидесятники Осипъ Михаилов | Иван Петров и десятники и редовые | стоят де у нас бжие млсрдие иконы | в цркви у Николы Ѧвленского да у жи|воначалные троицы что в Левонтьевском | приказе Романовича Аѕарева и тех де | мы икон своего моления из

црkви не | вынашивали а кто ис црkви иконы | свое моление иных сотен нес тово | де мы не видали и речеи *от* них никаких | не слыхали то де наша и скаска | а скаску писал тое *ж* сотни сотенной | дьячокъ Ѳедка Ѳедоровъ [1]

|**л. 42 об.**| Пятидесятник Осипъка Михаилов р8к8 приложил

Пятидесятник Ивашко Петровъ руку при|ложил

К сеи скаске Васка Степанов и вмѣсто десятни|ков и рядовых кои грамотѣ не 8мѣют по их | веленью р8к8 приложилъ

К сеи скаскѣ десятникъ Левка Семенов р8к8 приложил

К сеи сказке Ондрюшка Ѳалин р8к8 приложил

Приказн. стлб. 298, л. 42—42 об.

[1] *Далее иными почерками.*

Стрельцов Артамонова приказу Матвеева

20 июня 1657 г.

|**л. 46**| РЗЕ *г* июнѧ въ К *де* по гсдрв8 | црв8 и великого кнзя Алеѯѣя Михаило|вича всеа Великия і Малыя і Бѣлыя | Росиі самодержца 8каз8 и по приказ8 | боѧрина кнзь Бориса Алеѯандровича | Репнина с товарыщи головѣ стреле|цком8 Григорью Остаѳьев8 велено | допросить полковника и головы стреле|цкого Артемонова приказу Матвѣева | стрелцов пятидесятников и десятников | и рядовых по еванелскои заповѣди | в правд8 что *от* ково то 8чинилос смя|тение в церквах или *от* ково слышали | и голова Григореи Остаѳьев пятидеся|тников и десятников и всѣх рядовых | стрелцов допрашивал по еванелскои запо|вѣди в бжию правд8 и в допросѣ сказали | пятидесятники і десятники і всѣ рядовые | тово де мы ничево не вѣдасм *от* ково | такое смятение в црkвах 8чинилос | и ни *от* ково не слыхали а в то де время | были мы за Петровскими вороты розме|ривали землю а в то де время | 8чинилос смятение во всеи Москвѣ и наши де | женишки немногие без нас ис црkви | образы вынесли на то смятение | смотря что в ыных приходех ис цер|квеи образы нес8т а для чево несли тово они не вѣдают жа |**л. 47**| и голова Григореи Остаѳьев противъ их скаски допрашивал с великим при|страстием что *б* онѣ сказали 8 кого | онѣ именем слышали и в лицо ихъ | знают ли и б8дет про то гсдрю вѣдомо | что вы тѣх людеи знаете и их 8кры|ваете и вам быть *от* гсдрѧ в вели|кои опале и стрелцы полковника

и головы стре|лецкого Артемонова приказу Матвѣ|ева пятидесятники и десятники | и всѣ рядовые сказали по свтои | і непорочнои хрстовѣ евангелскои за|повѣди что мы ту рѣчь слышали | в миру а имян их и в лицо не знаем | то нша и скаска а скаску писал | пятисотнои дьячок Стенка Родивонов | по велѣнью пятидесятников і деся|тников і рядовых[1]

|л. 46 об.| Пятидесятник Костка Стеѳанов рѹкѹ приложил

К семъ опросным речамъ вмѣсто пятидесят|ника Ивана Антропева і десятниковъ і редовых стрелцовъ третева ста кои сами | грамоте не умеют по их веленю того ж приказу сотенной дьячекъ Васка Матвѣевъ руку | приложил

К сем опросным речам вмѣсто четвертова ста | петидесатников Петра Тимоѳѣева | Аникея Семенова и десатников и редовых | стрелцов сотенной дьячек Андрюшка | Двдов руку приложилъ

К сем опросным речам вмѣста пятидѣсятников | Ипата Макарова и Дмитрѣя Андрѣева и десят|ников и редовых стрелцов пятова ста | и кои грамотѣ не умѣют по их веленю тое ж | сотни сотенной дьечок Гришка Иванов | рѹку приложилъ

К сеи скаске въместо пятидесятни|л. 47 об.|ка Юря Иванова и десятников друго|ва ста и редовых стрелцовъ | того же приказу сотенои дьячек | Васка Григоревъ руку приложил

Приказн. стлб. 298, л. 46—47 об.

[1] *Далее иными почерками.*

Стрельцов Иванова приказу Ендагурова

20 июня 1657 г.

|л. 52| РѮЕ *г* июня въ К *де* по гсдрву црву и великог кнзя | Алеѯѣѧ Михаиловича всеа Великия и Малыя | и Бѣлыя Росиі самодержца указу и по приказу | боярина кнзь Бориса Олеѯандровича Репни|на с товарыщи голова стрелецкои Иван Енда|гуров своево приказу стрелцами пятидеся|тники и десятники и редовыми сыскивал | по святои и нѣпорочнои | евангилскои хрствои | заповѣди про бжия млсрдия про ѡброзы | что ѡнѣ стрелцы в приходе от ржства | хрства из цркви бжия млсрдия а свое мо|леня образы выносили *л* и к црквѣ прихо|дили *л*

И в сыску Иванова прика*зу* Е*н*дагурова стре*л*цы | пятидесятники и десятники и редовые | сказали по свято*и* и нѣпорочно*и* ева*н*ги*л*ско*и* | хр*с*тво*и* заповѣди в ннѣшне*м* дѣ во РЗ̃Е *м* | го*ду* июня въ ИI *де* к црквѣ к рж*с*тву хр*с*тву | мы пятидесятники и десятники и редовые | не прихаживали и бжия млсрдия а своево мо|ле*ня* из церкви нѣ вынашивали а слышели | мы о*т* сторо*нн*и*х* людѣи что в ыны*х* приходѣ*х* | *из* црквѣи ѡ*б*разы выносили а выносили | *из* црквѣи о*б*разы по*л*ковника и головы стрѣле|цкова Семѣнова прика*зу* По*л*тѣва да Стѣпано|ва прика*зу* Коковин*с*кова стре*л*цы а для чего ѡнѣ | *из* црквѣ о*б*разы выносили того мы нѣ вѣда|е*м* и голова Ива*н* Е*н*дагуро*в* стрѣ*л*цо*в*[1] проти*в* стрѣлецко*и* | и*х* скаски допрашива*л* с вѣлики*м* пристрастие*м* что*б* | они сказа*ли* о*т* чего то дѣло почело*с* и о*т* кого ѡнѣ имѣне*м* слы|шѣли и в лицо и*х* знаю*т* ли и будѣ*т* про то гсдрю учи|ни*т*цо вѣдомо что вы тѣ*х* людѣ*и* знаятѣ і и*х* укры|ваятѣ и ва*м* бы*т* о*т* гсдря в вѣлико*и* ѡпале

И стрѣ*л*цы ево прика*зу* пятидеся*т*ники и деся*т*ники и ре|довые сказали по свято*и* и нѣпорочно*и* ева*н*ги*л*ско*и* | хр*с*тво*и* заповѣди прѣжние свое речи что писано | вышѣ сего а скаску писа*л* того *ж* прика*зу* пятисо|тно*и* Кли*м*ка Бѣ*з*соно*в* по вѣле*н*ю пятидесятнико*в* и де|сятнико*в* и рѣдовы*х* стре*л*цо*в* [2]

|**л. 52 об.** | К сему ѡбыску пятисотно*и* Кли*м*ка Бѣ*з*соно*в* руку прило*ж*и*л*

К сему обы*с*ку вмѣсто пятидесятнико*в* и десятнико*в* и рѣдовы*х* | стре*л*цо*в* пе*р*ваго ста которые сами грамоте не умѣютъ | соте*нн*о*и* дьячо*к* Доро*ш*ка Муро*м*цо*в* по и*х* велению руку приложи*л*

К сему обыску вмѣсто пя*ти*деся*т*нико*в* Ме*р*кула Кузмина Евтиѳѣя | Тулина и во всѣ*х* мѣсто деся*т*нико*в* и рядовы*х* стре*л*цо*в* другово ста | ко*и* сами грамотѣ не умѣю*т* по и*х* веле*н*ю и в свое мѣсто соте*нн*о*и* дьячокъ | Осипко Лукьяно*в* Гребѣнщико*в* и р*ꙋ*ку приложилъ

К сему обыску вместо пя*ти*дѣся*т*нико*в* Семена Степанова да Па*в*ла | Степанова и дѣся*т*нико*в* и редовы*х* стре*л*цо*в* тре*т*яго ста ко*и* | сами грамоте не умею*т* по и*х* веле*н*ю и в свое место со|те*нн*о*и* дьячо*к* Тимошка Тере*н*тье*в* руку прило*ж*и*л*

К се*му* обыску соте*нн*о*и* дьячо*к* Иевко Ма*т*вѣе*в* вместо | петидеся*т*нико*в* и деся*т*нико*в* и редовы*х* стре*л*-

цо|въ че*твертаг* ста кои сами грамоте не ꙋмею*т* | по и*х* веле*н*ю рꙋку приложи*л*

К сему обыску вмѣсто пятидеся*т*ника Троѳима Иванова | и деся*т*нико*в* и редовы*х* стре*л*цо*в* пятова ста которые сами | грамоте не умѣю*т* соте*н*нои дьячо*к* Захарко Па*в*ло*в* | по и*х* веле*н*ю рукꙋ приложи*л*

К семꙋ обыскꙋ Усти*н*ко Быковъ рꙋкꙋ приложи*л*

К сему ѡбыску деся*т*никъ Васка Ногае*в* руку приложи*л*

К семꙋ обыскꙋ Ивашка Амосо*в* рꙋкꙋ прило|жилъ

К се*и* скаске пя*ти*деся*т*никъ Демка Гостье*в* | руку приложи*л*

Приказн. стлб. 298, л. 52—52 об.

[1] *Написано над словом* против. [2] *Далее иными почерками.*

Стрельцов Артамонова приказу Матвеева

20 июня 1657 г.

|**л. 55**| И стре*л*цы по*л*ко*в*ника и головы стрелецкого А*р*темоно|ва прика*зу* Ма*т*вѣева пятидеся*т*ники и деся*т*ники | и редовые сказали по свето*и* непорочно*и* евани*л*|ско*и* хрство*и* заповеди что мы ис цркви ико*н* в домы | сво*и* не вынасили а ту ре*ч* в миру слышели что ико|ны ис церкве*и* о*т* Ѳеодосия и о*т* пречистые бцы | страсные носили а для чево насили таво не ве|дое*м* и о*т* каво такое дело почелося имя*н* и*х* и в ли|цо не *з*нае*м* то нша и ска*с*ка а скаску писалъ | по велению [1] пятидеся*т*нико*в* и деся*т*нико*в* | и редовы*х* того *ж* прика*зу* соте*н*но*и* дiячо*к* Ѳе*д*ка | Еме*л*яно*в* [2]

|**л. 55 об.**| К се*и* скаскѣ пя*ти*со*т*но*и* дьячокъ Гришка | Замощико*в* вмѣсто пя*ти*деся*т*нико*в*| і деся*т*нико*в* и рядовы*х* по и*х* веле*н*ю | рꙋкꙋ приложилъ

Приказн. стлб. 298, л. 55—55 об.

[1] ю *читается предположительно.* [2] *Далее иным почерком.*

Стрельцов Степанова приказу Коковинского

20 июня 1657 г.

|**л. 56**| Р҃ЗЕ *г* июня въ К *де* по гсдрву црву | и великого кн҃ѕя Але҃ѯѣя Михаиловича | всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Роси*и* | самоде*р*жца ука*зу* и по прика*зу* боярина | княз Бориса Але*ѯ*а*н*дровича Репнина | с товарищи голова

московских стрелцов Степан Коко|винскои своег приказу стрелцов пятиде|сятников и десятников и рядовых | всего приказу допрашивал по свтои | непорочнои хрстве ѕаповеди в прав|дѹ ѡбраѕы из црквп московских | чюдотворцов Петра и Алеѯѣя і Иѡны | выносили и для чево выносили і пя|тидесятники и десятни[1] и рядо|выя сказали июня де въ ЗІ де на | вечерне вѕяли из тои црквп иконы |л. 57| свои опътекирскои[2] полаты ученикъ | Ивашко Микитин а был тот Ивашко прежь | сег стрелецъ в Семенове прикаѕе Полте|ва а скаѕал он Ивашко в црквe что де по многим| приходным црквам иконы из црквеи выносят | вон а которыя в то время у вечерни | были стрелцы и стрелецкия жены и на нег | Ивашка смотря иконы брали а иныя ікон| своіх не брали а которыя стрелцы иконы своі | из црквп носили и те роспрашиваны и онѣ | скаѕали мы де носили іконы смотря на нег Ива|шка и для тог что носятъ из црквп у Ни|колы чюдотворца явленског иконы стрелцы | Семенова приказу Полтева и в ыныхъ де прихо|дех носили иконы тог дни с утра и мы де | иконы свои из црквп вынесли в вечерѹ | июня въ ЗІ де а от чево де то ѕачалос что по|чали іконы носить и мы де про то не ведаем | а скаску писал тово ж приказу пятисотнои дьячек | Сенка Ортемьев[3]

|л. 56 об.| К сеи скаски стрѣлец того ж приказу Ѳедоровои | сотни Мехкова сотеннои дьячекъ |л. 57 об.| Тишка Иванов вместо пятидесят|ников Гаврила Ѧкимова да Дми|треѧ Конъстентинова и десятников и рядовых по их велению рѹку приложил

К сеи скаске Петровы сотни Меркурова сотеннои дьячек Артю|шка Алеѯѣевъ вмѣсто пятидесятниковъ Микиѳора | Чернышова да Семена Коѕанца и десятников и рядовых | по их велению рѹку приложил

К сеи сказке стрелец того ж приказу Ивановы | сотни Ѹлыбашева сотеннои дьячек Олешка | Кѹдряков вмѣсто пятидесятников Кондратя | Аристова да Ѳилата Маѯимова и десят|ников и рядовых по их велѣнию рѹкѹ приложил

К сеи сказке стрелец того ж приказу Ивановы | сотни Ѡѕерова сотенно[4] дьячек Кѹзка | Василевъ вмѣсто пятидесятников Евланпея | Василева да Исая Солѹѧнова и десят|ников и рядовых по их велению рѹкѹ приложил

Приказн. стлб. 298, л. 56—57 об.

[1, 2] *Так в ркп.* [3] *Далее иными почерками.* [4] *Так в ркп.*

Стрельцов Семенова приказу Скорнякова-Писарева

20 июня 1657 г.

|л. 58| РѮЕ *г* июнѧ въ К *день* по гсдрв8 црв8 | і великог кнзѧ Алеѯѣя Михаиловича | всеа Великия и Малыя и Бѣлыя | Росиі самодержца указ8 и по приказу | боярина кнзя Бориса Алеѯандрѡ|вича Репнина с товарыщи головѣ | московскихъ стрелцовъ Семену | Скорняков8 Писарев8 допросит | своего приказу стрелцовъ пяти|десятниковъ и десятниковъ | и рядовых всего приказу в нншнем | во РѮЕ *м* году из приходцкои своеи цркви | бжие млсрдие иконы свое | моление выносили *л*

И стрелцы Семенова приказ8 | Скорнякова Писарева пятидесятники | и десятники и рядовые всѣм прика|зомъ сказали из своеи приходцкѡи | цркви икон не вынашивали а сл8|хомъ мы слышели что из приход|цких црквеи иконы выносят в домы | свои а для чегѡ выносят и из коеи | цркви и по каком8 указ8 и хтѡ | имяны и мы про тѡ не вѣдаем

|л. 59| И голова Семен Скорняковъ Писаревъ | против ихъ скаски допрашивал с великим | пристрастием чтоб ѡнѣ сказали у ког ѡнѣ имя|нем слышели і в лицо их знают ли и б8дет про то гсдрю вѣдомо что вы тѣх людеи знаете | и их укрываете і вамъ быт от гсдря | в великои опале

І стрелцы ево приказу пятидесятники | и десятники и рядовые сказали | по свтои и непорочнои евангилскои хрствѣ | заповеди что мы ту рѣчь слышели | в мир8 а имян ихъ і в лицо не знаем | то нша и скаска а скаск8 писал того *ж* | приказ8 пятисотнои Івашкѡ | Боран[1]

|л. 58 об.| К сеи скаски стрелецъ того *ж* приказ[2] сотен|нои дьячокъ Ивашко Петров вмѣ|сто пятидесятников Аѳонасѧ | Иванова Якова Гарасимова и десѧт|ников и редовых по их веленю р8ку приложил

К сеи скаске того *ж* приказу сотеннои | дьячек Ѳетка Иванов вмѣсто | пятидесятника Василя Чепурси|на и десятников и редовых | Ивановои сотни Безопишеваи по их | веленю руку приложил

К сеи скаске того *ж* приказу сотеннои дьячек Петру|шка Аноѳреевъ вместо пятидесятни[3] | Петра Яковлева и десятников и рядовых | всеи сотни по их веленю рук8 приложил

К сеи скаске того *ж* приказу сотеннои Стенка Зимин |

вмѣсто пя*ти*деся*т*нико*в* Еремѣя Кузмина | Өилипа Василева и деся*т*нико*в* и рядовы*х* Ва|си*л*евы сотни Костюрина по и*х* велѣ*н*ю | р8к8 приложи*л*

К се*и* скаске того *ж* прика*з*у сотен*н*о*и* дьячо*к* Левка Ти|**л. 59 об.**|моөѣевъ вмѣсто пя*ти*деся*т*нико*в* и деся*т*|нико*в* и редовы*х* Авдеево*и* сотни Тре*т*якова | по и*х* веле*н*ю руку приложилъ

К се*и* скаске Оноөре*и*ко руку приложи*л*

Приказн. стлб. 298, л. 58—59 об.

[1] *Далее иными почерками.* [2, 3] *Так в ркп.*

Старосты Басманной слободы С. Онофреева

21 июня 1657 г.

|**л. 19**| Лѣта ҂ЗРЗЕ *г* го*ду* июня въ КА день | сказа*л* староста [1]Сила Оноөреевъ[1] Босма*н*ные слобо|ды по еван*г*ги*л*ско*и* заповѣди что | пришо*л* я за ча*с* до вечера к црквi|ию [2] люди стоятъ у церкви на па|пѣрти при*ш*ли по iконы Яко*в* Са|ве*л*евъ Микита Степано*в* Нееө*ед* | Юрьевъ Соөо*н* Ермолае*в* Ко*н*драте*и* | АлеЗѣевъ Өадѣи Се*р*геевъ | Семе*н* Өедоро*в* Гала*х*тио*н* Өилипо*в* | Оөонасе*и* Васи*л*евъ да и *в*се есми | Босма*н*но*и* слободы те*г*лецы i я | староста Сила Оноөрѣевъ икунъ [3] | священнику и сторожу не веле*л* | давать и постая*в*ши у црк*в*и | и все по*ш*ли про*ч* ико*н* не има*л*и а та|го я не ведаю каторые до меня | бра*л*и или не*т* то моя и скаска а *с*ка|ску писа*л* Дво*р*цово*и* площе*ди* по*д*яче*и* | Наумка Осипо*в* по ево старостину | веле*н*ю [4]

|**л. 19 об.**| К се*и* скаске Никиты хр*с*тва мчнка что в Бас*с*масно*и* [5] слобо*де* | по*п* Ива*н* Проко*п*евъ вмѣсто старо*с*ты и iны*х* Басма*н*ны|е слободы тяглецо*в* по i*х* веле*н*ю р8ку приложи*л*

К се*и* скаске Яковъ Саве*л*ѣвъ руку приложи*л*

Приказн. стлб. 298, л. 19—19 об.

[1–1] *Написано над словом* Босма*н*ные. [2, 3] *Так в ркп.* [4] *Далее иными почерками.* [5] *Так в ркп.*

Стрельцов Андреева приказу Остафьева

21 июня 1657 г.

|**л. 66**| РЗЕ *г* го*ду* июня вь КА *де* по гсдрву црв8 | и великого кнзя АлеЗѣя Михаиловича | всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии само|де*р*жца 8ка*з*у и по прика*з*у

боярина кнзь | Бориса Алеѯандровича Репнина с товари|щи голове стрелецкому Андрею Остаѳь|еву велено допросит своево приказу стрел|цов пятидесятников и десятников и рядо|вых всево приказу по евангелскои гсдни запо|веди и голова Андреи Остаѳьев допраши|вал і в допросе скаѕали по евангелскои гсдни запо|веди пятидесятники и десятники и рядовые | всемъ приказом июня вь ИІ де увидели де | мы как понесли от рожества хсва и одегитрия | бдцы и от Пимина великого и из ыныхъ | црквеи посацкие люди образы и на нихъ | глядя немногие нша братя образы ѹ коих | в окладе ис црkви имали а для чево ис црквеи | из ыных приходов образы выносили и мы про | то не ведаем и голова Андреи Остаѳьевъ | против ихъ скаски допрашивал с великим | пристрастием чтоб они скаѕали у ково они | имянемъ что слышали и в лицо их знаю|т ли и будет вы тех людеи знаете да ихъ | ѹкрываете и вамъ быть от гсдря в ве|ликои опале и в наказане и стрелцы Андре|ева приказу Остаѳьева пятидесятники | и десятники и рядовые скаѕали по свтои | непорочнои евангелскои хсве заповеди | то мы видели что из ыных приходовъ | ис црквеи образы выносили а словес ника|кихъ ни от ково про образы не слыхали то | нша и скаска а скаску писал пятисотнои | дьячок Ивашко Григоревъ по ихъ пятидесят|ничью и десятничью и рядовых всево при|казу веленью [1]

|л. 66 об.| К сеи скаске вмѣста пятидесятников и десятниковъ | и редовых первои сотни сотенної дьячек Ивашка Ба|жѣнов по их велѣню руку приложил

К сеи скаске вмѣсто пятидесятников и десятниковъ | и рядовых дрѹгои сотни сотеннои дьячок Ѧкушко | Пареѳеньев по их велѣнью рѹкѹ приложил

К сеи скаске вместо пѧтидесѧтников и десѧтников и редо|вых третеи сотни сотеннои дьячек Петрушка Ѕве|рев по их велѣнью руку приложил

К сеи скаске вмѣсто пятидесятников и десятников | и рядовых четвертои сотни сотеннои дьячекъ | Маѯимко Калинин по их вѣленью рѹкѹ приложил

К сеи скаске вмѣста пятидесятников | и десятников и редовых пятои сотни | сотеннои дьячекъ Васка Кочергин по | их велѣнью рѹкѹ приложил

Приказн. стлб. 298, л. 66—66 об.

[1] *Далее иными почерками.*

Жителей Таганной слободы

22 июня 1657 г.

|л. 23| РѮЕ *г* го*ду* июня въ КВ *де* по гсдрву црву и великог | кнзя Алеѯѣя Михаиловича всеа Великия | і Малыя и Бѣлыя Росии самодержца ꙋказу и по | допросꙋ боярина кнзя Бориса Алеѯандро|вича Репнина с товарищи Таганные | слободы староста Степан Ѳилипов | и тяглецы Андрѣи Наѕарев Василеи Левонть|евъ Моисѣи Калинин Василеи Бажѣнов и всѣ | тяглецы тое ж Таганнои слободы скаѕали | по гсдне заповеди и по евангельскому слову что у нег в приходе из црқви Козмы и Домя|на икон нихто не вынашивал и никог не ви|дали и[1] от ког та молва пошла что с ы|кон оклады сымат и мы тог не вѣдаем и не с|лыхали то нша и скаска а скаску писал | дворцовои площаднои подячеи Лучка Ива|нов [2]

|л. 23 об.| К сеи сказке Таганныя слободы Васка Баженов | и вместа старосты Степана Ѳилипова да Ѡн|дрея Назарева да Моисея Калинина да Ива|на Калинина да Василя Левонтьева по их веленью | рꙋкꙋ приложил

Приказн. стлб. 298, л. 23—23 об.

[1] *Написано по* а. [2] *Далее иным почерком.*

Жителей Гончарной слободы

22 июня 1657 г.

|л. 24| РѮЕ *г* го*ду* июня въ КВ *де* по гсдрвꙋ црвꙋ | и великого кнзя Алеѯѣя Михаиловича всеа Вели|кия и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержца указу | сказали по христове евангелскои непорочнои заповеди | црқви воскресения христова что въ Гончарах | прихоженя староста Моѯимка Тиханов | и все Гончарныя слободы тяглецы что | мы ис црқви образов не вынашивали и дꙋрна | у нас никакова не была то нша и скаска | а скаску писал Дворцовыя площади подя|чеи Якушъко Еꙋѳимевъ по их велѣню [1]

|л. 24 об.| К сеи скаске воскресенскои Пимин что в Гонча|рах вмѣсто старосты Максима Тихонова | и вмѣсто прихожен по их челобитю рꙋ[2] при|ложил

Приказн. стлб. 298, л. 24—24 об.

[1] *Далее иным почерком.* [2] *Так в ркп.*

Жителей Барашской слободы

22 июня 1657 г.

|л. 25| РЗ҃Е *г* го*ду* июня въ КВ *де* по гсдрв8 црв8 и великаго | кнзя Але҃зѣя Михаиловича всеа Великия и Ма|-лыя и Бѣлыя Росіи самодержца 8ка*зу* Бара*ш*ские | слободы староста Ма҃зимко Васи*л*евъ да целова*л*|ни*к* Логи*н*ко Ивано*в* и всѣ прихожаня воскр*с*нъские | что в Бораша*х* сказали по хр*с*тово*и* сто*и* ева*н*ельско*и* заповѣди что 8 на*с* 8 воскр*с*нья Хр*с*та бга н*ш*го | ис црквп оброзовъ ни*х*то не выбира*л* и 8 насъ | 8 воскр*с*нья хр*с*тва никакова д8*р*на не было | а о*т* кого то*т* мяте*ж* 8чини*лся* про иконы про то | мы не вѣдае*м* то нша и скаска а скаску писа*л* | бара*ш* Илюшка Сте*р*ледев по старостин8 | і прихожа*н* воскр*с*нъски*х* веленью [1]

|л. 25 об.| Староста Макси*м*ко рук8 приложи*л*

Целовальникъ Логи*н*ко Ивановъ руку приложи*л*

К се*и* скаске па*т*риа*р*хо*в* пѣ*в*че*и* дья*к* Ігнате*и* А*р*те*м*евъ | вмѣсто Трое̂има А*н*др*ѣ*ева по ево челоби*т*ю и | руку приложилъ

Наумъка Ѡнофреевъ р8к8 приложи*л*

Ивашка Вла*с*е*в* р8к8 приложи*л*

Приказн. стлб. 298, л. 25—25 об.

[1] *Далее иными почерками.*

Жителей Кошельной слободы

22 июня 1657 г.

|л. 26| РЗ҃Е *г* го*ду* июня въ КВ *де* по гсдрву црв8 и великого | кнѕя Але҃зѣя Михаиловича всеа Великия | и Малыя и Бѣлыя Росиі самоде*р*жца 8ка*зу* | и по допрос8 боярина кнѕя Бориса Але҃за*н*дро|вича Ре*п*нина с товарыщи ска*ѕали* Коше*л*но*и* | слободы староста Ива*ш*ко Микиѳоро*в* по свто*и* | и непорочно*и* хр*с*тве ева*н*ги*л*ско*и* ѕаповеди | про црквные ми*р*ские иконы выноше*не из* | црквп я староста бы*л* для гсдрва дѣла | в то*т* де*н* в селѣ Покро*в*ско*м* а слобожаня *де* | И*ля* Шапочни*к* има*л из* црквп сво*и* обраѕы | июня въ ГІ *де* а тѣ обраѕы окладыва*л* и об|ложи*в* принес опя*т* в црквь а Стеѳа*н* Де*х*тя*р* | има*л* сво*и* обраѕы июня въ ЗІ *де* пото*му* что бгъ | 8 него прости*л* семю а Яко*в* Венеди*х*то*в* има*л* | сво*и* обраѕы потому что о*н* боле*н* и сл8жи*л* дома | молебе*н* июнѧ в ИІ *де* и того *ж* дни тѣ сво*и* | обраѕы принес в црквь а доста*л*ные гсдрь | слобожаня были для

гсдрва дѣла рыбнои | ловли в Москвѣ реке то нша и сказка а сказку | писал Дворцовои площеди подячеи Селиверско | Обѹхов по старостинѹ велѣню[1]

|л. 26 об.| К сеи скаске спаскои поп Иванъ что в Чигасех пе[2] челобитю | детеи своих духовных и прихожен руку приложилъ

Приказн. стлб. 298, л. 26—26 об.

[1] *Далее иным почерком.* [2] *Так в ркп.*

Жителей с. Красного

22 июня 1657 г.

|л. 27| РѮЕ *г* году июнѧ въ КВ *де* по гсдрвѹ црвѹ и великого кнѕѧ Алеѯѣѧ Михаило|вича всеа Великиѧ и Малыѧ и Бѣлыѧ | Росиі самодержца указу села Красного | староста Алешка Григоревъ да цѣловал|ник Ивашка Исаевъ да Петрѹшка Ти|моѳѣев да Понкрашка Лѹкѧнов да | Власка Аникѣев да Микишка Антип|евъ да Петрѹшка Тихонов да Лѹкаш|ка Власевъ да Олешка Дементьевъ | да Мишка Юрьев и всѣ прихожене | церкви воздвижениѧ чстнаго и | животворѧщего крста скаѕали | по евангелскои хрстве ѕаповѣди | у нас в селѣ Красном про иконное | выношенѧ ис церкви ничево не слы|хали и икон ис церкви не вынашивали | и ничево не вѣдаем то нша и скас|ка а скаску писал Дворцовои площади | подѧчеи Гришка Михаилов лѣта ҂ЗРѮЕ *г* | году июнѧ въ КВ *де*[1]

|л. 27 об.| К сеи скаске вмѣсто старосты Але|ксея Григорева барашъ Ма|ксимко Василевъ по его веленю рукѹ | приложил

Приказн. стлб. 298, л. 27—27 об.

[1] *Далее иным почерком.*

Пушкарей, пушечных, колокольных и зелейных мастеров и их учеников

22 июня 1657 г.

|л. 29| РѮЕ *г* июня въ КВ *де* скаѕали московские пушкари Алешка | Скрылев с товарищи и пушечные и колоколь|ные и ѕелеиные мастеры и ученики | их Ѳетка Оникѣевъ Олеѯандрикъ Григор|евъ Серешка Матъвѣевъ с това|рыщи ж по святои непорочнои |еванельскои ѕаповеди в прихо|дѣх у нас у спаса и у Сѣрьгия сходу | и речеи промеж себя никаких не быва|ло и от людеи не слыхали что

иконы | *ис* цркви выноси*т* или не*т*[1] и оклады снима*т*[1] и сами мы | *ис* цркви ико*н* не выносили и ниче|во мы про то не ведае*м* потому | что живе*м* мы всегды на гсдрвы*х* | дѣла*х* и на карауле*х* беспреста*н*|но с пе*р*вова часу и до по*д*сле*т*нева[2]| и на*м* про то слыша*т* негде то нша | и ска*с*ка а ска*с*ку писа*л* моско*в*|ско*и* пушка*р* Ѳе*т*ка Ларивоно*в*[3]

|л. 29 об.| Спа*с*скои по*п* Никиѳо*р* Григо*р*евъ вмѣсто детеи свои*х* | д*ȣ*хо*в*ныхъ которые грамоте не *ȣ*мѣютъ по и*х* | веленью р*ȣ*к*ȣ* приложи*л*

К сеи ска*с*ке се*р*гие*в*скои по*п* Ива*н* Евтиѳее*в* вмѣсто детеи | свои*х* дхвны*х* кои грамоте не умею*т* по и*х* веле*н*ю | р*ȣ*к*ȣ* приложилъ

К сеи скаске моско*в*скои пу*ш*ка*р* Ми*ш*ка Ивано*в* вместо | зелеинаго мастера Се*р*гея Ма*т*ѳеева с товарысщи[4] по и*х* веле*н*ю р*ȣ*к*ȣ* прилож*и*л

К се*и* ска*с*ке пу*ш*ка*р*скои наря*т*чи*к* Терошка[5] Ивано*в* | вместо моско*в*ски*х* п*ȣ*шкаре*и* Але*ѯ*ѣя Скрылова | с товарищи по и*х* веле*н*ю р*ȣ*к*ȣ* приложи*л*

К се*и* ска*с*ке моско*в*ско*и* пу*ш*ка*р* Ка*р*пу*ш*ка Вла*с*евъ | вместо пуше*ш*ны*х* мастеро*в* Ѳедора Анике|ева с таварищи по и*х* веле*н*ю р*ȣ*к*ȣ* приложи*л*

К се*и* ска*с*ке моско*в*ско*и* п*ȣ*шка*р* Абра*м*ка Ѳедоро*в* вместа колоко*л*наго мастера Але*ѯ*а*н*дра | Григо*р*ева по ево веле*н*ю р*ȣ*к*ȣ* приложи*л*

К се*и* ска*с*ке московско*и* пушка*р* Ѳедосе*и*ка Дени|совъ вместо московски*х* жа пушкаре*и* | ко*и* грамоте не *ȣ*меютъ по и*х* челобитью | р*ȣ*к*ȣ* приложилъ

Приказн. стлб. 298, л. 29—29 об.

[1-1] *Написано над словами* и сами мы. [2] *Так в ркп.* [3] *Далее иными почерками.* [4], [5] *Так в ркп.*

Зелейных мастеров и подмастерьев

22 июня 1657 г.

|л. 30| Р*ѯ*Е *г* июня въ КВ *де* ска*ѕ*али Ни*ж*не*и* *ѕ*еле*и*но*и* ме*л*ницы | *ѕ*еле*и*ные мастеры и по*д*масте*р*я Ꙗко*в* Уричевъ | с товарыщи по свято*и* непоро*ч*но*и* ева*н*ельско*и* *ѕ*апо|веди о*т* люде[1] мы рече*и* никаки*х* не слыхали что и*з* цркви иконы выноси*т* и оклады снимать | и сами во*н* ико*н* не выносили то нша и ска*с*ка | а ска*с*ку писа*л* моско*в*ско*и* пушка*р* Ѳе*т*ка Ларивоно*в*[2]

|л. 30 об.| К сеи скаске московскои пушкар Θедосеика Денисовъ | вместо ѕелеиных мастеровъ и подмастерев | Якова Ѹр8чева с товарыщи по их веленю р8ку | приложилъ

Приказн. стлб. 298, л. 30—30 об.

[1] *Так в ркп.* [2] *Далее иным почерком.*

Воротников и каменщиков

Июнь 1657 г.

|л. 28|Лѣта ҂ЗРѮЕ *г* июня въ [1] *де* по гсдрв8 црв8 и великого кнѕя Алеѯѣя Михаілo|вича всеа Великия и Малыя и Белыя | Росиі самодержца указу Кремля горо|да воротники староста Сенка Боголепов | Маѯимко Лазорев Ивашко Игнатевъ Л8шка|ка [2] Θедоров Θетка Сам8ілов Мишка Нау|мов Серг8шка Семаков да Белово и | Китая города воротники *ж* староста Ивашко | Григоревъ Серг8шка Ѡнцыθоров Мишка Верев|кинъ Баженко Л8кьѧнов Каменново приказ8 | староста Серг8шка Троθимов Ивашко | Мокеев Илюшка Л8тѧнов [3] и все воротни[4] | и каменщики и прихожане троіцы жи|воначалных и Пимина великово все | сказали по свтои хрстове евангилскоі | заповеди еже еі еі ни ни, что в ннеш|немъ во РѮЕ *м* году цркви Пимина великого | прихожене ѡбразы носили ис церкви | а слышали и видели что носѧт изо многих | црквеі ѡбразы а хто почем8 носили | и тово нихто ничево не ведает и ни|каких речеі не слыхали а скаск8 писал | Кремля города воротничеі старостишко | Сенка Боголепов [5]

|л. 28 об.| К сеи скаске Белова и Китаия [6] староста | воротничеи Ивашка Григоревъ вместа всех | вместа воротников р8ку приложил

К сеи скаске воротникъ Θедосеика Поли|карповъ и вмѣсто Каменнаго прикаѕ8 | старосты Бажена Л8кянова и во всех | каменщиков по их веленю р8ку приложил

Ивашко Игнатевъ р8к8 при|ложилъ

Андрюшка Θедотов р8ку приложил

К сеи скаске Маѯимъко Лаѕарев р8ку при|ложилъ

Приказн. стлб. 298, л. 28—28 об.

[1] *День не указан.* [2, 3, 4] *Так в ркп.* [5] *Далее иными почерками.* [6] *Так в ркп.*

Стрельцов Козьмины сотни Бетнекова

Июнь 1657 г.

|л. 39| Козмины со*т*ни Бе*т*некова пятидеся*т*ни*к* | Θедо*р* Семено*в* сказа*л* что де меня дома | не была а жена моя *ис* цркви о*б*розо*в* не вы|насила и деся*т*ники сказа*ли* Савелеи | Θедоро*в* Самсо*н* Проκоθевъ Василе*и* Степано*в* | Лука Деяно*в* Авдоки*м* Ивано*в* Дакуча*и* Васи*л*|евъ Паве*л* Ивано*в* Ко*н*дратеи Наȣмо*в* | что мы бы*ли* в горо*де* а бѣ*з* на*с* жены и дети | наши на людѣи глядя что от ыны*х* црквеи | о*б*розы несли и мы и*х* спрашива*ли* для чево | вы *ис* цркви о*б*розы носите и оне на*м* и жена*м* | наши*м* ничево не сказа*ли* и оне смотря на те*х* | люде*и* о*б*розы *ис* цркви вынесли і о*т* ково та | речь пронесла*с* и мы и жены наши | про то не слыха*ли* то наша и скаска а скаску | писа*л* сотенонои[1] дьсчек Θе*д*ка Θедо|ро*в*[2]

|л. 39 об.| Михаила Крыло*в* вместа деся*т*нико*в* и редовы*х* по и*х* веленью рȣку приложи*л*

К сеи ска*с*ки Про*н*ка Еремѣе*в* руку приложи*л*

Дороθѣ*и* Стеθано*в* образо*в* из цркви не носилъ | потому что ят[3] в до*му* и в мѣсто Θедора Семе|нова рȣкȣ приложи*л*

Приказн. стлб. 298, л. 39—39 об.

[1] *Так в ркп.* [2] *Далее иными почерками.* [3] *Так в ркп.*

Стрельцов Никитиной сотни Карчмина

Июнь 1657 г.

|л. 40| Никитино*и* сотни Ка*р*чмина сказали пятиде|-ся*т*никъ Θро*л* Исае*в* и деся*т*ники Вавила Бочa*р* | Василе*и* Калистра̂то*в* Аθонасе*и* Гарасимо*в* сло|ботчи*к* Θедо*р* Зыко*в* и редовые пя*т*деся*т* | два члвка бжия млсрдия ѡ*б*разо*в* *из* цркви | мы в домы свои не выносили и в то время | ка*к* ѡ*б*разы *из* цркви выносили мы у црквi | не были а по како*му* ука*зу* кто *из* цркви выноси*л* ѡ*б*разы того де мы не вѣдае*м* и ре|че*и* никаки*х* ни ѡ*т* кого не слыхали то нша | и скаска[1]

Тое *ж* сотни сказали пятидеся*т*ни*к* Яко*в* | Миха*и*ло*в* и деся*т*ники А*н*то*н* Дм*и*треe*в* Василе*и* | Гаврило*в* Аθонасе*и* Астраxане*ц* Степа*н* | Па*н*ко*в* и редовые шесна*т*ца*т* члвкъ дома *де* на*с* в то время не было а были дома ма|тери и жены нши и увидели *де* ка*к* нес*ȣт* *из* цркви ѡ*б*разы по домо*м* и на ни*х* глядя | бжие млсрдие ѡ*б*разы *из* цркви

взяли мы | по домом а для чего из цркви несли бжие | млсрдие ѡбразы по домом преже нас того | мы не вѣдаем и никаких речеи ни ѡт кого | не слыхали то нша и скаска а скаскꙋ пи|сал тое ж сотни сотенноиˇ дьячок Ивашко Бере|скин

|л. 40 об.| К сеи скаске слобѡтчик Ѳедко Зыков і вмѣс|то пятидесятника Ѳрола Исаева и де|сятников и рядовых кои в сѣи скаске име|ны писаны по их велѣнію рукꙋ |л. 40| приложил

|л. 40 об.| К сеи скаске десятникъ Стенка Панковъ | и вместа пѧтидесѧтника и десятников | и редовых кои в сеи скаске и по ихъ ве|лѣнью руку |л. 40| приложил

Приказн. стлб. 298, л. 40—40 об.

[1] *Далее иными почерками.*

Стрельцов Андреевой сотни Ивачева

Июнь 1657 г.

|л. 41| Андрѣевои сотни Ивачева пятидесятники | Яков Галѣчанин да Иван Шалагин и десят|ники Мирон Голубов Степан Харлампьев |Василѣи Проклюев Иван Проклюев Иван | Купреянов Данило Андрѣев Исак Аѯѣн|тьев и рядовые Иван Демидовъ | Левонтеи Гаврилов и все рядовые | сказали что мы ис цркви бжия ми|лосердия икон своег молѣния не имывали | и от кого то ꙋчинилос и для чего иконы | ис црквѣи выносили и мы про то не вѣдаем | и ни от кого не слыхали то нша и скаска | а скаску писал тое ж сотни сотенноиˇ дьячек | Гришка Анисимов [1]

|л. 41 об.| Ивашко Демидов скаѕал и вмѣсто пятидесятников | Якова Галячанина да Ивана Шалагина | и десятников и рядовых по их веленью рꙋкꙋ приложил

К сеи сказкѣ Левка Гаврилов руку при|ложил

Приказн. стлб. 298, л. 41—41 об.

[1] *Далее иными почерками.*

Стрельцов Кирилловы сотни Кокушева

Июнь 1657 г.

|л. 43| Сказали Кириловы сотни Кокꙋшева стрелцы пятиде|сятникъ Никита Молчановъ и десятники | и все рядовыя что де у нас икон из церкви | не имали и иных сотен стрелцовъ мы де | не видали как онѣ ис цркви

иконы выно|сили и для чево хъто бꙋдет иконы вы|носили и мы тово не слыхали то | нша и скаска и скаскꙋ писал тое ж сотни | сотенной дьячек Петрꙋшка Титовъ [1]

|л. 43 об.| Сказал тое же сотни Сергꙋшка Гаври|лов и вмѣсто пѧтидесѧтника и де|сѧтников і рѧдовых стрелцов по | их велѣнию рꙋкꙋ приложил

Приказн. стлб. 298, л. 43—43 об.

[1] *Далее иным почерком.*

Стрельцов Яковлевы сотни Козловского

Июнь 1657 г.

|л. 44| Яковлевы сотни Козловского скаѕали стрел|цы пятидесятник Яков Петров и де|сятники и рядовые тое сотни что де | у нас в цркви икон бжия млсрдия моления [1] нашег | не было а иных стрелцов хто носили | из цркви иконы никово не видали и | для чево будет хто иконы выносили | мы тово не слыхали то наша и скас|ка и скаску писал тое ж сотни сотенной | дьячек Алешка Яковлевъ [2]

|л. 44 об.| К сеі скаски того ж приказу сотенной дьячек | Евдокимко Ѳадѣевъ вмѣсто пяти|десятников і десятков [3] і рядовых кое в гра|моте не ꙋмеют по их веленю рꙋку | приложил

Приказн. стлб. 298, л. 44—44 об.

[1] *Написано над словами* млсрдия нашег. [2] *Далее иным почерком.* [3] *Так в ркп.*

Стрельцов Васильевы сотни Ивачева

Июнь 1657 г.

|л. 45| Василевы сотни Ивачева сказали стрелцы | пятидесятники Михаило Лаврентьевъ да Соѳон Григоревъ сын Тетюшевъ | і десятники и все рядовые что де мы бжия | млсрдия икон моления своего из|с [1] цркви не имали і иных сотен стрелцов | мы де не видали как оне ис цркви бжие | млсрдие ікон свое моление выносили | и для чево хто будет иконы выносил | і мы тово не слыхали то наша і ска|ска а скаскꙋ писал тое ж сотни соте|нной дьячек Евдокимко Ѳадѣевъ [2]

|л. 45 об.| К сеи скаске того ж приказу сотенной дьячек | Алешка Яковлев вмѣсто пятидесятников | Ми-

хаила Лаврентьева и Сооона Тетюшева | и десятников и всех рядовых стрелцов руку при|ложыл

Приказн. стлб. 298, л. 45—45 об.

[1] *Так в ркп.* [2] *Далее иным почерком.*

6

Сказки о бесчинствах объезжего головы В. Нагаева

Жены пристава Марины Лукьяновой дочери

1 июля 1660 г.

|л. 180| РЗИ г іюлѧ въ А де Приказу стволнаго дела приставова | женишка Мишки Михаилова Маринка Лȣкьянова доч ска|зала по божественнеи хрстовои еванелскои запо|веди приежжал де к лавченке моеи голова ѡбежжеи | Василеи Нагаев а ѡтца ево имени не ведаю и ȣчал ме|ня бранит и поталкиват беременнова члвка и стал | ко мнѣ придиратца напрасна бȣтто ȣ меня на | лавченке воды нет и ȣчала ему говорит что де на лавке | вода есть и послал голова Василеи а ѡтца ево | имени не ведаю стрелцов на лавкȣ воды досма|триват и стрелцы сказали что де на лавке вода есть | и в ту порȣ шла мимо лавки моеи неведома какова | мȣжа жена и идȣчи молȣла[1] горазда де стат за нѣе | некому что де напрасно придираетца и тот голова ѡбеж|жеи стал еи говорит ты де за нѣе печалшица и ве|лел ее взят стрелцом и снѧв с нѣе шȣпкȣ и велел бит ба|тоги нещадно против моеи лавченки а ѡбронȣ ѧ | Маринка никакова не видала потомȣ что лежȣ | беременна на сносех при смерти то де гсдрь моѧ | Маринкина и скаска а сю скаскȣ писал мȣж мои Михаи|ила[2] Михаилов по моемȣ Маринкинȣ веле|нью

Приказн. стлб. 595, л. 180

[1, 2] *Так в ркп.*

Вдовы Соломониды Ефимовой дочери

5 июля 1660 г.

|л. 181| РЗИ г июля въ Е де вдова Саламанидка Еѳимова доч | сказала по христовои еванелскои заповеди приеж|жал де ѡбежеи голова Василеи Нагаев к лавчен|ке на Тверскои ȣлице а ѧ то Соламанитка бы|ла в те поры

в лавченке і велел стрелцам воды | досматриват на лавчанке и стрелцы тому ѡбежжему | Василю Нагаевȣ сказали что вода на кровле | есть и в те поры шла дорогою мимо лавченки | женщина неведома какова мужа же|на и идȣчи молъвила[1] что стал тот ѡбежжеи | занапрасна придиратца и велел взят ее | стрелцам и велел бит батоги не ведама | за што а ѡбронȣ никакова не видала | то моя и скаска и сю скаску писал по | ее веленю Приказу стволнаго дела | пристав Михаила Михаилов своею рȣкою

Приказн. стлб. 595, л. 181

[1] ъ *исправлено из* ȣ.

7

Сказки о досмотре надолб

Объезжего головы Д. Григорьева

24 апреля 1676 г.

|л. 71| РПД *г году* апреля въ КД *де* сказал ѡбъ|ежьи Дмитреи Григоревъ снъ Ивинъ | ежьжю я ѡт Покровъские улицы | по Яусские ворота в объезде а и дво|ры переписаны избы и мыльны пе|репечатаны и вода на кровлехъ по|ставлена и караулы роставлены на | Покровъскои большои улице [1]| въ переулкахъ надолобы поставълены [2]| на Варъваръскои большои улице дворов [3]| кь Яуским воротам ретко сказывают | ставит надолобы нельзя и которые | не станȣтъ ставит надолобы и карау|ло|въ[4] не станȣт дават и на тех я подам ска|ски а стрельцы Гавърила Канъдрат|ева[5] сна Елагина приказȣ а къниги | подам апреля КИ *де* а скаскȣ пи|салъ подячеи Ѡска Бѣляевъ своею | рȣкою

И въместо ѡбьежьжева Дми|трея[6] Ивина рȣкȣ приложил

Приказн. стлб. 710, л. 71

[1] *Далее зачеркнуто* в двȣ. [2] т *исправлено из* с. [3] *Второе* о *исправлено из какой-то другой буквы.* [4] у *исправлено из какой-то другой буквы.* [5] к *написано по* ва. [6] *После* и *затерто* т.

Объезжего головы М. Колдычевского

24 апреля 1676 г.

|л. 72| РПД го*ду* апреля въ КД де*н* сказа*л* Миха*и*ло Ко*л*ды|че*в*ски[1] по 8ка*зу* великого гсдря ежжу я в обезде | за Пречи*сти*н*скими вороты в Зе*м*ляно*м* городе о*т* Москвы | реки по Смоле*н*ск8ю 8лиц8 и в мое*м* обезде печи перепе|чатаны в ызба*х* и в мы*л*ня*х* и вода на кро*в*ле*х* есть | и кара8лы есть а надолоби[2] во многи*х* месте*х* | построены а доста*л*ные строя*т* а которые б8ду*т* | ослушни[3] великого гсдря 8казу и на те*х* подамъ | роспи*с* а книги пода*м* а*п*реля в тридесято*и* | день а стре*л*цы со *м*ною Миха*и*лова прика*зу* Ѹваро|ва а ска*с*ку писа*л* я Миха*и*ло Ко*л*дыче*в*ски[4] своею | р8кою

Приказн. стлб. 710, л. 72

[1], [2], [3], [4] *Так в ркп.*

Объезжего головы М. Гуджиева

24 апреля 1676 г.

|л. 73| РПД *г* апрѣля въ КД *де* сказа*л* о*б*ѣ*з*|*ж*е*и* голова Ма*р*кѣ*л* Г8*дж*кѣевъ | в о*б*ѣзде 8 меня надолобы іспо|дѣланы оприч Ѹсте*н*кова пери|8*л*ка пото*м*8 что то*т* деся*т*цко*и*| сиди*т* в Стреле*т*цко*м* приказе| і тѣ надолобы б8д8*т* здѣланы | сего числа і кара8*л* 8 меня есть | а которые не даю*т* і на тѣ*х* при|нес8 ізвѣтъ то моя і ска|ска а избы і мы*л*ни перепечаты[1]| і вода по кро*в*ля*м* есть а ниги[2] б8|д8*т* готовы апрѣля в[3] де*н* а стре*л*|цы ходя*т* Льва Секѣрина а в о*б*|ѣзде ходи*т* за Тве*р*скими во|роты в Зе*м*ля[4] городе направо | по Неглиннy і за Неглин*н*8 по Трѣ|те*нк*8[5] оприч стриле*т*цки*х* і п8*ш*|ка*р*ски*х* слобо*д* а скаску писа*л* | Розря*д*ны*х* сене*и* по*д*яче*и* А*н*дрю|шка Попо*в*

Приказн. стлб. 710, л. 73

[1], [2] *Так в ркп.* [3] *День не указан.* [4], [5] *Так в ркп.*

Объезжего Т. Редькина

24 апреля 1676 г.

|л. 75| РПД го*ду* апреля въ КД день ска*з*а*л*ъ ѡбеже*и* Ти|моѳе[1] Ре*т*ки*н* в мое*м* ѡбзде[2] падо*л*бы строея*т*[3] | а караулы на все*х* месте*х* поставлены | избы и мыльни перепечатаны и деся|тьны розданы все*м* і вода на кровле*х* по-

ста|влена а скаскꙋ писал я Тимоѳеи Ретькин | своею рꙋкою[4] а подьтьячеи[5] Земского приказꙋ | Иван Кожин а стрелцы Корсакова приказꙋ | а книги подам апреля въ КЅ ден

Приказн. стлб. 710, л. 75

[1], [2], [3] *Так в ркп.* [4] *Далее другими чернилами.* [5] *Так в ркп.*

Объезжего В. М. Мотовилова

24 апреля 1676 г.

|**л. 79**| РПД *г* апрѣля въ КД *де* обьѣзжеі | Василеи Матвѣев снъ Мотовилов скаѕалъ | что вь ево обьѣзде за Бѣлымъ горо|домъ от Смоленския улицы по Тверскую | дворы всяких чинов людеи переписа|ны и в ызбах и в мылнях пѣчи ѕапечатаны | і десятни десяцким розданы і имена деся|цкимъ переписаны і на кровлях вода | поставлена і по улицам и по переулкам | вездѣ дѣлаютъ надолобы[1] а индѣ і во многих мѣс|тѣх іздѣланы то моя и скаска а скаскꙋ | писалъ тог жь обьѣздꙋ подячеи | по приказу обѣзжег головы Василя | Мотовилова Гришка Савинов[2] а кнги | принесꙋ в Розряд апрѣля въ Л *де* а стрел|цы со мною головы московских стрелцовъ | Тимоѳѣева приказу Полтева Бориско | Ѳенов Алешка Черевков

Приказн. стлб. 710, л. 79

[1] *Написано над* дѣлаютъ. [2] *Далее иным почерком.*

Объезжего А. Строева

24 апреля 1676 г.

|**л. 81**| РПД *г* апрѣля въ КД *де* обѣзжеи голо|ва Алѳереи Строевъ скаѕалъ ѕа Я|ꙋскими вороты ꙋ меня в обѣзде караꙋ[1]| нороꙋлят безпрестанно и надолобы | везде по ꙋлицам есть і на хоро|мох вода поставлена и на дворѣхъ | избы і мылни перепечатаны а со мною | подячеи Ивашко Иванов да стрелцы | полковника головы московских стрелцов | Ѳедорова приказу Алеѯандрова Ивашко | Иванов с товарыщем а кнги подам апрѣля | въ КИ *м* числѣ то моя і скаска а скаску | писал Розрядного приказу подячеи кото|рои ꙋ него в обѣзде Ивашко Ивановъ[2]

|**л. 81 об.**| К сеи скаске стряпъчеи Алѳереи | Строевъ рꙋкꙋ прило|**л. 81**|жил

Приказн. стлб. 710, л. 81—81 об.

[1] *Так в ркп.* [2] *Далее иным почерком.*

Подьячего С. Худякова

25 апреля 1676 г.

|л. 3| Апрѣля въ КЕ *де* ходи*л* Розряднои | по*д*ячеи Сергушка Х8дяковъ | для досмотр8 надолоб ꙅа *Т*вер|ские ворота в Ѕемляно*м* горо*де* | по правую сторону до Неглин*н*ы | а по ево смотр8 [1]

Ид8чи о*Т*вер*с*кихъ [2] воро*т* к Ѕемля|но*му* горо*ду* по бо*л*шо*и* 8лице напрове | ДІ пере8*л*ко*в* А без надолоб

Ид8чи о*т* мнстря Страшные [3] б*д*цы | напрове Ѳ пере8*л*ко*в* З без надолоб

Налеве Ѕ пере8*л*ко*в* В без | надолоб

Ꙋ Ѕемляного города проме*ж* Твер|ски*х* и Пе*т*ровски*х* воро*т* в пере8*л*|ка*х* по обе стороны Ѕ пере8*л*|ко*в* [4] пять пере8*л*ковъ без на|долоб

У Пе*т*ровскихъ воро*т* в о*д*но*м* пере8*л*|ке поста*в*лены надолобы | а то во всѣхъ пе8*л*кахъ [5] | надолоб не поста*в*лено [6]а сию роспис | писа*л* я Сергушка Х8дяко*в* своею рукою [6]

Приказн. стлб. 710, л. 3

[1] *Так в ркп.* [2] *Так в ркп.*, от Тверских. [3] *Так в ркп.* [4] п *написано по* б. [5] *Так в ркп.* [6–6] *Написано другими чернилами.*

Подьячего И. Саблина

25 апреля 1676 г.

|л. 4| РПД *г* апрѣля. въ КЕ *дн* розрядн*ѡи* | по*д*ячеи. Ива*н* Саблин. посыла*н* | из Розря*ду*. за Ѧузские ворота по *п*ра|в8ю сторону в о*б*ѣздъ Петра | А*л*ѳерьева для досмотр8 | надолоб.

А по осмотр8 по*д*ячего. Ивашка | Саблина. в то*м* о*б*ѣзде во *в*сѣ*х* | мѣсте*х*. в проѣз*ж*и*х* в бо*л*ши*х* | 8лица*х*. и в переу*л*ка*х*. надо|лобы построены. сказку | писа*л* я. Ивашко своею р8кою.

Приказн. стлб. 710, л. 4.

[Подьячего] М. Григорьева

25 апреля 1676 г.

|л. 5| РПД *г* апрѣля въ КЕ *де* по указу| великого гсдря посыла*н* я бы*л* Ми*т*ка | Григорьевъ *из* Роꙅря*д*[1] в Бѣло*и* городъ | о*т* Неглинны по Стретенку в о*б*ѣздъ Лео*н*тья | Савельева для досмо*т*ру надолобъ | и въ ево Леоньтьеве о*б*ѣзде надоло*б* | нигдѣ ни в которо*м* переу*л*ке не по-

стро|ено а то*л*ко построено въ ево *об*ѣзде | две надолобы *от* Стретен*ского мнстря | в тупике да в Кисѣлном* перѣу*л*ке дру|гаꙃ а досмо*тр*ъ пiса*л* я Ми*т*ка | Григорьевъ

Приказн. стлб. 710, л. 5

[1] *Так в ркп.*

[Подьячего] С. Симоновского

25 апреля 1676 г.

|л. 6| РПД *г* апрѣля въ КЕ *де* по | указу великого гсдря посыла*н* | я Самсонка Симоно*в*ско*и* иѕ Роѕряду | ѕа Яꙋѕу по лѣвую сторону в *об*ѣздъ | О*л*ѳеря Строева досматривать | и переписа*т* надолобы во *в*сѣхъ *лi* | мѣсте*х* построены.

А по досмотру Самсонки Симоно*в*ского | за Ꙗуским вороты по лѣвую | сторону и ѕа Ꙗꙋѕою по лѣвую *ж* | сторону в Семено*в*ско*и* слободе | в *об*ѣзде О*л*ѳе*р*я Строева в проѣ*з*жих | улица*х* i переулках во *в*се*х* мѣсте*х* | надолобы построены, да въ ево *ж* | *об*ѣзде была у слободы что словетъ | Сереб*р*еникова ство*р*ная решетка | i то*и* решетки оди*н* ство*р* розлома*н* | i то*т* ство*р* решеточно*и* дѣлаю*т*, а до|смо*тр*ъ писа*л* я Самсонко своею | рукою

Приказн. стлб. 710, л. 6

[Подьячего] И. Картавцева

25 апреля 1676 г.

|л. 7| РПД *г* апрѣля въ КЕ[1] *де* по ука*з*у великого | гсдря и по прика*з*у дiоко*в* дꙋмного Деме*н*|тья Ба*ш*макова да Васи*л*я Семенова | да Пе*т*ра Ковелина да Ѳедора Шакло|витова посыла*н* я Исачко Ко*р*тавцо*в* | в *об*ѣздъ *от* Смален*ск*о*и* улицы по *Т*ве*р*скꙋю | улицꙋ гдѣ ѣзди*т* *об*ѣзже*и* голова Ѳедо|се*и* Лꙋни*н* для смотру надоло*б* | и караул*о*в и в то*м* *об*ѣзде

о*Т*ве*р*ских[2] воро*т* ѣдꙋчи налѣво по бо*л*шо*и* улицы | да Неглино*и* во И *ми* переу*л*ка*х* построены | надалобы а въ Г *х* переу*л*ка*х* надало|бо*в* нѣ*т* а по скаске *об*ѣ*з*жего что деся*т*|цки*м* деся*т*ни розданы

Проме*ж* Тве*р*ско*и* и Ники*т*цко*и* улицы въ Е *ти* пе|реулка*х* надалобы построены и карау*л* | есть а въ Д *х* переу*л*ка*х* надало*б* нѣ*т* | а деся*т*ни скаѕа*л* розданы

О*т* Ники*т*цки*х* варо*т* ѣдꙋчи по Ники*т*цко*и* улицы | налѣво да рѣшо*т*ки въ Д *х* переу*л*кахъ | надолобы и

короул есть а въ Д *ж* пе|реул*ка*х надалобо*в* нѣ*т* а преж сего в тѣхъ | переул*ка*х надалобы бывали

А о*т* Смален*ско*и улицы по Ники*т*цкȣю улицȣ *ж* | надалобы не построены нигдѣ и караулу | [3]нѣ*т* же[3] а об*ѣ*зже*и* скаѕа*л* что десятни де|с*ят*ником розданы давно то мо*и* и дасмо*т*ръ | а дасмо*т*ръ писа*л* я Исачко[4] своею рȣкою

Приказн. стлб. 710, л. 7

[1] Е *исправлено из* Ѕ. [2] *Так в ркп.*, от Тверских. [3-3] *Написано по стертому.* [4] чк *написано по каким-то другим буквам.*

[Подьячего] Г. Бородина

25 апреля 1676 г.

|л. 9| РПД *г* апрелѧ въ КЕ *де* по ȣка*зу* великаго гсдрѧ | посыла*н* ѧ былъ из Розрѧ*ду* Гришка Бородинъ | длѧ досмотрȣ надолобъ за Бѣлои горо*д* о*т* Смален|ские ȣлице по Тве*р*скȣю в обездъ головы Васи*л*ѧ | Матовилова и ѧ ходилъ и досматрива*л* по улица*м* | въ переу*л*кахъ и у него Васи*л*ѧ в обьезде во всехъ | ȣлицахъ и в переу*л*кахъ всего дватца*т* три на|до*л*бы по те*м* надо*л*бамъ кораулы поставлены | а в ыныхъ мѣстехъ стро*ѧт* а во многихъ месте*х* | и не построено а досмотръ писа*л* Гришка Баро|динъ своею рукою

Приказн. стлб. 710, л.9

Подьячего М. Ноздрачева

25 апреля 1676 г.

|л. 11| РПД *г* апрѣлѧ въ КЕ *де* по указȣ | великого гсдря и по прика*зу* діоковъ | дȣмного Дементьѧ Башмакова да | Василья Семенова да Пе*т*ра Кове|лина да Ѳедора Шакловитово Ро*з*|ря*д*ного прика*зу* подьяче*и* Мишка На*з*|драчовъ ходилъ за Москву рекȣ | в об*ѣ*здъ Микиты Нальянова для | досмотру въ ево Микитине об*ѣ*зде надо|лоб и карауловъ,

А по осмотру въ ево Микитине об*ѣ*зде | идȣчи о*т* Живого мосту по Пя*т*ни*т*цкоі | улице направо и в О*р*дынскоі и в Голȣ*т*ви |не на болши*х* улица*х* из болши*х* по пе |реулкамъ во многи*х* мѣсте*х* надоло|бы и караулы есть а в ыныхъ | мѣстехъ надолобы строетъ | а караулы есть *ж* а досмотръ пісa*л* | Мишка На*з*драчовъ

Приказн. стлб. 710, л. 11

[Подьячего] Я. Кубонцева

25 апреля 1676 г.

|л. 12| РПД *г* апрѣля въ КЕ *де* по ука*зу* | великого гсдря посыланъ я Яку*ш*ко | Кубо*н*цо*в* для досмотру надоло*б* | с Тверско*и* по Неглинну в о*б*ѣ*з*де | о*б*ѣ*з*же*г* Ѹ*л*ѧна Тве*р*кова

На Тверско*и* по *от*ну[1] сторону

В семи пере*ѹл*кахъ надолобы есть | в о*д*номъ пере*ѹл*ке надолоба не достро|ена

В дву пере*ѹл*ка*х* надоло*б* нѣ*т*

А на *Д*митро*в*ке и на Пе*т*ро*в*[2] в то время | по пере*ѹл*камъ бы*лі* надолобы а нне | погорѣли досмотръ писа*л* ѧ Яку|шко

Приказн. стлб. 710, л. 12

[1], [2] *Так в ркп.*

Подьячего П. Осипова

25 апреля 1676 г.

|л. 13| РПД *г* апрѣлѧ въ КЕ *де* по | ука*зу* великого гсдрѧ посы|ланъ *из* Роѕрѧ*ду* по*д*ѧче*и* Про|коѳе*и* Осиповъ в Бѣломъ городе | *от* Покровски*х* воротъ по Ѧ|ужские ворота в о*б*ѣздъ | Дми*т*реѧ Ивина длѧ дѡ|смо*т*ру надоло*б*

А по осмотру моемъ в то*м* | о*б*ѣѕде надолобы построены не во многи*х* мѣсте*х* а в ы|ны*х* мѣсте*х* не построены | длѧ того что дворы всѣ | выгорѣли и пустоплесье | стало бо*л*шое и в тѣ*х* мѣсте*х* | построи*т* надолобъ | невозможно а досмотръ | писа*л* ѧ Прокоѳе*и* своею | рукою

Приказн. стлб. 710, л. 13

Подьячего Ф. Дурова

26 апреля 1676 г.

|л. 1| РПД *г* апрѣля въ КЅ *де* Розря*д*ного приказ[1]. . . | по*д*ячеи Ѳедо*р* Д*ѹ*ро*в* *от* Москворѣцки*х* воро*т* | по Смолѣнскую улиц*ѹ* по *ѹ*лицамъ і по пер[2]. . . | улкамъ надоло*б* досмотривалъ | а по досмотр*ѹ* в тѣхъ улица*х* | и в переу*л*кахъ надоло*б* нигде нѣ *з*|дѣлано а ѣд*ѹ*чи в Че*р*толские ворот[3]. . . | в Бѣломъ горо*де* в др*ѹ*го*м* пере*ѹл*ке | *от* воротъ на право*и* р*ѹ*ке по*д*ле ка*м*[4]. . . | нны*х* лавокъ кара*ѹ*лъ

і на|долобы есть толко в одномъ мѣст[5]... | а скаскꙋ писал ѧ Ѳедка своею | рꙋкою

Приказн. стлб. 710, л. 1

[1], [2], [3], [4], [5] *Далее утрачена буква: обрыв.*

Подьячего Г. Иванова

26 апреля 1676 г.

|л. 8| РПД *г* апрѣлѧ въ КЅ *де* по указу | великого гсдря посыланы *из* Розрѧдꙋ | по*д*яче*и* Григоре*и* Ивано*в* в Беломъ | городе о*т* Стретенско*и* ꙋлицы по Покро*в*|ку да за Бѣлымъ город*ѡм* о*т* Стре|тенские улицы по Воронцо*в*ское поле | для досмо*т*ру по улица*м* и по пере|улка*м* надоло*б* и караулов а в тѣ*х* | мѣсте*х* приказано вѣда*т* о*б*ѣзжи*м* | голова*м* в Беломъ горо*де* Василью | Селꙋнскомꙋ а за Бѣлымъ городо*м* | Ивану Се*р*бину а по до*с*мо*т*рꙋ въ и*х* | о*б*ѣзде*х* по улица*м* и по перeꙋлка*м* | опричь болши*х* улицъ Стрете*н*ские | і Мясницкие і Покро*в*ки надолобы по|строены і караулы есть а досмо*т*|ръ писа*л* ѧ Григоре*и* своею рꙋкою

Приказн. стлб. 710, л. 8

8

Сказка объезжего головы Л. С. Греченина о непослушании пирожника Ф. Герасимова

28 мая 1676 г.

|л. 178| РПД *г* маиѧ въ КИ *де* о*б*ѣзже*и* Лео*н*те*и* Савѣлье*в* снъ | Гречени*н* сказа*л* по ука*зу* великого гсдря црѧ | и великого кнзя Феодора Алеѯѣевича | всеа Великия і Малыя і Бѣлыя Росиі | самоде*р*жца велено мнѣ быть в о*б*ѣзде | о*т* Неглинны по *С*трете*н*ку что *б* всяки*х* чи|новъ лю*ди* избъ і мыле*н* не топили і велено | в ызба*х* і в мы*л*ня*х* печи перепечата*т* і на | Рожес*т*ве*н*ско*и* улице у рожес*т*ве*н*ског*ѡ* | попа Григо*р*я в нае*м*но*м* по*д*клете живе*т* пирожникъ гулящe*и* члвкъ Ѳе*д*ка Гараси|мо*в* і топи*т* то*т* по*д*клѣтъ на всяко*и* день | пя*т*ю і шестью і ука*зу* великого гсдрѧ чини*т*ца | не послуше*н* і я Лео*н*те*и* сѣго чи*с*ла с по*дя*|чимъ прише*д* к нему пиро*ж*нику і хотели у него | в по*д*клете печь запечата*т* і о*н* Ѳе*д*ка печа|та*т* не дали і ис сѣне*и* по*д*ячего то*л*кнули і сѣ|ни запе*р*ли і

заперши сѣни учали меня *он* | Өе*д*ка з женою своею *і* с рабо*т*никам*и* бить | і увѣчить дубемъ а *в* то число стре*л*цо*в* не было | для того что переменялис і мнѣ Лео*н*тью | *от* таки*х* озо*р*нико*в* впре*д* у гсдрва дѣла бы*т* не | возмо*ж*но і в то*м* что великиі гсдрь укажетъ | то моя і ска*с*ка а скаску писалъ по евѡ | Лео*н*тиеву веле*н*ю по*д*яче*и* Ла*р*ка Васи*л*евъ

Приказн. стлб. 710, л. 178

9

Сказка подьячего И. Бубнова о поклепе на него И. Кондратьева

5 июля 1693 г.

|л. 136| СА *г* июля въ Е *де* Розря*д*ного прика*зу* по*д*яче*и* Ива*н* | Бубно*в* ска*ѕ*а*л*, сего де чи*с*ла в Китае горо*де* на *с*ѣ*з*|жемъ дворѣ столнику Миките Тараканов*ȣ* | да *д*яку Игна*т*ю Л*ȣ*кину извеща*л* словесно Зача|те*и*ско*и* *ȣ*лицы десяцко*и* Ма*ѯ*и*м*ко А*н*тоновъ | наряжалъ *де* онъ на *ȣ*лично*и* кара*ȣл* квасника | Өетку Лукьянова для того что *он* Өетка | живе*т* в Китае горо*де* да жи*л*ца которо*и* | *ȣ* него живе*т* в по*д*клѣте а какъ ево зову*т* | того де *он* не вѣдае*т*, и онъ *де* Өе*т*ка и жите*л* | ево великих гсдре*и* *ȣ*ка*зу* *ȣ*чинилис ослу*ш*ны | на кара*ȣл* не пошли, і проти*в* то*г* извѣту | с сьѣ*з*жего двора посла*л* я по него Өе*т*ку | с тѣ*м* десяцки*м* сто*л*ника і по*л*ковника | Григорьева по*л*ку А*н*ненкова стрелцо*в* | Өе*т*ку Гарасимова Ивашку Васильева | и то*т* десяцко*и* и стре*л*цы ево Өетку | привели на *с*ѣ*з*же*и* дво*р*, і того *ж* числа | из Розря*ду* по*д*яче*и* Василе*и* Юдинъ присла*л* по*д*я|чего Кирилу Пахомова велѣ*л* того кваснн|ка с сьѣ*з*жего двора свободить бе*з* на|ча*л*ных люде*и* невѣдомо по како*му* *ȣ*ка*ѕ**ȣ* | и то*т* квасни*к* свобоже*н* того *ж* числа, а по не*г* | Өе*т*ку я Ива*н* ни с кѣ*м* не хажива*л* і на *с*ѣ*з*же*м* | дворѣ в желѣ*ѕ*а*х* не де*р*жа*л* и напа*д*ко*в* | ему никаки*х* не чинива*л* тѣ*м* бра*т* ево | Өе*т*ки*н* Ивашко Ко*н*дра*т*евъ в словесно*м* своемъ | затѣ*и*но*м* соста*в*номъ изв*ѣ*те меня Ивана | поклепа*л* и обесчести*л* напрасно, что*б* | великие гсдри пожалова*ли* велѣли проти*в* | ево Ивашкина извѣту сыска*т* и допроси*т* по | ева*н*ге*л*ско*и* заповеди гсдни деся*т*цкого и стре*л*|цо*в* которые были посыланы по брата ево Өе*т*|ку і на *с*ѣ*з*же*м* дворѣ

подячих і стрелцов і сторо|жа допросит же и по сыску свои великих гсдреи | 8каз 8чинит то моя и скаска, а скаску писал | я Иванъ

Приказн. стлб. 1409, л. 136

10

Росписи и расписки в получении поденного корму

Подмастерья И. Нефедьева и левкащика Б. Игнатьева

23 мая 1662 г.

|**л. 16**| РО *г* маия въ КГ *де* роспис что работали на Троетцком подворе под|мастере Иван Неѳедевъ да левкащикъ Бажен Игнатевъ | а корму мнѣ Ивану доведетца вѕят на шесть ден а мне | Бажѣну вѕят корму на две ндли и того корму поденног | не выдано а роспис писал Дворцовые площади | подꙗчеи Александръко Григоревъ по их Иванову да Ба|жѣнову велению

Архив Оруж. палаты, стлб. 8157, л. 16

Пристава А. Дементьева

28 июня 1662 г.

|**л. 62 об.**| Июня въ КИ *де* по сеи челобитнои пристав Алексеи Дементьев | гсдрво жалование поденного корму на прошлые мсцы и на | мартъ на апрѣл на маи рубль двенатцат алтнъ четыре | днги иѕ Оружеинои полаты вѕял а *в* ево мѣсто Дворцо|вые площади подꙗчеи Александръко Григоревъ руку приложил

Архив Оруж. палаты, стлб, 8157 л. 62 об.

Станочных мастеров И. Анофреева и О. Анофреева

3 июля 1662 г.

|**л. 79 об.**| Іюля въ Г *де* по сеі челобитнои станочные | мастеры Іванъ да Оѳонасеи Аноѳреевы | гсдрво жалование поденного корму на | ннешнеи на сто семдесятои год денег десят ру|**л. 80 об.**|блевъ тритцат одинъ алтын четыре денги із Ор8жеиные полаты вѕял | сполна а въ их мѣсто костяного | дѣла мастер Евдокимко Иванов руку | приложил

Архив Оруж. палаты, стлб. 8157, л. 79 об.—80 об.

Сабельного дела мастеров Ивана, Григория и др.

7 июля 1662 г.

|**л. 32 об.**| Июлѧ въ З *де* сабѣлново дѣла мастеры | поляки Іван Григореи Ларивонъ Игнатеи | по сеи челобитнои гсдрва жалованьѧ |**л. 33 об.**| на прошлои на июнь мсцъ поденново корму дватцеть четыре рубли из Оруже|иные полаты взѧли а въ ихъ мѣсто | иконописецъ Иванъ Θеωѳилактовъ | по ихъ велѣнью руку приложил

Архив Оруж. палаты, стлб. 8157, л. 32 об.—33 об.

Каретного дела мастера Г. Симонова

6 августа 1662 г.

|**л. 100 об.**| РО *г* августа въ Ѕ *де* | по сеи челобитнои каретног дѣла мастер Гришка | Симанов взял гсдрво жалоавне поденного корму | на ннешнеи на РО *и* год пят рублев пятнацет ал|тнъ пят денег по ево велению Дворцовои пло|щади подячеи Мишка Григоревъ руку приложил

Архив Оруж. палаты, стлб. 8157, л. 100 об.

11

Расписки в получении денег за поставку материалов и разного рода работы

Торгового человека Г. Харламова

17 июня 1662 г.

|**л. 14 об.**| Июня въ ЗІ *де* по сеи записке ирошного ряду торговои | члвкъ Гаврила Харламов за две лосины тритцет | рублев медных днгъ из Оружеиныя полаты взял | сполна а *в* ево место Дворцовои площеди подячеи | Дмитреика Аврамьевъ руку приложил

Архив Оруж. палаты, стлб. 8155, л. 14 об.

Старосты Бронной слободы Г. И. Кондеева

18 июня 1662 г.

|**л. 15 об.**| Июня въ ИІ *днь* по сеи записки Бронные слободы | стараста Григореи Иванов снъ Кондеевъ из Ру|жеиные полаты у падячева у Василя Кали|нина на вся-

кие пок8пки взял сто р8блевъ | денег мѣдных а в ево мѣсто ш8рин ево тои же | Бронные слободы Ѳролко Михаилов по ева[1] | вѣленю р8к8 приложил

Архив Оруж. палаты, стлб. 8155, л. 15 об.

[1] *Так в ркп.*

Извозчиков И. Иванова и Л. Григорьева

27 июня 1662 г.

|**л. 26 об.**| Июня въ КЗ *де* по сеи росписи извощики Івашко Іванов | да Любимко Григоревъ за провоз ѡт тысечи п8д желе|за днгъ дватцат рублев из Ор8жеиной | полаты взяли | и с товарыщами вмѣсте а в их мѣсто Аптекар|ского приказу полковои лѣкарь Ондрюшко Ѳедотов | р8ку приложилъ по их веленью

Архив Оруж. палаты, стлб. 8155, л. 26 об.

Поляка М. Алексеева

15 июля 1662 г.

|**л. 11 об.**| Июля въ ЕІ *де* по сеи записки поляк Моска | Алексѣев за одинатцет ножен сабелных | наделнаго за приkладъ полшеста рубли | из Оружеиные полаты взял а въ ево мѣ|сто Дворцовои площади подячеи Івашко | Корнилев по ево велѣню руку приложил

Архив Оруж. палаты, стлб. 8155, л. 11 об.

Иконного ряда торгового человека М. Титова

7 августа 1662 г.

|**л. 32 об.**| Авъг8ста въ седмыі ден по сеи записки Микиѳор|ко Титов за двѣсьте листов с8салнава зола|та по ценѣ шеснатцат р8блев денег із Ор8жеинаи | полаты взял і р8к8 приложилъ

Архив Оруж. палаты, стлб. 8155, л. 32 об.

Иконного ряда И. Алексеева

5 апреля 1663 г.

|**л. 1 об.**| Апреля в пятыи ден на десет по сеи за|писки иконного ряду Іван Алексѣев | взял из Ружеиныя полаты | за три тысечи за триста листов | золота за две тысечи листов | серебра | ценою шестьсоть пятнацет рублевъ |**л. 2 об.**| денег и руку приложил

Архив Оруж. палаты, стлб. 8448, л. 1 об.—2 об.

Целовальника С. Федорова

15 апреля 1663 г.

|**л. 11 об.**| Апреля въ пѧтыи на десят ден по сеи записке | целовалник Сенка Өедоровъ взял із Ору|жеиные полаты у подячева Василя Ка|линина на приказные покупъки | сто рублевъ медных денег а въ ево мес|то племяник ево Павълик Өедоровъ | по ево веленю руку приложил потому | что ѡн в ту пору был боленъ

Архив Оруж. палаты, стлб. 8448, л. 11 об.

Целовальника С. Федорова

1 мая 1663 г.

|**л. 14 об.**| Маия въ А де по сеи ѕаписке цело|валникъ Сенка Өедоровъ взял | из Оружеиные полаты у подячева | Василя Калинина на приказные | покупки | Оружеиные жъ полаты сто рублев | медныхъ денегъ и руку приложилъ

Архив Оруж. палаты, стлб. 8448, л. 14 об.

Котельного старосты И. Мялицына

9 мая 1663 г.

|**л. 3 об.**| Маия въ Ѳ де по сеи росписи котѣлнои староста Івашко | Мялицын за красную мѣдь днгъ сто осмнатцать | рублевъ четыре алтна з днгою| **л. 4 об.**| из Оружеиного приказу взял и руку приложил

Архив Оруж. палаты, стлб. 8448, л. 3 об.—4 об.

Сторожа К. Гаврилова

9 мая 1663 г.

|**л. 15 об.**| Маия въ Ѳ де по сеи росписи гсдрва дровяног |**л. 16 об.**| двора сторож Кондратеи Гаврилов ѕа двѣсти бре|вен дѣвяносто рублев иѕ Оружеиной полаты | вѕял по ево веленю Дворцовои площади | подячеи Мишка Григоревъ руку приложил

Архив Оруж. палаты, стлб. 8448, л. 15 об.—16 об.

М. Павлова

9 мая 1663 г.

|**л. 16 об.**| Того ж числа Микиөор Павлов ѕа сто[1] | ѕа сорок ѕа два бревна вѕял восмьдѣсят | дѣвят рублев

по ево веленю Дворцовои пло|щади подячеи Мишка Григоревъ р8ку | приложил

Архив Оруж. палаты, стлб. 8448, л. 16 об.

[1] *Далее зачеркнуто* ѕа восмъ.

Подмастерья Д. Охлебинина

16 мая 1663 г.

|**л. 42 об.**| Маия въ ЅІ де по сеи записки каменных дѣл подма|стеря Давыд Ѡхлебинин на каменное дѣло із Ору|жеиноu полаты днги сполна взял а в ево мѣсто | подячеи стрелецкого хлѣбного збору Івашка Суровцов | по ево веленю р8ку приложил

Архив Оруж. палаты, стлб. 8448, л. 42 об.

Целовальника С. Федорова

18 мая 1663 г.

|**л. 43 об.**| Маия въ ИІ де по сеи ѕаписке Бронные | слободы целовалнинъ[1] Сенка Ѳедо|ровъ взял у подячева у Василья Ка|линина на приказные покупки | казенныхъ денегъ сто рублевъ | медныхъ денегъ и руку приложил

Архив Оруж. палаты, стлб. 8448, л. 43 об.

[1] *Так в ркп.*

Извозчиков И. Федорова с товарищами

20 мая 1663 г.

|**л. 29 об.**| Маиа въ К де по сеи росписи исвощики | Івашка Ѳедоров Якушко Никитин с това|рищи |**л. 30 об.**| за провос м8шкетов и карабинов и писто|леи сто шесдѣсят восмь р8блевъ с полтиною | из Ор8жеиные полаты взяли а въ их мѣ|ста тое жъ Р8жеиные полаты ѡлстря|нои мастеръ Любим Блохинъ по их веленью | р8к8 приложилъ

Архив Оруж. палаты, стлб. 8448, л. 29 об.—30 об.

Извозчиков И. Ермолина с товарищами

24 мая 1663 г.

|**л. 37 об.**| Маия въ КД день по ѕаписке извощика Івашко Ермолинъ с товарыщи ѕа гра|**л. 38 об.**|натную ѕбрую ѕа провоз ѕа тритцат ѕа четыре | воѕа тритцат

четыре р8бли иѕ Ар8жеиные | полаты вѕяли сполна а въ их мѣсто Двор|цовые площади площадної подячеи Ѳед|ка Родионов по их велѣнью р8ку приложил

Архив Оруж. палаты, стлб. 8448, л. 37 об. —38 об.

Самопальных К. Алексеева и Ф. Сидорова

24 мая 1663 г.

|л. 39 об.| Маия въ КД *де* по сеи роспи[1] самопалные Ка|линникъ Алеѯѣев да Ѳедосеи Сидоров за ле|д8нки и ѕа поесы девятнатъцат р8блев | две гривны иѕ Ор8жеиные полаты взяли | а *в* их мѣсто Ор8жеиные *ж* полаты подячеи Ко|стянтин Михаилов по их челобитю р8к8 | приложил

Архив Оруж. палаты, стлб. 8448, л. 39 об.

[1] *Так в ркп.*

Извозчиков Ф. Иванова с товарищами

28 мая 1663 г.

|л. 35 об.| Маия в КИ *днь* по сеи росписи извощики стрел|цы Іванова приказ8 Ѕ8бова Ѳедоскѡ | Іванов с товарыщи одиннатцет члвкъ за про|воз р8жья мушкѣтов пар пистолеи |л. 36 об.| и ѡльстръ да карабинов сто тритцет два | р8бли дватцет три алтына четыре денги | изо Ѡр8жеиные полаты взяли сполна | а вь их мѣсто Ор8жеиные полаты тра|вщикъ. Івашко Соловеи по их велѣню р8ку | приложил. а возили то р8жье с Казен|ново двора. на двор боярина Никиты | Івановича Романова

Архив Оруж. палаты, стлб. 8448, л. 35 об. — 36 об.

Целовальника С. Федорова

1 июля 1663 г.

|л. 56 об.| Июля въ А *де* по записки сеи цело|вальникъ Сенька Ѳедоровъ на | приказные покупки у подячева | Василя Калинина вѕял пят рублевъ | серебреныхъ казенныхъ денегъ | и руку приложилъ

Архив Оруж. палаты. стлб. 8448, л. 56 об.

Котельного старосты И. Мялицына

5 июля 1663 г.

|**л. 53 об.**| Июля въ Е *де* по сеи росписи котѣ*л*нои староста | Ива*н* Мялицы*н* за *д*ве трубы зелено*и* мѣди и за дѣла всего деся*т* рубле*в* два*т*цать |**л. 54 об.**| два *л*тна[1] з днгою взя*л* и рук8 приложилъ

Архив Оруж. палаты, стлб. 8448, л. 53 об.—54 об.

[1] *Так в ркп.*

Целовальника С. Федорова

7 июля 1663 г.

|**л. 57 об.**| Июля въ З *де* по сеи записке выбо*р*нои | целовальникъ Сенка Өедоровъ взя*л* | из Оружеиные полаты у по*д*яче|ва Васи*л*я Калинина гсдрвыхъ | казе*н*ныхъ денегъ пе*т*десятъ | рублевъ серебреныхъ на прика|зные шь покупки в Оружеиную | полату и руку приложилъ

Архив Оруж. палаты, стлб. 8448, л. 57 об.

Целовальника С. Федорова

[1663 г.]

|**л. 15 об.**| По сеи росписи у сторожа у Конъ|дратья таковъ лесъ съчето|мъ и в мере к гсдрву делу на дво|ръ боярина Никиты Ивано|вича Романова в полаты | где ружье класть ѕѕята | и въ цене и провеѕе[1] тако|въ догово*р* былъ в томъ | целова*л*никъ Сенка Өедо|ровъ и руку приложилъ

Архив Оруж. палаты, стлб. 8448, л. 15 об.

[1] *Так в ркп.*

Целовальника С. Федорова

[1663 г.]

|**л. 34 об.**| По сеи росписи у лесника у Никиөора | Павлова къ гсдрву дел8 на дворъ бо|ярина Никиты Ивановича Романо|ва в полату на мостъ съчето*м* сто*л*ко | ѕѕято лесу и ценою ѕа то*т* лесъ и ѕа прово|зъ догово*р* таковъ бы*л* в то*м* целова|льникъ Сенка Өедоро*в* и руку при|ложилъ

Архив Оруж. палаты, стлб. 8448, л. 34 об.

Самопального Л. Жукова

[1663 г]

|л. 35 об.| К сеи росписи Ружеиные полаты санапальнои | Левъвонтеи Жуков вместа Івана Алеѯѣева | руку приложилъ

Архив Оруж. палаты, стлб. 8448, л. 35 об.

12

Расписка подьячего А. Семенова в получении материалов из Оружейной палаты

4 июня 1670 г.

|л. 1| РОИ г июнѧ въ Д день приказу Болш[1]... | дворца подьячеи Андрюшка Семенѡв. | взял из Орѹжеиные полаты. на книгѹ | золота РН листѡв. серебра РН ж | листовъ краски ѳѹнтъ зелени. ѳѹнтъ ѩри виницеискѡи. ѳѹнтъ | лаѕори. ѳѹнтъ белил. полѳѹнта | камеди. Е горшечков то ж число сковоро|дочокъ мѹравленых приняв росписался | своею рѹкою

Архив Оруж. палаты, стлб. 12807, л. 1

[1] *Далее утрачены 2—3 буквы: обрыв.*

13

Поручные записи

По сыне боярском, которому быть у государева дела

18 ноября 1649 г.

|л. 68| Се аз Степан Иванов сын Матеров путивлец сын | боярскои да яз Дмитреи Ѳедоров снъ ко|стромитин да яз Костентин Троѳи|мов снъ шенкурец салдат да яз Мина Тимо|ѳѣев снъ Идолов драгун да яз Иван Ѡсипов снъ | драгун да яз Богдан Иванов сын Куркин дра|гун да яз Петръ Кирилов снъ Догодаиловъ | нижегородец да яз Семен Силин снъ Ѡга|ѳонов ноугородец снъ боярскои да яз Де|ментеи Гарасимов сын Кругавин ѹстю|женин да яз Костентин Семенов сын Са|жин драгун все мы

порутчики поручилися | есми Розряднова приказу сну боярскому Ивану | Ильину драгунсково строю по костроми|тине сне боярском по Ѡле҄ѯѣе Левонтьеве | сынѣ Брюшкове в том что ему за нщею пору|кою быт у гсдрва дѣла в Ростове в съѣзжеи | избѣ ходит в неделях и у винной корчемнои | выимки и будꙋчи ꙋ гсдрва дѣла в неделях | с своею братею в приказе свою ѡчеред дне|ват и начеват и ящиков не подрезыват и коро|бѣи не подломыват и печатеи не подпечаты|ват и гсдрвы казны не покрасть и ника|кие хитрости над гсдрвою казною не ꙋчинит | и взяв скуп колодниковъ не ѡтпускат и пристав|ных памятеи и порушных записеи бѣз гсдрва | ꙋказу исцом и ѡтвѣтчиком не выдават и ни|какова гсдрва дѣла не испродат | и вином и всяким заповедным товаром не торго|ват и карчмы не держат и никаким дурным | дѣлом не промышлят а будет ѡн Але҄ѯѣи | Брюшков за нщею порукою будꙋчи ꙋ гсдрва | дѣла в Ростове в съѣзжеи избѣ в неделях | ящики подрежет или короби подломает или учнет | печати подпечатыват или гсдрву казну |л. 69| покрадетъ или какую хитрость надъ | гсдрвою казною учинит или взяв скупъ | ꙋчнет колодников ѡтпускат или приставные | памяти или порушные записи без гсдрва | ꙋказу исцом или ѡтвѣтчиком ꙋчнет выдават | и какое дꙋрно ꙋчинит или вином и заповед|ным товаром торговат и корчмꙋ ꙋ себя дер|жат и на нас на порутчиках гсдря цря | и великого кнзя Але҄ѯѣя Михаиловича | всеа Русіі пеня а пеню что гсдрь ꙋка|жет и нши порутчиковы головы вмѣ|сто ег[1] головы а которои нас порутчиков | будет по сеи записи в лицах на том по|рꙋка и гсдрва пеня а на то послуси | Иван Василев Иван Басаргин а пору|шною запис писал Розрядных сенеи под|ячеи Ивашко Рꙋмянцов лѣта ҂З сто | пятдесят ѡсмаго году ноября восмыи | на десет день[2]

|л. 68 об.| К сеи порушнои записи Любимко Григоревъ ерosла|вец вмѣсто порутчиков Стеѳана Мате|рова Дмитрея Ѳедорова Костянтина | Троѳимова Мины Идолова Ивана Оси|пова Богдана Куркина что онѣ ручали | костромитина сна боярскова Олексѣя | Брюшкова быт ему у гсдрва дѣла в Росто|ве в сѣжеи избѣ в недѣлех[3] и у виннаи корче|бнои[4] выимке по их велѣнью рꙋку при|ложил

К сеи порꙋшнои записи дрогꙋнсково стр[5]. . . | Васка Кипреянов вмѣсто пор[у]|чиков Петра Догодаилово[6]

С[еме]|на Силина Деменьтя К8[7]...|вина Костентина Саж[и]|на по их веленью | р8к8 приложил

Послух Ивашка и р8к8 прилож[ил]

|л. 69 об.| Пѡслух Ивашко и руку прилож[ил]

Приказн. стлб. 272, л. 68—69 об.

[1] *Исправлено из* их. [2] *Далее иными почерками.* [3] ѣ *исправлено из* е. [4] *Так в ркп.* [5] *Далее утрачены 2 буквы: обрыв.* [6] *Конечное* о *написано по какой-то другой букве.* [7] *Далее утрачены 2—3 буквы: обрыв.*

По сыне боярском и др., которым ходить в приставах

8 мая 1650 г.

|л. 62| Се аз Елкимъ Гаврилов снъ Кр8говои белоѕерецъ | да яз Иля Семенов снъ Барс8ков мещеренин да яз | Иван Дементьев снъ Чатров да яз Яковвъ[1] Ѡѳанасевъ[2] | Ѹстютцкои чети пристав да яз Ѳадѣи Василевъ | снъ пристав Болшова приходу да яз Л8ка Андрѣ|евъ снъ Козловскои пристав Болшова ж приходу да яз | Иван Калинин снъ Сѣренинов пристав Болшова ж | приходу да яз Троѳимъ Михаилов снъ Лапин | пристав Ѹстютцкои чети да яз Григореи Троѳи|мов снъ Кондраков пристав Ѹстютцкои чети | да яз Михаило Алеѯѣев снъ Б8рлов пристав | Болшова приходу да яз Тимоѳѣи Василевъ снъ | Кобызев пристав Галицкои чети да яз Григореи | Ѳролов снъ пристав Болшова приходу да яз Ва|силеи Ѳедосѣев снъ пристав Болшова | приходу да яз Микита Воинов снъ Ерликов при|став Болшова приходу да яз Михаило Ѡбрамов | снъ Левшин Новои чети снъ боярскои да яз Клемен|теи Степанов снъ Некрасов да яз Петръ Ано|ѳрѣев снъ пристав Болшо|во приходу да яз Михаило Иванов снъ Пахомов | снъ боярскои Новои чети да яз Иван Аѳонасевъ снъ | Сабуров Новои чети снъ боярскои да яз Карпъ Григор|евъ снъ Селехов к8рчанин снъ боярскои да яз Левон|теи Ананин снъ Елиѕаров галеченин ходит | въ ходоках въ важне да яз Ѳедор Иванов | снъ Цынбалов Новои чети снъ боярскои пор8чили|ся есми разрядному сн8 боярскому Иван8 Илн8[3] по | Кондрате Иванове сне[4] Сорокинѣ да по Василе Сте|пановѣ сне[5] Казанцѣ да по Г8ре Ѳилипове сне в том | что им по гсдрв8 указу быт за ншею пор8кою | въ Колугѣ[6] ходит в съѣзжеи избѣ в приста|вех своею[7] братею дневат и начеват и гсдрвы |л. 63| казны покрадчи не збежат

и ісцовых и от|вѣчиковых дѣлъ на вык8п не отдат и колод|ников взяв скуп ис приказу и із желѣз[8] о себя[8] не | отп8стит и над гсдрвою казною в приказе | никакова д8рна не 8чинит и с8нд8ковъ | и коробеи и ящиков не подломит и печатеи | не подпечатат не пит и не бражничать | и никаким воровством не воровать | а буде они за ншею пор8кою не учн8т 8 гсдрва | дѣла в приказе в съѣзжеи избѣ по вся | дни быт или над гсдрвою казною хто из них | какое д8рно 8чинит или колодника своим | небереженемъ отп8стит или гсдрв8 | казн8 покрадчи збежит или какое исцо|во дѣло продѣлает или каким воровством | 8чнет из них воруват пит бражничать | и на нас на пор8тчиках пеня гсдря цря | и великого кнзя Алеѯѣя Михаиловиᅵча всеа Р8сиі а пеню что гсдрь 8ка|жет а кои нас пор8тчиков будет в лицахъ | на томъ пеня гсдрва и пор8ка и наши | пор8тчиковы головы въ их голов мѣсто | а на то послуси Иван Замятнин да Яков Яки|мов а запис писал Ивановскои площади подячеи | Микитка Евламьпѣев лѣта ҂ЗРНИ г маия | восмыи ден[9]

|л. 62 об.| К сеи поручнои ѕаписи вмѣсто порутчика Яки|ма Круговова по ево велѣню Микиѳорко | Иванов что ѡн р8чал Кондратьı Сорокина да Ва|силя Казанца да Гурьı Ѳилипова в том | что им ходит ѕа ншею порукою в Колугѣ 8 гсдрва | дѣла въ сьезжеи избѣ в недѣлıах р8к8 приложилъ

К сеи порушнои ѕаписи Михаило Садыков в Ылино мѣсто | Барсукова по ево веленю р8ку приложилъ

Иван Чатров р8чал и р8к8 приложил

Яков Проковевъ ручал Василя Степанова | сна Казанца и рук8 приложил

Ѳадеи Щаповъ ручал і вместо по|рутчиков Луки Козловъсково да Ива|на Сербинина по их велень|ю руку приложил[10] и вместо Самоила | Тарпанова[10]

К сеи пор8тчнои записи вмѣсто пор8тчиков | Троѳима Лапина да Григоря Кандра|това Елизар Юров р8ку приложил

Михаило Алеѯѣевъ снъ Бурлов ручал и руку приложил

К сеи поручнои ѕаписи вязмятинъ Матвѣи Бы|ков вмѣсто Тимофея Кобуѕева по ево | велѣню что ѡн ручал Василя Козанца да | Г8ря Ѳилипова да Кондратя Сорокина | по ево веленю что он грамоте нѣ 8меетъ | р8к8 приложилъ

Григореи Перемъшиев р8чал и Васил|ева места Перемъшиева[11] | и в Л8кьянова место Өилипова | по их велению р8к8 приложил

Логвин Чюлков р8чал Кондратя Сорокина[12] и в Микитина | мѣсто Ерлыкова р8к8 приложил

|л. 63 об.| Михаила Левшин р8чал и р8ку приложилъ

К сеи поручнои ѕаписи вмѣсто порутчика Кми|ма[13] Степанова сна Некрасова что[14] он ру|чался Болшого приходу снъ боярскои Ондрѣи | Рыжков по ево челобитю что он грамоте не у|мѣет по ево велению руку приложил

Петръ Оноөрѣевъ ручал и руку прило|жилъ

Михаила Паөомов ручал и в Ывыванова[15] мѣста Сабурува[16] руку приложилъ

Карпъ Селехов ручал і руку прилжил[17]

Левонтеи Елиѕаров р8чал и в Өедо|рово мѣсто Цинбалова р8|к8 приложил

Послух Ивашко руку приложил

Пωслух Якушко р8ку приложил

Приказн. стлб. 272, л. 62—63 об.

[1] *Выносное* в *затерто.* [2] *Написано по стертому.* [3] *Так в ркп.* [4] *Написано над словом* Сорокинѣ. [5] *Написано над словом* Казанцѣ. [6] *Написано по стертому.* [7] *Так в ркп.*, с своею. [8–8] *Так в ркп.*, от себя. [9] *Далее иными почерками.* [10–10] *Написано другими чернилами.* [11] и *написано по какой-то другой букве.* [12] *Написано над словами* и *в* Микитина. [13] *Так в ркп.* [14] *Написано по какому-то другому слову.* [15, 16, 17] *Так в ркп.*

По портным мастерам (круговая)

26 июля 1663 г.

|л. 68| Се аз Нижнево Новагорода портные мостеры К8з|ма Михаилов да яз Марко Иванов да яз Иван | Василевъ да яз Дементеи Власов да яз скорня|ки Андрѣи Антамонов да яз Григореи Василевъ все | мы пор8тчики пор8чилися есми др8г по др8ге | кр8говою пор8кою в том что жини[1] нам на Мо|сквѣ з женами и з детми и ставитца 8 гсдрва | дела в Казенном приказе по вся дни передъ | казначеем перед Өөонасем Самоиловичом Нарбѣ|ковым да перед дьяки перед Данилом Понкрат|евым да перед Тимоөеем Кузминым а будет мы | порутчики на Москвѣ з женами и з детми | жити не 8чнем или в Казенном приказе 8 | гсдрва дела ставитца не станем или съ Мо|сквы съедем и на нас на пор8тчиках пеня |

великово гсдря царя и великово князя Алеѯѣя | Михаиловича всеа Великия и Малыя | и Бѣлыя Росиі самодержца а пеню что ве|ликиі гсдрь ȣкажет а кои нас порутчиков будет | в лицах на том гсдрва пеня и порȣка а на | то послуси Яков Пареенев а порȣшнȣю | запис писал Ивановские площади подячеи Сенка Гвоздев лѣта ҂ЗРОА г году июля въ КЅ де

|л. 68 об.| К сеи поручнѡи записи Казеннѡи слѡбоды Васка Григоревъ вмѣстѡ пѡрутчиков Казмы Михаи|лова да Марка Иванѡва да Ивана Васильева | да Демѣтья[2] Власова да скорняков Андрѣя Ан|томѡнава да Григоря Васильева что ѡнѣ меж | себя ручали другъ пѡ друге круговѡю порукою | что быть им у гсдрва дѣла портнова жить | на Мосвѣ[3] с женами и з дѣтми по их велѣню руку | приложил

Архив Оруж. палаты, стлб. 8721, л. 68—68 об.

[1], [2], [3] *Так в ркп.*

По истце, которому ставиться в Разряде

13 апреля 1693 г.

|л. 254| Се аз жилецъ Матвеи Дмитреевъ снъ Тимашев | да яз столникъ Сава Раманов снъ Кочка|ровъ да яз жилецъ Иванъ Петров | снъ Лазырев да яз Ѳедор Иванов снъ | Рагȣнскои да яз Москва[1] Яковъ Ѳедо|ровъ снъ Бездисов да яз столникъ | Андреи Митроѳановъ снъ Порошинъ | и все мы порȣтчики порȣчилися есмы розрядному | снȣ боярскому Аѳонасю Жеребцовȣ по исце по | Григоре Мещеринове в том что ставит|ца емȣ Григорю за нашею порȣкою в Роз|ряде перед бояриномъ перед Тихоном Ники|тичемъ Стрешневымъ с товарыщи | по вся дни с суда что искал онъ Гри|гореи на елчанине посацком члвке на Ѳи|липе Терентьеве бѣзсчестья своего | да убытков своих двȣх рȣблев и бѣ|з ȣказу великих гсдреи до вершения сȣдно|го дела с Москвы не сехат а бȣдет онъ Гри|гореи за нашею порȣкою в Розряд по вся | дни с суда в вышеписанном своемъ | искȣ ставитца не учьнет или бѣз указу | великих гсдреи до вершения того сȣдного | дела с Москвы съедетъ и на нас на порȣт|чиках и на нем Григоре хто нас бȣдет в лицах | великих гсдреи цреи и великих кнзеи Иоанна | Алеѯѣевича Петра Алеѯѣевича всеа | Великия и Малыя и Белыя Росиі самодер|жцев пеня а пени что великие гсдри | укажȣт сȣд и пересȣд

и правои десяток | а у сеи записи послух ²Семен Антипевъ² а пор8чн8ю запис писал Розрядные пло|щеди подьячеи Игнашка Л8кянов лѣта | ҂ЗСА г апреля въ ГІ де³

|л. 254 об.| Двесте перваго году апрѣля въ⁴ де руча|ли с суда в стате Григоря Аѳонасева сна | Мѣщеринова что изкал ѡн Григорѣі го|да⁵ Ельца на посацком человѣке на | Ѳилке Третьяковѣ бесчестья своего | да 8бытков дву р8блев и за нашею пор8|кою до вершеня судного дела не сѣ|хать Матъвеі Тимашовъ р8чалъ | и р8ку приложилъ

Меня Григоря Мемещеринова⁶. . .| р8чали и р8к8 приложилъ

Сава Кочкаров ручал и руку приложил

Иванъ Лаѕаров р8чал и р8к8 приложилъ и вмѣсто | Ѳедора Рогунского по ево велѣнью р8к8 приложил

Яков Бесъдисов р8чал и р8ку приложил

Андрѣи Порошинъ р8чал і р8к8 приложил

Послух Сенка руку приложил

Приказн. стлб. 679, л. 254—254 об.

¹ *Указание на то, что порутчик — москвич.* ²⁻² *Вписано другими чернилами.* ³ *Далее иными почерками.* ⁴ *День не указан.* ⁵ *Так в ркп., далее не разобрано несколько букв.* ⁶ *Так в ркп.*

По ответчике, которому ставиться в Разряде

29 апреля 1693 г.

|л. 255| Се аз елчанин снъ боярскои Михаило Петровъ | снъ Брянцов да яз лебедянецъ снъ боярскои | Петръ Богдановъ снъ Алтуховъ | все мы пор8тчики пор8чилися есмы | розрядном8 сн8 боярском8 Вавиле | С8ровцов8 по ответчике по елчани|не посацком члвке по Ѳилипе Третя|кове в том что ставитца ем8 | Ѳилипу за ншею пор8кою в Розря|де перед бояриком перед Тихоном | Никитичемъ Стрешневым с това|рыщи с суда по вся дни в том | что искал на нем Ѳилипе Григореи | Аѳонасевъ снъ Мещеринов иску | своего бѣсчестья да убытков | своих дву р8блев и бѣзказ8¹ | великих гсдреи и бѣз отп8ск8 | до вершения того с8дного дела | с Москвы не сехатат² а будет онъ Ѳилип | за ншею пор8кою в Розряде по вся | дни с с8да в вышеписанном | иску Григоря Мещеринова | до вершения того с8дного дела | с Москвы сьедет и на нас на пор8т|чиках и на нем Ѳилипе великихъ | гсдреи цреи и великих кнзеи Иоанна Алеѯѣе|вича

Петра Алеѯѣевича всеа | Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі | самодержцевъ пеня [3]а а[3] пени | что великие гсдри укажѹт а у сеи записи | послух [4]Родионъ Такарев[4] а порѹчнѹю | запис писал Розрядные площеди подячеи Игнашка Лѹкянов лѣта ҂ЗСА г апреля | въ КѲ де [5]

|л. 255 об.| СА г апрѣля въ Ѕ де меня елчанина посацкого | члвка Ѳилипа Терентьева ручали суда | что искал Григореи Мещеринов иску сво|ево безчестья да убытков своих дву рублевъ | а беѕ указу великих гсдреи и до вершения судного | дѣла с Москвы беѕ указу великих гсдреи | не сѣхат | а в ево место ѿписался по ево велѣню Розрядноиплощеди подячеи Мишка Попов

К сеи поручнои записи елченин Мишка Петровъ | снъ Брянцав ручал и въмѣста Петра Богдано|ва сна Олътухова лебедянца по ево веленю | руку приложил

Приказн. стлб. 679, л. 255—255 об.

[1] *Так в ркп.*, без указу. [2], [3–3] *Так в ркп.* [4–4] *Написано другими чернилами.* [5] *Далее иными почерками.*

14

Ценовные памяти

На двор и дворовое строение князя П. Кутумова

24 мая 1652 г.

|л. 82| Лѣта ҂ЗРѮ г маия въ КД де по гсдрвѹ црвѹ | и великого кнѕя Алеѯѣя Михаиловича всеа Рѹ|сиі ѹказу и по памяти из Земского приказу ѕа припис|ю дьяка Маѯима Лихачова лесные целовал|ники Богдашко Галохтионов Никитка | Обросимов Куѕемко Сергѣев Серешко Романов | ценили по гсдрвѹ црвѹ и великого кнѕя | Алеѯѣя Михаиловича всеа Русии крестно|му целованю ѕа Москвою рекою кнѕь Петров | двор Кутумова а на дворе хором горница с ком|нотою на жилых подклетах покрыто тесом да се|ни под ызподом рубленые наверху сени дозша|тые без верху с крылцом да струб трех сажен|нои новои да изба у ворот осиновая да чюлани|шко да воротишка да кругом двора го|родба дватцат шесть прясел ѕаборишку | а цена тому двору и з ѕемлею и со въсяким | дворовым строеньем сорок пят рѹблев а ценов|ную памят писал подячеи Куѕемко Чюпышов[1]

|л. 82 об.| Отослат[2]

К сеи цѣновнои памѣти лѣснои цѣловаль|ник Куземка Сергеев и вмѣсто тава|рищеи своих лѣсныхъ цѣловальниковъ по их | велѣлью[3] рукѹ приложилъ

Приказн. стлб. 153, л. 82—82 об.

[1] *Далее вторым почерком.* [2] *Далее третьим почерком.* [3] *Так в ркп.*

На двор и дворовое строение тяглеца П. Евфимьева

27 октября 1655 г.

|л. 20| Лѣта ҂ЗРѮД *г* го*ду* актября въ КЗ *де* по[1] . . .| црвѹ и великого кнѕя Алеѯѣя Михаи[лови]|ча всеа Великия и Малыя и Белыя Р[2] . . .| самоде*р*жца ука*зу* и по памя*ти из* Ѕе*м*ского п[ри]|ка*зу* за приписю дьяка Алеѯѣя Ма*р*кова ле[сны]|е целова*л*ники Гришко Семено*в* Ивашко | Аве*р*кие*в* ценили по гсдрвѹ црву и ве[ликого] | кнѕя Алеѯѣя Михаиловича всеа Ве[ли]|кия и Малыя и Бѣлыя Роси*и* самоде*р*жц[а] | крестному целова*н*ю в приходе цркв[и] | у А*р*ха*н*гела Гаврила на Погано*м* бруде[3] | Покро*в*ско*и* со*т*ни тяглеца Па*р*ѳе*ня* Еѹѳ[4] . . .| ева дво*р* на дворе хоро*м* изба с ко*м*нотою по[5] . . .|ные да пере*д*ние сени о *д*ву *житях* с кр[ыль]|цо*м* да прохо*д*ные сени ѕ *за*дн*им* кры*л*чи*ш*[6] . . . | а по*д* хоромами два погребишка с[7] . . .|ным выходо*м* да баня да колоде*с* да са[д] | *яблон*ново*и* са*д* да воротишка ст[8] . . .|ты крыты тесо*м* да кру*г* двора[9] . . .| рода горо*д*ба ѕаборы а цена том[у] | двору и *з* ѕе*м*лею и со *всяким* дворовы*м* строе[ни]|емъ сто пя*т*деся*т* рубле*в* а ценовную[10] . . . | писа*л* по*д*яче*и* Куѕемка Чюпышо*в*[11]

|л. 20 об.| К се*и* ценовно*и* памети ле*с*но*и* целова*л*ни*к* | Ива*ш*ко Аве*р*киевъ вместо то|варыще*в* свои*х* ле*с*ны*х* целова*л*|нико*в* по и*х* веле*н*ю руку прило|жилъ

Севск. стлб. 194, л. 20—20 об.

[1] *Далее утрачено 5—6 букв: обрыв.* [2] *Далее утрачено 4—5 букв: обрыв.* [3] *Так в ркп.* [4] *Далее утрачены 2—3 буквы: обрыв.* [5] *Далее утрачены 3—4 буквы: обрыв.* [6] *Далее утрачены 3—4 буквы: обрыв.* [7] *Далее утрачено несколько букв: обрыв.* [8] *Далее утрачено 5—6 букв: обрыв.* [9] *Далее утрачены 3—4 буквы: обрыв.* [10] *Далее не разобрано несколько букв, обрыв.* [11] *Далее иным почерком.*

На двор и дворовое строение Е. Ильина

23 марта 1659 г.

|л. 84| Лѣта ҂ЗРЗ҃З *г* марта въ КГ *де* по гсдрв8 ц[1]. . . | и великого кнѕя Алеѯѣя Михаиловича | всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии са[мо]|держца 8казу и по памяти из Ѕемского [при]|казу ѕа приписю дьяка Аѳона[2]. . . | кова лесные целовалники Ма[3]. . . | Петров Гараско Петров ценили и мер[или] | по хрстве и по евангилскои ѕапоед[и] | еи еи по памяти из приказу Болшаго розряд[4]. . . | ѕа приписю дьяка Григоря Богдано[ва] | на Стретенке в Новои улице двор Овдоким[5] . . . | Ильина а на дворе хором изба да повалу[ша] | промеж сени с крылцом поѕади отход да пог[6] . . . | дубовои с напогребицею на верх[7] . . . | около клети крылцо дозщатое в[8] . . . | чюлан дозщатои да печ надворная да во[рота] | об одном щиту да на огород ворота об одн[9] . . . | да городбы пят прясел ѕабору да в огород[10] . . . | яблонновои а мера тому двору длинник[11] . . . | пятнатцат сажен с полусаженю[12] . . . | по воротам семь сажен без чети а [цена] | тому двору и с хоромы и со всяким дв[13] . . . | строенем и ѕ дворовою и ѕ огородною ѕемл[14] . . . | и з садом тритцат рублев а ценовную памя[15] . . . | писал подячеи Куѕемко Чюпышов [16]

|л. 84 об.| К сеи ценовъной Семеновъской слободы | староста Акъсенъ Никитин вмѣсто це|новъных целовалниковъ Матвѣя Пет[ро]|ва да Гарасима Петрова по ихъ велѣни|ю р8к8 приложил

Севск. стлб. 194, л. 84—84 об.

[1] *Далее утрачено 4—5 букв: обрыв.* [2] *Далее утрачено 5—6 букв: обрыв.* [3] *Далее утрачено 4—6 букв: обрыв.* [4] *Далее утрачена буква: обрыв.* [5] *Далее утрачены 1—2 буквы: обрыв.* [6] *Далее утрачены 3—4 буквы: обрыв.* [7] *Далее утрачена буква: обрыв.* [8] *Далее утрачены 3—4 буквы: обрыв.* [9] *Далее утрачены 2—3 буквы: обрыв.* [10] *Далее утрачено 4—5 букв: обрыв.* [11] *Далее утрачена буква: обрыв.* [12] *Далее утрачено несколько букв. обрыв.* [13] *Далее утрачено 6—7 букв: обрыв.* [14] *Далее утрачены 2 буквы: обрыв.* [15] *Далее утрачены 1—2 буквы: обрыв.* [16] *Далее иным почерком.*

На лошадь

29 марта 1693 г.

|л. 135| СА *г* марта въ КѲ *де* московскои конскои площадки ценил | барышник Оска Ивановъ кабыла голуба грива | налѣво с отметом сросла цена десят алтнъ |

а ценовную писал московскои конскои избы | подячеи Ивашко Травинъ[1]

|л. 135 об.| К сеи ценовнои московскои конскои избы сторожъ Ивашко Попов | вмѣсто барышника Оски Иванова по ево велѣнью руку | приложилъ

Приказн. стлб. 1409, л. 135—135 об.

[1] *Далее иным почерком.*

15

Извет стрелецких жен

24 апреля 1676 г.

|л. 24| РПД *г* апрѣля въ КД *де* извѣщалі столника | и полковника головы московскихъ | стрелцовъ Петра Оврамовича Лоп8|хина стрелѣцкие жены і посацкая | жена объѣзжем8 головѣ стряпчему | Алѳерю Сергѣев8 сн8 Строев8 | да подячем8 Иван8 Иванов8 Воронцов|ские слободы на вдов8 посацк8ю | жен8 Мавр8 Кирилов8 в ннешнем *де* | в РПД *м* году как былъ на Москвѣ | пожар в Бѣлом городе и в то *де* числѡ | говорила такие похвалные слова | та *де* Мавра Кирилова всю *де* ваш8 | слободу головнеи покочю а извѣщалі | про тѣ еѣ похвалные слова стрелца | Ивана Семенова жена ево Маря | Иванова стрелца Маѯима | Иванова жена ево Ѳетиня Воло|димерова стрелца На8ма Гаври|лова жена ево Овдотя Михаилова | стрелца Микиты Иванова жена | ево Орина Семенова Воронцовскои | слободы тяглеца Тимоѳѣя Оноѳ|рѣева жена ево Марѳа Гаврилова | и в то *де* время м8жеи нших дома | не было и схвотат было с тѣми похвал|ными словами нѣком8 чтоб намъ | от нее Мавры от тѣхъ похвалныхъ | слов вконѣцъ не погин8т то ншъ | и ізвѣтъ и староста тое Воран|цовские слободы Яков Лаврентьевъ | извѣщал жа писал Ивашко | Ивановъ

Приказн. стлб. 710, л. 24

16

Досмотр зажигальных мест

8 мая 1676 г.

|л. 99| РПД *г* маия въ И *де* по указу великого | гсдря цря и великого кнзя Ѳеодора | Алеѯѣевича всеа Великия и Малыя | и Бѣлыя Росиі самодержца и по при|казу

д8мных дьяков. Деменьтья | Башмакова да Василя Семенова да дяков | Петра Ковелина да Өедора Шакловитова. против словесного извѣт8 | столника Івана Никиөорова сна Нащокина. Розрядного приказу подячеи Илья Каѕанец ѕажигалных мѣстъ | досматривал, а по досмотр8 | 8 него Ивана Нащокина, в ѕадних | сенях на переходах от городовои стены | на кровлю кин8то тр8д[1] с огнем і горело | то мѣсто ѕнатно что горѣло і кровля | вѕломана, а у передних ворот в сениц8 | кинуто ж труд[2] же с огнем в сушило[3] і сено ѕа|ливано і кровля ломана ж а досмотръ | писал я Иля своею р8кою

Приказн. стлб. 710, л. 99

[1], [2] *Так в ркп.* [3] *Написано по стертому.*

17

Челобитья и расспросные речи

Челобитье торгового человека Ф. Нагаева

4 апреля 1599 г.

|л.162| Лѣта ҂ЗРЗ *г* апрѣля въ Д *де* казначѣю Игнатю | Петровичю Татищев8. бил челомъ торговои члвкъ | Өедка Нагаев на поличное ѡ приставе. и казна|чѣи И[гнатий Пет]рович дал ем8 на поличное при|става Семеику Безссонова[1]. а велѣлъ ем8 то | поличное что истец Өедор 8кажет вѕяв принесть | и ѕа поличнымъ тог члвка 8 ково вымет привесть | на Каѕенной двор. и того ж дни став перед казна|чѣемъ [п]еред Игнатемъ Петровичемъ. ндлщкъ Семе|ика Безссонов[2] сказал 8каѕал ем8 истец Өедоръ На|гаев 8 Аргангла в паперти малово[3] и вынял | 8 нег ѕа р8кавомъ ѕавяски ѡднорядошные | ѡбрасцы з ѕолотомъ. и ѡн тово малово с поличны|ми ѕавясками вѕяв привел на Каѕенной двѡр | и истец Өедор Нагаев бил челомъ казначѣю Игнатю | Петровичю. а сказал что тот малои ем8 пасынок | первые жены ево снъ ѕов8т ево Ивашкомъ | а чеи снъ тог не вѣдаетъ потом8 что ѡн родился | ѡт нѣмки а принесла ево Ивашка мат ево из не|мец в брюхе. а збежал деи от нево тот ево пасынок | Ивашко в ннешнемъ во РЗ *м* год8 после Семеня | дни а что деи живота ег вѕял и ѡн в томъ прине|сет челобитн8ю. и в ннешнемъ ж деи во РЗ *м* год8 | в масленое ѕаговѣино

прислали к нѐмѹ тово ево | пасынка Ивашка гость Третякъ Ѳаворов да брат | ево Борис прощатца. и велѣли деи онѣ томѹ ма|ломѹ ево Ѳедора покрасти. а красть деи ему | велѣли плате ѕолотное. или денги и тот деи малои | Ивашко по Третякѹ да брата[4] ег по Борисовѹ наѹку |л. 163| ево Ѳедора покралъ. а вѕялъ живота ево пад|ломив[5] коробкѹ. НГ рѹбли денег да кѹшакъ шолковъ | с ножи с ѹгорскими да мѹсат. да шапкѹ черкаскѹю | чорнѹю сѹконнѹю окол лисеи хоненъ испод косщатои | петли на шапке крѹживо немецкое кованое ѕо|лотное да саблю московское дѣло с ножнами с хоѕо|выми да рѹбашкѹ ѕолотную с ожерелемъ с чор|нымъ а ѹ нег были пѹговки серебряны ѕолочены | ѕ жемчюги. а меж бахрамъ ожереле ниѕано жем|чюшком. да ожереле каѳтанное стоячеи пѹпки | соболи поволочено ѡбярями таѹсинными. да ѕа|вяски багровые столбчатые лопатки тканы | в крѹшки з ѕолотом ѕа которые теперво поимался | ѹ малово[6]

И приводнои малои в розспросе скаѕал ѕовѹт ево Ива|шкомъ Иванов снъ а Ѳедорѹ деи[7] ѡн Нагаевѹ пасынокъ | и ѡт Ѳедора деи ѡн ѕбежал безвѣсно после Семе|ня дни в плате в томъ ходил. а живота деи[8] Ѳедо|рова не вѕял ничево. и после деи побѣгѹ своего три | ндли спѹстя пришол ѡн к гостю к Третякѹ Ѳаворо|вѹ. и Третякъ деи ево почал ѕват к себѣ а хотѣл | ево посадит в лавке. и ѡн деи без Ѳедорова вѣ|дома Нагаева к Третякѹ пошол. и после деи[9] Покрова[10] | Третякъ Ѳаворов[11] ево Ивашка похо|лопил и вѕял на нег служилую кабалу оманомъ | и был деи Третякъ Ѳаворовъ по Ѳедоре Нагаеве | в кабалѣ во сте рѹблех ѹ Ивана Чепчюгова порѹтчик | и в ннешнем деи во РЗ м годѹ в масленое ѕаговеино | послали ево Ивашка Третякъ Ѳаворов да братъ | ево роднои Борис к Ѳедорѹ Нагаевѹ на подворье | а велѣли де емѹ ѹ Ѳедѡра покрасти денги |л. 164| сколко бѹдетъ и ѡн деи по Третяковѹ Ѳаворова | да брата ево по Борисовѹ велѣню ѹ Ѳедора Нагаева | ѹкрал ис короби НГ рѹбли денег да шапку черкарскую[12] сѹкно чорное окол лисеи хонененъ. да шукакъ[13] | шолковъ с ножами с ѹгорскими с костми. да саблю | да завяски[14] шолкъ багров з ѕолотомъ ѕа которые ѹ нег | теперво Ѳедор поимался. да рѹбашкѹ пошевную | мѹскую шитэ ѕолотом. да ожереле мѹское тесма | чорная с пуговками с серебряными. да два арши|на киндякѹ лѹковои цвѣтъ. и тѣ деи денги | НГ рѹбли и шапку и кушакъ с ножи и

саблю | и р8башку принес к Третяк8 Ѳаворов8. а оже|-реле деи и остаток киндяка ѡн Ивашко продал | а из денег деи ис пятидесят ис трех р8блев Третякъ | пос8лил ему[15] десят рублевъ. да тѣхъ ему денегъ | не дал. и жилъ деи ѡн по ся мѣста 8 Третяка | а Ѳедор ево не видалъ. а поимал деи ево Ива|шка с своимъ поличнымъ з ѕавясками Ѳедор | Нагаев 8 Архангла. а ннеча деи 8 Третяка | 8 Ѳаворова на подворье Ѳедоровы Нагаева[16] краденые р8хледи что ѡн Ивашко 8крал сабля | в ножнахъ в хоѕовых. да шукъ[17] | шолковои с ножи | да в коробѣ деи шапка суконная чорная | да ожереле каѳтанное пупки соболи. и истец | Ѳедор Нагаев билъ челомъ каѕначѣю Игнатю Пет|ровичю. а скаѕал чтоб ем8 к Третяку Ѳаворов8 | на подворе на поличное дал[18] пристава. и по Ѳедо|ров8 челобитю ѕ бѣглымъ детиною с Ывашкомъ | к Третяку к Ѳаворов8 на подворье поличново вы|имати посылан ндлщикъ Семеика Безссонов[19] с поняты |л. 165|-ми. и того ж дни ставъ передъ каѕначѣемъ | перед Игнатемъ Петровичем нделщкъ Семеика Без|ссонов[20] скаѕал ходил ѡн[21] с ысцомъ с Ѳедором | Нагаевым. да ѕ бѣглымъ ево пасынкомъ с Ыва|шкомъ на поличное к гостю[22] к Третяку | Ѳаворов8 на подворе к Тремъ святителемъ | а с нимъ деи были понятые с К8лишокъ торго|вые лавочные люди. Ѳедка Иванов. Митка Ондрѣевъ. Ѡндрюшка Савелевъ. Лукянко Иванов | Ѳилка Омеляновъ. и Ѳедкинъ деи Нагаева | пасынокъ Ивашко 8каѕал имъ 8 Третяка Ѳаво|рова на дворѣ в подклѣте коробк8 но8город|цк8ю ѕамчен8 да в повал8ше деи 8 Трет|яка скаѕал саблю с ножнами. и ѡн деи тое по|личн8ю коробк8 с понятыми вѕяв принесъ на | Каѕенноu двор. а саблю деи Третякъ Ѳаворов | скаѕал перед понятыми 8 себя в повал8ше | и понятые Ѳедка Иванов с товарыщи скаѕали | по гсдрв8 крстному целованю тѣ ж рѣчи что и не|дѣлщикъ Семеика Безсоновъ скаѕывалъ

Приказн. стлб. 2549, л. 162—165

[1], [2] *Так в ркп.* [3] *Далее зачеркнуто* а 8 т. [4] *Второе* а *исправлено* из 8. [5] а *написано по какой-то другой букве.* [6] *Далее зачеркнуто* 8 Архангла в паперти. [7] *Написано над словом* Ѳедор8. [8] *Написано над словом* живота. [9] *Далее зачеркнуто* того. [10] *Написано над зачеркнутым* того. [11] *Далее зачеркнуто* после Покрова. [12], [13] *Так в ркп.* [14] з *исправлено из* ш. [15] *Написано над словом* десят. [16] *Исправлено из какого-то другого слова.* [17] *Так в ркп.* [18] *Написано над словом* пристава. [19], [20] *Так в ркп.* [21] *Далее зачеркнуто* ѕ бѣглымъ. [22] *Далее зачеркнуто* к Ѳедор8.

Челобитье кадашевца Г. Федорова

29 апреля 1686 г.

|л. 1| РЧД *г* апрѣля въ КѲ *де* бил челом великимъ гсдремъ |церемъ и великимъ кнземъ Іоанн8 Алеѯѣевичю |Петр8 Алеѯѣевичю всеа Великия и Малыя | і Бѣлыя Росиі самодержцемъ а в Китае | городе на сѣзжемъ дворѣ столник8 Василю | Аврамовичю Лоп8хин8 да дяк8 Иван8 | Чистом8 словесно кодашевецъ ветошнова | ряду десяцкои Гришка Ѳедоров в словесном |своемъ челобите сказал сегѡ де числа сидѣл | онъ Гришка в ветошном ред8 за товаром | і того *ж* де ряду торговои члвкъ Содовнои сло|боды Васка Іванов съхватил у негѡ Гришки | с прилавк8 погребецъ съ хр8сталными съ | резными съкляницами а цена *де* том8 ево | погребц8 съкляницами[1] шесть р8блев | с полтиною і тотъ *де* погребецъ ѡнъ Васка | гдѣ дѣлъ того *де* ѡнъ Гришка не вѣдаетъ | і 8челъ *де* ево Гришк8 ѡнъ Васка бранить | неподобною бранью да ѡнъ же де Гришка | говорилъ ем8 Васки что *б* ѡнъ на кровлю ставил | катк8 с водою и ѡнъ *де* Васка ево Гришки в том | не сл8шаетъ и воды на кровлю не ставитъ | и великие гсдри пожаловали *б* ево Гришк8 | велѣли ево Васк8 сыскат на сѣзжеи | двор і в томъ погребце и в брани і не|посл8шане ево допросит а шлетца *де* онъ Гришка | в томъ того *ж* ряду на торговых людеи и против сего словесногѡ челобитя ветѡ|шнегѡ ряду торговои члвкъ Васка Іванѡвъ | сысканъ и на сѣзжемъ дворѣ допрашиван

|л. 2| А в допросе ѡнъ Васка сказал в ннешнем де | во РЧД *м* году в великои постъ тогѡ *ж* ряд8 | торговои члвкъ Гришка Ѳедоров взялъ де | у негѡ Васки хр8сталнои резнои стокан по це|нѣ за полтин8 і тѣхъ *де* денегъ онъ Гришка | ем8 Васке не платил и стокана не отдовалъ | і в ннешнем же *де* во РЧД *м* году на страснои недѣ|ли в великою с8бот8 принес к нем8 Васки к лав|ке живописца Степана Дементьянова[2] члвкъ | Сенка ево Гришкиных долъговых днгъ | шесть алътынъ четыре днги і и то де | число ево Гришки в лавки не было и ѡнъ *де* Васка | взяв тѣ днги и ем8 Гришки не отдавалъ и по | се число для тогѡ что на немъ Гришки ево | Васкины есть долговые днги и сего | *де* | числа пришелъ к нему Васке живописцов | члвкъ Сенька и сталъ ем8 Васке говорит | что *б* ѡнъ тѣ ево денги ем8 Гришке отдал | і онъ *де* Васка тѣх днегъ ем8 Гришке не отдалъ | потом8

что на немъ Гришке ево Васкины | есть долъговые днги і онъ *де* Сенька | взявъ у негѡ Васки із ла*в*ки погребецъ | і о*т*далъ в лавку ем8 Гришке а ѡнъ *де* Васка | вмѣ*с*то тогѡ своего погребца взялъ | у негѡ Гришки с прила*в*ку ево погребецъ | і сегѡ *ж* де числа бра*т* ево Гришки*н* Бари|ска то*т* де ево погребецъ о*т*далъ е*му* наза*д* а ево *де* погребецъ что онъ Вака[3] взя*л* | у брата ево Гришки взялъ к сѣбе и тѣ днги | шесть алътынъ четыре днги взялъ бра*т* | ево к себѣ *ж* а ево *де* Гришк8 ѡнъ Васка | не бранивалъ і в то*м* де ѡнъ Васка шле*т*ца | того *ж* ря*ду* на то*р*говы*х* люде*и*

Приказн. стлб. 1049, л. 1—2

[1] *Так в ркп.*, с скляницами; [2] *Так в ркп.* [3] *Так в ркп.*

Челобитье садовника М. Федорова

30 апреля 1686 г.

|л. 7| РЧД *г* апрѣля въ Л *де* би*л* чело*м* великимъ | г*с*дремъ цремъ и великимъ кнземъ Іоанну | Але҄ѯѣевичю Петру Але҄ѯѣевичю всеа | Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі самоде*р*жце*м* | а в Китае горо*де* на *с*ѣ*з*жемъ дворѣ сто*л*нику | Васи*л*ю Аврамовичю Лопухину да *дя*ку Ивану Чи*с*тому в словесномъ свое*м* челобитье | содовникъ Маѯимка Ѳедоро*в* скаѕалъ | в опрѣле *де* мсце а которого чи*с*ла того онъ | не 8помнитъ Казенные слободы Гурка | Ипатовъ будучи на мытномъ дворѣ | поклепавъ ево денгами в коше*л*кѣ | и поклепа*в* ро*з*дева*л* ево Маѯимка сере*д* | мытного двора донага а дене*г* | 8 него не сыска*л* а то*т* мешечикъ сыска*л*ся | в лавки ево Гу*р*кове а сыска*л* тѣ денги | опче*и* и*х* трете*и* сопо*ж*никъ Исачка Еѳи*м*евъ | и тѣмъ онъ Гуре*и* ево Маѯи*м*ку обе*з*чести*л*| напрасно и великие г*с*дри по*ж*аловали | бы ево ве*л*ѣли ево Гурку сыскать | на сѣ*з*же*и* дво*р* и допросить а при комъ | о*н* Гу*р*ка ево Маѯимка обе*з*чести*л* и тѣ*м* | лю*де*мъ принесе*т* онъ ро*с*пи*с* и проти*в* сего словесного челоби*т*я Коѕенные | слободы Гу*р*ка Ипато*в* на сѣ*з*же*и* дво*р* | сыска*н* и допрашева*н*

А в допросе онъ Гу*р*ка скаѕа*л* в то*м* *ж*е *де* мсце | да*л* онъ Гу*р*ка дене*г* де о*н* Гу*р*ка шесна*т*ца*т* | рубле*в* бе*з* че*т*верти да*л* е*му* Маѯимку Ѳедоро|в8 да*л* за соланину и*з* тѣхъ дене*г* о*т*чита*л* | о*н* Маѯимка за соланину три

рубли | дватцат шесть алтын четыре денги |л. 8| а достолные де денги откинул онъ Маѯимка | к нему Гурке в лавку и тѣ де денги нашли | сторонние люди Исаика Еѳимевъ да Ку|преяшка Григоревъ Григореи солодовник | и тѣ де денги стали считат они и в тѣхъ | денгах дв8 рублевъ дватцати осми | алтынъ дву денег нѣтъ оприч тѣхъ | что он Маѯимка отдавал за соланину и онъ де | Гурка ему Маѯимку про тѣ денги стал ему | говорит чтобы он тѣ денги ему отдал при тѣх | же людехъ которые тѣ денги считали | а не роздевал ево и не обыскивал и в томъ он | шлетца на тѣх же людеі на которых и онъ | Маѯимка

Приказн. стлб. 1049, л. 7—8

Расспросные речи пушкаря М. А. Галкина и тяглеца К. Попова

30 апреля 1686 г.

|л. 5| РЧД г апрѣля въ Л де столника і полковника | Борисова полку Щербачева стрелцы десятник | Троѳим Ѳилипов с товарыщи ходили | в Китае на площади для досмотру | помету і всякого скареду і увидели [1] гоняетца по площади члвкъ ѕа члвкомъ а сам | гоняючис кричит караул і они их взявъ | привели на сѣзжеи двор а из них один члвкъ пьян

А приводнои члвкъ в допросе скаѕался пушкар мос|-ковскои Мишкою зовут Абакумов сын Галкинъ | сего де числа сидел он ѕа товаром на Спаском мос|ту продавал решотки драничные і копя і сто|лы і ѕа ним де как он пришол іс приказу з дне|ваня торговои члвкъ которои торгует тут же | на Спаском мосту книгами Кирилом ѕовутъ | а чеи снъ того не вѣдает учал ѕа ним Мшкою [2] | гонятца невѣдомо для какова умысл8 | а сам пьянои гоняючис ѕа ним кричать ка|раул і сьѣзжего де двора караулщики уви|дев то что он ѕа ним Мишкою гоняетца і послыша | крык караул взявъ их привели на сѣзжеи | двор

А другои приводнои члвкъ которои приве|ден пьянои в допросе скаѕался села Красног | тяглецъ [3]Кирюшкою ѕовут Попов[3] живет де он боярина кнзь Ми|хаила Яковлевича Черкаского на орининском | дворѣ у панамаря у Мишки а чеи снъ | того не упомнит сего де числа пил он у своеи бра|тьі у новиков которые учали с ними |

торговат на крѣсцѣ а тѣ де люди с кем онъ | пил церковники а от которои церкви і как | их ѕовут того он не вѣдает і сего де числа | тот пушкар Мишка схватил с него шапку су|л. 6|конную красную с астраханскою овчиною теплую | і он де Кирюшка учал ѕа ним Мишкою хо|тя у него тоѣ свою шапку отнят гонят|ца і ѕакричал караул а как де он Мишка | с него тоѣ шап[4] сорвал і то де видели мно|гие люди которые тут торгуют книгами і розными оловянными і жестяными | товары і он де в том на тѣх торговых | людеи шлетца безотводно і стрелцы де пос|лыша от него Кирюшки крык караул взяв | их привели на сѣзжеи двор

И того ж числа Кирюшкину шапку отцъ ево | Кирюшкин безмѣснои поп Никита Яков|лев на сѣзжеи двор принес а скаѕалъ | что та шапка сна ево Кирюшки и взял | он еѣ на Краснои площади і та шапка | сукна красного овчиннои іспод отдана | сну ево попову Кирюшке Никитину

Приказн. стлб. 1049, л. 5—6

[1] ели *написано по стертому.* [2] *Так в ркп.* [3–3] *Написано над словами* живет де он боярина. [4] *Так в ркп.*

Привод и расспрос извозчика Е. Кириллова

2 мая 1686 г.

|л. 11| РЧД *г* маия въ В *де* по ȣказу великих гсдреи цреи и великих | кнзеи Іоанна Алеѯѣевича Петра Алеѯѣевича | всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі самѡ|держцевъ и по приказу столника Василя Аврамѡ|вича Лопȣхина да дяка Ивана Чистово столни|ка и полковника Борисова полкȣ Головнина стрелецъ | Петрȣшка Карповъ с товарыщи ходили *де* ѡни | в Китае городе для осмотрȣ караȣлȣ и на Вар|варскомъ *де* кресцѣ взяли извощика | на возжах и привели на сѣзжеи двор

А в роспросе извощикъ сказал Евсютъкою | зовȣтъ Кирилов снъ Алеѯѣевъскои де слобо|ды тяглецъ а живетъ *де* онъ Евъсютка | Семеновскои слободы ȣ тяглеца Дмитреика Андрѣ|ева из наимȣ и от него *де* Дмитреика он Евсютка | извосщичаетъ и сего *де* числа ѣхал онъ Евсют|ка Варварскою ȣлицею и на Варварскомъ *де* | кресцѣ взяли ево Евсюткȣ стрелцы что | онъ Евсютка ѣхалъ на вожжахъ и взявъ | привели на сѣзжеи двор а живетъ *де* онъ | Евсютка ȣ него Дмитреика с порȣшною за|писю

Приказн. стлб. 1049, л. 11

Челобитье крестьянина И. Филипьева

5 мая 1686 г.

|л. 15| РЧД *г* маия въ Е *де* билъ челомъ великим гсдрем | цремъ и великимъ кнземъ Иѡанну Алеѯѣевичю | Петрѹ Алеѯѣевичю всеа Великия і Малыя | и Бѣлыя Росиі самодержцемъ а *в* Китае | городе на сѣзжемъ дворѣ столнику Василю | Аврамовичю Лопухину да дяку Ивану Чис|тому словеснѡ столника Василя Семено|ва сна Рѹмянцова крстьянинъ ево Ивашко Ѳи|липьевъ в словесномъ своемъ челобите | сказал сидит де ѡнъ Ивашко в манатеиномъ | и бумажномъ ряду в лавке и сего *де* числа | сторговал было ѡнъ Ивашко бумаги новои у бгомол|ца полчетверта ѳѹнта и тои бумаги тот бго|молецъ ему не продалъ и после того при|шед къ ево Ивашкове лавке того *ж* манатеи|ного и бумажного реду торговои члвкъ | Евстиѳеико Аѳонасевъ стал ево Ивашка | бранит невѣдомо ѕа что и наѕывал ево Іва|шка онъ Евстюшка вором и великие | гсдри пожаловали *б* ево Ивашка велѣли | ево Евстюшку взят на сѣзжеи двор і дѡп|росить а *в том* онъ Ивашко шлетца на | дву члвкъ Василья Емелянова да Ва|силья Кирилова на манатеинои и бу|мажнои ряду[1] на торговыхъ людеи | опричь дрѹѕеи ево и хлѣбоясцовъ[2]

И против сего словесного челобитя манатеи|ного и бѹмажного ряду торговои члвкъ | Содовнои слободы Евтюшка Аѳонасев | на сѣзжеи двор сыскан и допрашеван

|л. 16| А в допросе онъ Евтюшка сказал сего *де* | числа сидѣл онъ Евтюшка в лавке | и приходил де к немѹ Евтюшке к лавке | того *ж* рядѹ торговои члвкъ Ивашка Ѳили|пов и вѕял ѹ него Евтюшки бумаги клокъ | и почелъ рвать и он Евтюшка стал емѹ | Ивашке говорить дѣлаешъ *де* ты | дѹрно такъ *де* оѕарники дѣлаютъ | и он де Ивашка пошел от лавке прочь | і учел ево Евтюшку бранит матерно и онъ | Евтюшка против ево брани ево Ива|шку бранил же а вором ево он Евтю|шка не наѕывал и в том он шлетца | того *ж* бѹмажного ряду на торговых | людеі на Василя Емелянова да на Василя | Кирилова и на всѣх редовичь

Приказн. стлб. 1049, л. 15—16

[1] я *исправлено из* е. [2] *Далее иным почерком.*

Челобитье вдовы Феколки

6 мая 1686 г.

|л. 24| РЧД *г* ма*и*я въ Ѕ *де* била чело*м* великимъ | гсдремъ цремъ и великимъ кнземъ | Іоанну Алеѯѣевичю Петру Алеѯѣе|вичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя | Росиі самоде*р*жцемъ а в Китае городе на *с*ѣ*з*жемъ дворѣ сто*л*нику Васи*л*ю | Аврамовичю Лопухину да *д*яку Іван8 | Чистому словесно Дми*т*ровскои̇ *с*о*т*ни [1] | Гарасимава жена Васи*л*ева вдова [2] | Ѳеко*л*ка живе*т* де она на дворѣ | бы*в*шего протопопа у Ивана Лазарева | да на то*м* же дворѣ живетъ | *из* на*и*му патриа*р*шь дамово*и* | кр*с*тьянинъ Ми*т*ка Ма*т*вѣевъ | и сего *де* числа приш*ет* к не*и* о*н* Митка | и ста*л* еѣ Ѳеко*л*ку брани*т* мате*р*но | всякою неподобною бранью и учелъ | еѣ бить па*л*кою не*з*наема за что | и заши*б* еи р8ку до р8ды і в томъ | она шле*т*ца того *ж* двора на | всѣхъ жителе*и* и великие гсдри | пожаловали бы еѣ велѣли евѡ | Митка сыска*т* на *с*ѣ*з*же*и* дво*р* | и про бра*н* и про бо*и* допроси*т*

А по осмотр8 8 то*и* вдовы | Ѳеко*л*ки у лѣво*и* р8ки меѕи*н*|но*и* палецъ зашиби*н* до р8ды | и кожа *з*шибена

И проти*в* сего словесного челобитья Ми*т*ка | Ма*т*вѣевъ на *с*ѣ*з*же*и* дво*р* сысканъ и до|прашеванъ,

|л. 25| А в допросе Митка Ма*т*вѣе*в* скаѕа*л*ся | патриа*р*шь кр*с*тьянинъ живетъ *де* | о*н* Ми*т*ка *из* на*и*м8 на дворѣ бывше*г* | протопопа Ивана Лазарева а вдовы *де* | Ѳеко*л*ке о*н* Ми*т*ка мате*р*ны не бране|ва*л* и не бива*л* и тѣмъ она вдо|ва Ѳеколка поклепала напра*с*но | и в томъ о*н* шлетца на тѣхъ же | люде*и* на которы*х* и она вдова | слала*с* беѕотво*д*но [3]

Приво*д*ны*х* Д а*л*тына В *де* | взято [4]

И противъ сего словесного челобитьа сыски|вано,

А в сыску боярина кнзя Миха*и*ла Яко*в*левича | Че*р*каского Нижегороцкого уѣ*з*ду села Па*в*ло|ва перево*з*у кр*с*тьяне Аѳонка Ивано*в* Ивашка |л. 26| Васи*л*евъ да туленя городовые сл8|жилые люди Ѳедоско Акимо*в* Вику*л*ка Па*н*|ѳило*в* Аѳо*н*ка Петро*в* скаѕали по светѣ*и* | непор8чно*и* ева*н*гелско*и* заповеди гсдни | е*и* же е*и* е*и* то они видели что Митка | Ма*т*вѣевъ приступа*л* ко вдовины*м* | Ѳеко*л*кины*м* хорома*м* с палкою и брани*л* | еѣ мате*р*ны и би*л* па*л*кою и ки*р*пича*ми* | браса*л* то и*х* и скаска,

В сыску *ж* о*т*ставно*и* [5] солдатъ [6] Аве*р*чка Кри|са*н*ѳо*в* да Ипацкого м*н*стря кр*с*тьяни*н* | Ѳе*д*ка Лево*н*тье*в* скаѕали

по светѣи не|пор8чнои евангелскои заповеди гсдни | еи же еи еи то они видили что патриаршъ | крстьянин Митка Матвѣев вдов8 | Өеколку бил и бранил матерно скаред|-ною бранью и называл еѣ блядкою | и своднею то нша и скаска

В сыску ж реитарского строю прапоршик | Григореи Микитин снъ Млоцкии | скаѕал по светеи непоручнои евангел|скои заповеди гсдни еи же еи еи то он | виделъ что патриаршъ крстьянин | Матка[7] Матвѣевъ вдову Өеколку | бранил всякою неподобною скаредною | бранью и приступал к хоромам еѣ с пал|кою то моя и скаска

Приказн. стлб. 1049, л. 24—26

[1] *Написано по стертому.* [2] ова *написано по стертому.* [3] *Далее вторым почерком.* [4] *Далее первым почерком.* [5] *Буква* о *исправлена из* ы. [6] ъ *исправлено из* ы. [7] *Так в ркп.*

Челобитье сапожника Ф. Трофимова

6 мая 1686 г.

|л. 21| РЧД *г* маия въ Ѕ *де* билъ челомъ великимъ | гсдремъ цремъ и великимъ кнземъ | Іоанну Алеѯѣевичю Петру Алеѯѣевичю | всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі | самодержцемъ а в Китае городе на сѣз|жемъ дворѣ столнику Василю | Аврамовичю Лопухину да дяку Иван8 | Чистому словесно Семеновские слободы | сопожникъ Өедка Троөимов живет де он | 8 вдовои попадi Марөы у цркви | хрстввы мчнцы Варвары в особои избѣ | из наиму и сего *де* числа приходил к нему | незнаема какова чину члвкъ напився | пьянъ и 8чел 8 нег окошки ломат и выло|мал оконницы и бил де ево Өедк8 | по шекамъ и за волосы ево дралъ | и жену ево по шекамъ бил же и бра|нил всякою неподобною бранью | и называл воромъ и мошенником | и в том онъ шлетца на тоговыхъ[1] людеi и на сопожников на многихъ | людеi i великие гсдри пожаловали | бы ево велѣли того члвка вѕят | на сѣзжеи двор и ево допросит | а при комъ он бил и бранил и окошки | ломал и тѣмъ людем принесет он | Өедка роспись

И против сего словесного челобитья | приводнои члвкъ Гришка на сѣзжеи | двор сысканъ и допрашеван

|л. 22| А приводнои члвкъ в допросе скаѕался | завут де ево Гришкою Аникѣевъ | Ардыские[2] слободы теглецъ торгует | де он на Варварскомъ кресцѣ по|дошвами[3]

и сего *де* числа приходи*л* | о*н* Гришка к сапо*ж*нику а какъ ево | заву*т* того онъ Гришка не *з*наетъ | вина пить и тотъ сопо*ж*никъ | вина ему не да*л* и ста*л* ево брани*т* | и бить не*з*наема за что а онъ *де* | Гришка ево Ѳе*д*ку не бивалъ | и не бранива*л* и за волосы не ди|ра*л* и жены ево по щекамъ | не бива*л* же и воро*м* и моше*н*нико*м* ево | не наѕыва*л* и окошекъ не ламо|ва*л* и тѣмъ о*н* Ѳе*д*ка поклепалъ | ево Гришку напрасно и в томъ | о*н* шлетца на тѣ*х* люде*и* кото|рые на дворѣ ꙋ неѣ были[4]

Приво*д*ны*х* Д а*л*тына В *де* | взято[5]

|л. 23| И против сего словесного челоби*т*я сыскивано

А в сыску Кожевные слободы Ѳе*д*ка | Петро*в* Ѧрославля города посацкои | члвкъ Дароѳѣ*и*ку[6] Еремѣева сказали | по светѣ*и* непорꙋчно*и* ева*н*гелско*и* заповеди | гсдни е*и* же е*и* в пра*в*ду то они видили | вчерашнего *де* чи*с*ла приходи*л* де подоше*в*|никъ Гришка Аникѣевъ Семеновские | слободы к сапо*ж*нику к Ѳе*д*ке Троѳимову | к окошку и ста*л* око*н*ницу ломать и Ѳе*д*ку | Троѳимова в окошка[7] бить и за волосы | драть а жены ево[8] по щекамъ не би*л* | и бранили*с* они промежи себя матерно | и моше*н*нико*м* ево Ѳе*д*ку о*н* Гришка наѕы|ва*л* то и*х* и скаска

Приказн. стлб. 1049, л. 21—23

[1], [2] *Так в ркп.* [3] а *исправлено из какой-то другой буквы.* [4] *Далее вторым почерком.* [5] *Далее первым почерком.* [6] *Так в ркп.* [7] а *исправлено из* у. [8] в *исправлено* из ѣ.

Челобитье оброчного крестьянина Г. Григорьева

8 мая 1686 г.

|л. 28| РЧД *г* ма*и*я въ И *де* би*л* чело*м* великимъ гсдремъ цремъ | и великимъ кнеземъ Іоанну Алеѯѣевичю Петрꙋ | Алеѯѣевичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя | Росиі самоде*р*жцемъ а в Китае горо*де* на *с*ѣ*з*же*м* | дворѣ столнику Васи*л*ю Аврамовичю Лопухину | да *д*яку Ивану Чи*с*тому словесно села Покро*в*ского | оброчно*и* кр*с*тьяни*н* Гришка Григо*р*евъ сиди*т* о*н* | в лапотномъ ря*ду* за тавары и сего *ж* де чи*с*ла | того *ж* рядꙋ то*р*гово*и* члвкъ Харито*н*ка А*н*дро|по*в* брани*л* ево Гришку и бе*з*чести*л* и великие гсдри | пожаловали бы ево Гришку велѣли ево | Харито*н*ка сыска*т* на *с*ѣ*з*же*и* дво*р* и допроси*т* | а при ко*м* о*н* Харито*н*ка ево Гришку брани*л* и бе*з*че|сти*л* и тѣ*м* лю*де*мъ принесетъ о*н* Гришка ро|спись

И против сего словесного челобитья када|шевецъ Харитонка Андронов сидит де | он в лапотном ряду за товары и сего де | числа того ж ряду Гришку Григорева бранил | напративку для того что он Гришка бранил | ево Харитонку и называл слизомъ | и в том он Харитонка шлетца на тѣхъ ж | людеі на которых и он Гришка шлетца

Приказн. стлб. 1049, л. 28

Челобитье торгового человека М. Григорьева

2 июня 1686 г.

| л. 96 | РЧД *г* июня въ В *де* бил челомъ великимъ гсдремъ | цремъ и великимъ кнземъ Іоанну Алеѯѣе|вичю Петру Алеѯѣевичю всеа Великиѧ | и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержцемъ | а *в* Китае городе на сѣзжемъ дворѣ столнику | Василю Аврамовичю Лопухину да дяку Ивану | Чистому словесно нижнего маскатилногѡ | ряду торговои члвкъ Матвѣи Григоревъ | в словесном своемъ челобитьѣ скаѕалъ | июня *де* въ А *де* был он Матвѣи в гостях в Хо|мовниках и пошел дамои и пришел к Москвѣ | рекѣ и стал через неѣ переѣзжать в лот|ки и *з* друтова берега прибежал того *ж* | маскатилного ряду торговои члвкъ Петръ | Анкидинов в однои рубашки незнаема длѧ | какова вымослу і вошед в воду посеред реки | опракинул ево Матвѣя и он вышел из реки | мокръ и стал ему Петру говорить | за что *де* ты выпракинул и он Петръ | стал на него Матвѣя бит брасатца и похвалялся | зарѣѕать ножемъ и называлъ | ево псомъ и великие гсдри пожаловали бы | ево Матвѣя велѣли ево Петра сыскат | на сѣзжеи двор и допросит а при комъ | он Петръ ево Матвѣя из [1] лотки в реку выпро|кинул и в том он шлетца на брата ево родного на Алеѯѣя Анкидинова Болших | Лужников на Тимоѳѣя Маѯимова да | на перевощиков которые ево Матвѣѧ | перевоѕили а какъ их завут того онъ | не знаетъ да гостиные сотни | на Алеѯѣя Григорева да на спа|ского попа что за Москвою рекою |л. 97| и против сего словесного челобитья нижнего | маскатилного ряду торговои члвкъ Петръ | Анкидинов на сѣзжеи двор сыскан и до|прашеванъ

А в допросе он Петръ скаѕал июнѧ въ А *де де* | на Масквѣ рекѣ против Крымского броду | он Петръ был а маскатилного ряду | торговаго члвка Матвѣя Григорева | из

лотки *он* в во*ду* не вываливa*л* и ноже*м* | рѣѕать не по*х*-валя*л*ся и би*т* ево не бра|са*л*ся и псомъ ево не наѕыва*л* тѣмъ | *он* Ма*т*вѣ*и* поклепа*л* ево Петра напрасно | и в томъ *он* шлетца на перевощиковъ | на тѣхъ *ж* на которы*х* и *он* Ма*т*вѣ*и* сла*л*ся | опричь брата своево Але҃ѯѣѧ и[2] | Тимоѳѣя Ма҃ѯимова и Алѣ҃ѯѣя Григо*р*|ева

Приказн. стлб. 1049, л. 96—97

[1] и *написано по* в. [2] *Написано по каким-то другим буквам.*

Челобитье пирожника М. Анисимова

21 июня 1686 г.

|л. 141| РЧД *г* іюнѧ въ КА *де* би*л* челомъ великимъ гсдремъ цремъ | и великимъ кнземъ Іоанн8 Але҃ѯѣевичю Петр8 Але҃ѯѣе|вичю всеа Великия і Малыя і Бѣлыя Росиі самоде*р*жце*м* | а в Китае городе на *с*ѣѕжемъ дворѣ сто*л*-ник8 | Васи*л*ю Аврамовичю Лоп8хин8 да *д*як8 Иван8 Чистом8 | словесно любимецъ поса*д*цко*и* члвкъ Митка Анисимѡ*в* | в словесномъ своемъ челоби*т*е сказалъ сего *де* числа | ходи*л* ѡнъ Митка Конюшенно*и* авчинно*и* слободы *от* Ивана | Е*р*молаева по редамъ і продова*л* пироги с рыбою и какъ *де* | ѡнъ Митка б8детъ ве*р*хнегѡ прясла 8 погребѡвъ | і в то *де* число ево Митку зазвали в погре*б* незнаема какѡ|ва чину люди і учели *де* тѣ люди ево Митку в погреб8 | по шекамъ бить і пироги *де* 8 негѡ Митки *от*нели і *от*ня*в* | тѣми пирогами по немъ Митки брасали і ѕа тѣ пи|роги днгъ ему Митки не ѕаплатили ничегѡ а по ценѣ | тѣ*х* пироговъ 8 него Митки на ла*т*ке была на четы|ре алтына на *д*ве деньги да 8 негѡ *ж* Митки на ла*т*ке | было что ѡнъ продова*л* пираги восмь алъты*н* | две деньги і тѣ деньги у негѡ Митки тѣ люди *от*би|ли і россыпали і великие гсдри пожаловали *б* ево Ми*т*к8 | велѣли тѣ*х* люде*и* которые ево Митку били і пироги | і деньги *от*нели сыска*т* на *с*ѣзже*и* дво*р* і допросить | а в томъ ѡнъ Митка шлетца на погре*б*шика в которо*м* | погреб8 тѣ люди ево Митку били і на саешнико*в* і на ины*х* | стороння*х* люде*и* а хто имены і тѣмъ людемъ принесе*т* | ѡнъ Митка роспис

А по ѡсмотр8 у него Митки на латке пирого*в* нѣтъ только по*л*тара бирога[1] розламонѡ

І проти*в* сего словесного челоби*т*я ѡдинъ члвкъ на *с*ѣз|же[2] дво*р* сыска*н* і допрашиванъ

А в допросе ѡдинъ члвкъ сказался пол8кожевницкѡи | сотни Соѳонка Зиновьевъ сего *де* числа былъ ѡнъ | Соѳонъка ве*р*хнего прясла у погреб8 с поса*д*цкимъ | члвко*м* Семеновские слободы с Ыване*м* Костянтинѡ|вымъ і пили *де* ѡни покупа на *с*во*и* днги кра*с*ное пи*т*е | і сего *де* числа ѡнъ Саѳонка у любимо*в*ца у Митки | Анисимова пироговъ не биралъ і и не ломалъ і днгъ | с лотка не о*т*бивалъ і ево Митку по шёкам не бивалъ | і ево Митку не *с*наетъ [3] тѣмъ *де* ѡнъ Митка покле|палъ ево Саѳонк8 нопраснѡ а хто ево Митк8 |л. 142| билъ і тѣхъ *де* люде*и* ѡнъ Саѳонка не знаетъ і за что | 8 ни*х* 8чинилъса крикъ і ссора і тогѡ *де* ѡнъ | Саѳонъка не вѣдаетъ і в томъ ѡнъ Саѳонка | шлетъ [4] на тово *ж* погре*б*шика на коево слалъса ѡнъ | Митька і на ево Митков8 дш8

Приказн. стлб. 1049, л. 141—142

[1], [2], [3], [4] *Так в ркп.*

Челобитье квасника А. Симонова

28 июня 1686 г.

| **л. 143** | РЧД *г* июня въ КИ *де* би*л* чело*м* великимъ гсдре*м* цремъ | и великимъ кнземъ Іоанну Алеѯѣевичю Петру Алеѯѣе|вичю и велико*и* гсдрне блговѣрно*и* црвне и велико*и* княжне | Соѳиі Алеѯѣевне всеа Великия и Малыя и Бѣлыя | Росиі самоде*р*жцемъ а в Китае горо*де* на *с*ѣ*з*жемъ дво|рѣ столнику Васи*лю* Аврамовичю Лопухину да *д*яку Ивану | Чистом8 словесно По*н*кра*т*евско*и* слободы Алешка | Симоновъ квасникъ в слове*с*но*м* челоби*т*ѣ сказа*л* сего *де* | числа води*л* работникъ ево Зинове*и*ка Петровъ | по Красно*и* площади с квасомъ с кушино*м* и какъ | будетъ у Каза*н*ско*и* б*д*цы на Красно*и* же пло|щади и то*р*гово*и* члвкъ что то*р*гуетъ на Красно*и* же пло|щади белугою кашею а какъ ево зав8тъ | того о*н* не *з*наетъ би*л* ево Зинове*и*ку и розби*л* | 8 него куши*н* с квасомъ а квасу в томъ | кушине было на пя*т* копеекъ да копе*и*шно*и* | куши*н* и великие гсдри пожаловали бы ево | Алешку велѣли того члвка сыска*т* на *с*ѣ*з*же*и* | дво*р* и проти*в* челоби*тя* допроси*т* а какъ | то*т* члвкъ ево Зинове*и*ку би*л* и куши*н* с ква|сомъ розбилъ и *в* то*м* о*н* шле*т*ца на пиро*ж*|нико*в* и на кашнико*в* и на кваснико*в* [1] кото|рые т8*т* же тор*г*8ю*т* на Красно*и* площади

И против сего челобитья торговои члвкъ на съз|жеи двор сысканъ и допрашеван

А в допросе сказался Өедоров крстьянинъ | Мичюрина Галицкого уѣзду Тимошкою | завутъ Осиповъ кормитца *де* онъ на Мо|сквѣ торгуетъ кашею на Краснои пло|щади и сего *де* числа квасника *де* онъ | Зиновеика не бивал и кушина с квасом | не розбивал а розщибъли де они квасники | меж себя сами толко *де* он Тимошка | квасника Зиновеика от каши отсылал | прочь и взмаховался на него рукою и в том | он шлетца на тѣх же людеі которые | на Краснои площади торгуют пирогами | и квасом и кашею

Приказн. стлб. 1049, л. 143

[1] *Так в ркп.*

Челобитье подьячего Л. Кашенцова

14 июля 1686 г.

|**л. 164**| РЧД *г* іюля въ ДІ *де* бил челом великимъ гсдремъ цремъ и великимъ | кнземъ Іоанну Алеѯѣевичю Петру Алеѯѣевичю и великои гсдрне | блговѣрнои црвне и великои княжнѣ Соөиі Алеѯѣевне | всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержцемъ | а в Китае городе на съзжемъ дворѣ столнику Василю | Аврамовичю Лопухину да дяку Ивану Чистому словесно | Приказу болшаго дворца подячеи Лаврентеи Кашен|цовъ в словесномъ челобитѣ сказал вчерашнева *де* | числа шел де он Лаврентеи из ветошного ряду | и какъ *де* он будетъ в плетномъ ряду и учел де он | Лаврентеи плети торговать у торговаго члвка | плетного ряду у Семана[1] а чеи он Семен того он | Лаврентеи не знаетъ и онъ Семен за тоѣ плеть | попрашал цѣну у него Лаврентья тринатцат | алтын две денги и он Лаврентеи за тоѣ плеть | ему Семену он Лаврентеи подал шесть алтын четы|ре денги и он де Сенка взяв тоѣ плет и уда|рил ево Лаврентья по спинѣ и великие гсдри | пожаловали бы ево Лаврентья велѣли ево Сенку | сыскат на съзжеи двор и про тот бои допро|сить а при ком он Сенка ево Лаврентья билъ | и тѣм он людемъ принесет имянную роспис а по осмотру у него Лаврентья на правомъ | поку[2] пониже поеснице против ребер заши|бено знать красно и против сего словесного челобитя плетнова ряду торговои | члвкъ Сенка на съз|жеи двор сыскан и допрашеван

А в допросе *он* Сенка Прокоѳьев сказа*л* вчера*ш*нег | де числа приходилъ к лавки ево Прика*зу* | **л. 165**| болшаго дворца по*д*ячеи Лаврентеи Кашенцов | хмелнымъ обычьемъ и спрашива*л* ѹ него Сенки | *он* Лаврентеи пот-цѣпки к че*р*нилницы и *он* Сенка | емѹ Лаврентью сказа*л* что у него по*д*цѣпокъ | нѣтъ и *он* де Лаврентеи ево Сенкѹ у*х*вати*л* за рѹку и ѹчи*л* ево тену*т* *из* лавки во*н* и ѹда|ри*л* ево Сенку по щеки и брани*л* ево мате*р*ны | а *он* де Сенка ево Лаврентьѧ пле*т*ю не бива*л* | в томъ *он* шлетца плетнова рядѹ | на то*р*говы*х* лю*д*еі которые в то число были [3]

Приво*д*ны*х* Д *де* а*л*тына | В *де* взято [4]

И проти*в* се*и* скаски пле*т*нымъ рядомъ то*р*го|выми лю*д*ми сыскивано

А в сыску по светѣ*и* непорочно*и* еванге*л*скои | заповеди гсдни кодошевецъ Ѳома | Васи*л*евъ Казенно*и* слободы Иванъ | Маѯимо*в* сказали в пра*в*дѹ то *де* они ви|дели какъ по*д*ячеи Лаврентеи приходи*л* | к лавки Сенки Прокоѳьева и спрашивалъ | у него хва*с*са и *он* Сенка ему отказа*л* и *он* *из*бра|ни*л* ево Сенку мате*р*но и у*х*вати*л* за рѹку и тену*л* во*н* *из* лавки и пле*т* у него Сенки взя*л* и забраси*л* [5] на кро*в*ю [6] а *он* Сенка ево Лаврентья | плетью не бива*л*

Приказн. стлб. 1049, л. 164—165

[1], [2] *Так в ркп.* [3] *Далее вторым почерком.* [4] *Далее первым почерком.* [5], [6] *Так в ркп.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

Котков Сергей Иванович

Московская речь в начальный период становления русского национального языка

Утверждено к печати Институтом русского языка

Редактор издательства *О. Ф. Рожкова*
Художник *А. Г. Грибов*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технические редакторы *Р. М. Денисова, Е. Н. Евтянова*

Сдано в набор 26/XI 1973 г.
Подписано к печати 16/V 1974 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
Усл. печ. л. 18,9. Уч.-изд. л. 19,4. Тираж 2500.
Тип. зак. № 755. Цена *1 р. 43 к.*

Издательство «Наука»
103717 ГСП. Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21

1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
36	19 св.	дело	дело,
56	21 св.	языковый	языковой
79	16 св.	Козма (?) де*мян*ско*и*	Козма(?)де*мян*ско*и*
109	3 сн.	31	3I
110	18 св.	31	3I
139	22 сн.	Куранты	Куранты.
164	13—14 сн.	Аксиню	Акси*ню*
179	2 сн.	консонатизм	консонантизм
197	19 сн.	(232 об.)$_8$	(232 об.),
221	19 сн.	северно-и	северно- и
248	21 св.	(233).	(233)
253	3 св.	за Дунку	да Дунку
261	11 св.	незавершившегося	не завершившегося
303	7 св.	всемь	всемъ
343	4 сн.	сего | *де*	сего *де*
343	7 сн.	и то де | число	в то де число

С. И. Котков. Московская речь в начальный период становления русского национального языка.

1 р. 43 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»